

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

№ 7

**ЧУВАШСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары 2012

*Учредитель БНУ «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»*

Редакционная коллегия:

Ю.М. Артемьев, доктор филологических наук, профессор,
И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор,
Ю.Н. Исаев, кандидат филологических наук (главный редактор),
В.П. Иванов, доктор исторических наук,
М.Г. Кондратьев, доктор искусствоведения, профессор,
А.В. Кузнецов, кандидат филологических наук,
Г.А. Николаев, кандидат исторических наук (заместитель главного редактора),
Л.П. Петров, кандидат филологических наук,
А.А. Трофимов, доктор искусствоведения, профессор (художественный редактор)

Ответственный редактор

Г.А. Николаев

Чувашский гуманитарный вестник

Чебоксары, 2012. № 7

Научный журнал

Основан в феврале 2006 г.

Выходит 2 раза в год

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2012

© Редакция журнала
«Чувашский гуманитарный вестник»
(составитель), 2012

ЧГВ, 2012 г., № 7
© А. Рона-Таш

ОТ УРАЛА ДО КАРПАТСКОГО БАССЕЙНА. НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО РАННЕЙ ИСТОРИИ ВЕНГРОВ

Языковых доказательств древних угорско-тюркских контактов не существует. В связи с этим нельзя говорить о западносибирской прародине тюрков. Венгеро-тюркские контакты начались с появлением тюрков к западу от Урала (вторая половина V в. н. э.). Общий, используемый и булгарами, и хазарами западный древнетюркский язык называется еще огурским. Его единственный современный представитель – чувашский язык. 115 западнотюркских слов, отсутствующих в чувашском, сохранил венгерский язык.

Ключевые слова: ранняя история венгров, южноуральская прародина, донско-кубанская прародина (реки Донец и Южный Буг), булгары, хазары, западный древнетюркский язык.

Исследования последнего десятилетия дали новые результаты по ранней истории венгров. Подытожим их.

Сибирская угорская прародина?

По бытовавшим ранее мнениям, этносы, говорившие на праугорском языке, в Западной Сибири проживали по соседству с тюркскими народами. Данный взгляд основывался на двух научных гипотезах. Первая. Прародиной тюрков была Западная Сибирь (Дюла Немет). Вторая. В праугорском языке можно выявить тюркские слова, которые только здесь – до распада угорской общности – могли попасть в общий предок языков угорской группы (Геза Барци). Последние исследования в первую очередь подвергли анализу слова угорских языков, считавшиеся заимствованиями из тюркского. Было установлено, что их можно разделить на две группы. Слова первой группы имели неверные этимологии. Тезис об их тюркском происхождении не выдержал более строгого анализа. Такими являются

Андраш Рона-Таш – доктор филологических наук, профессор, действительный член Венгерской Академии наук; e-mail: aronatas3@t-online.hu.

Перевод с венгерского языка на русский **Юдит Дмитриевой**.

венг. *hattuъ* ‘лебедь’, *hyd* ‘бобр’. В качестве аргумента в пользу существования сибирской прародины приводятся обычно слова тюркского происхождения или предположительно тюркского происхождения, которые, правда, встречаются только в венгерском языке, однако имеют фонетические свойства, свидетельствующие о якобы их древности. Такими являются: *nyak* ‘шея’, *nybr* ‘лето’, *nyereg* ‘седло’, *homok* ‘песок’ и *hajy* ‘корабль’, а также глагол *йr-* ‘доходить, прийти’. Исследованием установлено, что *nyak*, *nybr* и *nyereg* не тюркского происхождения, а *homok* и *hajy* не древние, а поздние заимствования из тюркских языков. В случае с глаголом *йr-* в венгерском произошло совпадение древнего угорского и тюркского слов. Этим объясняется необычно широкий спектр семантики. Однако тюркское слово попало в венгерский язык одновременно с остальными тюркскими глаголами.

Во вторую группу входят слова, имеющие хоть и тюркское происхождение, но кроме венгерского встречаются в обоих, или по крайней мере в одном из обско-угорских языков. Выяснилось, что каждое из слов *szu*, *ly*, *nr-* попало в венгерский и обско-угорские языки самостоятельно. *Значит, нет языковых доказательств древних угорско-тюркских контактов.*

Вопрос западносибирской тюркской прародины сошел с повестки дня международных исследований в первую очередь из-за методики. Это, однако, к истории венгров отношения уже не имеет.

Венгры в угорской общности

Временную последовательность тюркско-венгерских ранних языковых контактов можно установить с помощью внутренней языковой хронологии. Для этого нужно фиксировать то, что уже известно о предыдущей эпохе. Во время угорской общности люди, говорившие на венгерском языке, пользовались одним из его диалектов. Этот правенгерский диалект настолько удалился от остальных родственных диалектов, что носители разных диалектов не понимали уже друг друга. Таким образом, венгерский язык окончательно стал самостоятельным. На основе значительного количества лексического материала нам удалось реконструировать лексикон, который являлся общим для венгров и обско-угорских народов, то есть был в языке, на котором говорили общие предки ханты и манси. Мы знаем, что в этом языке был звук *sz* [s], который в венгерском перешел в звук *h*, затем исчез, а в древнем обско-угорском он стал подобным начальному звуку в английском слове *think* ‘думать’. Следовательно, венгерское слово *йr* ‘кровеносный сосуд’ в угорской эпохе звучало как *sðre*, позже в правенгерском – *hðre*. После этого *h* и последний гласный исчезли, а первый гласный удлинился. Так образовалось венгерское слово *йr*. Это же слово сегодня в мансийском языке звучит как *tðr*, а в хантыйском – *ler*. Данный процесс доказывается многочисленными словами венгерского

языка: *ell-* (старое слово, исчезнувшее в XV в., означало ‘садиться на лошадь’), *ell-* ‘производить на свет детенышей животных’, *ere, xp* (вид рыбы), *in, ev* ‘гной’, *eszik, igyekszik, avul, arasz, ujj* и многими другими. Известно, что древний звук *k* в словах с задним звукорядом сегодня звучит как *h*. Из угорской формы *kumra* закономерно стало *hab*, так же образовались *had, hbg-, hagu, hagyma, haj, hbj, hajnal, hajnt-* и т.п. А если возникший из *sz* звук *h* в венгерском исчез, почему же не исчез *h*, сформировавшийся из *k*?

На этот вопрос можно ответить, изучив относительную хронологию фонетических изменений. Звук *k* угорской эпохи превратился в *h* после завершения изменений *sz > h > zero*. С помощью этого метода удалось описать алгоритм изменений каждого звука венгерского языка с угорской эпохи до начала контактов с тюркскими языками (2000 г. до н.э.–500 г. н.э.).

Начало венгерско-тюркского языкового сосуществования

Хронологические и географические границы венгерско-тюркского языкового сосуществования можно наметить прежде всего на основе письменных источников. Сведения о народах, говоривших на тюркских языках, содержатся в первую очередь в китайских и византийских источниках, затем к ним добавляются арабские, немного позже появились источники на персидском языке. Небольшие группы источников, таких как тибетских, грузинских, армянских, согдийских, хорезмийских и написанных на других языках, можно использовать для проверки. На основе этих источников составлена таблица, показывающая реконструкцию истории тюрков ранней эпохи.

Древнетюркская эпоха. V–XII века

ЗАПАД		ВОСТОК
• 463 г., западные тюрки в Европе	У	• 553 г., основание Тюркской империи на территории современной Монголии
• 506 г., сабирская гегемония		• 572 г., первая надпись на согдийском языке
• 555 г., авары	Р	• 720 г., тюркские рунические надписи
• 568 г., тюркская делегация в Византии во главе с согдийцами	А	• 740–840 гг., Уйгурская тюркская империя
• 650–680 г., Булгаро-тюркская империя Кубрата	Л	• 840–1112 г., Киргизская империя
• 670 г., – дунайская Болгарская империя (Аспарух)		• Сотни памятников языка руническим, уйгурским, манихейским, арабским, китайским письмами
• 680–972 г., Хазарская империя		

Как видно, тюрки прибывают на территорию к западу от Урала во второй половине V в. С этого времени можем считаться с венгерско-тюркскими контактами.

Западные древние тюрки в Европе

Европейское присутствие тюрков, значит, намного старше, чем появление там османских турков (1453 г., взятие Константинополя). В раннем Средневековье стали значительными две империи европейских тюрков: болгарская и хазарская. В последнее время значительно продвинулось вперед исследование обеих. Между 635 и 680 гг. процветала Булгаро-тюркская империя кагана Кубрата. Последние исследования показали, что данная империя располагалась не в Прикубанье и Предкавказье, как раньше предполагали, а между реками Донец и Южный Буг. О ее вожде Кубрате известно, что он окрестился в Византии, и что первые элементы христианства к тюркам попали через его двор. После смерти Кубрата (680 г.) Булгарскую империю, вероятно с помощью венгров, разгромили хазары. С этого времени начались передвижения тюркских племен. Некоторые из них добрались до Италии. Другие группы нашли временное пристанище в расположенной в Карпатском бассейне Аварской империи. Под предводительством одного из сыновей Кубрата Аспаруха они основали Болгарию (Дунайскую Болгарию) на нижнем течении Дуная. Другой сын Кубрата Бат Баян, помирившись с венграми, остался на том же месте. Однако позже, воспользовавшись нападением арабов на хазар (737), двинулся к северу – вверх по Волге. Вместе с ним шла и группа венгров. Это венгры, которых в 1235 г. встретил монах Юлиан между Волгой и Камой. В 922 г. Волжско-Булгарскую империю в качестве члена делегации багдадского халифата посетил Ибн Фадлан. Он подробно описал перешедшую в исламскую веру империю. В его описании сохранилось и несколько волжско-булгарских слов. Волжско-Булгарская империя в скором времени стала значительным фактором в Восточной Европе, союзником арабского халифата, противником хазар.

Язык западных древних тюрков

Тогда как язык восточных древних тюрков насчитывает несколько сот текстов значительного объема, количество источников на языке западных древних тюрков очень ограничено. В Болгарской империи на Дунае с распространением христианства начали писать по-гречески. В византийских надписях сохранилось и несколько одновременных тюркских слов. Особенно важны булгаро-тюркские числительные с Дуная. Волжские булгары приняли ислам, ставили арабоязычные надгробные памятники. Нам известны многочисленные надгробия XIII–XIV вв. В их текстах содержится несколько тюркских слов, большая их часть – порядковые чис-

лительные. Реконструкция дунайских и волжско-булгарских порядковых числительных и их сравнение – значительный шаг в изучении западного древнетюркского языка.

От хазарского языка остался очень скромный языковой материал. Мы знаем всего лишь несколько нарицательных слов, географических названий, титулов, личных имен. Они требуют очень тщательного изучения. Последние результаты исследований показывают, что *хазарский язык*, вопреки мнению видного венгерского лингвиста Золтана Гомбоца, *по сути дела был тождествен языку болгаро-тюрков*. В последние десятилетия этот общий, используемый и булгарами, и хазарами западный древнетюркский язык принято также называть *огурским*. Преимущество данного названия в том, что оно явно расходится с названием восточного древнетюркского *огузского* языка, его вариант, оканчивающийся на *-r*. Его минус в том, что легко перепутать с финно-угорским этническим названием *угор*.

Сегодня единственный живой представитель западного древнетюркского, или огурского, языка это – *чувацкий*. В то же время еще до эпохи обретения венграми родины с востока появились тюркоязычные группы народов, которые говорили не на западном, а на восточном тюркском языке.

Реконструкция западного древнетюркского языка

До сих пор не было даже попыток реконструировать западный древнетюркский язык. Главной причиной этого явилось то, что тюркологи не знали историю венгерского языка, или знали только из вторых-третьих рук, хотя венгерский язык хранит самые ранние памятники западного древнетюркского языка. Мы смогли доказать западнодревнетюркское происхождение почти четырехсот венгерских слов. Таким образом, открыт крупный источник для исследования западного древнетюркского языка. Венгерское слово *tenger* ‘море’ во всех тюркоязычных памятниках и современных тюркских языках встречается в форме *tengiz*, то есть с *z* в конце слова. Единственно венгерский язык сохранил древнюю западную древнетюркскую форму *tengir*. Также и в случае со словом *kary* ‘кол’: только в венгерском языке осталась западная древнетюркская форма с *r*. Венгерский язык сохранил 115 западнотюркских слов, отсутствующих в чувашском языке. В нескольких случаях тюркское слово встречается и в чувашском, но является заимствованием из другого тюркского языка, как правило, из башкирского или казанско-татарского, тогда как *венгерский язык хранит первоначальное западное древнетюркское слово*.

Нам удалось определить фонетическую систему западного древнетюркского языка, установить сходства с системой восточного древнетюркского и отличия от нее. Также значительно продвинулось исследование морфологии. Западный древнетюркский язык сегодня предстает перед нами уже в новом свете.

История венгерского языка до появления письменных памятников

Знание западного древнетюркского языка значительно способствовало в прояснении вопросов истории венгерского языка. Западнодревнетюркские слова и элементы можно использовать в качестве контрастного материала. Условием для этого является восстановление точной формы слова на тюркской стороне и принятой формы в систему венгерского языка на венгерской стороне. После этого можно рассмотреть, как вели себя тюркские слова в ходе ранней истории венгерского языка. К примеру, проследив историю венгерского слова *sótor* [льатор] в ретроспективе, видим, что в тюркских языках слово начинается на *cs* [и] (*uatnr*), также начиналось и в западнотюркском (*uatur*). В том-то и вопрос: где и когда превратился начальнЫй и в ль? Сегодня уже известно, что слово попало в наш язык с *u*, этот *u* закономерно превратился в *ь* в процессе ранней истории венгерского языка. В то же время венгерский глагол *seper-* [льереп-] ‘подметать’ в тюркских языках встречается с *s* (*sipir-*). Однако в западном древнетюркском, по сравнению с восточным древнетюркским, звук *s* перед *i* уже во времена заимствования был *ь*, то есть заимствованная западнодревнетюркская форма была *ьseper-*.

Не было единого мнения по вопросу о времени формирования долгих венгерских гласных. Сегодня уже знаем, что долгие пары венгерских гласных звуков появлялись постепенно, но большинство их сформировалось после заимствования ранних тюркских слов.

В итоге можно сказать, что *звучание венгерского языка* под тюркским воздействием существенно изменилось. Значительно обогатилась и его *лексика*. Вопрос, однако, в том, что случилось с его *грамматической структурой*.

Система венгерских так называемых «иковых» (оканчивающихся на *-ik*. – *Ред.*) глаголов формировалась еще в правенгерскую эпоху. Заимствованные тюркские глаголы хорошо вписывались в эту глагольную систему. В указанный период венгерский язык заимствовал из западного древнетюркского свыше 70 глаголов. Некоторые из них стали «иковыми» (*csűkik, illik, kűsik, izzik, bocsbűnik, gyűnik, gyűlik, bűporodik, gyűrapodik, kűrűdzik* и т.п.). Глаголы тюркского происхождения, ставшие «иковыми», вписались в глагольную систему и в систему объектного и безобъектного

Древние венгерские глагол и имя	Перевод с венгерского	Глагол и имя тюркского происхождения	Перевод с венгерского
eszik, hal	есть, кушать; рыба	kűsik, hajű	опоздать; корабль
űн enűim a halat.	Я бы ел рыбу.	űн lekűsnűim a hajűt.	Я бы опоздал на корабль.
űн enűik egy halat.	Я бы ел одну рыбу.	űн lekűsnűik egy hajűt.	Я бы опоздал на один корабль.

спряжения венгерского языка. Глагол *eszik* ‘кушает’ и слово *hal* ‘рыба’ имеют древнее венгерское происхождение, а глагол *késik* ‘опаздывать’ и слово *hajó* ‘корабль’ – тюркского происхождения (см. табл. на с. 8).

Ни один из глаголов венгерского языка славянского и немецкого происхождения не вошел в систему «иковых» глаголов.

Где побывали венгры до обретения нынешней родины?

Ответ на этот вопрос зависит от того, где и когда заимствовали венгры тюркские слова. Анализ некоторых венгерских названий растений тюркского происхождения привел к интересным результатам. Часть таких древних названий растений, как *kxris*, *som*, *kurte*, *kyküny*, *komly*, *gyüküny*, *békk*, *gyútylcsüny* (старое венгерское название боярышника), *gyertyón*, *gyurgyfa* (одно из старых названий ольхи), *diy*, *mogyory*, встречается не только в западном древнетюркском, их большинство распространено и в современном осетинском языке. Локализация некоторых названий растений довольно неопределенна, но об одной группе названий, связанной со многими чертами, нельзя уже так говорить. Территория, на которой эти растения сосуществовали, расположена между Доном и Кубанью (для части растений это подтверждается и свидетельствами археоботаники). А из последних исследований мы знаем, что Булгаро-тюркская империя Кубрата находилась между реками Донец и Южный Буг. Многочисленные лингвистические аргументы тоже поддерживают эту локализацию. Два венгерских названия рыб *sxreg* ‘севрюга’ и *tok* ‘осётр’ имеют западнотюркское происхождение. Эти рыбы обитают в Черном море и в впадающих в него реках.

Заимствование приблизительно 500 слов (из них 384 точно западнотюркских) происходило дольше, чем до сих пор предполагалось. Тюркские слова отражают и изменение западного древнетюркского языка. К примеру, пратюркская форма венгерского слова *szül* [sel] изначально звучала как *yel*. В западном древнетюркском языке оно превратилось в *Jel*, потом звучало как *u'el* с сильно йотированным *u*. Наконец, вошло в порядок венгерского фонетического изменения, где йотированный *u* превратился в *s* под воздействием сильно йотированного правенгерского *s'*. Таковы в венгерском языке (кроме *szül*) слова *szörnny*, *szürny*, *szxlx* и *szycs*. Однако большая часть пратюркских слов на анлаутный *y*- попала в венгерский еще с анлаутным *J*, позже превратившимся в *d'* [gy]. Это, например, *gyalöz-*, *gyalom*, *gyanь*, *gyapjь*, *gyapot*, *gyarapodik*, *gyarat/gyórt*, *gyarly*, *gyósz* и другие.

В результате подобных анализов удалось выделить три этапа западного древнетюркского влияния на венгерский язык. Интенсивное тюркское влияние характеризовало первый и второй западнотюркский этапы (V–VIII вв.). На третьем этапе (IX в.) интенсивность тюркского влияния уменьшилась. Это, вероятно, было связано с тем, что венгры постепенно стали

независимыми от ига Хазарской империи. Причиной могла послужить и прослеживаемая на основе письменных источников внутренняя борьба внутри Хазарской империи.

Миграции венгров до X в.

Леведия?

Уже Лоранд Бенкё, Янош Харматта и Лайош Лигети указали на то, что Леведия не могла быть названием самостоятельной венгерской прародины. Леведия была местом дислокации княжеского племени леведи, и как таковое частью Этелкёза. Когда центральная власть от племени леведи перешла к венгерскому племени под предводительством Арпада, независимость от хазар стала окончательной.

Лингвистическим анализом из этой эпохи можно выявить несколько старых славянских слов, которые из западного древнетюркского примерно одновременно попали и в восточнославянский, и в венгерский языки. Та-

кими являются *bǒj, bŷr, bilincs, kŷp, szǒm, terem, tolmǒcs*. Данные процессы заимствования могли происходить только во время пребывания в Этелкёзе.

Учитывая все это, историю венгров до обретения им родины можем изобразить на карте («A magyarok vőndorlősa») (см. с. 10).

Литература:

Ryna-Tas, A.: Turkic influence on the Uralic languages. In: Sinor, D. (ed.): *The Uralic languages*. Leiden, 1988, 742–780.; Ryna-Tas, A.: *A honfoglalő magyar nép*. Вр., 1996; Ryna-Tas, A.: *Hungarians and Europe in the Early Middle Ages*. Вр., 1999; Ryna-Tas, A.: Where was Khuvrat's Bulgaria? *Acta Orientalia Hungarica*, 53 (2000), 1–22; Ryna-Tas, A.: Нйћбны megjegyzőis faneveinkről, *Magyar Nyelv*, 100 (2004), 260–273, 419–438; Ryna-Tas, A.: Turkic-Alanian-Hungarian Contacts. *Acta Orientalia Hungarica*, 58 (2005), 205–213; Ryna-Tas, A. – Berta, B. – Kőroly, L.: *West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian*. I–II., Wiesbaden, 2011.

A. Rona-Tash

FROM THE URALS TO THE CARPATHIAN BASIN. NEW RESULTS OF RESEARCH IN THE PROTOHISTORY OF HUNGARIANS

There are no linguistic evidences of ancient Ugrian-Turkic contacts. Therefore one cannot speak about the Western-Siberian proto-fatherland of the Turks. The Hungarian-Turkic contacts started with the appearance of Turks to the west of the Urals (second half of the 5th century A.D.). The common western ancient Turkic language used by both Bulgars, and Khazars is also called Ogur. The only modern representative of this language is Chuvash. The Hungarian language has preserved 115 western-Turkic words missing in the Chuvash language.

Key words: protohistory of Hungarians, southern-Ural proto-fatherland, Don-Kuban proto-fatherland (the Donets and Southern Bug rivers), Bulgars, Khazars, western ancient Turkic language.

**КРЕЩЕНИЕ И ХРИСТИАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ
ПРИВЕРЖЕНЦЕВ ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЙ
ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА
В 1830–1913 ГОДАХ:
ОПЫТ ИСТОРИКО-
СТАТИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА**

**ЧГВ, 2012 г., № 7
© Р.Р. Ишakov**

Статья посвящена исследованию реализации курса государства и духовного ведомства на крещение и христианское просвещение представителей традиционных верований Волго-Уралья в 1830–1913 гг. Иллюстрируются изменения в сфере конфессиональной политики имперского руководства, приведшие к переходу к более осмысленной христианско-просветительской деятельности Русской православной церкви в регионе. Даны статистические данные о численности приобщенных к православию «язычников», показывающие реальные результаты этой деятельности.

Ключевые слова: межконфессиональные отношения, христианизация, традиционные верования.

Хотя в ходе массовых крещений нерусских народов в XVIII в. Русской православной церкви и удалось добиться существенного расширения социокультурного пространства православия в Волго-Уральском регионе, тем не менее и в XIX в. «истинное язычество» продолжало занимать в нем значимые позиции. На данной территории группы приверженцев «веры предков» продолжали составлять устойчивые относительно многочисленные сообщества. Само их существование имело исключительно важное значение для сохранения этнической культуры местных «инородцев», их религиозно-мифологических, бытовых и природно-экологических представлений, базировавшихся на политеистической традиции. Оставшиеся очаги «истинного язычества», подпитывавшие через культурные и семейно-брачные контакты этническую среду нерусского населения и являвшиеся «форпостами» традиционалистского уклада жизни, длительное время позволяли им устойчиво развиваться, а региону – сохранять мультикультурный и поликонфессиональный характер.

Радик Равильевич Ишakov – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; e-mail: ishakov83@rambler.ru.

«Языческие» представления и мировоззрение «инородцев», в том числе представителей местного нерусского населения, официально числившихся православными христианами, являлись важнейшими составляющими их этнической идентичности. Отказ от «старой веры» для них было равносильно отказу от своей самобытности, потере связи с предками, культурными корнями этноса. Не случайно в языках местных народов для обозначения приверженцев традиционных верований применялись такие термины, как «истинный», «настоящий» чуваш, удмурт, мари («чӑн чӑваш», «чимарий», «чын удмуртъес»)¹. Напротив, прозелиты, живущие «по-русски» – в православии, воспринимались в патриархальном обществе местных народов (за исключением мордвы и отчасти – горных марийцев) как лица, потерявшие наряду с «чистотой» веры предков и важную часть своей этнической идентичности.

Территория расселения представителей традиционных этнических верований охватывала широкую область Волго-Уральского региона. Для наглядности приведем статистические данные, подготовленные губернскими статистическими комитетами и дирекциями народных училищ в 1868–1869 гг. по распоряжению попечителя Казанского учебного округа П.Д. Шестакова. Они дают общую картину этноконфессионального состава коренного нерусского населения края (см. табл. 1).

Таблица 1

Численность представителей коренного нерусского населения (за исключением татар и башкир) по конфессиональному статусу в губерниях Волго-Уральского региона по данным губернских статистических комитетов и дирекций народных училищ за 1869 г.²

Губернии	Чуваши		Удмурты		Бесермяне		Марийцы		Мордва		Пермяки	
	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б	а	б
Казанская	353 760	6 812	5 258	2 459	-	-	97 899	4 105	18 405	-	-	-
Симбирская	104 228	32	-	-	-	-	-	-	149 069	-	-	-
Самарская	53 241	3 930	1 257	-	-	-	-	-	176 536	-	-	-
Саратовская	10 000	-	-	-	-	-	-	-	94 000	-	-	-
Вятская	-	-	205 169	14 143	1 374	70¹	90 992	9 614	-	-	7 650	-
Пермская	-	-	-	2 953	-	-	3 392	6 329	-	-	61 103	-
Уфимская	30 729	3 567	1 994	18 000	-	-	4 172	47 000	18 650	-	-	-
Оренбургская	87	587	-	-	-	-	-	-	12 728	1 563	-	-
Итого	552 045	14 928	213 678	37 555	1 374	70	196 455	67 048	469 388	1 563	68 753	-

а – крещеные; б – некрещеные.

Как видно из приведенных данных, группы приверженцев традиционных верований в той или иной степени были представлены во всех этнических сообществах региона за исключением русских, татар, башкир пермяков и бесермян. Наряду с традиционными местами компактного проживания представителей этих народов в XVIII – начале XIX в., за счет

естественной миграции отдельные группы переселенцев из чувашей, удмуртов, марийцев и мордвы закрепились на новой территории Приуралья. Одной из основных причин мощного переселенческого движения «кинородцев» на восток стала политика правительства, направленная на принудительное насаждение в их среде православия во второй трети XVIII в. Этим можно объяснить тот факт, что на территории Оренбургской и Уфимской губерний, где вплоть до второй половины XIX в. активность православной церкви и государства в распространении христианства была низкой⁴, образовались наиболее многочисленные и устойчивые группы «язычников». У отдельных этнических сообществ численность «язычников» превышала число лиц, официально принадлежавших к православной конфессии. Так, в Оренбургской и Уфимской губерниях из 19 994 удмуртов 18 000 являлись «язычниками», что составляло 90,02 % от их общей численности. В этих же административных единицах из числа мари приверженцами политеизма были 47 000 чел. (91,84%). Лишь численность официальных христиан из числа чувашей и мордвы была выше, чем их некрещеных соплеменников: у чувашей соответственно 30 816 чел. (88,12%) и 4 154 чел. (11,18%), у мордвы – 31 378 чел. (95,25%) и 1 563 чел. (4,75%). Основной областью расселения представителей традиционных верований в Волго-Камье являлись Казанская, Вятская и Самарская губернии. Здесь проживало некрещеных чувашей – 10 742 чел. (2,57% от их общей численности в этих губерниях), мари – 13 719 чел. (7,26%), удмуртов – 16 602 чел. (7,27%). Особой конфессиональной целостностью отличались удмурты Пермской губернии, практически полностью относившиеся к последователям «веры предков». Наиболее крупные религиозные сообщества последователей традиционных верований сохранились у марийцев – 67 048 чел. (34,12% от их общей численности), удмуртов – 37 555 чел. (17,57%), чувашей – 14 928 чел. (2,7%). Всего же по данным губерниям числилось 121 094 «официальных» «язычника».

В целом можно отметить, что в середине XIX в. традиционные верования продолжали играть важную роль в культурно-религиозном пространстве Волго-Уральского региона, а мир «язычества» включал в себя далеко не только официальных последователей веры предков, но и более многочисленные группы «язычествующих» и «двоеверов» из числа номинальных христиан, в религиозных представлениях которых «языческие» представления продолжали играть доминирующую роль. В связи с этим миссионерская деятельность в отношении «язычников» и борьба за «искоренение языческих заблуждений» продолжала занимать важное место в политике государства и православной церкви, оказывая влияние на этноконфессиональные процессы в среде нерусского населения Волго-Уральского региона.

Несмотря на модернистские изменения в конфессиональной политике имперского руководства России, в последней трети XVIII – начале XIX в. приведшие к выстраиванию относительно терпимого отношения к «иноверческим» религиозным объединениям, императивами внутривластиче-

ского курса государства оставались патерналистский подход в решении межконфессиональных вопросов и поддержка усилий православной церкви по распространению идей христианства среди представителей других религиозных групп. На протяжении всего XIX в. правительство сохраняет курс на проведение христианизации «инославного» и «иноверческого» населения страны, оказывая административную, правовую, финансовую поддержку Русской православной церкви (РПЦ). Правда, взгляды политической элиты на участие государства в этом процессе и формы ее реализации на практике в это время в значительной степени претерпели изменения. Органы верховной власти продолжали видеть в христианизации, как и в русификации, наиболее верный и последовательный путь к прочной интеграции нерусских народов в российское сообщество. Данное мнение подкреплялось культурно-историческими реалиями складывания Российской империи, способствовавшими укоренению взгляда на принадлежность к господствующей конфессии как одной из основных критериев «русскости», лояльности граждан к фигуре православного царя.

Сложившаяся система государственно-церковных отношений в России предполагала дифференцированный подход к вопросам поддержки признанных в империи религиозных сообществ, охранения их прав и церковного дисциплинирования. В наиболее привилегированном положении находились господствующее в стране вероисповедание и его общественные институты. Патерналистское отношение государства к РПЦ было связано не только с «особыми» отношениями, сложившимися между светской властью и православной иерархией в ходе длительного периода формирования страны, но и являлось важным аспектом функционирования имперского строя, государственной идеологии. Правовой статус конфессиональных групп в имперском пространстве определялся критерием «истинности», то есть близости их религиозных догматов к учению православной церкви⁵.

В соответствии с этой системой, сконструированной на основе модели секуляризованных государств Западной Европы, в наиболее дискриминационном положении оказались конфессиональные группы, не относившиеся к авраамической традиции, обозначавшиеся в официальных делопроизводственных документах под общим термином «язычники»⁶. Хотя *de facto* со времени правления Екатерины II политеистические культы народов Волго-Уралья, наряду с другими религиозными верованиями, представленными в регионе, были признаны государством, *de jure* государственные структуры как на общеимперском, так и местном уровне часто продолжали игнорировать религиозно-культурные нужды и интересы «язычников», проводили курс на разрушение их религиозной инфраструктуры⁷. Несмотря на то, что эти действия обосновывались желанием предотвратить возможность «соблазна» и апостазии номинальных христиан, вырубка священных рощ и уничтожение других мест «языческого» поклонения были продиктованы среди прочего и желанием уменьшить влияние идей этих религиозных учений в крае, заменить их христианской традицией.

В отличие от позиции государства и церкви в проведении курса на христианизацию мусульманского населения, который в XIX в. стал иметь скорее идеологическое, нежели практическое значение, в отношении представителей традиционных этнических верований сохранялся приоритет на дальнейшую массовую и, по сути, всеобщую религиозную унификацию. Различие взглядов в этом вопросе было связано с целым рядом факторов. В отличие от мусульманской общины, сумевшей сохранить свою конфессиональную целостность в ходе акции по массовому обращению в православие в годы существования Новокрещенских дел конторы, «языческий мир» нерусских народов края понес существенные потери. Большинство представителей коренного нерусского населения, за исключением татар и башкир, было официально обращено в христианство. Это позволяло надеяться на дальнейшее расширение влияния православия среди местного немусульманского населения, что вполне согласовывалось с распространившимися в эпоху европейского просвещения среди политической элиты позитивистскими взглядами, в соответствии с которыми вытеснение «язычества» монотеистической традицией являлось неизбежным и закономерным результатом культурного и религиозного просвещения «темных восточных племен». Именно глубоко укоренившиеся среди русской бюрократии субъективные взгляды на несоответствие политеистических верований местных народов культурному и социальному статусу региона и его жителей, нетерпимое отношение к иному религиозному мироощущению и религиозная ксенофобия способствовали форсированию процесса обращения в православие с использованием административного и полицейского ресурсов. Дополнительным аргументом в проведении этого курса в глазах администрации выступали практические задачи социальной и культурной интеграции «инородческого» населения Волго-Уралья. В отличие от других конфессиональных групп «язычество» не обладало институциональной системой религиозных организаций, не поддавалось полному контролю со стороны государства, практически не могло быть применено в деле продвижения государственной идеологии и формирования верноподданнейших чувств в населении. В связи с этим государственные структуры были заинтересованы в использовании всего спектра возможных механизмов по прочной инкорпорации представителей традиционных верований в общеимперское правовое и социальное пространство, в первую очередь путем их религиозной и культурно-языковой унификации⁸.

Оживление миссионерской деятельности православной церкви в отношении представителей традиционных верований Волго-Уралья отмечается в конце 1820-х – начале 1830-х гг. В это время было санкционировано создание новых миссионерских институтов, направленных на христианское просвещение мусульманского и «языческого» населения края, воцерковление номинальных христиан. Первый такой орган, представленный специальными окружными миссионерами из числа белого (впоследствии и черного) духовенства, был создан в 1827 г. в Казанской епархии. В дальнейшем пра-

вославные миссии учреждаются в Вятской (1830 г.) и Симбирской (1836 г.) епархиях. Активизация миссионерского движения была связана с отмечаемым в это время процессом массового отхода местного нерусского населения от православия в прежние свои верования, охватившим территорию Казанской, Симбирской, Вятской и Оренбургской епархий. Именно с этого времени в церковно-государственных мероприятиях основное место стала занимать деятельность, направленная на прочное утверждение «инородцев» в христианстве, по сути, переход от массового, но формального обращения в православие, к настоящей христианизации, то есть последовательному и глубокому укоренению православия в среде нерусских народов. В отношении коренного немусульманского населения края эта политика выражалась в борьбе за искоренение «языческих суеверий», предполагавшей ликвидацию последних оплотов «истинного язычества», ассимиляции и замене политеистических представлений христианской традицией.

Миссионерскую деятельность духовного ведомства в дореформенный период нельзя однозначно считать составной частью государственной политики, но она имела тесную взаимосвязь с внутривластным курсом самодержавия. Если светские органы власти использовали естественное желание церкви распространить свое учение среди «иноверцев» для продвижения государственных интересов по унификации местного населения, то для православной иерархии поддержка и помощь администрации при отсутствии сложившейся системы миссионерско-просветительских институтов, кадров миссионеров и священнослужителей, обладавших знанием языка и верований «инородцев», являлись одним из условий эффективной деятельности по насаждению христианства. По оценке самих деятелей православной миссии, изучавших историю христианско-просветительской деятельности в регионе, основными причинами принятия православия «язычниками» в первой половине XIX в. были предоставляемые государством налоговые льготы и преференции, содействие в обращении к светским органам власти⁹. Данный тезис вполне согласуется и с фактами массовых крещений чувашей-«язычников» в Самарском и Симбирском Поволжье в 1830–1850-х гг., имевших характер административно-полицейской акции, трудно согласовавшейся с нормами христианской морали и евангельского учения¹⁰. Подавляющее большинство православных клириков этого времени, в том числе и такие известные духовные пастыри и проповедники, как казанский архиепископ св. Филарет (Амфитеатов), казанские миссионеры протоиерей А. Гальбанский и В. Вишнеvский, вятский миссионер протоиерей И. Стефанов, заслужившие своей подвижнической и просветительской деятельностью уважение среди местного населения, не отделяли административные формы воздействия от собственно церковных.

Конечно, не следует однозначно сводить всю деятельность по обращению в христианство представителей традиционных верований в первой половине XIX в. к «полицейскому миссионерству». Безусловно, среди православного духовенства существовали лица, искренне ратовавшие за

распространение «света евангельской истины» среди нерусского населения, полностью отдававшие этой деятельности, стремившиеся донести внутреннее содержание православия до неофитов. Именно с 1830-х гг. в Волго-Уралье начинают складываться предпосылки к формированию осмысленной христианско-просветительской деятельности. Новая миссионерская идеология – у ее истоков стояли такие выдающиеся деятели церкви, как основатель алтайской миссии св. Макарий (Глухарев), «апостол Аляски» св. Иннокентий (Попов-Вениаминов), сибирские миссионеры Парфений (Попов) и протоиерей Д. Хитров (в монашестве Дионисий) – оперировавшая к «истинным» целям православной миссии, заключавшимся в глубоком и всестороннем религиозном перерождении человека посредством религиозного просвещения, проповеди на родном языке, нашла последователей среди православного духовенства Волго-Уральского региона¹¹. Новыми направлениями проповеднической деятельности в этот период стали переводы христианских текстов на «инородческие» языки, открытие церковно-приходских школ, совершение внецерковных собеседований и проповедей. В то же время эта деятельность, безусловно оказавшая определенное влияние на утверждение части номинальных христиан в православии и принятие крещения «язычниками», все же не стала основополагающим фактором в распространении православной традиции среди нерусского населения края, что было связано с ее ограниченными рамками, отсутствием последовательных шагов со стороны церковного руководства в распространении религиозно-просветительских методов.

Рассмотрим непосредственные результаты миссионерской деятельности среди представителей традиционных этнических верований Волго-Уральского региона.

Опираясь на приведенные в табл. 2 данные, можно сделать вывод, что результаты деятельности по обращению в христианство представителей традиционных верований в период с 1837 г. по 1861 г. были довольно значительными и повлияли на конфессиональную архитектуру региона. Наиболее существенное продвижение православия в среду «языческого мира» отмечается в Вятской губернии. Высокая активность РПЦ по христианизации местного нерусского населения была связана с тем, что Вятский край традиционно являлся одним из оплотов «язычества», здесь проживали многочисленные группы ревнителю «веры предков», оказывавших большое влияние на своих соплеменников-христиан. Благодаря усилиям вятских миссионеров, являвшихся пионерами в области инноваций в христианско-просветительской деятельности в регионе¹², а также активной поддержке их усилий со стороны светских структур, в Николаевскую эпоху были практически полностью обращены в православие удмурты Глазовского уезда, уничтожены места их «языческого» культа. Существенны были результаты деятельности православной церкви среди удмуртов и марийцев Сарапульского, Уржумского, Елабужского и Малмыжского уездов Вятской губернии. Всего же с 1837 г. по 1861 г. было крещено до 18% всех проживавших

Таблица 2

Динамика численности принявших православие представителей традиционных этнических верований по епархиям Волго-Уральского региона за 1837–1861 гг.¹³

Год	Епархии						
	Вятская	Казанская	Оренбургская-Уфимская ¹⁴	Пермская	Самарская	Саратовская	Симбирская
1837	-	43	43	15		60	15
1838	289	42	322	62		18	80
1839	378	32	7	19		212	27
1840	156	26	20	9		89	12
1841	67	34	197	7		46	10
1842	290	13	31	7		18	19
1843	88	9	46	5		32	8
1844	92	16	803	12		39	15
1845	176	45	110	4		29	10
1846	123	-	23	6		43	5
1847	97	57	17	4		37	6
1848	213	30	13	9		-	27
1849	175	28	5	13		1	17
1850	433	7	12	9		-	-
1851	81	11	5	5	29	46	22
1852	41	12	4	10	60	3	1
1853	68	28	13	16	св. нет	-	13
1854	168	50	51	29	123	-	1
1855	375	115	72	17	119	1	24
1856	147	46	6	26	23	1	4
1857	30	9	23	18	9	1	1 006
1858	43	9	22	8	18	-	5
1859	120	23	51	9	26	-	-
1860	95	18	-	13	20	-	-
1861	28	22	-	5	2	-	1
Итого	3 773	725	1 896	337	429	679	1 328

в Вятской губернии «язычников». Не менее значимые результаты были достигнуты в Саратовской и Симбирской епархиях, где в ходе государственно-церковных мероприятий фактически были полностью ликвидированы религиозные общины «истинных язычников» из числа чувашей и мордвы. Причем, если в первой из этих епархий основными причинами принятия «язычниками» православия были культурное влияние на них русского населения в контактных зонах, миссионерская деятельность православного духовенства и предоставляемые государством льготы, то во второй смена конфессиональной идентичности напрямую была связана с грубым административным давлением чиновников казенного ведомства и открытыми актами принудительного крещения. С этим связан резкий дисбаланс в показателях крестившихся за отдельные годы по Симбирской епархии. Похожую картину мы видим в Оренбургской-Уфимской епархии. Здесь значительные перепады в численности православных неопитов также мало связаны с активностью миссионерского движения РПЦ¹⁵. Искать ее причины следует в военно-политических событиях в Оренбургском крае в 1830–1840-х гг., связанных с расформированием Ставропольского калмыцкого

войска и переводом его соединений в состав оренбургского казачества, а также массовыми принудительными акциями обращения в христианство марийцев-«язычников» Бугурусланского уезда. Более скромные результаты отмечаются в Казанской епархии. Здесь было крещено 725 чел., что составляло около 5% от общего количества «язычников» Казанской губернии. Всего же за 25 лет по 6 епархиям¹⁶ Волго-Уральского региона православие принял 7 271 чел., что составляло до 13% от общего числа проживавших здесь в это время «язычников».

Новым этапом в истории христианизации нерусских народов стала эпоха Великих реформ. В это время в религиозной политике государства обозначились две противоречивые тенденции. С одной стороны, признавалась необходимость отказа от активного секулярного вмешательства в дела церкви, отмены законодательных актов о предоставлении различных льгот и послаблений за принятие православия, вступивших в противоречие с нормами морали и взглядами на задачи правовой политики вестернизированного государства, каким должна была стать Россия после либеральных реформ. С другой – рост русского национализма и усиление процесса всеобщей интеграции населения империи, отмечаемые после январского восстания в Польше (1863 г.), способствовали активному использованию конфронтационного пути инкорпорации «иностранцев».

Важнейшими законодательными актами, вводившими новые формы государственного регулирования миссионерской деятельности, стали «Правила о порядке совершения над иноверцами нехристианами св. крещения» от 14 декабря 1861 г. и «Правила учреждения православных братств» от 8 мая 1864 г. Первыми вводились более открытые и цивилизованные формы приобщения к православию. Запрещалось крестить детей мусульман, евреев, «язычников», не достигших 14-летнего возраста без согласия их родителей (пункт 1). Несовершеннолетних «иноверцев» разрешалось обращать в христианство только после шестимесячного утверждения в вере (ранее этот срок не превышал 40 дней) (пункт 3); таинство крещения должно было совершаться только в церкви и в присутствии благонадежных свидетелей или местного начальства, при этом свидетели должны были убедиться в искренности принятия неопитом православия, в знании основ его вероучения (пункт 5)¹⁷. Вторыми предусматривалось создание новой системы организации православной миссии в поликонфессиональных регионах империи. Ее основными органами должны были стать миссионерские религиозные объединения, членами которых могли стать все лица православного исповедания, готовые служить «нуждам и пользе православной церкви для противодействия посягательствам на ее права со стороны иностранцев и раскольников, для создания и укрепления православия»¹⁸. Эти организации создавались на основе частной инициативы, финансировались за счет частных пожертвований и специальных благотворительных и церковных сборов. Государство официально в их деятельности не участвовало, финансовой поддержки им не оказывало.

Принятие этих правил законодательно оформило отказ от активного вмешательства государства в сферу миссионерской деятельности, установило приоритет просветительских форм приобщения к православию. Несмотря на это, как показала практика, администрация, исходя из политических интересов, часто сознательно шла на нарушение декларируемого курса. В частности, в Северо-Западном крае в 1863–1868 гг. полицейскими мерами в православие было обращено более 70 000 католиков¹⁹.

В Волго-Уралье власти проводили более последовательную политику. В отличие от литовских и белорусских губерний, где утверждение господствующего в государстве вероучения среди местного населения воспринималось как акт «восстановления» его в правах в «исконно русских землях», «возвращения» в нее ранее отошедших прозелитов, в Поволжском регионе, где вследствие массовых обращений в христианство в XVIII – первой половине XIX в. единственной крупной неправославной конфессиональной группой оставались мусульмане, проблема дальнейшего расширения влияния православной церкви не являлась столь актуальной политической задачей. В рамках реализации либеральных реформ в Волго-Уральском регионе происходит отмена законодательных актов о предоставлении льгот за принятие господствующего вероучения. 24 марта 1866 г. Александр II утвердил мнение Государственного совета об отмене постановлений о смягчении наказаний членам нехристианских исповеданий, принимающих во время следствия и суда православие²⁰. Сохранив возможности государственного финансового стимулирования принятия крещения для «иноверческого» населения окраины империи (евреев, казахов, калмыков, народов Сибири), государство отказалось от соответствующей помощи для нерусских народов Среднего Поволжья²¹. В ходе проведения военной реформы и введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. была отменена наиболее существенная льгота, предоставлявшаяся за крещение, – освобождение от рекрутской повинности²².

Таким образом, в пореформенный период распространение православия среди «иноверцев» Волго-Уралья стало преимущественно делом церкви. В это время кардинально меняются и взгляды на постановку миссионерской деятельности, заключающиеся в переориентации усилий на опосредственные формы религиозного просветительства. Новые подходы христианского просвещения, заложенные в 1830–1850-х гг., в эпоху Великих реформ приобрели реальные очертания, став основой школьной и миссионерской политики в регионе. Большая роль в этом принадлежала казанским миссионерам-реформаторам, основным идеологом которых стал известный тюрколог, профессор Казанской духовной академии и Казанского университета Н.И. Ильминский (1822–1891). В ходе знакомства с прежней постановкой проповеднической деятельности, изучения жизни и религиозных верований местных народов он пришел к выводу о необходимости кардинальных изменений в миссионерской деятельности РПЦ. В ряде своих работ он высказал принципиально новые взгляды на задачи православной миссии²³.

Основной идеей Н.И. Ильминского был отказ от жесткой привязки христианизации к национальной унификации (русификации). Во многом по причине боязни потерять свое культурное и этническое своеобразие, традиционный уклад жизни с восприятием «русской» веры, православие вплоть до 1860 г. так и не смогло стать «своей» религиозной традицией для большинства народов региона, несмотря на их номинальное крещение. Понимая это, Н.И. Ильминский предложил концепцию «этнизации» православия, гармоничного встраивания христианства в культуру и мировоззрение местного населения, без коренной ломки их этнокультурного поля²⁴.

Н.И. Ильминским была разработана концепция «духовного обрусения инородцев», ввода богослужения на национальных языках, создания национальных кадров православного духовенства. Понимая невозможность добиться существенных результатов принудительными методами, единственной реальной возможностью решить проблему интеграции местного населения в русское культурное и религиозное пространство он считал создание условий, при которых «инородцы» сами захотели бы воспринять православие как основной базис русской культуры и идентичности, что и было в его понимании настоящим, глубоким обрусением²⁵. Важнейшим каналом христианизации должно было стать национальное образование в клерикально-миссионерском духе.

Опираясь на первых ревнителей православия из среды нерусских народов, финансовые возможности общественных миссионерских объединений, Министерства народного просвещения (МНП) и Синода, за относительно короткое время Н.И. Ильминский сумел создать мощную миссионерскую инфраструктуру, включавшую в себя широкую сеть «инородческих» училищ, местные приходские учреждения РПЦ с духовенством из представителей коренных народов Поволжья и Приуралья. С целью христианизации местных народов им была создана научно-методическая база для разработки новых алфавитов «безписьменных» народов Восточной России и переводов православных богослужебных книг на эти языки. Опыт транслитерации татарского языка на основе алфавита титульного населения страны, первоначально задумывавшийся Н.И. Ильминским с чисто утилитарными целями, связанными с утверждением в православии крещеных татар, в дальнейшем был распространен и на языки других коренных народов Поволжья и Сибири. Он стал, по мнению канадского исследователя У. Доулера, не только основой языковой политики российского правительства в восточных пределах государства, но и предтечей аналогичной политики в других европейских империях²⁶.

Стремление церковного руководства к демократизации миссионерского дела, привлечение к христианско-просветительской деятельности мирян, распространение и популяризация идей христианского проповедничества в пореформенный период усилили интерес в обществе к проблемам православной миссии. В церковной и светской печати появилось множество публикаций, посвященных вопросам миссионерства, формировавших опре-

деленный взгляд на личность миссионера, окрашенный романтическими чертами бескорыстного служителя, несущего «свет истины диким народам»²⁷. Само понятие просветительства, по словам И.А. Зеткиной, начало рассматриваться русской интеллигенцией в традициях византийских миссионеров, которые стремились перенести в сознание и души обращенных слово Божие и комплекс современных знаний. Произошло расширение этого понятия до глобального социокультурного феномена²⁸.

Новые миссионерские учреждения РПЦ, значительный рост количества которых отмечается в середине 1860-х гг., строились на качественно новых принципах, основанных на идеях христианского просветительства с новым взглядом на цели миссионерского служения. Эти организации объединяли наиболее ревностных последователей православия, большинство из которых были светскими людьми, искренне ратовавшими за расширение христианства.

16 июля 1865 г. барнаульским купцом А.Г. Мальковым при поддержке архимандрита Владимира (Петров) в Петербурге было учреждено «Миссионерское общество для содействия распространению христианства между язычниками»²⁹. Основной его целью признавалось «распространение православного христианства между язычниками в пределах империи и соседних стран, а также между нехристианами»³⁰. После реорганизации в конце 1869 г. «Миссионерского общества...» (теперь оно начало именоваться Православным миссионерским обществом, далее – ПМО) и принятия в 1870 г. нового устава, произошло значительное увеличение его отделений в регионах империи³¹. Из Петербурга общество было переведено в Москву под управление московского митрополита, ему был придан статус всероссийского распорядительного миссионерского органа, курировавшего все миссионерские организации РПЦ в пределах империи (кроме Кавказа), Японии, Кореи и на Аляске. В немалой степени стремительному увеличению комитетов ПМО способствовало распоряжение Синода, предписывавшее местной духовной власти всесторонне участвовать в организации этих учреждений, ставя «дело об открытии миссионерских комитетов на первую очередь в ряду прочих епархиальных дел»³².

28 мая 1870 г. открылся комитет ПМО в Вятской, 28 февраля 1871 г. – в Самарской³³, 23 ноября 1872 г. – в Пермской³⁴, 7 декабря 1875 г. – в Симбирской, 14 мая 1878 г. – в Нижегородской³⁵, в 1879 г. – в Уфимской епархиях. В Казанской епархии функции комитета ПМО были возложены на «Церковное братство во имя святителя Гурия при Казанском кафедральном соборе»³⁶, учрежденное 1867 г. в день обретения мощей святителя Гурия – 4 октября – по инициативе известного православного проповедника, бывшего начальника православной миссии в Пекине епископа Чебоксарского Гурия (Карпов)³⁷.

Под влиянием Н.И. Ильминского и его сторонников главное внимание в деятельности новых миссионерских объединений стало уделяться развитию православного, конфессионального образования среди местных народов. Особым объектом интереса православных миссионеров в Волго-

Уралье стали группы слабых в христианстве крещеных татар, «язычников» и «язычествующих» «инородцев». Активизация деятельности в отношении представителей традиционных верований наряду с практическими целями приобщения их к христианству была продиктована и опасениями их быстрой исламизации. Сама структура «языческих» верований народов края, обладавшая высокой толерантностью и открытостью к внешним культурным влияниям, позволяла им включать и ассимилировать религиозные и мифологические представления монотеистических традиций³⁸. Но при «критическом росте» этих новых установок могла происходить трансформация самих традиционных верований, приводившая к естественному восприятию ее прозелитами той или иной мировой религии. В ряде случаев в бикультурной среде, где «язычники» испытывали сильное влияние мусульман, действительно отмечался массовый переход местного населения в ислам как в веру более близкую их бытовому и культурному образу жизни, к которой они «привыкли» в окружении татар³⁹. В связи с этим развитие религиозно-просветительских институтов в «языческой» среде для миссионеров было важным еще и потому, что мусульман-неофитов вернуть в прежнее состояние, и тем более обратиться в православие было намного сложнее, чем «язычников»⁴⁰.

Сеть конфессиональных (миссионерских) школ стала важной составляющей сложившейся во второй половине XIX в. системы миссионерских православных институтов. Наряду с обучением грамоте дети знакомились в них с содержанием православия, воспринимали суть христианских обрядов. Из числа учеников создавались здесь церковные хоры, в воскресные дни проводились религиозные собеседования. В 1886 г. указом Синода православным священникам и миссионерам в помещениях школ было разрешено совершение литургии на переносных анимистах и престолах⁴¹. Во время церковных служб учителя и ученики конфессиональных школ участвовали в богослужении, пели православные молитвы на родном языке и пр. Широкое развитие таких учебных заведений позволило значительно расширить присутствие церкви в культурно-религиозной жизни местных народов, сделать доступными православную проповедь и богослужение для основной массы «инородцев». Особое внимание было обращено на привлечение в эти школы детей из среды «официальных» и «неофициальных» «язычников», воспринимавших здесь основы православного вероучения.

Одним из основных направлений деятельности православных миссионеров в регионе стала организация работы по переводу на местные языки богослужебной и миссионерской литературы. В 1867 г. для централизованной деятельности по переводу христианской богослужебной литературы и ее распространению на базе Братства св. Гурия под руководством Н.И. Ильминского была создана переводческая комиссия, подчиненная в 1876 г. непосредственно ПМО. Неформально существовавшая еще до 1867 г., занимавшаяся переводами богослужебных и миссионерских книг для крещеных татар, после открытия Братства св. Гурия комиссия, расширив свои

финансовые возможности и развивая организационную структуру, распространила свою деятельность и на другие крещеные нерусские народы Восточной России, получила право цензуры изданий на этих языках.

Развитие сети миссионерских школ, создание переводов религиозных текстов позволили расширить применение национальных языков в богослужебной практике, привлекать в духовное сословие представителей зарождающейся «инородческой» интеллигенции. В 1867 г. Синодом законодательно закрепляется право на посвящение в духовный сан лиц из среды коренных народов региона⁴². Для этого от них, в отличие от русских кандидатов, не требовалось наличие специального духовного образования. Им было достаточно обладать высокой православной религиозностью, знать основы христианского вероучения и русский язык, достичь 30-летнего возраста и заручиться поддержкой местного епархиального руководства. Благодаря этому представители местных народов получили возможность посещать церковные службы на родном языке, знакомиться с догматами христианского вероучения от православного духовенства из числа их соплеменников. Наряду с вводом богослужения на национальных языках предпринимались шаги по массовому строительству новых церквей, расширению инфраструктуры РПЦ в «инородческих» местностях.

Новации в системе православной миссии, качественное улучшение христианско-просветительской деятельности церкви, приведшие к значительным изменениям в религиозном сознании части номинальных христиан, затронули также и мир «истинного язычества». Благодаря вводу последовательных просветительских методов в школьную и миссионерскую практику, часть «язычников» и «язычествующих» искренне воспринимали православие и пополняли число «руссковеров». Сами «приобретения» церкви среди приверженцев политеистической традиции в пореформенный период отличались от контингента крестившихся предшествующего периода. Главными причинами смены конфессионального статуса «язычниками» стали школьное и религиозное просвещение неофитов, бытовые условия жизни, культурное влияние соплеменников-христиан, смешанные (по религиозному признаку) браки, желание через крещение повысить свой социальный статус в обществе, религиозно-просветительская деятельность православного духовенства и учителей-миссионеров.

Рассмотрим динамику численности крестившихся за период с 1866 г. по 1900 г. (см. табл. 3, рис. 1).

Как видно из приведенных статистических характеристик, за 35 лет на территории 8 епархий Волго-Уралья православие приняли 3 644 «язычника». Сопоставляя их с данными за предшествующее время, можно сделать вывод о значительном снижении количества крестившихся, что было обусловлено как отменой государственных льгот за принятие православия и переходом к просветительским методам миссионерской деятельности, так и исчерпанием в ряде епархий «ресурса» для расширения социокультурного пространства православия за счет политеистических верований. Как и

Таблица 3

**Динамика численности представителей традиционных верований,
принявших православие в 1866–1900 гг.⁴³**

Год	Епархии							
	Вятская	Казанская	Оренбург- ская	Пермская	Самарская	Саратовская	Симбирская	Уфимская
1866	17	28	1	2	418	13	1	13
1867	2	22	-	13	10	3	-	3
1868	11	16	-	3	12	-	-	6
1869	22	17	-	1	-	5	-	2
1870	28	-	-	7	-	-	101	21
1871	22	8	-	9	-	1	-	9
1872	12	-	1	3	-	-	1	240
1873	32	33	1	11	4	-	-	4
1874	44	27	-	29	10	3	-	4
1875	18	13	-	18	16	-	-	4
1876	29	27	12	12	4	-	-	2
1877	22	8	-	3	3	-	-	-
1878	54	4	2	10	9	-	-	2
1879	29	22	-	6	2	-	-	4
1880	15	10	-	15	4	-	4	5
1881	16	16	-	2	7	3	-	3
1882	23	7	24	1	10	1	-	3
1883	22	16	1	4	3	1	-	3
1884	12	12	-	1	7	2	-	-
1885	13	29	-	3	1	1	2	3
1886	17	10	-	5	21	3	-	8
1887	17	20	-	-	23	-	-	4
1888	134	23	3	2	7	-	-	3
1889	141	29	-	8	2	1	1	9
1890	9	8	1	3	15	1	1	-
1891	15	11	-	7	9	-	1	3
1892	35	13	-	18	19	2	-	5
1893	21	18	-	5	25	-	2	-
1894	23	20	43	17	9	-	-	-
1895	30	54	9	5	27	-	4	-
1896	23	28	-	2	41	-	-	3
1897	38	43	-	8	30	-	7	2
1898	8	34	-	2	75	-	7	-
1899	51	107	-	3	73	1	5	-
1900	69	39	-	1	11	-	8	-
Итого	1 074	772	98	239	907	41	145	368

в дореформенное время, наиболее значительные показатели обратившихся в православие характерны для Вятской епархии – 1 074 чел. В среднем в год здесь принимало крещение 30 «язычников». Довольно высокие показатели сохраняются по Самарской (907 чел.), Казанской (722 чел.) епархиям. В них в среднем ежегодно крестилось соответственно 26 чел. и 20 чел. Напротив, значительное снижение крестившихся можно наблюдать в епархиях:

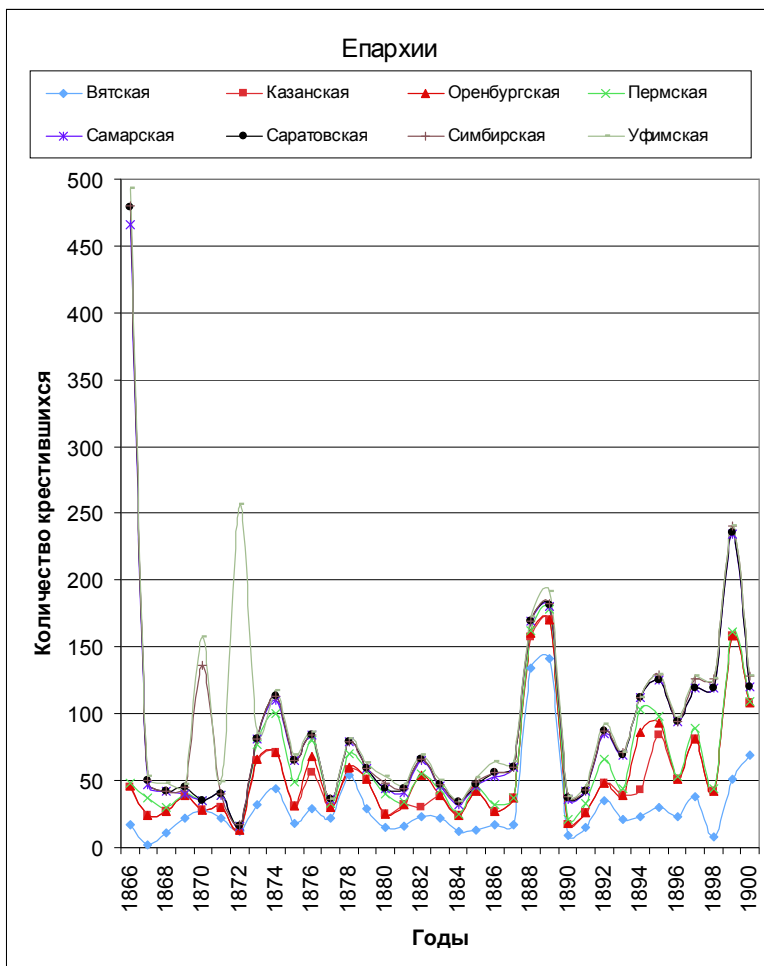

Рис. 1. Изменение численности крестившихся в 1866–1900 гг.

Уфимской – 368 чел., в среднем в год 10 чел.; Пермской – 239 чел., в среднем в год 7 чел.; Симбирской – 145 чел., в среднем в год 4 чел.; Оренбургской – 98 чел., в среднем в год 3 чел.; Саратовской – 41 чел., в среднем в год 1 чел.

Опираясь на приведенные статистические данные, можно утверждать, что, хотя православная церковь и добилась значительных результатов в крещении представителей традиционных этнических верований, полностью проблему приобщения «язычников» к православию она не решила. Потери, понесенные «миром истинного язычества» во второй половине XIX в., хотя и были существенными, все же не имели для общины катастрофического характера. Сокращение численности в «языческих» сообществах за счет выбытия лиц, сменивших конфессиональный статус, компенсировалось естественным приростом населения, вследствие чего общая численность последователей «веры предков» оставалась сравнительно стабильной (см. табл. 4).

**Численность представителей традиционных этнических верований
в губерниях Волго-Уралья по данным Первой всеобщей переписи населения
Российской империи 1897 г.⁴⁴**

Губернии	Численность «язычников»
Вятская	10 906
Казанская	12 474
Оренбургская	18
Пермская	21 382
Самарская	4 864
Саратовская	23
Симбирская	379
Уфимская	98 208
Итого	148 231

Несмотря на многочисленные уверения миссионеров о том, что «язычество» слабеет и держится в «инородцах» лишь по инерции и из-за боязни оставить веру предков, традиционные верования проявляли значительную устойчивость и адаптировались к изменяющейся социокультурной ситуации в регионе. Ярким примером этому может считаться появление в пореформенный период нового религиозного движения в среде крещеных и некрещеных марийцев, оформившаяся в религиозную секту «Кугу сорта» («Большая свеча») в основе которой лежали традиционные религиозные верования марийцев. «Языческие» представления продолжали играть важную роль в религиозных верованиях и большинства крещеных «инородцев». Скрытые от окружающего мира, эти установки открыто проявлялись в периоды экстренных ситуаций в жизни нерусского населения края, связанных с природными катаклизмами – засухой, неурожаем, эпидемиями и т.д. В такие периоды происходило «возвращение» номинальных христиан к прежним верованиям, отмечались массовые «языческие» моления⁴⁵.

Дальнейшее расширение христианско-просветительской деятельности среди представителей политеистических верований в Волго-Уралье наблюдается в начале XX в. Несмотря на возникшие трудности, нарастание кризисных явлений в системе миссионерских организаций, связанных с изменениями социальной и политической ситуации в стране, РПЦ продолжала расширять сеть религиозно-просветительских институтов в регионах компактного проживания «язычников», продвигать проекты по обращению их в православие. Отказавшись от идеи крещения мусульман, православные миссионеры практически полностью переключились на работу среди последователей традиционных верований и «язычествующих» «инородцев». Все большую роль в миссионерском движении церкви начинают играть представители зарождающейся духовной интеллигенции из нерусских народов края, в том числе лица из числа бывших последователей традиционных

культов. Благодаря широкому внедрению системы Н.И. Ильминского миссионерская деятельность церкви приобретает характер широкой культуртрегерской и просветительской деятельности, ставшей важным фактором национальной и культурной мобилизации нерусских народов Волго-Уралья.

Изменения методов христианизации во второй половине XIX – начале XX в. способствовали усилению влияния православия в регионе и встраиванию христианской традиции в этнокультурную «ткань» местного нерусского населения, следствием которого стало формирование особых моделей «чувашского», «марийского», «удмуртского», «татаро-крещенского» бытового православия. Создание национальных религиозных институтов православной церкви (национальные приходы во главе с православным духовенством из представителей местных народов, богослужение на национальных языках, сеть конфессиональных школ, преподавание в которых велось на родном для учеников языке, национальные монастыри) привело к тому, что само православие перестает рассматриваться большинством представителей местных социумов как «русская вера», чуждая им культурно-цивилизационная модель религиозного сосуществования. Хотя эти процессы не были полностью завершены в досоветский период, именно в начале XX в. они обозначились рельефно и начали оказывать всевозрастающее влияние на конфессиональную идентичность местного населения. Симптоматичным, но, впрочем, не единственным примером этих изменений может служить ситуация, сложившаяся среди крещеных нерусских народов после объявления в 1905 г. свободы совести. В отличие от крещеных татар, массами «отпадавших» в ислам (по официальным данным Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД, к 1909 г. к мусульманским приходам на территории Восточной России было приписано до 49 000 крещеных татар), подавляющее большинство представителей других нерусских народов края предпочло сохранить свой православный конфессиональный статус. Общее число лиц, пожелавших вернуться в «веру предков» (чуваши Симбирской и Самарской губерний, марийцы Вятской губернии⁴⁶), в 1905–1909 гг. не превысило нескольких сотен человек⁴⁷.

С формированием в начале XX в. единого информационного и национального пространства нерусских народов, ростом их социальной и трудовой мобильности, «язычники», как и другие конфессиональные общности, начали испытывать все большее влияние мировых религий, разрушающее их прежний культурно-религиозный уклад жизни, деформирующее их традиционные верования. Именно культурные изменения в жизни становятся основной причиной, толкающей молодое поколение «язычников» на отказ от прежних верований и принятие православия.

Как видно из табл. 5, в начале XX в. число обращенных в православие «язычников» оставалось стабильно высоким. При этом по сравнению с пореформенным периодом в ряде епархий отмечается повышение показателей крестившихся «язычников». Так в Казанской епархии, где наиболее последовательно внедрялась система Н.И. Ильминского и была

создана разветвленная структура миссионерских организаций, за 13 лет было обращено в православие 590 чел. (в среднем в год крестилось 45 «язычников»). Высокие показатели сохранились в епархиях: Вятской – 518 чел., в среднем в год крестилось 39 чел.; Самарской – 285 чел., в среднем в год крестилось 22 чел.; Уфимской – 155 чел., в среднем в год крестилось 12 чел. Напротив, в Пермской (крестилось 96 чел., в среднем 7 чел. в год), Симбирской (крестилось 54 чел., в среднем 4 чел. в год), Оренбургской (крестилось 53 чел., в среднем 4 чел. в год), Саратовской (крестилось 14 чел., в среднем 1 чел. в год) епархиях численность приобщенных к православию оставалась примерно на том же уровне, что и во второй половине XIX в.

Таблица 5

Динамика численности представителей традиционных верований, принявших православие в 1901–1913 гг.⁴⁸

Год	Епархии							
	Вятская	Казанская	Оренбургская	Пермская	Самарская	Саратовская	Симбирская	Уфимская
1901	37	35	39	-	16	-	20	18
1902	50	110	-	1	16	-	9	14
1903	35	51	-	-	5	-	-	18
1904	35	52	1	2	24	2	5	6
1905	25	32	-	13	24	5	-	7
1906	32	54	7	2	20	-	-	3
1907	46	35	-	5	32	-	4	7
1908	18	24	6	-	19	-	2	5
1909	43	44	-	3	13	-	-	8
1910	40	37	-	6	38	1	-	6
1911	52	31	-	7	34	-	5	36
1912	39	35	-	43	27	3	7	16
1913	66	50	-	14	17	3	2	11
Итого	518	590	53	96	285	14	54	155

Подводя итог проведенного анализа, можно отметить, что на протяжении XIX – начале XX в. обращение в православие последователей традиционных верований Волго-Уралья и их последующее утверждение в христианстве являлись важнейшими направлениями деятельности РПЦ. Несмотря на прилагаемые усилия православным миссионерам не удалось полностью решить проблему религиозной унификации приверженцев политеистических культов. В жесткой борьбе с мировыми религиями мир «истинного язычества» сохранил свою целостность, доказал свое право на существование, что стало важным фактором в сохранении культурного и конфессионального разнообразия Волго-Уральского региона, сохранения архаичных пластов самобытной традиционной культуры местных народов.

Источники и литература

¹ Николаев Г.А. Поликонфессиональная деревня Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: «свои» и «чужие» // Чувашский гуманитарный вестник. 2010. № 5. С. 151.

² Таблица составлена по данным: Соображения о системе образования инородцев, обитающих в губерниях Казанского учебного округа: (Представление попечителя Казанского учебного округа г. министру народного просвещения от 3 декабря 1869 г. за № 379). (Отдельный оттиск без указания источника. Б.м. Б.г. С. 64–65.)

³ Эти бесермяне исповедовали ислам.

⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 772. Л. 5–14 об.

⁵ См.: Красножен М. Иноверцы на Руси. Т. 1. Положение неправославных христиан в России. Юрьев, 1900.

⁶ Параллельно, хотя и намного реже, применялся термин «идолопоклонники».

⁷ Более подробно об этом см.: *Луннов П.Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX в. Вятка, 1911; *Wert P.W.* At the margins of orthodoxy mission, Governance and confessional politics in Russia's Volga-Kama region, 1827–1905. Ithaca and London: Cornell university press, 2001.

⁸ Интересно, что для решения этой задачи отчасти использовался и потенциал «татарского ислама». В частности, в Симбирской губернии до 1830-х гг. для приведения чувашей-«язычников» к государственной присяге местная администрация пользовалась услугами мулл, а сам этот акт совершался с использованием Корана. См.: РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 20775. Л. 1–6.

⁹ Отчет бакалавра Н.И. Ильминского о путешествии по татарским селениям Казанской епархии в 1848 г. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. СПбДА. Оп. А. I. Д. 232. Л. 8 об.; Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 237. Оп. 222. Д. 334. Л. 7.

¹⁰ См.: *Исхаков Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII–начало XX в.). Казань, 2011. С. 74, 141.

¹¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 743. Л. 91–98.

¹² Именно вятские миссионеры еще до официального введения в миссионерскую практику системы Ильминского предприняли попытки совершения богослужения на «инородческих» языках, привлечения в духовное сословие кадров из местных нерусских народов. См.: ГАКО. Ф. 237. Оп. 165. Д. 81. Л. 7–7 об.

¹³ Таблица составлена по данным: Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1836–1861 гг. СПб.: Синодальная тип., 1837–1862.

¹⁴ По Оренбургской епархии в категории «язычники» были учтены также калмыки-буддисты.

¹⁵ Центральный государственный архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-6. Оп. 1. Д. 184. Л. 1–1 об.

¹⁶ В связи с невозможностью четко разделить крестившихся «язычников» от калмыков-буддистов данные по Оренбургской-Уфимской епархии не были учтены.

¹⁷ Руководственные для православного духовенства. Указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878 гг. М., 1879. С. 339–348.

¹⁸ Там же. С. 37.

¹⁹ *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 366.

²⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 41. № 43138.

²¹ Отчет по Государственному совету за сессию 1896–1897 гг. СПб., 1898. С. 8.

²² См.: *Загидуллин И.К.* Царизм и мусульманский вопрос в Волго-Уральском регионе во второй половине XIX века // Исламская культура в Волго-Уральском регионе: доклады международной конференции. Казань. 8–11 июня 2001 г. Стамбул, 2004. С. 238.

²³ См.: Проект миссии для татар бакалавра Казанской духовной академии Н.И. Ильминского (1849 г.) // ОР РНБ. Ф. СПбДА. Оп. 1. Д. А I/232; Отзыв профессоров Казанской духовной академии Н.И. Ильминского и Г.С. Саблукова в академическое правление о причинах отпадения крещеных татар из православия в магометанство (1858 г.) // Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 10. Оп. 1. Д. 1655. Л. 15–23 об.; Мысли Н.И. Ильминского экстраординарного профессора Казанской духовной академии о мерах к усилению миссионерской деятельности среди татар (1859 г.) // ОР РНБ. Ф. СПбДА. Оп. 1. Д. А I/214.

²⁴ *Исхаков Р.Р.* Традиционные верования и религиозный синкретизм татар-кряшен (крещеных татар) Волго-Уральского региона в XIX – начале XX вв. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. статей. Казань, 2011. Вып. 2. С. 311.

²⁵ *Geraci R.P.* Window on the East. National and imperial identities in late tsarist Russia. Ithaca and London: Cornell university press, 1997. P. 54–55.

²⁶ *Dowler W.* Classroom and Empire: The politics of schooling Russia's eastern nationalities, 1860–1917. Toronto, 2001. P. 153–154.

²⁷ *Остроумов Н.П.* Историческое и современное значение христианского миссионерства среди мухаммедан. Казань, 1894. С. 31.

²⁸ *Зеткина И.А.* Национальное просветительство Поволжья // Педагогика. 2002. № 8. С. 61.

²⁹ Новое миссионерское общество в России. СПб., 1865. С. 3.

³⁰ Всеподданнейшая докладная записка обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода графа Д. Толстого о деятельности Православного духовного ведомства с июня 1865 г. по январь 1866 г. СПб., 1866. С. 21.

³¹ Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1869 год. СПб., 1870. С. 87.

³² *Никольский А.* Православное миссионерское общество. Историческая записка о деятельности общества за истекшее двадцатипятилетие (1870–1895 гг.). М., 1895. С. 35.

³³ Отчет Православного миссионерского общества за 1870. М., 1871. С. 12–13.

³⁴ Отчет Православного миссионерского общества за 1872. М., 1873. С. 40.

³⁵ Отчет Православного миссионерского общества за 1878. М., 1879. С. 36.

³⁶ НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 48. Л. 17.

³⁷ В современной историографии довольно часто встречается тезис о том, что инициатива учреждения Братства св. Гурия исходила от Н.И. Ильминского. Это утверждение не находит подтверждения в документах. Сам Ильминский хотя и участвовал в деятельности этого братства с первых дней его существования, возглавлял его Переводческую комиссию, но, по всей видимости, не имел прямого отношения к его учреждению.

³⁸ *Николаев Г.А.* Указ. соч. С. 144.

³⁹ Более подробно об исламизации местных народов в XIX – начале XX в. см.: *Ягафова Е.А.* Чуваши-мусульмане в XVIII – начале XXI вв. Самара, 2009; *Исхаков Р.Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). Казань, 2011.

⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 424. Оп. 1. Картон 1. Д. 11. Л. 1–5; Государственный архив Ульяновской области. Ф. 134. Оп. 7. Д. 625. Л. 10–11.

⁴¹ Сборник постановлений и распоряжений по Самарской епархии / сост. В. Соловьев. Самара, 1899. Т. 1. С. 627.

⁴² РГИА. Ф. 797. Оп. 36. Отд. 2. Д. 251. Л. 17–20 об.

⁴³ Таблица составлена по данным: Извлечения из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1866–1884 гг. СПб.: Синодальная тип., 1867–1886; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1885–1900 гг. СПб.: Синодальная тип., 1887–1902.

⁴⁴ Таблица составлена по данным: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897: Вятская губерния. СПб., 1904. Т. 10. Тетрадь № 12. С. 87; Казанская губерния. СПб., 1904. Т. 14. Тетрадь № 12. С. 101; Оренбургская губерния. СПб., 1904. Т. 28. Тетрадь № 12. С. 55; Пермская губерния. СПб., 1904. Т. 31. Тетрадь № 12. С. 95; Самарская губерния. СПб., 1904. Т. 36. Тетрадь № 12. С. 57; Саратовская губерния. СПб., 1904. Т. 38. Тетрадь № 12. С. 79; Симбирская губерния. СПб., 1904. Т. 39. Тетрадь № 12. С. 61; Тетрадь 2. Уфимская губерния. СПб., 1904. Т. 2. Тетрадь № 12. С. 39.

⁴⁵ НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 15. Л. 24; ГАКО. Ф. 237. Оп. 222. Д. 334. Л. 6.

⁴⁶ Эти «отпавшие» были потомками лиц, принудительно обращенных в православие в первой половине XIX в. при помощи местной администрации. Грубое вмешательство в тонкую материю религиозного сознания этих прозелитов привело к полному отторжению навязанной им чуждой веры. Несмотря на большие усилия, приложенные миссионерами в пореформенный период по их утверждению в православии, они сохранили преданность вере предков и легализовали свой действительный конфессиональный статус после объявления манифеста 17 октября 1905 г.

⁴⁷ О численности номинальных христиан, вернувшихся в прежнее религиозное состояние по губерниям Волго-Уралья, см.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по Ведомству православного исповедания за 1908–1909 годы. СПб., 1910. Табл. № 17. С. 80–87. НБ РГИА. Папка 2349.

⁴⁸ Таблица составлена по данным: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода за 1901–1913 гг. СПб.: Синодальная тип., 1901–1914.

R.R. Iskhakov

CHRISTENING AND CHRISTIAN ENLIGHTENMENT OF THE TRADITIONAL BELIEF ADHERENTS OF THE VOLGA-URAL REGION IN 1830–1913: EXPERIENCE OF HISTORICAL-STATISTICAL ANALYSIS

The article is devoted to the investigation of the implementation of the state and church course for christening and Christian enlightenment of the traditional belief representatives of the Volga-Ural region in 1830-1913. Changes are illustrated in the sphere of confessional policy of the imperial leadership, that have led to the transition to more sensible Christian-enlightened activity of the Russian orthodox church in the region. There are statistical data about the number of “pagans” religionized to orthodoxy, and the actual results of this activity.

Key words: inter-confessional relations, Christianization, traditional beliefs.

**ПРОБЛЕМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ
МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ В ПРАКТИКЕ
НАЦИОНАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА ЧУВАШСКОЙ
АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ
(1921–1925)**

ЧГВ, 2012 г., № 7

© В.Н. Клементьев

В связи с переходом к новой экономической политике в сфере экономики и финансов особую актуальность обрели проблемы бюджетного строительства. На примере Чувашской автономной области показывается, что децентрализация финансово-бюджетной системы являлась ведущим направлением политики Советского государства в первой половине 20-х гг., что обусловило расширение прав и полномочий в бюджетной сфере и финансовых возможностей органов местного самоуправления и административно-территориальных образований.

Ключевые слова: новая экономическая политика, местный бюджет, финансовая система, межбюджетные отношения, децентрализация, местное управление.

Образование Чувашской автономии фактически совпало с переходом от «военного коммунизма» к новой экономической политике. Последняя в сфере экономики и финансов проявилась в децентрализации всего хозяйственного механизма, в восстановлении местных финансов с дифференциацией бюджетов, в выделении и укреплении бюджетов административно-территориальных образований. Эти экономические явления органично наложились на процесс институализации Чувашской автономной области, создавая базу для известной финансовой самостоятельности, аккумуляции и рационального использования ее ресурсов, усиления заинтересованности местных органов в росте доходов.

Несмотря на то, что проблема бюджетного строительства Чувашской автономии в 1920-е гг. получила отражение в научной литературе¹, она далеко не исчерпана. В опубликованных исследованиях основное внимание уделено вопросам формирования и структуре бюджетов Чувашии в аспекте ее социально-экономического развития. Предметом исследования настоящей статьи является прежде всего изучение бюджетной организации как

Владимир Николаевич Клементьев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: ds26263@yandex.ru.

конструктивного элемента национально-административного строительства автономии в первой половине 1920-х гг.

Процесс восстановления местных бюджетов начался с принятия законодательных актов – декрета СНК РСФСР от 22 августа 1921 г. о местных денежных средствах, постановления ВЦИК (октябрь 1921 г.) «О мерах по упорядочению финансового хозяйства», постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 декабря 1921 г. о местных бюджетах, которые отменяли объединение общегосударственных и местных бюджетов, устанавливали источники их доходов, в общем виде определяли структуру расходов и перечисляли виды местных бюджетов, к которым относились губернские (областные), уездные, городские и волостные. Датой введения местных бюджетов назывался 1922 г.²

В Чувашии принятие первого местного бюджета области прошло в острых разногласиях: одна точка зрения основывалась на его построении по принципу единого централизованного областного, другая – на дифференциации, но лишь до уездного, «отвергая по объективным условиям» и нехватки финансовых работников дифференциацию включительно до волостного³. Были и те, кто полностью отвергал сам принцип введения местного бюджета – для них он был символом возврата к земщине⁴. В итоге дискуссий расширенный пленум областного исполкома советов ЧАО 2 января 1922 г. по докладу заведующего областным финансовым отделом И.А. Крынецкого «О введении местных налогов и сборов и составлении местного бюджета Чувашской Автономной Области» принял решение: «Местные денежные средства оставить только в двух видах: областные и уездные – и соответственно с этим и местные потребности разбить тоже на названные две группы»⁵.

Уездным исполкомам советов передавалось право устанавливать местные налоги и денежные сборы, распоряжаться полученными средствами⁶. Что касается волостных бюджетов, то сочли нецелесообразным «при существующей в волостях обстановке проводить мероприятия передачи викам (волостным исполкомам советов. – *В.К.*) права установления местных сборов и составления особых смет на местные доходы и расходы, как это установлено бюджетными правилами»⁷. Таким образом, первый местный бюджет ЧАО был построен на дифференциации до уездного включительно. Волостных, как и особых городских бюджетов, ввиду малочисленности городского населения и незначительности экономики городов, было решено не создавать; потребности уездного города включались в единый уездный бюджет, а областного г. Чебоксар – в областной бюджет⁸.

Источниками доходов местных бюджетов должны были стать отчисления от государственных налогов, процентные надбавки к ним и специальные местные налоги: с доходов от землепользования, с недвижимого имущества в городах и поселениях городского типа, с фабрично-заводских и торгово-промышленных помещений, дополнительный к государственному промысловый налог⁹. К примеру, в Цивильском уезде в 1922 г. взимался

целый ряд прямых и косвенных налогов, пошлин и сборов – как государственных, так и местных: промысловый, состоящий из патентного и уравнильного сборов; гербовый сбор; канцелярский сбор; повышенный налог на производство и потребление предметов роскоши; общегражданский сбор на здравоохранение и борьбу с голодом и целая группа косвенных налогов¹⁰.

Недостаточно устойчивая база доходов уездных бюджетов и вместе с тем весьма сильное увеличение объема и расширение состава расходов, подлежащих к отнесению на местные бюджеты, делали их дефицитными и способствовали развитию местного «налоготворчества», сопровождавшегося установлением различных «добровольных» сборов и налогов¹¹. Так, съездом представителей сельских обществ Богородской волости Чебоксарского уезда 25 октября 1922 г. были утверждены по волостному исполкому советов десять, по сельским советам – девять видов сборов. Среди них, например, сбор за выписку из протокола земельной комиссии в размере 500 руб., сбор за невыполнение указаний волостного исполкома председателями сельсоветов в срок – 200 руб., штраф за оскорбление личности председателя сельсовета – 1000 руб., неподчинение «распоряжениям власти» – 100 руб., недостойное поведение граждан на улице – 100 руб. и т.д.¹² Чтобы преодолеть самовольство в налоговом обложении президиум облисполкома советов 13 января 1923 г. принял специальное постановление «О недопустимости введения местных сборов и налогов, не предусмотренных центром», в котором указал, что «не могут быть взимаемы никакие местные налоги», кроме указанных в декретах и постановлениях ВЦИК и СНК РСФСР; волисполкомы, волостные съезды и сельсоветы не имеют право вводить на удовлетворение общественных потребностей «какие бы то ни было налоги и сборы обязательного характера»¹³. На недопустимость «налоготворчества» местных органов было указано и в постановлении бюро Чувашского обкома РКП(б) от 23 января 1923 г. «О самочинных налогах волостными и сельскими советами»: уездным комитетам и волячейкам РКП(б) предлагалось «вести беспощадную борьбу против введения названных налогов и сборов»¹⁴.

Опыт первого бюджета ЧАО (январь–сентябрь 1922 г.), осуществлявшегося в крайне неблагоприятных социально-политических и экономических условиях, показал значительные трудности, проблемы и негативные стороны в его выполнении. Борьба с голодом стояла на первом месте. Наследие «военного коммунизма», нестабильность всей финансово-бюджетной системы, крайняя незначительность в Чувашии доходных объектов налогообложения из-за неразвитости промышленности и упадка сельского хозяйства, низкая квалификация и малочисленность финансового аппарата также оказали свое отрицательное воздействие¹⁵. Систему местных бюджетов отличали неустойчивая организация как по доходам, так и по распределению доходов и расходов между отдельными административно-территориальными единицами, высокий дефицит и отсутствие твердого разграничения между бюджетами различного уровня, слабое поступление

налогов и сборов, построение бюджетов по принципу расходов, а «не ресурсной базы»¹⁶. Выход из такой ситуации виделся в дальнейшем развитии самостоятельности местных бюджетов, всяческого укрепления их доходной базы, повышении финансовой ответственности, четком разграничении и локализации бюджетов по территориальному признаку. Именно на это ориентировал центр при формировании бюджетов на местах на 1922/23 бюджетный год¹⁷. С учетом данных директив был принят и местный бюджет Чувашии на III областном съезде Советов¹⁸.

Принципиальным направлением бюджетного строительства признавалось последовательное проведение дифференциации бюджетов. Исходили из того, что местный бюджет необходимо строить на основе четкого разграничения между административно-территориальными единицами всех налоговых и неналоговых доходов, имуществ. Областной бюджет ставил своей целью удовлетворить потребности общегубернского значения. Уездный бюджет был призван обслуживать потребности общеуездного или межволостного значения. Все доходы и расходы, имеющие чисто местное значение, должны были целиком войти в волостной бюджет, которым предполагалось обеспечить и насущные интересы отдельных селений и вовлечь в хозяйственное строительство сельсоветы, поскольку организация самостоятельных сельских бюджетов в первой половине 20-х гг. считалась преждевременной из-за отсутствия прочной собственной материальной базы у подавляющего большинства селений¹⁹. Последовательное проведение дифференциации бюджетов должно было привести к устранению двойного финансирования, к полному и точному учету доходных возможностей и всеохватывающего удовлетворения потребностей каждой административно-территориальной единицы по ее бюджету и закреплению источников доходов за ней. При такой организации бюджетной системы первенствующую роль в ней приобретали волостные бюджеты. Большое их значение определялось политическими целями (укрепление советских органов на местах) и экономическими задачами нэпа – оформление волости как самостоятельной финансово-хозяйственной единицы путем передачи в распоряжение волостных исполкомов источников доходов, обеспечивающих расширение объема волостных бюджетов, и более полного охвата основных отраслей экономического и социально-культурного строительства села.

Решение о необходимости провести «подготовительные работы по организации волостного хозяйства и волостных бюджетов» приняла II сессия облизполкома советов (8 февраля 1923 г.)²⁰. Но уже III сессия (25 августа 1923 г.) из-за неподготовленности волостных исполкомов советов к этой мере и отсутствия в них опытных и квалифицированных финансистов сочла организацию волостных бюджетов в 1923/24 г. задачей «невыполнимой» и отложила их введение до следующего 1924/25 г.²¹ Данное решение противоречило постановлению ЦИК СССР от 12 ноября 1923 г., согласно которому с 1 января 1924 г. повсеместно вводились волостные бюджеты, «за исключением республик, не имеющих территориальных единиц»²². Поэтому руко-

водящим органам области пришлось ходатайствовать перед Москвой об отсрочке проведения в жизнь соответствующего постановления ЦИК СССР²³. 8 января 1924 г. во ВЦИК было отправлено письмо председателя облисполкома советов ЧАО С. Коричева, в котором он просил подождать с введением волостных бюджетов в Чувашии до 1924/25 бюджетного года, ввиду «предстоящего внутриобластного районирования», отсутствия «достаточных налоговых источников» и опытных работников при волисполкомах, что «не гарантирует своевременного и правильного составления и выполнения волбюджетов»²⁴. Совнарком РСФСР на заседании 22 февраля 1924 г. удовлетворил ходатайство Чувашского облисполкома с предоставлением отсрочки введения волостных бюджетов до 1 июля 1924 г.²⁵

К подготовительным работам по формированию волостных бюджетов в ЧАО было решено приступить с февраля 1924 г.²⁶ Фактически они были начаты с апреля 1924 г.²⁷ Некоторые мероприятия, облегчающие введение волостных бюджетов, были проведены еще в октябре 1923 г., когда специальная комиссия разработала нормы штатов и оплаты труда работников волисполкомов²⁸. С этой же целью намеревались в двух-трех волостях каждого уезда составить «пробные» волостные бюджеты. Согласно циркулярам областного финансового отдела (от 19 апреля, 9 мая и 5 июля 1924 г.), для уездных финотделов в плане организации волостных бюджетов предусматривались следующие мероприятия: установить и разработать для каждой волости минимальную сеть школ, больниц и других учреждений, содержание которых относится к волостному бюджету; иметь штат финансистов из 2–3 человек и одинаковые ставки зарплаты для каждой категории работников, оплачиваемых за счет волостных бюджетов; распределить между уездными и волостными бюджетами все источники доходов, предоставленных уездным исполкомам на 1923/24 бюджетный год; после распределения доходов составить для каждой волости ведомости с подробным указанием, какие именно источники доходов и в каком размере были предоставлены волостям и каким образом их провести в срок. Основными источниками доходов волостных бюджетов признавались: доходы от земель, имуществ и предприятий, расположенных на территории волости, а также налоги, собранные на ее территории. Особое значение придавалось неналоговым доходам. На выявлении и использовании имущества, подчеркивалось в одном из циркуляров, «надлежит сосредоточить все внимание, и все без исключения предприятия и имущества, находящиеся на территории волости, должны быть приведены в полную известность, взяты на учет и использованы максимально»²⁹.

Как показала практика, организация волостных бюджетов проходила с большими сложностями, вызванными как объективными, так и субъективными причинами. Из-за неопытности финансовых работников и низкого уровня организации низового советского аппарата волостные бюджеты в 1923/24 бюджетном году фактически почти не существовали³⁰ и имели «исключительное значение опыта»³¹. В материалах обследования местных

бюджетов, проведенного областным отделом РКИ в августе–сентябре 1924 г., и в циркуляре областного финансового отдела уездным исполкомам советов и уездным финотделам «О ликвидации дефектов по построению волбюджетов и счетоводству по ним, обнаруженных при обследовании виков» (5 февраля 1925 г.) были названы такие характерные недостатки: большинство волостных работников не представляют себе значение волостных бюджетов и плохо усвоили способы составления смет и выявления всех доходных источников; волостные бюджеты недостаточно разграничены от уездных бюджетов; для выявления доходных источников не принималось никаких мер, вследствие чего большинство волостных бюджетов как по доходам, так и по расходам «далеко не реальны»; также отмечено – предварительное построение бюджетов не в самой волости, а сверху, в уездных исполкомах; отсутствие общего плана распределения потребностей между бюджетными единицами³²; низкая доля волостных бюджетов в общеуездных доходах и расходах. Например, доходная часть волостных бюджетов Чебоксарского уезда составила 32,1% общеуездных доходов и покрывала 12,27% расходов уезда³³, в Ядринском уезде расходы по волостным бюджетам на 1924/25 г. планировались на уровне 27% общеуездной расходной сметы³⁴. Как негативное явление рассматривалась и структура расходов волостных бюджетов, фонд зарплаты в которых достигал «ненормально высоких размеров»³⁵. В материалах проверок констатировалась и высокая дефицитность волостных бюджетов. На IV квартал 1923/24 г. бюджеты волисполкомов области исчислялись по доходной части в 47072 руб. 23 коп., по расходной – 111364 руб. 49 коп. с дефицитом 64292 руб. 26 коп.³⁶, что было вызвано слабой экономикой, отсутствием в волостях достаточного числа объектов обложения, низкой доходностью земельных имуществ и незначительной прибылью хозяйствующих субъектов.

Учитывая реальный объем финансовых ресурсов на местах и в целях их увеличения и расширения, достижения наиболее правильного соотношения вносимых в местные бюджеты расходов с предоставляемыми доходными возможностями, а также стремясь подвести прочную основу под имущественные права исполкомов, Наркомфин РСФСР еще во второй половине 1923 г. провел в законодательном порядке меры точного разграничения имуществ общегосударственного и местного значения: «Правила о порядке, условиях и сроках использования государственных земельных имуществ» (23 августа 1923 г.), «Инструкция о разделении государственных земельных имуществ на имущества государственного и местного значения», утвержденная ЭКОСО РСФСР 9 ноября 1923 г., и «Положение об имуществах местных советов», принятое III сессией ЦИК СССР³⁷. Работа по разграничению имуществ на местах должна была быть закончена, согласно циркуляру НКФ РСФСР от 25 февраля 1924 г., не позднее 1 апреля 1924 г.³⁸ В ЧАО к имуществам местного значения были отнесены все государственное земельное имущество (а это на 11 декабря 1923 г. 12 совхозов)³⁹, доходные статьи, связанные с эксплуатацией государственного

земельного запаса и от земельных пространств, отведенных под места общего пользования в сельских местностях и поселениях городского типа⁴⁰ и фактически все промышленные и коммунальные предприятия области, которые решением областного экономического совещания ЧАО от 13 декабря 1923 г. признавались предприятиями местного значения «ввиду того, что в Чувашобласти имеются исключительно мелкие и маломощные предприятия...»⁴¹. На 1 марта 1924 г. в ведении областного отдела коммунального хозяйства находились: электростанция, мельница и кузница при ней, водокачка, мельница, транспортный обоз и скотобойня (последние четыре бездействовали), в ведении областного Совета народного хозяйства – Ядринский маслобойный завод, Чебоксарская металлообрабатывающая мастерская, Урмарская фабрика гнутой мебели, Чебоксарский кожевенный завод, Чебоксарский деревообделочный завод, 9 лесозаводов (один из них бездействовал), Марпосадский химзавод (находился на консервации)⁴².

Последовательная реализация стратегии разграничения имущества общегосударственного и местного предполагала его разграничение не только между центром и областью, но и последней и уездами и волостями, как это предусматривало «Положение об имуществах местных советов». Однако на практике это не было проведено. «Разграничения имущества в точном соответствии “Положению об имуществах местных Советов” в целом по области нет»⁴³, – констатировалось в материалах обследований местного бюджета ЧАО, проведенного областным отделом РКИ (август–сентябрь 1924 г.).

Впрочем, существенного отрицательного влияния данное обстоятельство на бюджет Чувашии не оказывало «из-за того, что земимущества в большинстве дефицитны, а также и предприятия в общем масштабе давали незначительный доход...»⁴⁴. К примеру, в 1924/25 бюджетном году от коммунальных предприятий в местный бюджет поступило лишь 36 руб. 14 коп., от промышленных – 9222 руб. 07 коп., а всего – 9258 руб. 21 коп., что по отношению к общей сумме поступлений (3652503 руб.) составило 0,25%⁴⁵. Поэтому повышение в местных бюджетах неналоговых доходов рассматривалось как важная государственная задача, которая, очевидно, была достижима при значительности объема местного имущества и его умелой и эффективной эксплуатации⁴⁶. В резолюции III пленума обкома РКП(б) по докладу о местном бюджете (24 октября 1924 г.) выдвигалось «категорическое требование», чтобы «доходы от промышленных и торговых предприятий... были учтены детально и включены в доходную часть местного бюджета в максимальном размере»⁴⁷. Если рассматривать всю совокупность неналоговых доходов, то, по экспертным оценкам, самыми крупными доходными возможностями обладало лесное хозяйство, затем шли доходы от реализации государственных фондов, на третьем месте – от земельных имуществ⁴⁸. Так, потенциальные доходы от лесного хозяйства составляли до 50% местного бюджета 1923/24 г., от эксплуатации предприятий ОСНХ – 26,5%, от коммунального хозяйства – 5,5%⁴⁹. Наименьшие доходы ожида-

лись от земельного имущества. Завершая характеристику неналоговых доходов, нужно отметить, что по мере восстановления экономики их удельный вес в доходах местного бюджета ЧАО постепенно возрастал, достигнув в 1924/25 г. 26,8% вместо 12,9% в 1922/23 г.⁵⁰

Ведущие позиции в течение всего рассматриваемого периода в наполнении доходной части местных бюджетов, как видно из табл. 1, занимали налоговые источники, прежде всего пособие со стороны государства.

Таблица 1

**Источники доходов местного бюджета ЧАО
в 1922/23 – 1924/25 бюджетных годах (в руб.)⁵¹**

Бюджетный год		Пособие из общегосударственных средств	Неналоговые доходы	Налоговые доходы	Разные поступления	Итого
1922/23	абс. цифры	133141	37958	105044	17547	293690
	%	45,3	12,9	35,8	6	100
1923/24	абс. цифры	587031	247686	589962	19626	1444305
	%	40,6	17,1	40,9	1,4	100
1924/25	абс. цифры	1637934	978247	761581	274741	3652503
	%	44,8	26,8	20,9	7,5	100

Налоговые источники состояли из отчислений от общегосударственных налогов и процентной надбавки к ним, а также специальных местных налогов. Пособие со стороны государства включало дотации, субвенции, отчисления.

Поступления в местные бюджеты от государственных налогов предусматривались одновременно с возрождением первого прямого налога, вносимого в денежной форме. 26 июля 1921 г. был введен промысловый налог, которым облагались ненационализированные торговые, промышленные предприятия и личные промыслы, а в 1922 г. он был распространен и на государственные предприятия. Налог состоял из патентного и уравнительного сбора. Декрет «О местных денежных средствах» от 10 декабря 1921 г. устанавливал в пользу местных бюджетов 25% отчислений от патентного и уравнительного сборов, а также допускал надбавку в размере не более 100% к цене патента и уравнительного сбора. Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 16 ноября 1922 г. местным бюджетам, помимо поступлений от промыслового налога, передавались отчисления от государственных налогов: подоходно-имущественного, продовольственного, натурального, трудового и гужевого, общегражданского, лесного дохода; вводились надбавки к государственным налогам, сборам и пошлинам. В мае 1923 г. состоялась налоговая реформа, в результате которой отменялись ранее введенные государственные налоги на крестьянство (продовольственный, трудгужевой, подворно-денежный, общегражданский), вводился единый сельхозналог⁵². Для распределения отчислений от единого сельхозналога административно-территориальные единицы РСФСР делились на шесть групп в зависимости от степени социально-экономического развития. В бюджеты субъектов первой группы поступало 100% собранного на их территории

налога⁵³. Постановлением СНК СССР от 28 августа 1924 г. для Чувашской автономной области был установлен второй разряд обложения единым сельхозналогом, введена надбавка в размере 40% к этому налогу на местные нужды⁵⁴.

Среди налоговых источников отчисления от единого сельхозналога, наряду с отчислениями от промыслового и лесными доходами, играли ведущую роль в формировании доходов ЧАО (см. табл. 2).

Таблица 2

Структура доходов Чувашской автономной области в 1922/23 – 1923/24 гг.⁵⁵

Доходы и налоговые поступления	Поступило за 1922/23 бюджетный год			Поступило за 11 месяцев 1923/24 бюджетного года		
	Госбюджет (в руб.)	Местный бюджет (в руб.)	в % от госбюджета	Госбюджет (в руб.)	Местный бюджет (в руб.)	в % от госбюджета
Сельхозналог	328864	22199	7	326047	334994	103
Лесной доход	148977	23946	16	197181	170690	87
Отчисления и надбавки к пром-налогу	41112	76659	186	50720	134525	265
Местные налоги и сборы	–	14052	–	–	84039	–
Дотация	–	142356	–	–	401104	–
Прочие доходы	608380	42257	7	346991	94619	27
Всего	1127333	321469	29	920939	1219971	132

Отчисления от единого сельхозналога из-за недостаточности других видов доходов являлись главным источником пополнения волостных бюджетов, куда отчислялось от 50% до 100% надбавок этого вида налога⁵⁶ (так, волостной бюджет 1924/25 г. Батыревского уезда включил все 100% надбавок к сельхозналогу, Цивильского – 68%, Чебоксарского – 71%, Ядринского уезда – 52%⁵⁷). Они составляли 80–90% всех волостных доходов⁵⁸. С учетом значимости этого вида налоговых поступлений правительство автономии настойчиво ходатайствовало перед центральными органами о предоставлении в распоряжение области 100% единого сельскохозяйственного и промыслового налогов, о разрешении отчислять в местный бюджет 75% поступлений от лесных доходов⁵⁹. В итоге обсуждений федеральная власть согласилась на покрытие дефицита по бюджету Чувашии в 1924/25 г., предоставить в ее распоряжение все 100% от государственного промыслового налога, повысить отчисления от лесного дохода с 30% до 50%, но отклонила ходатайство о передаче автономии 100% единого сельскохозяйственного налога⁶⁰.

Второстепенное значение в сравнении с отчислениями и надбавками к общегосударственным налогам в доходах местных бюджетов имели местные налоги и сборы, поскольку распространялись на такие объекты, которые не могли обеспечить существенных поступлений⁶¹. В 1923/24 г. в местном бюджете области они составляли 5% (средняя цифра по РСФСР – 10,3%)⁶². В советском законодательстве периода нэпа местные налоги и сборы впервые были упомянуты в декрете от 22 августа 1921 г., а первый перечень составлен в декрете от 10 декабря 1921 г., который различал мест-

ные налоги для городских и внегородских поселений. Временное положение о местных финансах 1923 г. отказалось от прежней практики четкого разграничения местных налогов на городские и негородские. Но вскоре и оно подверглось существенной корректировке. 29 октября 1924 г. было принято новое «Временное положение о местных финансах СССР». В нем сохранялся единый перечень местных налогов и сборов, который включал следующие их виды: налог со строений в городских поселениях; налог с имуществ, получающих особые выгоды от вновь осуществленных мероприятий в сельской местности; налог с отпускаемой с лесных дач древесины; налог с промышленных садов и огородов; налог с транспортных средств; разовый сбор с подвижной мелкой торговли; сбор со скота, содержащегося в городских поселениях; сбор с грузов, привозимых и вывозимых железнодорожным и водным транспортом; сбор за санитарно-ветеринарный осмотр скота и сырых животных продуктов; сбор со счетов, подаваемых в гостиницах, ресторанах и других подобных учреждениях; сбор с приезжих в лечебные местности; налог с публичных зрелищ и увеселений; налог с плакатов, рекламы в городских поселениях; налог со сделок, совершаемых и регистрируемых на бирже; налог с аукционных продаж в городских поселениях, прописочный сбор в городских поселениях, сбор за перемену имен и фамилий. Существенной новацией данного законодательного акта явилось закрепление за волостными бюджетами ряда местных налогов и сборов: налога с транспортных средств и разового сбора за подвижную мелкую торговлю, что должно было снизить дефицит волостных бюджетов⁶³.

Самую большую долю в доходной части местного бюджета ЧАО занимала прямая государственная финансовая поддержка (см. табл. 1), на которую в 1922/23 – 1924/25 гг. приходилось от 45,3% до 44,8%, что свидетельствовало не только о маломощности экономики автономии, но и о реальном стремлении федеральной власти помочь депрессивным регионам в рамках реализации политики выравнивания уровней социально-экономического развития национально-территориальных образований⁶⁴. Первоначально формой финансовой помощи центра являлись дотации, которые затем были заменены субвенциями (целевые пособия, представляющие собой форму долевого участия государственного бюджета в ряде расходов местных советов)⁶⁵, что закреплялось во «Временном положении о местных финансах» от 29 октября 1924 г. и в «Положении о государственных субвенционных фондах для финансирования местных бюджетов» от 29 декабря 1924 г.⁶⁶ Субвенции выделялись на содержание школ, больниц, дорог, агрономических и ветеринарных участков, народных судов и на выплату зарплаты работникам этих учреждений. Получателями выступали местные советы определенного уровня. Субвенции представляли эффективный механизм регулирования местных бюджетов, в значительной мере способствовали использованию местных средств для укрепления волостных бюджетов за счет сужения общегубернских (областных) и уездных⁶⁷.

Несмотря на значительную финансовую помощь со стороны центра и меры по обеспечению сбалансированности местных бюджетов Чувашии, во

весь рассматриваемый период они были дефицитны. К примеру, местный бюджет ЧАО в 1922/23 г. был выполнен с дефицитом до 70%⁶⁸. По итогам 1923/24 г. дефицит областного бюджета составил 37,8%, Ядринского уезда – 66,5%, Цивильского – 57,2%, Чебоксарского – 62,7%, Батыревского уезда – 53,4%⁶⁹ (по результатам 1924/25 г. уездные бюджеты также оказались со значительным дефицитом: Ядринский – 79,3%, Цивильский – 67,1%, Чебоксарский – 71,5%, Батыревский уезд – 86,8%⁷⁰). В областном съезде советов местный бюджет ЧАО на 1924/25 г. был принят с дефицитом 56,7% к его расходной части⁷¹. Столь большая дефицитность объяснялась социально-экономической отсталостью автономии, незначительностью самостоятельных доходных источников, из-за чего без дотаций из центра областные органы не могли решать социально-экономические проблемы региона даже в минимальном размере. Для области был характерен высокий удельный вес расходов на социально-культурные цели и управление при незначительной доле затрат на народное хозяйство. Согласно отчету Исполнительного комитета советов ЧАССР за 1924–1925 гг. в 1922/23 г. доля расходов в местном бюджете Чувашии на образование составила 37%, в 1923/24 г. – 44,5%, в 1924/25 г. – 35,8%; на здравоохранение соответственно 16,9%, 14,4% и 13,2%; общеадминистративные учреждения – 29,6%, 16,6% и 19,9%; сельское хозяйство – 3%, 4% и 5,3%; коммунальное хозяйство – 4%, 6,8% и 7,5%⁷². Высокий уровень социально-культурных и административных расходов по сравнению с ассигнованиями на аграрный сектор и городское хозяйство свидетельствовал о недостаточности финансовых мероприятий, связанных с удовлетворением экономических потребностей крестьянства и городского населения, крайней неравномерности структуры бюджетных расходов в первой половине 1920-х гг.⁷³ Системными недостатками в сфере финансово-бюджетных отношений на всем протяжении рассматриваемого периода также признавались ежегодное составление дефицитного бюджета, отсутствие корреляции между финансовыми возможностями бюджета и планами развития местного хозяйства, слабое плановое начало в построении бюджетов, низкая финансово-бюджетная дисциплина, большие расходы на содержание административно-управленческого аппарата⁷⁴, которые по сравнению с 1913 г. увеличились на 211%⁷⁵.

Наряду с отмеченными обстоятельствами нужно выделить и позитивные стороны в развитии местных бюджетов в первой половине 1920-х гг. Положительным моментом являлся сам принцип построения бюджетной системы, основанный на разграничении, выделении видов местных бюджетов, хотя далеко не все из них были сформированы. Юридическое решение о полной децентрализации бюджетной системы в Чувашии было принято на заседании президиума областного исполкома советов 20 октября 1924 г.⁷⁶ С 1924/25 бюджетного года в Чувашии имелись областной, четыре уездных и 58 волостных бюджетов (см. табл. 3).

Средний бюджет уезда составлял 153000 руб., волости – 7146 руб.⁷⁸ На областной бюджет приходилось 25,7%, на уездные – 60,5%, на волост-

**Сведения о количестве, объеме и структуре местных бюджетов ЧАО
за период с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 гг.⁷⁷**

Бюджет	Число бюджетов	Исполнение бюджетов					
		По доходам			По расходам		
		Предположено (в руб.)	Выполнено (в руб.)	% выполнения	Назначено (в руб.)	Выполнено (в руб.)	% к выполнению
Областной	1	872042	1231956	141,3	646722	1202726	185,9
Уездный	4	1558611	1996807	128,1	1713447	2074760	121,1
Волостной	58	343982	423740	123,2	414466	373239	90
Всего	63	2774635	3652503	131,6	2774635	3650725	131,6

ные – 13,8% бюджета автономии⁷⁹. По РСФСР (без Московской и Ленинградской губерний) эти цифры были следующие: доля общегубернских – 19,9%, губернских городов – 16,6%, уездных (окружных) – 32,3%, уездных (окружных) городов – 10,4%, волостных (районных) – 20,8%⁸⁰. Таким образом, в Чувашии имело место существенное отклонение от средних величин в сторону увеличения областного и уездных бюджетов (здесь, однако, необходимо учесть отсутствие городских бюджетов в ЧАО: расходно-доходная часть уездных городов включалась в уездные бюджеты, областного города – в областной), что ставило задачу разгрузить областной и уездный бюджеты с перенесением нагрузки на волостные бюджеты.

Вследствие незначительности городского хозяйства и отсутствия городских советов самостоятельные городские бюджеты в ЧАО так и не были созданы⁸¹ (лишь Ядринский уездный исполком советов в 1924 г. сделал попытку сформировать самостоятельный городской бюджет⁸²). В первой половине 1920-х гг. не были введены и сельские бюджеты, что объяснялось объективными сложностями, вызываемыми наличием в деревне экономически более состоятельных, чем сельские советы, земельных обществ⁸³. Преждевременность сельских бюджетов обосновывал и Наркомат финансов РСФСР, полагая, что в условиях неокрепшего волостного бюджета и отсутствия прочной собственной материальной базы у большинства селений «организация сельбюджетов невозможна» и пока можно ограничиться составлением отдельных приходно-расходных сельских смет, включенных в волостной бюджет⁸⁴. Хотя мнения о перспективах создания сельских бюджетов высказывались в публикациях еще в начале 1920-х гг.⁸⁵, актуальным этот вопрос стал с середины 1920-х гг. в условиях провозглашенной и реализуемой политики «оживления советов». В циркуляре ЦК РКП(б) местным партийным органам «О волостных (районных) бюджетах» (18 июня 1925 г.) указывалось: обратить внимание на расширение участия сельских советов в хозяйственно-культурном строительстве волости, на создание «в более крупных хозяйственно мощных сельсоветах в виде опыта самостоятельного сельского бюджета при тщательной подготовке и проверке»⁸⁶. И 4 июля 1925 г. бюро Чувашского обкома партии приняло решение «ввести (как пример в виде экспериментального образца – В.К.) в каждом уезде бюджет сельсоветов»⁸⁷. На деле в автономии организация самостоятель-

ных сельских бюджетов произошла в наиболее крупных сельских советах лишь в 1927 г.⁸⁸

В рассматриваемый период основными бюджетами были признаны волостные, остальные (областной и уездные) рассматривались как «регулирующие»⁸⁹. Только в отношении волостных бюджетов в 1923 г. был принят специальный союзный закон, а в 1924 г. – республиканский закон, в котором четко устанавливались их расходы и доходы, чем обеспечивалась самостоятельность этих бюджетов⁹⁰. Первоочередное укрепление волостных бюджетов выразилось и в стремлении расширить их доходную базу путем передачи максимальной доли отчислений и надбавок от государственных налогов волостям⁹¹. Так, например, по данным исполнения бюджетов за 1924/25 г., волостные бюджеты Ядринского уезда забрали 87,7%, Батыревского уезда 72% всей надбавки к единому сельхозналогу⁹².

На протяжении исследуемого периода происходили развитие и усложнение системы местных бюджетов, что убедительно подтверждается данными статистики. Так, по сравнению с 1922/23 г. доходная часть местного бюджета ЧАО в 1924/25 г. была больше на 1143%. В 1922/23 г. доходная часть местного бюджета области составляла 8,04% к 1924/25 г., в 1923/24 г. – 39,5%, расходная часть соответственно 6,3% и 37%⁹³. Сравнение расходов государственного и местного бюджетов за 1922/23 и 1923/24 гг. показывает, что в 1922/23 г. госбюджет по ЧАО израсходовал почти в 3 раза больше, чем местный бюджет, а в 1923/24 г., наоборот, местный бюджет израсходовал 168% госбюджета. Сопоставление доходов государственного и местного бюджетов в указанные годы свидетельствует, что в 1922/23 г. доходы местного бюджета к доходам госбюджета составляли лишь 29%, тогда как в 1923/1924 г. – 132 %⁹⁴. Улучшились качественные параметры бюджета по источникам доходов (см. табл. 1): в 1924/25 г. на неналоговые доходы приходилось 26,8%, в 1922/23 г. – 12,9%, на налоговые доходы соответственно 20,9% и 35,8%, на разные поступления – 7,5% и 6%, на пособие из общегосударственных средств – 44,8% и 45,3%. В сторону улучшения эволюционировал местный бюджет и по отношению к бывшим земским бюджетам. По итогам исполнения бюджета за 1923/24 г. его доходы к 1913 г. составили 116%, расходы – 102,8%⁹⁵, хотя по качественным параметрам местный бюджет автономной области уступал бывшим земским: в доходной части бюджетов за 1913 г. пособие от казны составило 25%, в местном бюджете ЧАО за первое полугодие 1924/25 г. – 38%, отчисления от лесных доходов соответственно 43% и 16%, прочие – 32% и 46%; в расходной части земских бюджетов расходы на народное образование составили 48%, в первом полугодии 1924/25 г. – 36%, здравоохранение соответственно 25% и 13%, административные – 9% и 28%, прочие – 18% и 23%⁹⁶. В еще большей мере это характеризует уездные бюджеты. Так, анализ сметы Ядринского уездного земства за 1913 г. показывает, что главными его доходными источниками служили леса и земли, составляя 91% всех доходов, на другие виды доходов (с хлебной пристани, винокурен-

ного и маслобойного заводов, от разных мелких частновладельческих торгово-промышленных предприятий) приходилось 9%. Рассматривая доходы, поступившие по местному бюджету Ядринского уезда за первое полугодие 1924 г., выясняем, что основными источниками его доходов служили процентное отчисление от единого сельхозналога (46% всех доходов) и ссуды из общегосударственных средств (29%), отчисления от лесных доходов составляли 6%; при этом 82% расходов уездного бюджета уходило на зарплату⁹⁷. Сопоставление местного бюджета ЧАО с довоенными бюджетами земств приводит к выводу о том, что бюджеты и последних были пассивными, то есть расходы превышали доходы, а сбалансированность бюджетов достигалась за счет доходов от обложения государственных лесов и земель. Так, например, по Чебоксарскому уезду они составляли 55,1% всех исчисленных доходов, по Цивильскому уезду – 27,8%⁹⁸.

Формирование системы местных бюджетов происходило вместе со становлением Чувашской автономии как национального субъекта РСФСР. При очевидной самостоятельности все местные бюджеты были включены в единую бюджетную систему государства, а взаимосвязь между отдельными ее звеньями проявлялась в процессе межбюджетного регулирования. Для Чувашии, имевшей в первой половине 1920-х гг. статус автономной области, значимым в этом процессе являлся вопрос о расширении ее полномочий и прав в сфере выстраивания межбюджетных отношений между ЧАО и федеральным центром. Важнейшим моментом являлся порядок составления, представления и утверждения бюджетов автономных областей в центральных органах РСФСР. Существовавшая практика, когда сметы АО представлялись «как материалы к сметам наркоматов РСФСР», приводила к тому, что предстоящие доходы и расходы «неминуемо были урезаемы без достаточного учета нужд и потребностей этих национальных единиц»⁹⁹. Поэтому в своих обращениях в руководящие инстанции органы управления ЧАО настойчиво ставили вопрос о том, что, «минуя наркоматы РСФСР», сметы автономных областей должны быть представлены «как ориентировочные росписи доходов и расходов... на предварительное рассмотрение бюджетного совещания НКФ РСФСР с обязательным участием представителя той области, чья смета рассматривается, и представителя Отдела национальностей при Президиуме ВЦИК и утверждаемых СНК РСФСР и ВЦИК»¹⁰⁰. Бюджеты автономных областей, по их мнению, должны включаться в общереспубликанский бюджет в качестве обязательных приложений к нему, и расходы отдельных ведомств АО в общих сметах соответствующих наркоматов РСФСР выводить «отдельными общими итогами»¹⁰¹.

Основываясь на этих подходах, Представительство ЧАО при Президиуме ВЦИК в марте 1925 г. представило «разработанный и согласованный всеми представителями автономных областей при ВЦИК»¹⁰² проект «Положения о бюджетных правах автономных областей». 17 августа 1925 г. Президиум ВЦИК принял это положение, в нем в принципиальном плане были

учтены требования их представителей. Согласно положению финансовые сметы доходов и расходов автономных областей РСФСР входили в государственный бюджет РСФСР «в составе смет доходов и расходов соответственных наркоматов»; выделялись в сметах ведомств РСФСР «из общих назначений», показывались «общими суммами по каждой отдельной области»; рассматривались в наркоматах с обязательным привлечением представителя автономной области и в случае несогласия «представитель области заявляет о таковых своих разногласиях при обсуждении вопроса в сметно-бюджетном совещании» при НКФ РСФСР, в котором он участвовал с правом решающего голоса «по вопросам о размере доходов и расходов данного наркомата, относящихся к соответствующей автономной области»; размеры кредитов по каждой автономной области выделялись «из общих утвержденных по смете назначений»¹⁰³.

Содержание данного положения явно указывало на стремление учесть интересы и запросы автономных областных образований. Однако для Чувашии, получившей с 21 апреля 1925 г. статус АССР, вопрос о бюджетных правах автономных областей уже перестал быть актуальным.

Децентрализация финансово-бюджетной системы являлась ведущим направлением политики Советского государства в первой половине 1920-х гг., обусловившим расширение прав и полномочий в бюджетной сфере и финансовых возможностей органов местного самоуправления и административно-территориальных образований. Принципиальное значение для эволюции модели государственного управления имели и мероприятия по выстраиванию такой системы местных бюджетов, в которой в качестве основных выступали бы бюджеты низового уровня, а бюджеты крупных административно-территориальных единиц приобретали регулирующее значение¹⁰⁴, что в политическом отношении должно было способствовать укреплению советской государственной системы и национальных автономных образований, а в экономическом плане создавать возможности за счет местных ресурсов быстро удовлетворить насущные социальные потребности территориальных сообществ¹⁰⁵. В условиях Чувашии прежде всего из-за объективных обстоятельств (хозяйственная отсталость автономии, слабость экономической базы местного управления) достигнуть в полной мере заявленных программных целей не удалось: были выделены не все виды местных бюджетов, организация сельских бюджетов оказалась невозможной, по своим качественным характеристикам они не дотягивали до предъявляемых требований.

Литература и источники

¹ Орлов В.В. Формирование местного бюджета Чувашии и финансирование программ ее социально-экономического развития в годы НЭПа // Чувашский гуманитарный вестник. 2006. № 1. С. 38–61; *его же*. Этнополитические и социально-экономические аспекты развития Чувашии в 20-е гг. XX века. М., 2009.

² Яцук Т.Ф. Система местных бюджетов РСФСР в период НЭПа // Финансы и кредит. 2007. № 5. С. 67; Экономическая история СССР: очерки. М., 2007. С. 375.

³ Местный бюджет Чувашской автономной области на 1922–1923 гг. Чебоксары, 1923. С. 7.

⁴ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 125. Оп. 1. Д. 13. Л. 36 об.; III областной съезд Советов. Местный бюджет на 1923 г. // Чувашский край. 1922. 5 декабря.

⁵ ГИА ЧР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 197. Л. 12.

⁶ Там же. Ф. 125. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–1 об.

⁷ Там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

⁸ Местный бюджет Чувашской автономной области на 1922–1923 гг. С. 7–8.

⁹ ГИА ЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 1. Л. 97; Ф. 22. Оп. 1. Д. 197. Л. 13.

¹⁰ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 201. Л. 369.

¹¹ *Илларионов И.* О едином налоге и местном бюджете // Чувашский край. 1923. 14 августа.

¹² ГИА ЧР. Ф. 202. Оп. 1. Д. 200. Л. 37.

¹³ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 196. Л. 67.

¹⁴ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 4. Д. 5. Л. 11.

¹⁵ Отчет Чувашского областного экономического совещания Совету труда и обороны. Октябрь 1921 год – март 1922 года. Чебоксары, 1922. С. 29; ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 141. Л. 7–7 об.; Ф. 62. Оп. 1. Д. 7. Л. 80 об.

¹⁶ III областной съезд Советов. Местный бюджет на 1923 г. // Чувашский край. 1922. 5 декабря; ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 96. Л. 144; Ф. 63. Оп. 1. Д. 294. Л. 25.

¹⁷ ГИА ЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 43. Л. 43–44 об.; Ф. 63. Оп. 1. Д. 294. Л. 25–26.

¹⁸ История финансов Советской Чувашии. Чебоксары, 2006. Т. 1: 1920–1939. С. 47; ГИА ЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 7. Л. 82–82 об.; III областной съезд Советов. Местный бюджет на 1923 г.

¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 418. Л. 24.

²⁰ История финансов Советской Чувашии. Т. 1. С. 56.

²¹ Доклад о местном бюджете // Чувашский край. 1922. 6 сентября.

²² ГИА ЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 469. Л. 1.

²³ История финансов Советской Чувашии. Т. 1. С. 64.

²⁴ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 224. Л. 7.

²⁵ Там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 452. Л. 131.

²⁶ Там же. Ф. 125. Оп. 2. Д. 246. Л. 93.

²⁷ Там же. Л. 332.

²⁸ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 162. Л. 202.

²⁹ Там же. Ф. 125. Оп. 2. Д. 246. Л. 93–93 об.

³⁰ Там же. Ф. 147. Оп. 1. Д. 221. Л. 197 об.

³¹ Чувашский край. Чебоксары, 1925. Вып. 1. С. 105.

³² ГИА ЧР. Ф. 12. Оп. 1. Д. 162. Л. 203–203 об.; 204, 206 об.; 209, 215 об.; Ф. 147. Оп. 1. Д. 181. Л. 195 об.–196 об.

³³ Там же. Ф. 125. Оп. 2. Д. 357. Л. 59 об.

³⁴ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 162. Л. 203 об.

³⁵ Там же. Ф. 125. Оп. 2. Д. 418. Л. 9.

³⁶ Там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 469. Л. 88 об.

³⁷ Там же. Д. 452. Л. 57.

³⁸ Там же. Л. 171.

³⁹ Там же. Л. 202.

⁴⁰ Там же. Ф. 62. Оп. 1. Д. 458. Л. 58.

⁴¹ Там же. Д. 452. Л. 68.

⁴² Там же. Л. 211–212.

⁴³ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 162. Л. 175 об.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ История финансов Советской Чувашии. Т. 1. С. 116.

⁴⁶ ГИА ЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 452. Л. 1; Ф. 125. Оп. 2. Д. 418. Л. 11; ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 26. Л. 54.

- ⁴⁷ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 9. Л. 73.
- ⁴⁸ ГИА ЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 500. Л. 222 об.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 142. Л. 44 об.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 147. Оп. 1. Д. 219. Л. 11.
- ⁵¹ Отчет Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Чувашской Социалистической Советской Республики за 1924–25 год. Чебоксары, 1925. С. 8. В ряде опубликованных статистических источников и научных публикациях приводятся другие цифры: за 1922/23 г. всего доходов – 321469 руб., в т.ч. пособие из общегосударственных средств – 142356 руб. (44,3% к итогу), неналоговые доходы – 44589 руб. (13,9%), налоговые доходы – 128602 руб. (40%), разные поступления – 5922 руб. (1,8%); за 1923/24 г. соответственно: 1552078 руб., в т.ч. 587031 (37,8%), 312551 руб. (20,1%), 580430 руб. (37,4%), 72066 руб. (4,7%); за 1924/25 г. соответственно: 3768693 руб., в т.ч. 1637934 руб. (43,5%), 978248 руб. (26%), 762110 руб. (20,2%, у В.В. Орлова – 752,1 тыс. руб., 20%), 390401 руб. (10,3%, у В.В. Орлова – 400,4 тыс. руб., 10,5%) (см.: Отчет правительства Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики за 1925–26 год. Чебоксары, 1927. С. 143; Десять лет Чувашской АССР (1920–1930). Чебоксары, 1930. С. 202; Орлов В.В. Формирование местного бюджета Чувашии... С. 47).
- ⁵² Касимов Е.В. Проведение кампании по сбору единого сельскохозяйственного налога в Чувашской автономной области в 1923/24 хозяйственном году // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 1. История. Вып. 43. С. 65.
- ⁵³ Яцук Т.Ф. Организация местной власти в РСФСР. 1921–1929 гг. Омск, 2007. С. 461, 463, 479–480.
- ⁵⁴ Марискин О.И. Государеве тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века: (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004. С. 198.
- ⁵⁵ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 231. Л. 65а.
- ⁵⁶ Чувашский край. Вып. 1. С. 105.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 6. Д. 29. Л. 22.
- ⁵⁹ Орлов В.В. Формирование местного бюджета Чувашии... С. 41; ГИА ЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 452. Л. 289.
- ⁶⁰ Орлов В.В. Формирование местного бюджета Чувашии... С. 42.
- ⁶¹ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 58. Л. 134.
- ⁶² ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 246. Л. 419; Ф. 63. Оп. 1. Д. 452. Л. 281.
- ⁶³ Яцук Т.Ф. Организация местной власти в РСФСР. С. 506, 507, 510–511.
- ⁶⁴ Орлов В.В. Формирование местного бюджета Чувашии ...С. 48
- ⁶⁵ Дьяченко В.П. История финансов СССР (1917–1950 гг.). М., 1978. С. 130.
- ⁶⁶ Яцук Т.Ф. Система местных бюджетов РСФСР в период НЭПа. С. 72.
- ⁶⁷ ГИА ЧР. Ф. 147. Оп. 1. Д. 304. Л. 309.
- ⁶⁸ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 17. Л. 38.
- ⁶⁹ Там же. Д. 9. Л. 85.
- ⁷⁰ Чувашский край. Вып. 1. С. 105.
- ⁷¹ Орлов В.В. Формирование местного бюджета Чувашии...С. 43.
- ⁷² Отчет Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Чувашской Социалистической Советской Республики за 1924–25 год. С. 9. В отчете правительства Чувашской АССР за 1925–1926 год даны несколько иные цифры: в 1922/23 г. доля расходов в местном бюджете Чувашии на образование составила 35,5%, в 1923/24 г. – 42,7%, в 1924/25 г. – 35,7%; на здравоохранение соответственно 17,9%, 13,8% и 13,2%; общеадминистративные учреждения – 13,3%, 15,9% и 19,9%; сельское хозяйство – 3,2%, 3,8% и 5,3%; коммунальное хозяйство – 1,8%, 6,2% и 7,5% (Отчет правительства Чувашской Автономной Социалистической Советской Республики за 1925–26 год. С. 144).
- ⁷³ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 418. Л. 9.
- ⁷⁴ Там же. Л. 7–10.

- ⁷⁵ Там же. Д. 457. Л. 36.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 22. Оп. 1. Д. 280. Л. 617.
- ⁷⁷ Отчет Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских красноармейских депутатов Автономной Чувашской Социалистической Советской Республики за 1924–25 год. С. 4.
- ⁷⁸ ГИА ЧР. Ф. 147. Оп. 1. Д. 221. Л. 197 об.
- ⁷⁹ История финансов Советской Чувашии. Т. 1. С. 105.
- ⁸⁰ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 418. Л. 17.
- ⁸¹ Чувашский край. Вып. 1. С. 105.
- ⁸² ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 9. Л. 68.
- ⁸³ *Яцук Т.Ф.* Система местных бюджетов РСФСР в период НЭПа. С. 69–70.
- ⁸⁴ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 418. Л. 24.
- ⁸⁵ *М-ков.* О сельских Советах // Чувашский край. 1922. 30 ноября.
- ⁸⁶ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 6. Д. 37. Л. 147.
- ⁸⁷ Там же. Д. 7. Л. 24 об.
- ⁸⁸ История Чувашии новейшего времени. Чебоксары, 2001. Книга 1: 1917–1945. С. 114.
- ⁸⁹ Экономическая история СССР. С. 379.
- ⁹⁰ *Яцук Т.Ф.* Система местных бюджетов РСФСР в период НЭПа. С. 68.
- ⁹¹ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 9. Л. 72; ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.
- ⁹² ГИА ЧР. Ф. 147. Оп. 1. Д. 221. Л. 197 об.
- ⁹³ Отчет Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Автономной Чувашской Социалистической Советской Республики за 1924–25 год. С. 8, 10.
- ⁹⁴ ГИА ЧР. Ф. 125. Оп. 2. Д. 356. Л. 78–78 об.
- ⁹⁵ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 5. Д. 58. Л. 135, 136.
- ⁹⁶ Чувашский край. Вып. 1. С. 110, 112.
- ⁹⁷ ГИА ЧР. Ф. 62. Оп. 1. Д. 452. Л. 246–246 об.
- ⁹⁸ Отчет Чувашского областного экономического совещания Совету труда и обороны. Октябрь 1921 года – март 1922 года. С. 34–35.
- ⁹⁹ ГИА ЧР. Ф. 147. Оп. 1. Д. 218. Л. 56–56 об.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 156.
- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² Там же. Л. 162.
- ¹⁰³ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. II. Ед. хр. 2112. Л. 60.
- ¹⁰⁴ *Яцук Т.Ф.* Система местных бюджетов РСФСР в период НЭПа. С. 73.
- ¹⁰⁵ *Ее же.* Организация местной власти в РСФСР. С. 459.

V.N. Klementyev

**THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE LOCAL BUDGET SYSTEM
IN THE PRACTICE OF NATIONAL-ADMINISTRATIVE CONSTRUCTION
IN THE CHUVASH AUTONOMOUS REGION (1921–1925)**

The budget construction problems have become actual in the sphere of economy and finances in connection with the transition to the new economic policy. On the pattern of the Chuvash autonomous region, it is shown that the decentralization of the financial-budgetary system has been a leading trend of the Soviet state policy in the first half of 1920s, that has given rise to widening of the rights and authorities in the budget sphere and the financial capabilities of local self-government bodies and administrative-territorial formations.

Key words: new economic policy, local budget, financial system, inter-budgetary relations, decentralization, local government.

**КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГУЛИРОВАНИЯ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ПРОИЗВОДСТВА В ЧУВАШИИ
В ГОДЫ НЭПА**

**ЧГВ, 2012 г., № 7
© Е.В. Касимов**

В статье на примере сельскохозяйственного производства Чувашии рассматриваются вопросы кредитной политики советского правительства в годы нэпа, распределения кредитов и их востребованности в крестьянской среде, воздействия банковских ссуд на процессы восстановления сельского хозяйства, разоренного в годы Гражданской войны. Прослеживается характерная для 1920-х гг. тенденция к усилению курса на сглаживание социальной дифференциации в деревне.

Ключевые слова: Чувашия, крестьянство, новая экономическая политика, кредитная политика.

В годы новой экономической политики одним из важнейших инструментов регулирования сферы сельского хозяйства, наряду с налогами, являлась система кредитных отношений. Ее развитие было связано прежде всего с необходимостью оказания помощи крестьянству в восстановлении сельского хозяйства, пострадавшего в годы Первой мировой и Гражданской войн, голода 1921–1922 гг. Без помощи государства не могли быть решены такие острые, первоочередные задачи, как ликвидация недосеюв, восстановление поголовья скота (особенно рабочего), возмещение убыли сельхозинвентаря, а также общая задача интенсификации сельскохозяйственного производства.

Между тем в региональной научной литературе вопрос о масштабах и роли государственного кредитования аграрной сферы в 1920-е гг. до настоящего времени не поднимался. Чтобы показать наличие внимания советского правительства к нуждам деревни, исследователями, как правило, приводились сведения лишь по отдельным годам о выданных Чувашсельхозбанком кредитах. В связи с этим в данной статье ставится задача провести комплексный анализ направленности кредитной политики в Чувашии в

Евгений Витальевич К а с и м о в – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук, e-mail: kasimov-evg@yandex.ru.

годы нэпа, распределения кредитов по назначению и их востребованности в крестьянской среде, воздействия банковских ссуд на процессы восстановления сельского хозяйства, разоренного в ходе войн.

Начало организации специальных учреждений сельскохозяйственного кредита положил декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О кредитной кооперации» от 24 января 1922 г. В соответствии с ним гражданам предоставлялось право «образовывать кредитные и ссудо-сберегательные кооперативные товарищества для предоставления своим членам льготных ссуд на удовлетворение их хозяйственных нужд, для приобретения требуемых в промыслах и хозяйствах членов товарищества инвентаря, материала, сырья и предметов оборудования и для посредничества по сбыту продуктов труда членов товарищества»¹. Необходимость создания доступного государственного и кооперативного кредита обусловлена не только задачей поднятия крестьянского хозяйства, но и политическими целями. Как отметил в своих решениях в апреле 1923 г. XII съезд РКП(б), «организации кредита маломощным элементам крестьянства необходимо уделить возможный максимум и финансовых средств и партийных сил». Он поставил задачу создать аппараты государственного и кооперативного кредита, способные с «успехом конкурировать с ростовщическим кредитом зажиточного крестьянина или торговца по гибкости и разнообразию форм кредита и сроков оплаты»².

До 1923 г. кредитование сельского хозяйства на территории Чувашии осуществлялось через Государственный банк. 1 августа 1922 г. начало свою деятельность Чебоксарское агентство (с 1 августа 1923 г. – отделение) Госбанка. Через него Казанская контора Госбанка передавала средства Чувашпроизводсоюзу, который закупал племенной скот, животных-производителей, корма и снабжал ими в долгосрочный кредит (до трех лет) первичные кооперативы по себестоимости (покупная цена + организационные расходы + стоимость доставки и содержания до момента передачи кооперативам) с начислением 6% годовых и 3% годовых комиссионных³. Наличие посредников при выдаче ссуд удорожало кредиты. К примеру, в 1922 г. областное земельное управление продало одному из кооперативов семена, полученные от Наркомзема РСФСР, с наценкой в 10%, к которым кооператив добавил еще свои 10%⁴.

Сильно пострадавшей от голода Чувашии в 1922–1923 гг. отпускались значительные кредиты на покупку рабочего скота*. Они проходили главным образом через Чувашпроизводсоюз (производственно-кооперативный союз Чувашской автономной области), в 1922–1927 гг. координировавший развитие сельскохозяйственной и кустарно-промышленной кооперации. За период с 1 апреля 1922 г. по 1 октября 1923 г. были закуплены (в основном в Сибири) 1403 лошади для выдачи населению в ссуду, еще 117 лошадей были

* Рабочим скотом считались все использовавшиеся на сельскохозяйственных работах лошади (как в рабочем возрасте, так и не достигшие четырех лет) и волю старше двух лет.

переданы центральными органами власти безвозмездно⁵. Из-за больших транспортных расходов стоимость рабочего скота была высокая, населению лошади выдавались в ссуду на три года с уплатой ежегодно 1/3 суммы⁶. Значительное количество крупного рогатого скота, плугов, железных борон и иного сельхозинвентаря поступало безвозмездно от Центральной комиссии по ликвидации последствий голода.

В целом в начале 1920-х гг. кредитование было нерегулярным и в крайне незначительных размерах. К тому же быстро обесценивавшийся рубль препятствовал развитию вкладных и кредитных операций.

Регулярное, плановое кредитование сельского хозяйства началось в области после организации Чувашского общества сельскохозяйственного кредита (Чувашсельхозбанк*). Система местных сельхозбанков – обществ сельскохозяйственного кредита стала создаваться с начала 1923 г. в соответствии с решениями X Всероссийского съезда Советов для объединения и руководства работой кредитных и ссудо-сберегательных кооперативных товариществ. Устав Чувашсельхозбанка был утвержден Государственным банком 18 августа, но из-за недостатка средства, отсутствия квалифицированных работников учреждение фактически открыло свои операции только с 10 декабря 1923 г. и действовало вплоть до 1 апреля 1930 г. Уставом предусматривались выполнение Обществом сельскохозяйственного кредита следующих задач: содействие снабжению крестьянских хозяйств средствами производства, улучшению и расширению крестьянских хозяйств, повышению качества продукции, ее реализации, организации производств по переработке сельскохозяйственных продуктов и пр.; использование передаваемых обществу Наркоматом земледелия и другими учреждениями специальных капиталов на развитие сельского хозяйства; помощь в организации и развитии кредитных функций в первичных кооперативах и их объединениях, работающих в сельском хозяйстве и сельскохозяйственной промышленности⁷.

Руководство деятельностью обществ сельскохозяйственного кредита, процессами их объединения и согласования работы возлагались в первое время на отдел сельскохозяйственного кредита Госбанка. С развитием кредитной кооперации и сети обществ сельскохозяйственного кредита возникла потребность в создании республиканских и общесоюзного сельскохозяйственных банков при сохранении за Госбанком функций только общего регулирования. В 1924 г. были созданы Центральный (ЦСХБ) и Российский (Россельбанк) сельскохозяйственные банки. Цели и задачи ЦСХБ, а также основы его взаимоотношений с республиканскими и местными сельскохозяйственными банками (обществами сельскохозяйственного кредита) определялись постановлением II съезда Советов СССР от 1 февраля 1924 г.⁸ ЦСХБ

* В уставе в качестве сокращенного названия Чувашского общества сельскохозяйственного кредита было указано «Чувашсельхозкредит», но уже с 1924 г. в официальных документах используется наименование «Чувашсельхозбанк».

собственных филиалов не имел и все свои операции проводил через республиканские банки и общества сельхозкредита. Таким образом, в построении системы сельскохозяйственного кредита сочетались государственные и кооперативные начала.

Государство предоставляло системе сельскохозяйственного кредита разнообразные льготы, в частности налоговые. Кредитные учреждения всех ступеней не облагались подоходным и промысловым налогами; все их паи, вкладные и ссудные операции, а также документы по таким операциям освобождались от гербового сбора. В отношении налогов и сборов, взносов на социальное страхование и арендной платы эти учреждения приравнивались к состоявшим на государственном бюджете⁹.

Чувашсельхозбанк с 1924 г. находился в ведении Россельбанка. В своей деятельности он руководствовался также общими указаниями Наркомзема Чувашской АССР, который осуществлял непосредственное и постоянное наблюдение за деятельностью банка. С этой целью в правлении Чувашсельхозбанка одним из членов состоял заместитель наркома земледелия.

Корреспондентами (агентами) Чувашсельхозбанка являлись первичные кооперативы всех видов и их объединения. К апрелю 1924 г. в области насчитывалось 35 кредитных товариществ и 5 сельскохозяйственных объединений с кредитными функциями, к 1 июля 1925 г. их число возросло соответственно до 90 и 39 товариществ¹⁰. Далеко не все они вошли в сеть Чувашсельхозбанка: в разное время в ней состояло от 40 до 60 кредитных товариществ. Чтобы территориально приблизить кредит к населению, значит, сделать его более доступным, правление Чувашсельхозбанка в июле 1924 г. поставило целью организовать по одному кредитному кооперативу в каждой волости¹¹. Но осуществить планируемое не удалось: к осени 1926 г. неохваченными сетью оставались 12 волостей, следовательно, население автономии было охвачено кредитом неравномерно. Всего на 1 октября 1926 г. в сеть Чувашсельхозбанка входило 18258 крестьянских хозяйств, или около 10% от их общего количества¹². Наряду с заключением корреспондентских договоров с крупными, работающими в волостном масштабе кооперативами Чувашсельхозбанком проводилось и прямое кредитование государственных органов, земледельческих артелей и коммун. С середины 1920-х гг. в целях внедрения в сельское хозяйство коллективных начал стало применяться кредитование целых земельных обществ как юридических лиц на мероприятия по восстановлению сельского хозяйства, имевших общественный характер: на землеустройство, мелиорацию, введение многополья, посев сортовых хлебов, организацию случных пунктов и т.п.¹³

Система сельскохозяйственного кредита вела работу почти исключительно на государственные средства. Мобилизованные кредитными и ссудо-сберегательными товариществами средства населения являлись лишь небольшим дополнением к тем, которые Советское государство отпускало в виде сельскохозяйственного кредита. Так, крестьянские вклады в балансе низовой сети Чувашсельхозбанка составляли на 1 октября 1927 г. только

2,4% (по РСФСР – 3,9%), тогда как перед Первой мировой войной вклады в кооперации составляли около 40%. Чтобы привлечь средства, низовая сеть сельскохозяйственного кредита вынуждена была платить вкладчикам высокие проценты (до 15%)¹⁴. Так как у нее не имелось возможности использовать привлеченные средства в более рентабельных операциях, вклады обращались в целевые ссуды на повышенных процентах. Это, во-первых, удорожало кредит, во-вторых, приводило к нарушениям указаний советской власти о предельных ставках кредита. Например, в 1927/28 г., по данным самих кредитных товариществ, входящих в систему Чувашсельхозбанка, семь первичных объединений взимали более 10% годовых при выдаче краткосрочных ссуд, шесть товариществ – более 6% по долгосрочным ссудам¹⁵. Выросший к маю 1929 г. до 539,5 тыс. руб. основной капитал Чувашсельхозбанка на 55,6% складывался из средств госбюджета и на 19,3% – из местного бюджета. Вклады населения (крестьянские паи) составляли всего 6,8%, другие источники – 18,3%¹⁶. В целом на протяжении 1920-х гг. размер основного капитала банка оставался крайне недостаточным для свободного маневрирования при финансировании сельского хозяйства Чувашии. Но если говорить о финансовых результатах деятельности Чувашсельхозбанка, она была успешной: в течение первых трех лет получена прибыль в размере 40,4 тыс. руб., в 1926/27 г. – 3,5 тыс. руб.¹⁷

Средства отпускались населению и крестьянским объединениям в форме долгосрочных и краткосрочных кредитов. Долгосрочные ссуды фактически являлись среднесрочными и выдавались сроком до трех лет под 6–8% годовых, краткосрочные – на срок до одного года под 10–12% годовых. Проценты по кредиту были высокими и не вполне доступными для крестьянства (хотя и при таких процентных ставках Госбанк с трудом обходился без дефицита), а низовое звено работало в убыток, держась лишь за счет торговых операций*. И все же, чтобы удешевить кредит, в ноябре 1925 г. Совет Труда и Оборона издал постановление о снижении предельных процентных ставок по сельскохозяйственному кредиту: по долгосрочным ссудам – с 7 до 6%, по краткосрочным – с 12 до 10%¹⁸. Высокие проценты по кредитам обуславливали большое количество просрочек, что в свою очередь нередко вело к ликвидации кредитных товариществ.

В структуре кредитов преобладали краткосрочные ссуды, что определялось ограниченными финансовыми возможностями Советского государства. Долгосрочные кредиты шли главным образом на покупку рабочего скота, финансирование землеустроительных и мелиоративных мероприятий (см. табл. 1 и 2). Даже приобретение сельхозинвентаря и сельхозмашин –

* Реорганизация сельскохозяйственных кредитных товариществ началась с конца 1927/28 г. Они были переведены с устава кредитно-кооперативных товариществ на устав сельскохозяйственных кредитных товариществ, что ограничило возможность развертывания торгово-посреднических операций. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 г. сельскохозяйственные кредитные товарищества были реорганизованы в товарищества с чисто кредитно-банковскими функциями.

основных средств производства – осуществлялось преимущественно за счет краткосрочных ссуд. Краткосрочность получаемого кредита наряду с высокими процентами за его использование приводила к тому, что многие сельскохозяйственные кооперативы, как производственные артели и коммуны, так и кредитные товарищества, поневоле вынуждены были обращать ссуды в торговые операции, чтобы иметь возможность уплатить банковские проценты. Очевидно, это снижало эффективность кредитной политики правительства. Вместе с тем, хотя и неустойчиво, но удельный вес долгосрочного кредита в течение 1920-х гг. повышался: в 1923/24 г. долгосрочные ссуды составляли 32,5%, в 1924/25 г. – 17,4%, в 1925/26 г. – 37,2%, в 1926/27 г. – 49,0%, в 1927/28 г. – 43,2%¹⁹.

Форма кредита нередко оказывала решающее влияние на проведение тех или иных мероприятий. Так, на приобретение семян технических культур и трав первоначально выдавались краткосрочные кредиты. Из-за дороговизны семян крестьяне воздерживались брать ссуды. В итоге склады торгующих организаций были переполнены семенами. А это в свою очередь вело к их порче и, соответственно, к значительным убыткам, а главное, стало тормозом переходу на многополье. Не был использован по назначению и открытый ЦСХБ в 1925/26 г. краткосрочный кредит на мелиоративные работы, поскольку из-за медленной окупаемости вложений в мелиорацию не нашлось желающих его получить²². К тому же во многих кредитных товариществах практиковалось установление высоких размеров пени за просрочку по кредитам.

Кредиты выдавались большей частью на производственные нужды и с целевым назначением – на приобретение рабочего скота, сельскохозяйственных машин и орудий и т.д. Перед началом каждого операционного года Чувашсельхозбанк составлял кредитный план, согласовавшийся с Наркомземом Чувашской АССР. В утверждении плана участвовали представители и других заинтересованных учреждений – Госплана, Чувашпроизводсоюза, Чувашского областного отделения Госсельсклада. Размер назначений по отдельным статьям определялся не столько потребностями республики или спросом со стороны крестьянского населения, сколько лимитами ЦСХБ. Следовательно, и выполнение плановых наметок зависело главным образом от своевременного и регулярного поступления займов. Кроме того, нужно иметь в виду, что при распределении кредитов по административным районам ЦСХБ руководствовался принципом экономических коэффициентов, согласно которому наиболее мощные в экономическом отношении районы получали больше средств, а экономически слаборазвитые – меньше. Таким образом, размеры механически определяемых кредитов не всегда соответствовали степени нужды отдельных регионов. В полной мере это относилось к Чувашии, имевшей низкий экономический коэффициент. Поскольку назначение кредитов шло сверху, а не по заявкам первичных кооперативных товариществ, это способствовало использованию средств на местах не по назначению.

Таблица 1

Кредитная деятельность Чувашского общества сельскохозяйственного кредита в 1923/24–1925/26 гг. (в руб.)²⁰

Назначение кредита	1923/24 г.			1924/25 г.			1925/26 г.		
	Долго-срочный	Кратко-срочный	Всего	Долго-срочный	Кратко-срочный	Всего	Долго-срочный	Кратко-срочный	Всего
Финансирование основных затрат и производственных процессов сельского хозяйства									
Рабочий скот	49957	18270	68227	70733	28229	98962	80612	72033	152645
Сельскохозяйственный инвентарь и сельскохозяйственные машины	5160	16925	22085	9093	72469	81562	40656	127937	168593
Сельскохозяйственные постройки, прокатные пункты, тракторы и пр.	–	6375	6375	5913	5550	11463	15050	8700	23750
Землеустройство	–	650	650	22425	340	22765	11200	–	11200
Мелпоязия	10225	8921	19146	7618	500	8118	5800	2072	7872
Семена зерновых культур	–	80	80	–	120058	120058	–	168645	168645
Технические растения и травы	1700	4400	6100	16189	143265	159454	15584	–	15584
Разные культуры	500	1300	1800	2250	20500	22750	–	–	–
Животноводство									
Рогатый скот	–	800	800	3150	7830	10980	1950	113031	114981
Разные отрасли животноводства	–	–	–	–	15890	15890	–	–	–
Корма	120	200	320	120	22825	22945	–	–	–
Сельскохозяйственная промышленность									
Молочное дело	–	300	300	–	1000	1000	–	–	–
Переработка кагдофеля	–	–	–	–	9000	9000	24700	4000	28700
Разные переработки	–	–	–	1100	–	1100	–	–	–
Промыслы сельскохозяйственного значения									
Кустарные промыслы	–	27780	27780	2600	45850	48450	2700	41350	44050
Лесные промыслы	–	–	–	–	–	–	5400	44050	49450
Производство оптического материала	–	–	–	–	–	–	14456	10569	25025
Разные промыслы сельскохозяйственного значения	–	–	–	–	–	–	–	3272	3272
Финансирование системы кредита и сельскохозяйственной кооперации									
Сельскохозяйственная кооперация	–	–	–	28300	–	28300	91600	–	91600
Оборотные средства кредитной сельскохозяйственной кооперации	200	37680	37880	1100	92629	93729	–	40345	40345
Переселенческие, бедняцкие и другие специальные кредиты	–	17430	17430	1250	229285	230525	66455	–	66455
Итого	67862	14111	208973	171841	815220	987061	376163	636004	1012167

Примечание: «-» – по данному наименованию кредит не был предоставлен.

**Кредитная деятельность Чувашиского общества сельскохозяйственного кредита
в 1926/27 г. (в руб.)²¹**

Назначение кредита	Долго-срочный	Кратко-срочный	Всего
Основные капиталы крестьянского хозяйства и финансирование основных затрат сельского хозяйства			
Рабочий скот	226801	77082	303883
Сельскохозяйственные машины и сельскохозяйственный инвентарь	100419	160133	260552
Тракторы и другие двигатели	2500	400	2900
Электрификация, прокатные и зерноочистительные пункты, элеваторы и сельскохозяйственные постройки производственного значения	128202	5803	134005
Землеустройство	23002	1800	24802
Мелиорация	13610	100	13710
Минеральные удобрения и средства для борьбы с вредителями	–	300	300
Финансирование производственно-снабженческих процессов хозяйства			
Растениеводство	21374	98732	120106
Животноводство	45120	72508	117628
Финансирование сбытовых процессов хозяйства			
Растениеводство	1250	33105	34355
Животноводство	–	1018	1018
Сельскохозяйственная промышленность			
Сельскохозяйственная промышленность	29835	3000	32835
Промыслы сельскохозяйственного значения			
Кустарные промыслы	13620	49104	62724
Лесные промыслы	3400	86380	89780
Разные промыслы сельскохозяйственного значения	1500	500	2000
Финансирование системы сельскохозяйственного кредита и сельскохозяйственной кооперации			
В основные и специальные капиталы сельскохозяйственной кредитной кооперации	81423	–	81423
На усиление оборотных средств учреждений сельскохозяйственного кредита	9860	149048	158908
Всего	701916	739013	1440929

Необходимо отметить, что и сами ссудозаемщики часто расходовали кредиты не по назначению. Это было особенно характерно для бедняков, использовавших полученные средства на покупку хлеба. Кроме вышеуказанного преобладания краткосрочного кредита, нецелевое использование ссуд было связано с выдачей преимущественно мелких ссуд. Согласно проведенному летом 1927 г. обследованию 186 крестьянских хозяйств, треть всех ссуд была меньше 20 руб., а ссуды до 50 руб. составляли в общей массе 75,9%. В итоге, по данным того же обследования, бедняки использовали по назначению 70% выданных средств, середняки – 73%, зажиточные – 92%²³. Понятно, что дробление на мелкие ссуды происходило по причине незначительности средств и наличия в низовых кредитных товариществах большого количества членов, нуждавшихся в кредите. Чувашсельхозбанк пытался наладить серьезный контроль за движением средств и работой низовой сети, организуя плановые ревизии и обследования. Однако трех разъездных инспекторов в 1927 г. на 54 товарищества явно для этого было недостаточно. К тому же в некоторых товариществах ввиду запущенности и запутанности счетоводства инспекторам приходилось задерживаться вместо плановых трех-пяти дней на две-три недели²⁴.

По мере улучшения финансовой ситуации в стране размеры выделяемых на сельское хозяйство средств возрастали (см. табл. 1 и 2). Всего за

1923/24–1927/28 гг. Чувашсельхозбанк выдал кредитов на сумму почти 5,7 млн руб., в том числе 2,2 млн руб. в виде долгосрочных ссуд (38,6%)²⁵. Как и в начале 1920-х гг., деньги в первую очередь шли на приобретение рабочего скота. В 1923/24 г. на эти цели было направлено 32,6% всех средств. В последующие годы данная статья кредитов тоже оставалась одной из самых главных несмотря на то, что со снижением остроты проблемы сократился и удельный вес ссуд на приобретение рабочего скота: в 1924/25 г. он равнялся 10,0%, в 1925/26 г. – 15,1%, в 1926/27 г. – 21,1%, в 1927/28 г. – 10,6%²⁶. Большая востребованность кредитов на приобретение рабочего скота определялась его необходимостью для нормального функционирования крестьянского хозяйства, хотя в руководстве автономии уже к середине 1920-х гг. сложилось устойчивое мнение, что малоземельное хозяйство Чувашии «относительно переобременено скотом»²⁷.

Вторым важнейшим направлением являлось предоставление ссуд на приобретение сельхозинвентаря и сельхозмашин. Если в 1923/24 г. на эти цели было отпущено 10,6% кредитных средств Чувашсельхозбанка, то в 1925/26 г. – 16,7% (см. табл. 1), в 1929 г. – 33%²⁸. Таким образом, возрастание удельного веса кредитов на приобретение сельскохозяйственных машин и орудий происходило за счет сокращения удельного веса ссуд на покупку рабочего скота.

В середине 1920-х гг., когда ряд районов республики пострадал от засухи, важное значение приобрела выдача ссуд на приобретение семян зерновых культур. В 1924/25 г. на эти цели было выделено 12,2%, в 1925/26 г. – 16,7% кредитов. Семенная помощь оказывалась как деньгами, так и натурой. Денежные ссуды Чувашсельхозбанка на приобретение семян направлялись крестьянству отдаленных населенных пунктов при условии возврата выданных средств осенью с надбавкой 9%²⁹. В прилегающих к ссыпным пунктам местностях яровые семссуды отпускались натурой с надбавкой, равной в 1924 и 1926 гг. 22%, в 1925 г. – 10%³⁰. Чрезвычайная помощь в форме семенных ссуд обычно шла через ведомственные учреждения – сначала через областное земельное управление, позже через Наркомзем Чувашской АССР.

В отдельные годы из центра направлялись значительные средства на осуществление определенных мероприятий. Из табл. 1 видно, что в 1923/24 г. резко увеличилось финансирование мелиоративных работ, в 1924/25 г. – выдача ссуд на приобретение семян технических культур и трав. В 1925/26 г. на средства Чувашсельхозбанка был построен картофелетерочный завод, необходимый для развития товарных отраслей сельского хозяйства. В 1928 г. руководство автономии добилось включения ее в категорию засушливых областей, и республика начала получать средства из фонда борьбы с засухой³¹.

Наиболее же слабым звеном в работе Чувашсельхозбанка являлось кредитование процессов индустриализации сельского хозяйства (строительство инкубаторов, предприятий по переработке молока, картофеля, плодов,

хмеля) и специальных отраслей сельскохозяйственного производства – садоводства, хмелеводства, льноводства, птицеводства, свиноводства и др.

Распределение кредитов по назначению можно охарактеризовать не только по объемам выданных средств. Востребованность ссуд различного назначения проявляется при анализе числа выданных кредитов сельскому населению и объединениям крестьян. Это тем более важно, поскольку позволяет снизить влияние фактора стоимости проводимого мероприятия: очевидно, что по своим размерам кредит на землеустройство, например, был несопоставим со ссудой на приобретение коровы. Как видно из таблицы 3, в деревне в 1927/28 г. в количественном отношении больше всего брались ссуды на обеспечение текущих затрат полеводства, приобретение сельскохозяйственных машин и орудий, а также на покупку рабочего скота.

Таблица 3

Размер и назначение ссуд, выданных в 1927/28 г. кредитными товариществами, входящими в сеть Чувашсельхозбанка³²

Назначение выданных ссуд		Число ссуд	Сумма (руб.)
Покупка рабочего скота		2167	188870
Покупка и починка	тракторов	1	3503
	сельскохозяйственных машин и орудий	7984	259172
Покупка, возведение и ремонт сельскохозяйственных построек		1306	94160
Мелиорация и ирригация		32	15442
Землеустройство		4	3560
Переселение и расселение		298	40507
Текущие затраты по полеводству (контрактация посевов, покупка семян, минерального удобрения, средств борьбы с вредителями, наем машин, рабочей силы, рабочего скота и т.п.)		8159	351833
Садоводство, виноградарство, огородничество и бахчеводство		155	6267
Животноводство (покупка животных, корма для скота, постройки и пр.)	Молочное животноводство	1067	27874
	Другие отрасли животноводства	608	20205
Прочие производственные нужды крестьянского хозяйства		710	22059
Кредитование промышленных предприятий (устройство помещений и оборудование их, зарплата, покупка сырья и пр.)	Мельницы и крупорушки	25	15176
	Другие предприятия	213	1427
Кредитование промыслов (покупка орудий, материалов, снаряжение в отхожие промыслы)	кустарных	267	25349
	лесных	136	5096
	прочих	247	10032
Прочее кредитование	Ссуды без определенного назначения	551	16084
	Ссуды непроизводственного значения (продовольствие и пр.)	436	11073
Итого		24366	1117689

В середине 1920-х гг. были приняты очередные постановления, расширявшие возможности кредитования на производственные нужды. 11 января 1924 г. ЦИК и СНК СССР с целью облегчения покупки сельскохозяйственных орудий обязали государственные учреждения и предприятия, а также кооперативные организации продавать их крестьянству по ценам, не превышавшим цены, существовавшие на рынке³³. На расходы по снабжению крестьян этими орудиями по удешевленным ценам из государственного бюджета отпускались особые средства, сосредоточенные в ЦСХБ. В сентябре 1924 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Положение о кредите на

производство землеустроительных работ». Ссуды в размере до 90% стоимости землеустроительных работ выдавались для поощрения перехода к улучшенным формам землепользования путем землеустройства. В первую очередь удовлетворялись ходатайства коллективов и земельно-кооперативных объединений³⁴. В августе 1925 г. Совет Труда и Оборона принял решение продавать трудовым крестьянам тракторы по твердым продажным ценам независимо от места их производства в рассрочку на период до трех урожаев³⁵.

Банковские ссуды, кроме семенных, выдавались в денежной форме. В середине 1920-х гг. Наркомзем Чувашской АССР вынес ряд постановлений о необходимости натурального кредитования по машиноснабжению, но они не были реализованы. Натуральное кредитование крестьянского населения сельскохозяйственными машинами и орудиями на средства Чувашсельхозбанка получило распространение после принятия соответствующего решения Вторым Всечувашским съездом Советов Чувашской АССР (март 1927 г.)³⁶. Снабжение в кредит населения сельскохозяйственными машинами и орудиями, а также семенами трав и огородных растений производилось Областным отделением Госсельсклада, организованным в 1923 г. Стимулируя развитие кооперации, Госсельсклад отпускал ей товары в кредит и со скидками до 10%. Единоличным покупателям сельхозмашины продавались главным образом за наличный расчет³⁷. Но в деятельности Госсельсклада кредитные операции не занимали центрального места, а являлись ее отдельными моментами. В незначительных размерах сельскохозяйственное кредитование осуществлялось также Чувашпроизводсоюзом. В отличие от Чувашсельхозбанка, здесь большее значение имели кооперативные средства.

Во второй половине 1920-х гг. кредитная политика правительства стала приобретать все более ярко выраженный классовый характер. Пленум ЦК РКП(б) в апреле 1925 г. принял решение ассигновать из государственного бюджета 1924/25 г. не менее 3 млн руб. для предоставления льготного кредита бедняцким хозяйствам на проведение землеустроительных работ³⁸. Октябрьский пленум ЦК РКП(б) 1925 г. постановил разработать «дополнительные меры по облегчению доступа бедняков в сельскохозяйственную и кредитную кооперацию ... и по увеличению материальной помощи беднейшим слоям деревни путем расширения сельхозкредита»³⁹.

В 1926–1927 гг. для льготного кредитования бедняцких и коллективных хозяйств были образованы специальные фонды. 17 марта 1926 г. СНК СССР утвердил положение о фонде кредитования бедноты (так называемый «бедняцкий фонд»). Фонд учреждался при Центральном сельскохозяйственном банке и предназначался для льготного кредитования как кооперированного сельского бедняцкого населения, так и отдельных бедняцких хозяйств и состоял из специальных бюджетных ассигнований, отчислений от прибылей ЦСХБ и других источников⁴⁰. Его создание обуславливалось тем, что на общих основаниях беднота не могла кредитоваться в достаточ-

ной степени: ссуды обычно составляли лишь часть суммы, необходимой для приобретения того или иного средства производства, а у бедноты не было никаких накоплений; бедняцкие хозяйства не могли гарантировать своевременной выплаты кредита и процентов по нему, более того, часто направляли ссуды не по назначению. Из бедняцкого фонда ссуды выдавались в размере до 1000 руб. для колхозов и до 150 руб. для единоличных хозяйств под 6% годовых для приобретения скота и орудий производства на срок от трех до пяти лет. В целях оказания действительной помощи бедняцкому хозяйству, предоставления ему возможности обзавестись необходимым рабочим скотом и инвентарем размер ссуды устанавливался для отдельного хозяйства не ниже 100 руб. Средства выдавались тем бедняцким хозяйствам, для которых, по заключению сельсоветов и крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, кредитование за счет общих средств сельскохозяйственного кредита являлось недоступным. Созданием фонда преследовалась также задача стимулирования коллективизации сельского хозяйства и кооперирования крестьянского населения. Инструкциями Чувашсельхозбанка по использованию средств на кредитование бедноты предписывалось выдавать ссуды в первую очередь коллективным хозяйствам и членам сельскохозяйственных и кредитных товариществ, а лишь затем отдельным некооперированным крестьянским хозяйствам⁴¹. К октябрю 1928 г. из бедняцкого фонда было выдано по республике 378,6 тыс. руб. Подавляющая часть средств пошла на приобретение скота несмотря на то, что на общем собрании пайщиков Чувашсельхозбанка в феврале 1928 г. подчеркивалась необходимость уменьшения кредита по данной статье с направлением ссуд на введение в сельском хозяйстве коллективизма и агротехнических новшеств (многополье, выращивание технических культур и др.)⁴². Так, в 1927/28 г. 71,4% выданных кредитов пришлось на покупку рабочего скота, 13,1% – на приобретение пользовательского, молочного и племенного скота; ссуды на сельскохозяйственные машины и инвентарь составили всего 8,7%, на сельхозпостройки – 0,5%; на кредитование кустарей направлено 6,2%. При этом колхозы, объединявшие незначительную часть крестьянского населения (1,6% на 1 октября 1928 г.), получили 70,35 тыс. руб., или 38,1% средств фонда. Особенностью кредитования коллективного сектора было то, что большие средства отпускались на приобретение сельхозмашин. Из 11,9 тыс. руб., выданных на эти цели, доля колхозов составила 89,1%⁴³.

С принятием постановления СНК СССР от 29 октября 1926 г. «О фондах кредитования деревенской бедноты» такие фонды создавались уже при всех сельскохозяйственных банках союзных республик⁴⁴. 11 апреля 1929 г. Совнарком СССР вместо республиканских бедняцких фондов указал образовывать фонды кооперирования и коллективизации деревенской бедноты и батрачества при кооперативных организациях всех степеней и видов и при учреждениях системы сельскохозяйственного кредита. С 1929 г. фонды начали выдавать бедняцким хозяйствам и батракам беспроцентные ссуды на срок от пяти до десяти лет для уплаты вступительных и паевых взносов в колхозы и другие кооперативные организации⁴⁵.

9 мая 1927 г. правлением ЦСХБ было утверждено «Положение о специальных фондах по долгосрочному льготному кредитованию колхозов», образованных постановлением ЦИК и СНК СССР от 16 марта 1927 г. «О коллективных хозяйствах». Ссуды из колфондов выдавались на приобретение основных средств производства на срок от пяти до десяти лет с взиманием 5% годовых⁴⁶. В 1926/27 и 1927/28 гг. из ЦСХБ и бюджета РСФСР поступило в республиканский колфонд 96,9 тыс. руб., из них к октябрю 1928 г. было выдано 92,9 тыс. руб.⁴⁷ Более 203,9 тыс. руб. получили колхозы Чувашии в 1928/29 г. из фонда борьбы с засухой, что составило 70,8% ассигнованных средств⁴⁸.

В конце 1920-х гг. резко возросли льготы и размеры выдаваемых бедняцким хозяйствам и колхозам ссуд за счет общей системы сельскохозяйственного кредита. «Положение о системе сельскохозяйственного кредита», утвержденное ЦИК и СНК СССР 7 января 1927 г., предоставило бедняцким слоям деревни преимущественное право на получение ссуд и на снабжение сельхозинвентарем⁴⁹. Чувашсельхозбанком было дано низовой сети задание на 1928/29 г. направить беднякам не менее 40% суммы, предусмотренной для единоличников⁵⁰. Усиление контроля за социальным составом кредитруемых сопровождалось также юридическим и фактическим ограничением участия кулаков в кооперации. 3 января 1928 г. Совнарком Чувашской АССР установил условия продажи и сроки кредитования на сельскохозяйственные машины и орудия, ограничившие возможности приобретения сельхозмашин зажиточным крестьянством⁵¹. С весны 1928 г. была прекращена свободная розничная торговля машинами и орудиями, введен строгий учет социального положения их покупателей, в особенности тех, кто прибегал к помощи кредита. На 1929 г. были установлены нормы машиноснабжения различных социальных групп деревни. Снабжение машинами и орудиями бедняцких, середняцких и кулацких хозяйств велось пропорционально их удельному весу в деревне⁵². В это же время была отменена стеснительная для бедноты практика индивидуальных поручительств за заемщиков-бедняков; установлено взимание с бедняцких хозяйств процентов по ссудам не вперед (при выдаче ссуды), а в сроки погашения ссуды; введена уголовная ответственность за использование не по назначению средств, направленных на кредитование деревенской бедноты⁵³. Наряду с увеличением средств, отпускавшихся государством совхозам, колхозам, деревенской бедноте, было проведено крупное снижение ставок процентов по сельскохозяйственному кредиту для колхозов и деревенской бедноты: с 7% в 1925 г. до 4% в 1929 г. по долгосрочным ссудам и с 12 до 7% по краткосрочным ссудам⁵⁴.

Что касается колхозов, то на них в 1928–1929 гг. фактически пролился «кредитный дождь». Так, в течение только весенней посевной кампании 1928 г. они получили 125,8 тыс. руб. кредитов: 37,8 тыс. руб. за счет колхозного фонда, 42,4 тыс. руб. из бедняцкого фонда и 45,6 тыс. руб. от общей системы сельскохозяйственного кредита. Больше половины ссуд пошло на

приобретение рабочего скота и сельхозмашин, остальная часть – на покупку продовольственного и племенного скота, строительство сельскохозяйственных построек и промышленных предприятий, развитие интенсивных отраслей сельского хозяйства (садоводства, огородничества, хмелеводства)⁵⁵. На финансирование всего сельского хозяйства весной 1928 г. было выделено 530 тыс. руб. Таким образом, доля колхозов в кредитовании сельского хозяйства составила 23,7%, тогда как объединяли они примерно 1% крестьянских хозяйств. В среднем на один колхоз приходилось не менее 1000 руб.⁵⁶ За 1927/28 хозяйственный год в целом коллективным хозяйствам было выдано 218,2 тыс. руб., преимущественно долгосрочной ссуды. Краткосрочная ссуда составила лишь 4,5%⁵⁷. В 1928/29 хозяйственном году колхозы получили 784 тыс. руб., или 36,3% выделенных на сельское хозяйство кредитов при 3,6% коллективизации в октябре 1929 г.⁵⁸ На одно объединение приходилось уже более 2260 руб. О масштабах государственной поддержки колхозов наглядно свидетельствуют и числившиеся за ними задолженности по кредитам. У артели «Плуг» Татаркасинского района задолженность в октябре 1928 г. составляла около 24 тыс. руб., у коммуны «Волонтер» Вурнарского района летом 1929 г. – 18,7 тыс. руб.⁵⁹ Колхозам предоставлялись, хотя и нечасто, и безвозвратные ссуды. Так, из средств, отпущенных в апреле 1929 г. на организацию ремонтных мастерских, безвозвратные ссуды составили 10,2%⁶⁰.

Естественно, подобное главенство идеологических соображений над экономической целесообразностью порождало у колхозников иждивенческие настроения. Государственные кредиты, выдаваемые чуть ли не по разнарядке всем колхозам, использовались неэффективно, вследствие чего и возникали громадные задолженности колхозов по кредитам. Дело доходило до того, что кредиты, предусматривавшиеся на переселение, использовались также при отведении земли на небольшом расстоянии от села. Так, члены колхоза «Буденный» Малоляльчиковского района переселились из одной части деревни в другую (некоторые хозяйства – всего на 50–70 метров), затратив на перенос строений около 1,5 тыс. руб.⁶¹

Таким образом, для денежно-кредитной политики советского правительства в 1920-е гг. была характерна аналогичная тенденция развития, что и для налоговой, а именно последовательное усиление курса на сглаживание социальной дифференциации в деревне, пусть и за счет определенного снижения экономической эффективности аграрного сектора.

В целом кредитная политика Советского государства стала важным средством регулирования социально-экономических отношений в стране. Установление для крестьянства разнообразных льгот способствовало быстрому восстановлению производительных сил в сельском хозяйстве. В частности, в 1924 г. был превышен довоенный уровень поголовья крупного рогатого скота, к концу 1927 г. восстановлено поголовье лошадей. В разы увеличилось количество сельскохозяйственных машин, использующихся на полях республики⁶². Без налоговых льгот и широкого кредитования было бы

невозможно внедрение агрокультурных мероприятий в земледелие, проведение мелиоративных и землеустроительных работ. Финансово-кредитная политика Советского государства имела большое социальное значение. Она способствовала осереднячиванию деревни за счет бедняцких и малоименных середняцких хозяйств. В годы новой экономической политики сократилось количество малопосевных, бескоровных и безлошадных хозяйств, повысилось благосостояние крестьянства. Государственные финансовые мероприятия в формах выдачи значительных ссуд, предоставления льгот по кредитам и налогам, снабжения средствами производства на льготных условиях явились важным фактором развития процессов коллективизации сельского хозяйства и кооперирования крестьянства. Однако во второй половине 1920-х гг. все более ярко выраженный характер стала приобретать узкоклассовая направленность всей внутренней политики Советского государства. Наметившийся отход от нэпа с наступлением на «капиталистические элементы деревни» особенно наглядно проявился в финансово-кредитной политике, в которой идеологические установки окончательно возобладали над экономической целесообразностью.

Подводя итоги исследования, видится вполне целесообразным определить контуры некоторых будущих изысканий, необходимых для более полного анализа проблемы. Во-первых, это влияние различных факторов на развитие системы сельскохозяйственного кредита в СССР, в том числе и в Чувашии. Среди таких факторов можно выделить денежную реформу 1922–1924 гг. и эволюцию денежно-кредитной системы в целом, кризисы нэпа. Во-вторых, важно исследовать механизм принятия решений в области товарно-денежных отношений партийным руководством страны, показать в каком соотношении находились взгляды на задачи и перспективы нэпа в области финансов сталинского большинства в руководстве страны и его политических оппонентов. В-третьих, представляют интерес дискуссии по вопросам денежного обращения и кредита среди экономистов и партийной номенклатуры страны, изучение которых позволит выявить основные тенденции в данных спорах и их корреляцию с реалиями нэпа. Наконец, нельзя не отметить влияние личностного фактора в истории, что требует обращения к изучению жизни и деятельности руководства Чувашсельхозбанка.

Источники и литература

¹ Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1922. № 10. Ст. 110.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). М., 1984. Т. 3: 1922–1925. С. 118–119.

³ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р–196. Оп. 1. Д. 667. Л. 24.

⁴ 3-й Областной съезд Советов Чувашской Автономной Области // Чувашский край. 1922. 6 декабря. С. 1.

⁵ Отчет Областного Экономического Совещания Совету Труда и Оборона. 1 апреля 1922 – 1 апреля 1923 г. Чебоксары: Изд-е Обэжоса АЧО, 1923. С. 97; Там же. 1 апреля – 1 октября 1923 г. Чебоксары, 1923. С. 12.

- ⁶ ГИА ЧР. Ф. Р–196. Оп. 1. Д. 764. Л. 145.
- ⁷ Там же. Д. 625. Л. 83–100.
- ⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, 1917–1967. М., 1967. Т. 1: 1917–1928. С. 403–404.
- ⁹ *Дьяченко В.П.* История финансов СССР (1917–1950 гг.). М., 1978. С. 108.
- ¹⁰ ГИА ЧР. Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 96. Л. 14 об., 42 об.
- ¹¹ Там же. Ф. Р–210. Оп. 1. Д. 77. Л. 258 об.
- ¹² Там же. Ф. Р–202. Оп. 1. Д. 58. Л. 63.
- ¹³ Там же. Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 78. Л. 35.
- ¹⁴ *Иваницкий Д.* Состояние низовой сети системы сельскохозяйственного кредита в Чувашской республике // Чувашское хозяйство. 1928. № 3–4. С. 101; *Михайлов П.* Вкладные операции в низовой сети Чувашского общества сельскохозяйственного кредита // Там же. С. 97.
- ¹⁵ ГИА ЧР. Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 544. Л. 7 об.
- ¹⁶ Там же. Ф. Р–197. Оп. 1. Д. 593. Л. 830.
- ¹⁷ Там же. Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 353. Л. 47.
- ¹⁸ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР, издаваемое Управлением делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР и СТО (СЗ СССР). 1925. № 77. Ст. 588.
- ¹⁹ ГИА ЧР. Ф. Р–197. Оп. 1. Д. 593. Л. 28.
- ²⁰ Там же. Д. 948. Л. 28.
- ²¹ Там же. Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 353. Л. 18.
- ²² Там же. Д. 183. Л. 2–2 об.
- ²³ Отчет Чувашского областного комитета ВКП(б). Январь–октябрь 1927 г. К XII областной конференции. Чебоксары, 1927. С. 25.
- ²⁴ *Иваницкий Д.* Указ. соч. С. 104.
- ²⁵ Подсчитано по: ГИА ЧР. Ф. Р–197. Оп. 1. Д. 593. Л. 93; Д. 948. Л. 28.
- ²⁶ ГИА ЧР. Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 353. Л. 18; Ф. Р–197. Оп. 1. Д. 948. Л. 28.
- ²⁷ Чувашский край / под ред. *И.И. Илларионова* и др. Чебоксары, 1925. Вып. 1. С. 9.
- ²⁸ Десять лет Чувашской АССР (1920–1930) / ред. *В. Токсин*. Чебоксары, 1930. С. 221.
- ²⁹ Отчет Исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов АЧССР за 1924/25 год. Чебоксары, 1925. С. 39.
- ³⁰ ГИА ЧР. Ф. Р–197. Оп. 1. Д. 429. Л. 110.
- ³¹ *Михайлов А.М.* О хозяйственном и культурном строительстве Чувашской республики. Чебоксары, 1928. С. 29.
- ³² ГИА ЧР. Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 544. Л. 10. Сведения даны по 52 из 57 товариществ, входивших к 1 октября 1928 г. в сеть Чувашсельхозбанка.
- ³³ СУ РСФСР. 1924. № 22. Ст. 217.
- ³⁴ Там же. № 80. Ст. 812.
- ³⁵ СЗ СССР. 1925. № 52. Ст. 396.
- ³⁶ Постановления 2 (7) Всечувашского съезда Советов ЧАССР (24–31 марта 1927 г.). Чебоксары, 1927. С. 28.
- ³⁷ ГИА ЧР. Ф. Р–196. Оп. 1. Д. 806. Л. 28.
- ³⁸ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 3. С. 345.
- ³⁹ Там же. С. 415.
- ⁴⁰ СЗ СССР. 1926. № 27. Ст. 171.
- ⁴¹ ГИА ЧР. Ф. Р–197. Оп. 1. Д. 403. Л. 48–48 об.
- ⁴² Там же. Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 353. Л. 56–57 об.
- ⁴³ Подсчитано по: ГИА ЧР. Ф. Р–197. Оп. 1. Д. 593. Л. 94.
- ⁴⁴ СЗ СССР. 1926. № 72. Ст. 560.
- ⁴⁵ Там же. 1929. № 26. Ст. 239; № 60. Ст. 557.
- ⁴⁶ *Столяров М.* Законодательство о колхозах. Узаконения и распоряжения. М.; Л., 1930. С. 139–141.
- ⁴⁷ ГИА ЧР. Ф. Р–210. Оп. 1. Д. 147. Л. 29.
- ⁴⁸ Подсчитано по: ГИА ЧР. Ф. Р–197. Оп. 1. Д. 865. Л. 203.

- ⁴⁹ СЗ СССР. 1927. № 4. Ст. 39.
- ⁵⁰ ГИА ЧР. Ф. Р–210. Оп. 1. Д. 361. Л. 7.
- ⁵¹ СУ ЧАССР. 1928. № 5. Ст. 50.
- ⁵² *Данилов В.П.* Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. С. 237.
- ⁵³ *Дьяченко В.П.* Указ. соч. С. 207–208.
- ⁵⁴ СЗ СССР. 1929. № 69. Ст. 653.
- ⁵⁵ ГИА ЧР. Ф. Р–197. Оп. 1. Д. 638. Л. 68.
- ⁵⁶ Там же. Л. 68–68 об.
- ⁵⁷ Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. П–1. Оп. 10. Д. 149. Л. 110.
- ⁵⁸ ГИА ЧР. Ф. Р–210. Оп. 1. Д. 353. Л. 48.
- ⁵⁹ Там же. Ф. Р–199. Оп. 1. Д. 56. Л. 336; Ф. Р–379. Оп. 1. Д. 32. Л. 37 об.
- ⁶⁰ Подсчитано по: ГИА ЧР. Ф. Р–199. Оп. 1. Д. 49. Л. 139.
- ⁶¹ Там же. Д. 54. Ч. 1. Л. 295.
- ⁶² *Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии.* Чебоксары, 1989. Ч. 1. С. 98, 101.

E.V. Kasimov

**CREDIT POLICY OF THE SOVIET STATE AS AN INSTRUMENT
FOR REGULATION OF THE AGRICULTURAL PRODUCTION
IN CHUVASHIA DURING NEP YEARS**

On the pattern of the agricultural production in Chuvashia the article scrutinizes the issues of the credit policy of the Soviet government during the NEP years, apportion of credits and their claiming in the peasants' surroundings, the influence of bank loans on the processes of the reconstruction of agriculture devastated during the Civil war years. There is a tendency to increase the course of social differentiation out of town characteristic for 1920s.

Key words: Chuvashia, peasantry, new economic policy, credit policy.

ЧГВ, 2012 г., № 7
© В.В. Никифорова

СЁНЁ ЁМЁРТИ ЧАВАШ
ПРОЗИН САН-САПАЧЁ
(2006–2010)

«Нулевые» годы XXI в. в чувашской литературе характеризуются продолжением традиций 1990-х гг. В то же время современная проза ищет новые ориентиры и идеалы вместо прежних разрушенных. Состояние литературного процесса начала XXI в. обозначается как переходный период, определяющий дальнейшее развитие литературы. Обзор чувашской прозы 2006–2010 гг. позволяет выделить в ней следующие важнейшие составляющие: традиционная, альтернативная, интеллектуальная.

Ключевые слова: чувашская литература, современная проза, литературоведение, критика, традиционная проза, альтернативная проза, интеллектуальная проза, «профессорская литература».

«Чăваш халăхĕ малалла кайĕ-ши, каймĕ-ши?»
Г. Комиссаров, 1917¹.

XXI ёмёрĕн малтанхи вунă сулĕ иртсе те кайрĕ. Çак вăхăтра общество пурнăçĕнче сахал мар улшăну пулса иртрĕ. Литература та пĕр вырăнта тăмасть паллах. «Нульмĕш» сулсене вырăс литературинче критиксем, калаçса татăлнă пек, пĕтĕмĕшле пĕр евĕрлĕ те кичем вунă суллăх тесе палăртаççĕ². Пирĕн чăваш литературинче лару-тăру еплерех-ши? Çак ыйтăва эпир хамăр статьяра хуравлама тăрăшăпăр. Малтанхи пилĕк суллăха хайне уйрăм ёçре пăхса тухнăччĕ³. Халĕ калаçăва малалла тăсатпăр.

Георгий Федоров шухăшĕпе, юлашки 15–20 сул хушшинчи чăваш прозин иртнĕ сĕр суллăх («трагедипе лăк тулса ларнă ёмĕр») пуçĕнчи тата варринчи тымарĕсем чĕрĕ пулни палăрчĕ⁴. Ыйтăва тарăнрах кĕрсен çакнашкал пĕтĕмлетÿ тума пулать те пулĕ. Çиелти

Вера Витальевна Никифорова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: vera.nickiforova@yandex.ru.

куç курәм вара сән йөркелү вәхәтәнчи тата хысқанхи литературәна уйрамшарән пәхма хистет.

1990-мөш сүлсенчипе танлаштарсан литературәри лару-тәру паләрмаллах улшәнман та темелле: малтанхи ориентирсемпе идеалсем арканнә хысқан сәннисем сирәплеңеймерс. Паянхи сын хәйән уйрам пәлтерешне хаклама вәренет, литературәри геройшән та «пурнәсри вырәна» мар, хәйне хәй шырани пәлтерешләрех пулса тәрәт⁵. Тен, савәнпа та хайлавсенче тәп вырәна герой йышәнәт. Сакнашкәл туртәм 1920-мөш сүлсенчи драматургире уйрамах паләрнә⁶.

Урәхла каласан, илемлө шухәшлаври сән йөркелү тапхәрә нумая тәсәлчә пирән; эппин, литература сәнелсе улшәнәсси те («обновление») вәраха пымалла. Прозәра сине тәрса әслекенсен йышә те шулпә пирән, сирәпләннә принципсемпе тава кәрәкен е урә шайра аталантаракан тата сахалрах.

Литература хутләхне тәрлө принципсемпе ушкәнләса пәхма пулат. Г.И. Федоров әкә икә турат уйәрәт: «Чән, власть сыннисене сәнлани теплерен публицистика, тавлашуләх авәрне путса, сәрсене ытларах та үстерет пулө, анчах та әнтә ку илемлөхән хәйле саккунәсем пур. Әна хәлхи литературән пәр турачә тейәпәр. Тепри те пур: “ахәл сынсен кулленхи хутшәнәвәсене сәнләсси, сәме, юрату сәнарәсене тәпчәсси, харпәрләх (хваттер, укса...) нуши-хурине тишкерәсси, әтем хәйне уйрам сын пек мар, обществәри социаллә тип пек әсланине асәрхәсси (герой хәйне пәчәк сын пек курни, кәвәсүпе хәрсә пурәнни т.ыт.те)”»⁷.

Хамәр статьяра эфир прозәна пәтәмешләрех критерисемпе уә курса тишкерәсшән. Пысәк тапхәра пәхса тухакан әсрә пәр-пәр уйрамләха тарәннән сәнләма йывәртарах. Ку әсрә сәнә әмәрти проза епләрех сүлсемпе утнине курма, уйрам писатель илемлөх хутләхне мән сәнни илсе килнине сәнама, вәхәт иртнәсәмән литература геройә мәнле улшәннинне әнланса илме тәрәшәпәр. Кам вәл «пирән вәхәтән геройә»? «Литературәпа искусствәри пархатарлә сәнар “вилнә” хысқан пуç сәклерә вәрә-хурах», – тенәччә Д. Гордеев⁸. Урәхлах герой пур-и пирән прозәра? Сакән евәрлө ыйтусене хуравләма тәрәшәпәр эфир.

Хәлхи проза аталанәвәнче виçә йәр (е сий) уйәрса илме пулат⁹.

Пәри вәл – традициллә, е «официаллә» проза. Вәл сав тери нумай енлө. Кунта тәрлө шайри, үсәмри прозаиксем кәрәсчә. Вәсем маларах аталаннә традицисене тытса пырасчә, урәхла каласан, унчәнхилле сырасчә. «Официаллә» сәмахән темисә пәлтереш, вәсенчен чи курәмлисем: авторсенчен ытларахәшә писательсен союзәсенче тәни¹⁰, пултаруләхне шулта та вәрәнтни; кәскен каласан, вәсем *писатель* статусне илни¹¹.

Иккәмешә – альтернативлә проза¹². Урәхла, сирәпләннә канонсене ятарләса аркатакан литература. Критикәллә. Кунашкәл

проза тӗслӗхӗсем нумаях мар (пирӗн чӗваш литератури ытларах традициллӗ канонсене килӗштерет). Кунашкал литературӑн ауди-торийӗ те пӗчӗк. Эстетика тӗлӗшӗнчен вӑл та тӗрлӗ енлӗ. Калӑпӑр, постмодернизм картинче хайланӑ повесть-калавра метафорӑпа условность пӗлтерӗшлӗ. Ку литература «андеграунд» ӑнлава ҫывӑх. Курӑмлӑ тӗслӗх – В. Степанов хайлавӗсем. Вӑл пирӗн нимӗнле союзра та тӑмасть (пултарула, паллах, союзра тӑнипе ҫыхӑнмасть-ха).

Тепӗр курӑмлӑ тӗслӗх – Юрий Санӑн 2009 ҫ. пичетленӗ «Упи каҫман ҫырминчен...» романӗ. Жанр тӗлӗшӗнчен тӗрех палӑртма сук ӑна. Темиҫе сийлӗ вӑл. Кунта чӑн пурнӑҫпа шухӑшласа тупни, хальхи пурнӑҫпа историллӗ ретроспектива, илемлӗ стильпе публицистика стилӗ уйрӑлми пӗрлешнӗ.

Ҫак икӗ тӗрлӗ проза уйрӑмлӑхне пӗрлештерекен хайлавсем те пур. Хальлӗхе вӗсене эфир интеллектуаллӑ проза тесе палӑртасшӑн. Кунта чи малтанах Г. Федоровӑн «Ай, мӑнтарӑн хир мулкачи» ытарлӑ эскизне, Л. Таллеровӑн «Перентей вӑрманӗнче уҫалса ҫӳрени» повеҫне палӑртмалла. Маларах пичетленӗ хайлавсенчен – М. Карягинӑн «Хура тумлӑ арҫын» романӗ, М. Сунталӑн философияллӗ юмахӗсем. Аспа чун чиккинче йӗркеленӗ, шухӑшла тата шухӑша яракан хайлавсем кусем.

Хальхи прозӑра пӗр евӗрлӗх, пӗр пеклӗх, лӑпкӑлӑх хуҫаланать пулсан та хушӑран ку хутлӑх кисренсе илет. Ҫакӑ вӑл пӗр пеклӗхсем ҫыракана, вулакана (тӗпчекене) тивӗҫтерме пӑрахнинчен те килет. Урӑхла каласан, улшӑну вӑхӑчӗ ҫитнӗ. Акӑ, Г.И. Федоров профессор 2008 ҫ. прозӑна тишкернӗ хыҫҫӑн чӑн-чӑн шӑв-шав пуҫланчӗ (юлашки ҫулсенчи шӑплӑхпа танлаштарсассӑн). Сӑмах унӑн «Илемлӗ сӑнарлӑх тымарӗсемпе хунавӗсем. 2008 ҫулхи проза» ӗҫӗ пирки пырат. Ку тишкерӗве ҫыравҫсем чылай сӗтсе яврӗҫ, пичетре темиҫе автор та хӑй шухӑшне пӗлтерчӗ¹³. Ҫыравҫсем, пӗтӗмӗшле илсен, Георгий Федоров шухӑшӗсене хӑйне майлӑ (субъективлӑ) ӑнланнӑ. Хӑшӗ-пӗри юлташӗн е хӑйӗн пултарула хне курманшӑн, асӑрханӑ хайлавсене «тивӗслӗ» хак паманшӑн кӳреннӗ. Теприсем вара тӗпчевӗҫ ҫумне ӗлӗкхи пек ярлӑк ҫыпӑстарасшӑн пулни сисӗнет. Хушӑран ҫыравҫсемпе тӗпчевӗҫ-критиксем вырӑнӗсемпе улшӑнман-ши тетӗн. Соцреализм тапхӑрӗнче критиксем ҫыравҫасене тиркенӗ стиль аса килет.

Уйрӑмах «хура реализм» (чӑнлӑх) тивӗҫтермест ҫыравҫасене (ку термина Г. Белая литература тӗпчевҫи кӗртнӗ хӑй вӑхӑтӗнче). «Самана чӑнлӑхӗнчен “хура чӑнлӑх” – “ҫутӑ чӑнлӑх” спектрне куҫса кайни шухӑшлаттарать. Тен, тата урӑхла “ҫӗнӗ чӑнлӑхсем” шырама тытӑнар? “Чунсӑр чӑнлӑх”, “саккунсӑр чӑнлӑх”, “саккунлӑ чӑнлӑх”... Тӗрӗссипе пӗр ӑнлав кӑна вырӑнлӑ туйӑнать – “самана чӑнлӑхӗ”. Самана чӑнлӑхӗнче нумай ҫын шӑпи тата ӑраскалӗ мӗнле

пуласси палӑрать»¹⁴. Самана чӑнлӑхне пӑр пӑтӑмӑшле палӑртакан ӑнлав пирки чӑн та шухӑшламалла. Тӑпрен илсен, писательсем паянхи куна сӑнласа парасӑҫӑ хӑйсен хайлавӑсенче. Истори теми хӑш-пӑр ҫыравҫӑ пултарулаҫхӑнче ҫеҫ уҫӑлать (Юхма М., Н. Максимов). «Хура чӑнлӑх» тени вӑл пурнӑҫӑн пӑр енӑ ҫеҫ. Унта урӑхла пулаҫсем те пур: юрату, таса та илемлӑ ҫынсем, хутшӑнусем... Вӑсем пурах — унсӑрӑн тӑнче тахҫанах арканнӑ пулӑччӑ. Шел пулин те, пурнӑҫӑн ҫак енӑ паянхи прозӑра ҫав тери сайра сӑнарланать. Ҫакна палӑртасшӑн пулнӑ та ӗнтӑ Г. Федоров. Ҫитменнине тата тӑпчевӑҫӑ пӑтӑм литературанӑ туртса пӑрахмасть, наци прозин пулаҫлӑхне те шанать. «Апла шанмалаҫхӑ пур-ха: пурнӑҫ малашлаҫхӑ пепкесенче пулнине ӗненекенсем хастарланчӑҫ, тунтере ҫаврӑннӑ обществӑна тиркесе ларасси ерипен чакать», — тесе вӑҫлет вӑл хӑйӗн статийне¹⁵. Хамӑртан тата ҫакна хушса калар: 2010 ҫ. тӑлнелле хура реализма сӑнласа парас текен кӑмӑл-туртӑм ҫыравҫӑсен чакать пулмалла. Ҫак туртӑм пурне те ярса илнӑ хӑй вӑхӑтӑнче¹⁶. Чӑваш ҫынни пулса иртнине те, чунра пуррине те пулчӑ-пулмарӑ кӑтартма хӑнахман. Ҫакӑ вӑл литература хӑй евӑрлӑхне витӑм кӑрет. Вӑхӑтлӑх илӑртмӑшсем тӑшшине улаштарма пултараймасӑҫӑ ахӑр. Г. Федоровӑн пӑр сӑнавӑпе ҫыравҫӑсем вара килӑшесӑҫӑ: «Хальхи писательсен тематика питӑ ансӑр та чухӑн пирки Г. Федоров уҫкелешсе ҫырнине вара пӑтӑмпех килӑшме пулать. Чӑнах та, пӑрисем пушар тутарасӑҫӑ, вут тӑрттересӑҫӑ, хӑрӑсене ҫие хӑварттарасӑҫӑ, ют маткасемпе саваштарасӑҫӑ, улталаттарасӑҫӑ, тӑрмене хуптарасӑҫӑ, теприсем истори тусанӑпе витӑннӑ, халӑ никама та кирлӑ мар авалхи тапхӑрпа аташасӑҫӑ, иртнӑ самана пирки вӑсем илемлӑ произведени пек мар, информацилле пӑлтерӑ пек ҫеҫ вуланаҫҫӑ»¹⁷.

Асӑннӑ тавлашура Сергей Павлов, Чӑваш Республикин профессионал писательсен пӑрлӑхӑн правлени председателӑ, объективлӑ пулма тӑрӑшни сисӑнет. Чи малтанах — хамӑр ӑҫсемшӑн хамӑртан ыйтмалла. «Вулакан интересӑпе тӑпчевӑҫӑ хаклавӑ пӑр килменни шухӑша ямалла: “Мӑншӑн вуламаҫҫӑ манӑн кӑнекесене? Пурнӑҫран юлтӑм-ши е суя ҫулпа пыратӑп-ши? Критиксене тата мӑн ҫитмест? Мӑншӑн тиркеҫҫӑ вӑсем мана е асӑрхаманҫи пулаҫҫӑ?.. Чӑнлӑхран пӑрӑнтӑм-ши вара?”

Ҫак ыйту хуравӑсене чи малтан авторӑн хӑйӑн шыраса тупмалла. Ун чухне хамӑрӑн ҫитменлӑхсемшӑн эфир, тен, тӑпчевӑҫӑсене айӑплама пӑрахатпӑр»¹⁸.

Хӑш-пӑр чух тавлашура хамӑр мӑн пирки тупӑшнине те манса каятпӑр пулмалла. Литература пирки калаҫнӑ чух пирӑн калаҫу чӑн малтан литература хайлавӑ пирки пымалла ахӑр. Тӑпчевӑҫӑ вӑрҫӑра пулнине пулманни (тавах ҫӑршыва ҫӑлса хӑваракансене!) пӑрремӑш вӑрӑнта пулма пултараймастех. Паллах, литература хайлавне тишкернӑ чух тӑрлӑ меслетпе уҫӑ курма пулать. Г.И. Федоров пыра-

кан сул въл – темиҫе султан пѐри. Въл чи куръмлә тѐслѐхсене илет те лайӕххине те, начаррине те (апла пулсан, объективлә) тѐплѐ хаклать: мѐнле пулмалла хайлав илемлѐх тѐлѐшѐнчен. Кӕмӕл-туйӕм хыҫҫӕн кайса хирѐҫлени кирек хӕсан та чӕнлӕхран пӕрса ярать ҫеҫ.

Ӕмѐрхи ҫивѐч ыйтусечен пѐри – илемлѐ литература чѐлхи. Ҫыравҫӕсен йышѐ ӕснипе пѐрле *илемлѐ* литература тѐслѐхѐсен шучѐ те ӕсет теме ҫук. Хӕйсен укҫипе пичетлесе кӕларакан авторсем чылай чухне кѐнекисене редакторсене вулаттарса чӕрманмаҫҫѐ. (Тепѐр тесен, пултарулӕх пулмасан нимѐнле редактор та пулӕшаймѐ.) В. Абрамов ирттернѐ анкетӕра студентсем хӕйсен шухӕшне ҫапла-рах пѐлтернѐ: паянхи литература тексчѐсене вулама йывӕр, «халӕх чѐлхипе» ҫырнӕ текстсем кирлѐ, кашни предложени пирки шухӕшламалла – вӕхӕт ҫук, тексчѐсем Интернетра кирлѐ, т. ыт. те¹⁹. Пулас филологсене «ӕнланмалла мар» пулсан, ахаль вулакана тата йывӕр-тарах кун пек чух. Ҫапах та «халӕх чѐлхипе» тени кулленхи каласу чѐлхине пѐлтермест. Илемлѐ литературӕн чѐлхи те илемлѐ пулмалла. Пѐр япала пиркиех ҫѐр тѐрлѐ ҫырсӕ пама пулать – пурте илемлѐ хайлав шутне кѐреймѐ. «Поэт тени сайра шӕтса ӕсет»²⁰, прозаик та ҫаплах. Ҫыракан нумайланни, шел пулин те, ҫыравҫӕ шучѐ ӕснине пѐлтермест. «Ӕпѐ Пичет ҫуртѐнчен айккинче пулнӕ чухне чӕваш литератури ҫавнашкал аялалла анса кайнине туйман. Журнал кӕларма чӕнах та ҫӕмӕл мар. Вулакан чун-чѐрине ярсӕ илкен хайлав чӕнах та сахал»²¹, – тенѐччѐ А. Тарасов.

Традициллѐ проза хутлӕхѐнче, тѐпрен илсен, малтанхи тапхӕрта (2001–2005) ѐҫленѐ прозаиксен ѐҫѐ-хѐлѐ уйрӕлса тӕрать. Кунта Геннадий Максимов, ҫамрӕкраххисенчен – Елена Алексеева ячѐсем анчах ҫѐнѐ (кѐнекесене шута илес пулсан). Журналсенче те ку тапхӕрта ҫамрӕк авторсен (20–30 султан иртнисен) хайлавѐсем питех те сахал пичетленнѐ. Ку, паллах, шухӕшлаттарать. Ӕрусем хушшинчи ҫыхӕну упранса юлѐ-ши? Ҫак пѐчѐк йышран Елена Рубцова, Александр Крылов калавѐсем асра юлаҫҫѐ. Е. Рубцовӕн «Телей... чѐре ҫумѐнчи» калавѐнчи (Самант. 2009. 1 №. 22–23 с.) Ирინӕн пѐртен-пѐр тѐрѐс сул суйласа илмелле. Чун-чѐре асапѐ-хусканӕвне тарӕн уҫса пама пултарнӕ ҫамрӕк прозаик, Иринӕн шухӕш-туйӕмне пите лайӕх сӕлтавланӕ. А. Крыловӕн «Мускав укҫи» калавѐн (Самант. 2009. 4, 6, 7 №) теми – ҫамрӕксем Мускава ѐҫлеме ҫӕресе тертленни. Чӕн пурнӕҫра ку тема ҫѐнѐ мар, литературӕра вара – ҫѐнѐ. Тѐрлѐ сӕлтав хӕвалать чӕваш арҫынне Мускава. Чи пѐлтерѐшли – тӕван енре юрӕхлӕ ѐҫ тупайманни. А. Крылов пулӕма тарӕн тишкерме тѐллев лартни сисѐнмест, вӕл сӕнавҫӕ пек аякран пӕхса тӕрать. Туйӕмсене ытлашши ирѐке ямасть (чӕн-чӕн арҫын шухӕшлавѐ-тыткаларӕшѐ витерсе тӕрать хайлава). Автор стилѐнче объективлӕх, виҫелѐх, ҫыпӕсулӕх, лӕпкӕлӕх пур.

Сергей Павлов ӕнӕҫлӕ форма шыраса тупнӕ: романсен ярӕмѐ хайлать. Хальлѐхе тӕватӕ роман пичетленнѐ: «Сѐлкѐш», «Тан тап-

пи»²², «Авър», «Сарă хăмăш, сар хăях». Ярăмри романсем²³ пёрпёринпе сирёп сыханна. Кашнинчех урăх геройсем мала тухаççе, ытти хайлаври геройсем вара иккёмеш планра мёлтлетсе илесçе. Пуринче те хальхи интеллигенцин шапи, ыратăвёпе юратăвё, шу-хаш-кăмăлё. Хайлавсен структури «кёнекесенчен» тăрать: «пёрремеш кёнеке», «иккёмеш кёнеке» т. ыт. те. Малтанхи хайлавсенчи символла пёлтерешлё пайрăмсем кайранхи хайлавсенче «ёс-лесçе» (тёплёнрех «Сарă хăмăш, сар хăях» романа тишкернё чух чаранăпăр).

«Авър» (2007) роман тăватă кёнекерен тăрать²⁴. Ячё — «Сёлкеш» пекех, символла сăнар. Романра въл терлё енлё аталанать, хайлава пёр пётёмлё тăвать. Авър мёне пёлтернине Артем Кураева тёлёкре кукашшё анлантарса парать: «Усал япала. Пётёмпех пётерет. Сынна та сятса яма пултарать, апа парантаракан сахал» (168 с.). Артем савнийёпе Оля Усмановапа пёрле пур йывърлăха та (авăра та) сёнтерет. Ахальтен мар хайне хёненё хыççан въл Улькаран авъртан туртса кăларма ыйтать: “— Улька, хатар мана! Туртса кăлар авъртан!” — саварне шыв кёнине пăхмасăрах кăшкăрать Кураев» (279 с.).

«Икё питлехе пётересси ун (Кураеван — В.Н.) тёп тёллевё пулса тăмарё-ши?» (24 с.). Пархатарлă геройан лайăх енёсене те, ун вайсърлăхне те кăтартса панă хайлавра, идеализацилени сук. Урăхла каласан, Павлов сăнара объективлă уçса пама тăрашнă.

«Сарă хăмăш, сар хăях» (2008–2009) — ярăмри тăваттамеш роман²⁵. Въл эпиграфпа пуçланать: «Вулаканам! Сан умра роман, савă сес. Кёнеке геройё ун авторё хăех тесе ан шутла. Майн Рид. Квартеронка». Кунашкал «алиби» автор ёсне «сăмăллать», въл хайне валли ирёклёх сёнсе илет. Вулакан вара чан пурнăçра пулса иртнё самантсене те сăмăлрах йышанма пултарать тени те ку. Литература хайлавё хай урăх чанлăх тăвать-ске-ха. Тепёр енчен, «роман, савă сес» тени яваплăхран пăрăнас тени те, калу субъективлăх енне куçса кайма тăни те пулма пултарать.

Сергей Павлов сăмахпа перекетлё усă курать. Кёске предложенипех нумай пёлтерме пултарать. Сюжет ытлашши юплене каймасть, ёс вёсленёвё патне «шанчăклă» аталанать. Сав вăхăтрах ярăмри ытти хайлавсемпе те сыханса ёлкёрет. «Такам алли авъртан туртса кăларчё апа (Платова. — В.Н.)» (16 с.); «Хёрарам (Эльвира — В.Н.) кăмăлё тулса пырать-пырать те тан таппилле тапса тухать» (53 с.); «Анатолий Петрович ертсе пыракан “Малалла” колхоз пайланчё, председателе ёсрен пăрас текенсем тупанчёс, ферма вити сунса кайрё... Упăшкин шăллё намас курмалли тупса пачё тата: саканса вилчё, ферма пуслăхёнче вай хунă Юрий Петрович выльăх пăхакан Марине пуçне сина тесе хай пирки такам сăмах кăларнине тўсеймен-мён...» (57 с.); «“Шартлама та хăратаймё пире,

«сёлкёшре» те вараланмăпăр, тем авăрĕнче те путмăпăр...» – хăпартланчĕ Платов» (125 с.).

Роман икĕ кĕнекерен тăрать²⁶. Пĕрремĕш кĕнеки – «Сарă хăмăш», иккĕмĕшĕ – «Сар хăях». Хайĕн пурнăçĕнче пĕлтерĕшлĕ пулса тăнă икĕ хĕрарăма икĕ тĕрлĕ ят парать герой хай чунĕнче. «Сарă хăмăш» – Эльвира, «сар хăях» – Маргарита. Чăн та, хушăран иккĕленсе илет-ха вăл Эльвира пирки, вăл та сар хăях мар-ши тесе. Вулакан вара сирĕп ĕненет Эльвирăна. Сапах та хайлавра малти вырăнта Платовпа икĕ хĕрарăм хутшăнăвĕсем мар, Платован чун-чĕре асапĕ те мар. Платов характерне сыравсă пулса иртни (событи) тата ĕç-хĕл (поступок) урлă уçса парать. Ытарлăхĕ те ку романра пулса иртнине пĕтĕмлетет. «Хай халиччен пĕрре кăна мар ўкнĕ пăрлак патне ситрĕ те хытă тапса ярса ярăнса кайма хатĕрленнĕччĕ сĕç – унран маларах шуçлак вырăна лекнĕ арçын кăшкăрса шаплатрĕ, айлатса ячĕ. Герман Анатольевич пулăшма тесе чупса пычĕ те айлатса выртакан Васильева курах кайрĕ. <...>

– Шуçлак сұл анчах юлчĕ тейĕн пирĕншĕн, ыттисемпе юнашар йĕркеллĕ утма мانتăмăр та-и? – шўтлеме пăхрĕ Виталий Алексеевич. <...>

– Итле-ха, ку пăрлака хамăрăнах тĕп тумалла мар-и? – сĕнчĕ Платов» (217 с.). Кусем пурте сиепти палласем. Роман жанрĕн этем психологине сиелтен шалалла кĕрсе сăнама мехел пур. Платов – хастар ертўсĕ, пархатарлă герой, чăн-чăн сын пулсан та – чĕрене вырнаçса юлмасть. Чĕрĕлĕх сахалрах унра, пĕрешкелрех сăнарсенчен уйăрса илме йывăр ăна. Ку енчен пăхсан Кураев сăнарĕ («Авăр») ăнăçлăрах пулнăн туйăнать.

Аркадий Казанован «Каçхи мĕлке» кĕнекине (2007)²⁷, пĕтĕмĕшле илсен, маларах сырнă хайлавсем кĕнĕ. Пĕр калавне асăнса хăварас килет. «Каçхи мĕлке» (1997–1998) калаври тĕп герой Семен «тĕнчене сĕнĕрен тухнине» (223 с.) ўкерсе кăтартнă. Сирĕм сұлхи вай питти каччă самана улшăнăвне питĕ хайне евĕрлĕ йышăнать. «Сук, сарăлса вай илнĕ сĕнĕ йĕркене хирĕçлесе кăшкăрашмарĕ Семен, хаярланса ўкмерĕ. “Йышăнманни” пачах урăхла, хайне майлă унăн: килтен... тухса сўреме пăрахрĕ. Сапла, сапла, кушакран хăраса шăтăка пытаннă шăши евĕр кунĕ-кунĕпе хваттерте вăл. Юрать, каçхине уçалма тухаçсĕ.

Амăшĕ хистенипе пусланчĕ ку йăла» (202 с.). Семен каçхи мĕлке пулса тăрать. Самрăк сыннăн шухăш-кăмăлĕ еплерех улшăннине васкамасăр та тĕплĕ уçса парать сыравсă. Шкулта вут пек пулнă Семен шкул хыçсăн вĕренме те каймасть, «пурнăçран, çак саманаран» хăранине ăнланать вăл. Юратнă хĕрне Василисăна хўтĕлесе вăл хайĕншăн чи кирлине ăнланать. «Сапах та пĕрремĕш тĕрĕслев витер ăнăçлах тухрăн пуль эс, Семен. Пурнăçра малашне сăмăл пулас сук-тăр. Анчах ăнланса илтĕн: килте пытанса ларнипе

усаллаха пётереймён, а́на хирёс кёре́шмелле...» – тенипе вёсленет калав. Сак пётёмлету́ калавра ахаль деклараци мар: герой сак шу- хайш патне чи малтанах *хайне хай сёнтёрсе* пырса тухать. XX ёмёр вёсё́нче кунашкал герой сук тесен те йа́нйаш мар, паянхи кун та вай сайра. Тёрёсрех каласан, паянхи кун самана усалёсене хирёс та́ма пултаракан герой малалла аталанать, уна́н урэхла енёсем уса́ла́сёе (чи курамла тёслёх Юрий Сан пултарула́хё, ун пирки каярах тёплёнрех кала́пяр). А. Казанов – пурна́са тата сы́нсене объективла́ хак пама пултаракан психолог. Герой чунне у́сса пама пёлет, анчах та иртме юраман чикёсене, чи ва́ртга́н кётессене яри! у́сса ка́тартмасть, геройша́н союзник пулса та́рать. Са́ка тишкерекен тапха́рта пичетленне́ ытти хайлавсенче те кура́нать²⁸. Сыравса́ пултарула́хне пётемёшле илес пулсан вара а́на тёпчевсёсем сите- лёклё а́сласа, хакласа илеймен теес килет.

Хветёр Агиверён «Пярлак» кёнекине (2007)²⁹ Виталий Станья́л тёплё хак паня́ччё³⁰: «Ромеопа Джульетта е Нарспипе Сетнер хушшинчи юратуран чылай катка́срах Агиверя́н паянхи чавашсен хутша́нвёсем! Сы́нсен чарусарла́хё ви́сёрен тахса́нах тухса кайна́; Таня-утма́лтурат («Таня-утма́лтурат»), Варвара-Магдалина («Йёп- ху́ри сася́») (Таван Ата́л. 2008. 11 №. 29–40 с.) Нарспи, Салампи, Укахви ретне та́рас са́нарсем»; «Вёсен хастарла́хё килти телее упр- амала́х та, ял-йыш пурна́сене ты́тса пымала́х та пур. Анчах са́нар- сене Агивер са́ралтарса ситереймест»; «Са́рамса́р ша́палла́ сы́нсем сы́нчен вуласан Хветёр Агивер чаваш пурна́сён телейлё малаш- ла́хне ёненмест тесех калас килет. Ахальлён ку кёнекене саван чухлё нёрсёр хутша́ну, пу́кле вилём чиксе тултармёччё» т. ыт. те. Телейлё малашла́ха ёненменни ку са́лтавпа сы́ханны́-и, сы́хан- ман-и, анчах та вилекен са́нарсем кёнекере, ча́н та, ла́к туллиех. Кирек епле пулсан та, хальхи литература́ра этемён чун та́рамне Агивер пек таря́н ка́тартса паракан, уна́н ута́мёсене а́нлантарма, са́лтавлама пултаракан сы́равса́ сайра. Агиверше́н характер ата- ланавё мар, са́нара́н сак самантри ка́мал-туя́мё пёлтерёшлёрех пулас. Саванпах-та́р уна́н са́нарёсем «са́ралса ситейме́сёе». Пёчек- рех форма́на (калав, повесть) килёштернинче те сисёнет са́ка. Акя́, «Ма́й сы́ххи» хайлав (1963–2005) кала́пашёпе роман патне тур- та́нать пек (240–445 с.), са́пах та уйра́м эпизодсене пёрлештерекен пыса́к хайлав вай. Жанрне автор са́пла пала́ртна́: «калав-тёр- ленчёксенчен та́ракан кун-су́л пуххи (Василий Аста са́н у́керекен хай пурна́сене шура́ хут сине ва́хатан-ва́хатан са́нарласа пынисем)». Хайлавра Василий Аста́па автор са́нарё уйра́лми пёрлешсе кайна́. Литература хутла́хёнче пёрле ёсленё юлташсем пирки те пур кунта, сав ва́хатрах – пётёмлету́ллё са́нарсем те. Кала́пяр, Ё́сенкей Алю- ше́ («Ё́ске пулах (Мухма́рла сы́н монологё)», 257–261 с.), Асанне («Хёвел», 264–279 с.) т. ыт. те. Асанне кунта – ча́н-ча́н чаваш характерёллё хёра́рам, сёмье тёрекё.

Елен Нарпин «Џўпсе тѣпѣнчи ҫылаҳ» (Таван Атӑл. 2008. 12 №. 25–32 с.) калавне вулама тӑрсан тӑрех Денис Гордеевӑн «Хуп хушшинчи ҫылаҳ» повеҫе аса килет. Сюжет аталанӑвѣнче те пѣр пеклѣх пур иккен: арҫын ачасене таван амӑшсѣсем ҫуратсанах пӑрахаҫсѣ. Анчах та Денис Гордеев пӑрахнӑ арҫын ачан шӑпине йѣрлесе тухать, Елен Нарпи вара хӑйѣн ачине пӑрахнӑ амӑшѣн ӑраскалне уҫса парать. «Эпѣ ҫак ҫуйланчӑк шухӑшпа шарт! сикрѣм те, хам мѣн тунине те йѣркеллѣн ӑнланмасӑр тѣлѣрекен ачама ҫўпсе ӑшне ырттартам. Ҫўпсе тѣпѣнче ҫылаҳа пытарас пек!» (29 с.). Тепѣр ирхине, хӑй мѣн тунине ӑнланса илсен, вӑл ачана шырама тухса чупать. Анчах та ӑна такам илсе кайнӑ иккен! Халѣ акӑ сакӑр вуннӑран иртнѣ Лисук икѣ ҫул ырыӑнпа ыртать. Ҫак ҫылаҳа каҫарттармасӑр Турӑ вилѣм ямасть пуль хӑй патне тет вӑл. Килѣ тѣлнех пачӑшкӑ килсе тухать тата — ял кѣперѣ юсавлине ыйтса пѣлме. Ҫылаҳ каҫарттарнӑ хыҫҫӑн пачӑшкӑ ку ватӑ хӑйне пурнӑҫ парнеленѣ хѣрарӑм пулнине ӑнланса илет. Чирлѣ хѣрарӑм вара, икѣ ҫул ырыӑнпа ыртаканскер, тӑрса ларать. Пурнӑҫе ҫамӑл пулман Лисукӑн, мӑшӑрлӑ пулнӑ, анчах урӑх ача пулман, халѣ ӑна шӑллѣн хѣрѣ пӑхса пурӑнать. «Туррӑн ҫулѣсене пѣлсе пѣтерме ҫук. Ун ирѣкѣнчен килет пирѣнпе мѣн пулса иртни...» (31 с.) — ҫак шухӑш уҫалать калавра. Шанчӑка нихӑҫан та ҫухатмалла мар иккен; ҫак ҫѣр ҫинче пурӑннӑ кашни куншӑн савӑнмалла.

Елен Нарпин «Хѣл лариччен» (Таван Атӑл. 2007. 3 №. 3–47 с.) повеҫе этем чун-чѣрине тарӑн уҫса панипе уйрӑлса тӑрать. Икѣ пай хайлавра: 1-мѣш пайѣ «Арҫын», 2-мѣшѣ — «Хѣрарӑм». Вѣсенче Ҫерушпа Элинӑн уйрӑмшар тѣнчи, вѣсен хутшӑнӑвсѣм. Эпиграфпа («И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. Бытие 1:27) пролог Тѣнчене пултараканӑн (Туррӑн) пѣлтерѣшѣ пирки шухӑша яраҫсѣ. Юлашки ҫулсенче ҫырнӑ хайлавѣсенче Елен Нарпи тӑтӑшах ҫакнашкал шухӑшсѣм ҫине пусӑмлать.

«Ҫѣрѣллѣ хура кушак» кѣнекинче (2009)³¹ Геннадий Максимов «паянхи саманан ырапа тунтер енѣсене санлать» (кѣнеке аннотацийѣнчен). Чӑн та, пурте виҫеллѣ ку кѣнекере, пурнӑҫӑн хурипе шурри, савӑнӑҫѣпе инкекѣ пѣр ҫыхӑнура. Ытти чылай ҫыравҫӑ пек хури ҫине пусӑмламасть автор. Чѣлхи те такӑнтармасть. Сӑнара тарӑн уҫса пама тӑрӑшать. ырыӑн-ырыӑнпа ӑс-тӑнран килмен сийсене ҫиеле кӑларма пултарнӑ: Саша ҫамрӑкрах чухне хур пуҫѣ ырыӑнне амӑш аллине чутах касса пӑрахманнине аса илни («Амӑш пехилѣ», 107 с.). Хушӑран публицистика хумѣ пырса ҫапать. Калӑпӑр, Ленинпа унӑн еркѣнѣ тенин хутшӑнӑвсѣне ҫырса кӑтартнинче («Ҫѣрѣллѣ хура кушак», 26 с.). Сӑнарлӑ пѣтѣмлетӑ е хаклав тума пултарать Г. Максимов. «Кулак ачи» повеҫре ялти кулаксене «раскулачить» тума районтан Кривоногов хушаматлӑскер килнѣ.

Ыран тухатпәр тенё чух — «ҫак каҫ тўпере уйах курәнмарё». Пёр предложени ҫеҫ — пётёмпех аңланмалла.

Пурнәҫа объективлә йышанма пултаракансем шутёнче Зоя Нестерована та асанма пулать. Уйрәмах унән фантастикәллә калавёсене паләртса хәвармалла³².

Улькка Эльменён «Ҫирёп чунлисем телейлё» кёнекинче (2010)³³ ҫичё повесть тата пёр калав пичетленнё. Ҫак шутран пёр повесё ҫеҫ ҫённи, ыттисене «вулакансем ыйтнипе кёнекене тепёр хут кёртнё» (кёнеке аннотацийёнчен). Вёсем пирки эфир 2001—2005 ҫҫ. прозана тишкернё чух чарәнса тәнәччё³⁴.

«Ҫирёп чунлисем телейлё» хайлавән төп шухәшё ҫиелтех ыртать, унта повесть ячё пулса тәнә тезис аталанать. Автор вулакана малтанах хатёрлесе хурать: ҫирёп чунлә пулсан, хәвән ҫулунтан пәрәнмасан хәсан та пулсан сан ҫине телей ҫумарё ҫаватех. Дидактика жанрне аса илтерекенни повесре сахал мар. Геройсем аталанмаҫсё, вёсем — хатёррисем. «“Обществәра пурәнса обществәран ирёк пулаймән” тенё философсем. Ял халәхёнчен пытанса пурәнма вёренсе тухман-ха. Тем те тўсрём. Уйрәмах хула хёрёсем тәрәхлани тарәхтаратчё. <...> Эсё мана йывәрләхсем умёнче нёшёклемә вёрентсе ўстермен», — тет Наташа яла таврәнсан юратнә амәшне (274 с.). Шкулта чухнех харсәрскер, хәйён төллевё патне вәл тўп-тўрё те ҫирёп утать. «Ҫынсем вёсем Африкәра та ҫынсемех. Анчах та Саврассемпе пирён хушәра пысәк уйрәмләх: эфир хурах кәшкәрса мар, ёҫпе пурәнәпәр, вёсем пек ҫынсем пуҫё тәрәх утса ҫўремёпёр. Ҫакәнта пирён вәй, пуласләх, анне. Хура халәх та ҫынах, кам хәйшён тәрәшнине тўрех тавсәрса илет» (274 с.). «”Тёрлө ҫын пурәнать ялта, пурне те юраса пётереймён. Тата пурне те юрама пулать-ши? Чи кирли — хәв суйласа илнө ҫулпа такәнмасәр утасси. Юратнә ёҫе мёнпур вәй-хала парса чун-чөре телейне тупнинчен пахи урәх мён пултәр? Анчах та пурнан пурнәҫра Веркка аппапа та, Матрена аппапа та пёр чөлхе тупма пёлмелле”, — ҫак шухәшсем хөре ҫывәрма ыртсан та канәҫ памарёҫ» (282 с.). Пёчөккөн хөр-бригадир ял халәхне хәй майлә ҫавәрма пултарать. «Аня пек ҫынсемпе ёҫ тума пулать, — шухәшларё бригадир. — Хәрәвсәләхне пётермелле. Ашра тапса тәрәкан вәя вәратмалла» (284 с.).

Паянхи вулакантан чылайәшне геройән чун тәрәмё мар, *пулса иртни* илёртет пулмалла. Ҫакна Улькка Эльмен аван туяты. Вулакана хисеплени-туйни вәл, паллах, лайах. Паянхи вулакан ёҫекен, ҫапәҫакан сәнарсенчен ывәнса ҫитнө. Вәйлә характер курасшән вәл. Ку повесре те ял ёҫкө-ҫикё серепине лекни малти ырапта мар. Кёнекене кёртнө «Хәрнә вёрене» калавән вёҫне вулакан шухәшне шута илсе хушнә, уләштарнә ахәртнех. Анчах та хальлөхе Улькка Эльмен сәнарёсенче чөрөлөх сахалрах. Пёрре вуласа тухса чөрене ырнаҫма пултаракан сәнарсем мар унән *Наташисем*. Хәйён ву-

лаканне тупнӓ сыравсӓн тарӓнлӓха кӓме вӓхӓт ситнӓ. Вулаканӓ ун хысӓн каяс шанчӓк пур.

Арсений Тарасовӓн «Вӓлтӓртетсе вӓсет сарӓ сӓлсӓ» повесӓ (Тӓван Атӓл. 2010. 10 №. 62–101 с.) иккӓллӓ туйӓм суратат; тен, Виктор Серов, тӓп герой, иккӓленекен герой пулнипе. Сӓмрӓкӓн чунне шала кӓрсе кайнӓ сыравсӓ. Ӓна Наташӓран та уйрӓлма йывӓр, Лида та сывӓх. Кам хӓйӓншӓн хаклӓрах пулнине татса параймасть вӓл. Иккӓленекен сыннӓн шухӓш-камӓл хусканӓвӓ лайӓх сӓнарланнӓ повесре. Паллах, повесть сӓк вис кӓтеслӓхри хутшӓнусем пирки анчах мар. Викторӓн хӓй чӓн-чӓн арсын пулнине кӓтартса памалла. Хура писиххиллӓ каратист пулни сителӓксӓр. Юратнӓ хӓрне студент кӓрӓк те илсе пама шантарать. «Кӓрӓкӓ пулатех! Сан валли мар тӓк, урӓххи валли! Эпӓ кӓна шантаратӓп!» — хӓй ӓшӓнче тӓв туни тӓнчене илтмелле пек туйӓнчӓ Викторӓ» (98 с.). «Бандитсен шайки» ӓна «пӓр кун урӓх сӓрте тренировка ирттерсе» уксӓ ӓслесе илме сӓнет (97 с.). Анчах та ку «тренировка» ытла та хӓрушӓ пулнӓ иккен — унӓн Лидӓн ашшӓне, депутата хӓнемелле. Чӓн та, йӓнӓшне хӓвӓрт ӓнкарса илсе вӓл хурахсене хӓнеме пуслать. Кайран вара хӓй тискер ӓс тунине ӓнланса илсе (хӓйне сын вӓлерекен тесе шутласа) хула хӓррине тарать. «Юлашкинчен кусӓ сывӓхрах ӓсекен тепӓр ватӓ юман синче чарӓнчӓ, ӓна темӓнчен тинкерсе ларчӓ. Таста шалта йӓшӓлтатама пусланӓ пӓр пӓчӓк шухӓш ӓна юманӓн пӓр туратти сӓлтех маррине систерчӓ...» (101 с.). Ку героя шаннӓччӓ, вӓл вӓйсӓрлӓхне, хӓравсӓлӓхне сӓнтерессе ӓненнӓччӓ. Ячӓ те ахальли мар, «сӓнтерӓсӓ» тенине пӓлтерет. Сӓнтереймерӓ иккен. Чӓваш арсынӓн ӓмӓрхи начар енӓсем сӓеле тухрӓс: йывӓрлӓхран тарса пытаннӓ та (е вилнӓ те) — ӓсӓ те пӓтнӓ. Амӓшӓ пирки те шухӓшламасть вӓл: ӓна пӓртен-пӓр ывӓлӓ вилнине чӓтса ирттеме сӓмӓлтарахчӓ-ши? Шаннӓ йӓвара кайӓк сук тени аса килет повесть вӓсне вуласан. Сюжет чип-чипер, тӓн-тӓн аталанса пыратчӓ — татнӓ та пӓрахнӓ сиппине. Ку хайлавпа сыравсӓн интервьюне танлаштарса пӓхас килет. «Литературӓн пӓр ыранта хытса тӓма юрамасть. Унӓн уйрӓмлӓхӓ пулмаллах. 30–40 сӓл каялли — таса литература мар, идеологи хатӓрӓ. Ӓна халӓха минретмелли тухатуллӓ ӓнсӓрт пек хаклама май пур. Унашкал литература паян та сук мар. Сӓпах та вӓл — хальхи сыраканӓн, манӓн идеологи. Енчен те сӓв хурӓм калав е повес хайлатӓп тӓк — эпӓ тӓнчене, сынсене сӓвнашкал тӓвасшӓн. Вӓсенчи сӓнарсем урлӓ хамӓн идеологиие калаплатӓп. Тепӓр чуна хам енне сӓварса пӓр шухӓшлӓ сывлӓш хатӓрлетӓп. Кашни сыравсӓ хӓй «чиркӓ», хӓй «тӓн» пулмалла. Пӓр пеклӓх — аталанӓва чӓрмантаракан чарак. Литература хӓйӓн вӓйне сухатни сыракан сын хӓй чиркӓ пулманнинчен килчӓ пулӓ тетӓп»³⁵. Чи малтанах кунта «вӓсенчи (калаври е повесри. — В.Н.) сӓнарсем урлӓ хамӓн идеологиие калаплатӓп» тени шу-

хашлаттарать. Тишкернэ повесри Виктор «идеологи калӓпламалли» сӓнарах-ши?

Пурнӓсри йьвӓрлӓхсене сӓнтерме вӓй-хӓват тупакан, сӓмье ӓшшине упрама тӓрӓшакан, йӓваш та сӓпайлӓ чӓваш хӓрарӓмӓн портречӓ вара Елена Алексеева пултарулӓхӓнче палӓрать³⁶.

«Мӓлкесӓр сын» – Альбина Мышкинӓн детектив жанрӓпе сырнӓ пӓрремӓш хайлавӓ (Тӓван Атӓл. 2007. 4 №. 76–97 с.). Сирӓп логика пулни кунта та сисӓнет: повесть темице пайран тӓрать («Кӓмпасӓ», «Следователь», «Усал хыпар», т. ыт. те), кашни пайра пулса иртнӓ преступленин пӓр саманчӓ, сӓлтавӓ уӓӓмланать. Сак логика стиль хӓйне евӓрлӓхне витӓм кӓрет – калас сӓмаха А. Мышкина кӓскен те татӓклӓн калать. «Виӓкӓтеслӓх» повесре (Тӓван Атӓл. 2008. 12 №. 42–51 с.) вара калу ытла та кӓскелсе каять. Вунпӓр страницӓра повесть мехелӓ уӓӓлаймасть³⁷.

Василий Антонов «Туснӓкайсем» калавӓнче (Тӓван Атӓл. 2007. 8 №. 69–75 с.) сусӓр ачапа сусӓр йьтӓ туслӓхне, вӓсен пурнӓсӓпе вилӓмне чуна тивмелле кӓтартса пама пултарнӓ.

Илемлӓ пейзажпа портрет тӓслӓхӓсен шутӓнче чи малтанах Георгий Красновӓн хайлавӓсенчи ӓкерчӓкӓсене асӓнашӓн. Унӓн «Сӓрле лартнӓ улмуӓси» кӓнекине (2006) сак ятлӓ повесть, «Сӓрме купӓс Петӓрӓ тата Пиӓсен» повесть, «Кача ялӓнчи сӓнсем» роман сыпӓкӓсем кӓнӓ.

Альтернативлӓ проза тӓслӓхӓсем – кашнийӓ пач расна, кашни уйрӓм кӓвӓллӓ.

Владимир Степановӓн «Эфемероптера каӓӓ, е ФАУст-2» роман-киллерӓ (1994–2007)³⁸ вулакансен хушшинче пач хире-хирӓсле шухӓшсем суратма пултарчӓ, пултарӓ те. «Чӓваш прозинчи постмодернизм романӓн пӓрремӓш тӓслӓхӓ»³⁹ пӓр аллӓ сул каярах тӓнчене килнӓ пулсан та «никамла мар» пулнипе тӓлӓнтерӓчӓчӓ. Хайлавӓн пӓрремӓш варианчӓ (пайӓ) «Аван-и» хаӓатра 1990 с. пичетленнӓчӓчӓ-ха⁴⁰. Кӓнеке варианчӓн калӓпӓшӓ те ӓснӓ (иккӓмӓш пайӓ – «Дилетант» – хушӓннӓ), ячӓ те урӓхларах, жанрне те автор вырӓсла «роман-киллер на получувашском языке» тесе палӓртнӓ. Сийӓнчех тата «полухудожественное, постмодернистское издание в формате “Анти”» тесе хушса хунӓ. Кӓнеке пичетленсенех ӓна тӓпчевсӓсем, сыравсӓсем Чӓваш патшалӓх гуманитари ӓслӓлӓхӓсен институтӓнче пухӓнса сӓтсе яврӓс, пичетри хаклавсем те сийӓнчех кун курчӓс⁴¹.

Ку кӓнеке – «хатӓрленсе ситнӓ» вулакан валли. Тӓнче литературине, историне, культурине ӓша илнӓ сыравсӓ. Вырӓн-вырӓнпа вӓл сакна ятарласа, пусӓмласа палӓртать, вырӓн-вырӓнпа ӓна туйса тӓратӓн. Анчах та В. Степановӓн хӓйӓн шалти пӓлӓвӓ-туйӓмӓ пур, савӓнпа та вӓл ыттисеннипе усӓ курнине пытарса тӓмасть. Хайлавра мӓн кӓна «сураӓман»: «Ылтӓн ашак, е Метаморфозӓсем»

[Авалхи Греци (II ёмёр) сыравси Апулей романё] тата «Декамерон» [Итали гуманист Джованни Боккачо (1313–1375) хайлавё] сывлашё, хулиганла стиль, ан юхамё, юлашки икё ёмёрти текст тёлёхёсем т. ыт.те, т. ыт. те (тата «Неполный список упомянутых имен» пая пэхмалла). Постмодернизмэн тёп палисенчен пёри, интертекстлэх тени, кунта ёслемеллипех ёслет. Чёлхе хурмине В. Степанов виртуоз пек унталла-кунталла авкалать-хушклать, сәмахпа ирёлён вылять. Сакан пек чух культура сәлкусё шәпах *вайй* пулнине ёненетён⁴².

Вайй теорийё кунта практиканә пур енлён керет. «У та-ку та», «у та, ку та», «унта та, кунта та»... куранса тарать хайлав таршшёпех. Ячё те унталла та, кунталла та вуланать: «Эфемероптера касё, е ФАУст-2» тенё титулра; текст таршшёпех вара сёнё страница пусланас умён «ФАУст-2, е Эфемероптера касё». Чанләхпа кускёски хире-хирёс тарасё тейён. Сапах та хайлавра тёп геройпа сыханна икё сий уйарса илме пулать: пёри вәл – сиепти, курнасланакан-аташакан-сүтёлекен Ионпа сыханна; тепри – унан шалти тёнчипе, хайпе хай юлсан усәлакан чан чунпа.

Тёп героя автор пусамласа чан пурнасри Ионпа сыхантарать, роман вёсёненче «Пулас “Туп-тулли” чәваш энциклопедийё» валли ятарласа хатёрленё статьяра унан биографине те хушса парать. «Чәвашри эротикан пёрремёш эмиссарёпе шпионне» (12 с.) «пурнаслә юратман, анә пурнаслә шеллемен» (10 с.); «суралма Ион Шеремет пулса мар, чиперех сурална» (12 с.); «юрать ачи ничава, усман пусне, пётём вайран хай пурнасләне Инди киновё тума тарашна» (16 с.) – кусем сиепти палләсем. Шаларах керсе пәхсан урәхла-рах Ион куранса каять. «Ион чунне анланма кашни пултараймасть. Кунта скальпель сивчешён синсёш, ләпёш суначён шәрки пек сепёс чун кирлө» (14 с.); «әпё хам ытла та тусан пёрчи кәна, этемлөхөн вара совковай керсё ытла та пысак» (52 с.); «я умнее, чем выгляжу» (62 с.); «Ион чунё пирки хывна юрлав: тёнчери пёччен те аманчак чунан трагедийён пафосё» (108 с.); «Ион сәмрәкләхё – инкек палли – чәваш хурләхё, пурнаслә уншан сёлөх, вампир, вәл ун юнне кашни самантра ёмет. Асап, асап та нуша» (110 с.); «чәвашсен хронически чирё – сәпайләх тени – Иона шалтан хурт пек сиеп» (122 с.); «анчах пирён халәх, хай патологически сәпайлә пулна май, патологически асаплануся – разгильдяйсене пач анланмасть» (148 с.); «Сутсанталәк, понимаешь, ашрах тәкёр пек савра күлө, фольклор эталонне упранә» (132 с.).

Чан та, Ион «Чәвашра мёнле йышши **чәвашла** (паләртни пирён. – В.Н.) асапланса пуранни» (кёнеке аннотацийё) хушәран иккёлентерет – курнасланавёсем ытла та чанкә. Кёскен каласан, Ион сәнарне, чунне анланас тесен сиепти палләсене курнипе сёс сырлахмалла мар, таранрах тёпчемелле. Сын пурнаслә пёлтерёшне (экзистенцине) анланас тесе утакансем тёрлө сүлпа утасё.

«И он, Ион, срывал и взламывал, подбирал ключи, орудовал отмычками, вырезал автогеном замки, открывая двери, а порой и распахивая ворота только ради того, чтобы найти вход в царство Мефистофеля. **Вот что делает с людьми непосильная тяга и неутомимая жажда к знаниям** (паләртни пирән. — В.Н.).

Это открытие, предшествующее озарению истины, потрясло душу Иона до самых копчиков: он — чувашско-чебоксарский Фауст» (280 с.)⁴³. «Пёлу» еннелле ăнтăлни *тўрре кăларма* та пултарать пулĕ героя. «Халăх пурнăсне тĕплĕн те тарăннăн пĕлни пĕтерсе пĕтерет те вĕлерсе вĕлерет Иона. Çавăнпа лăпкăн, пĕччен, хусаххăн сывăраймасть те вăл Шупашкарăн лăпкă каçĕсенче. Хальхи вăхăтра чăваш халăхĕн мĕскĕн пурнăçĕ икĕ юпаран çакнă кĕпер çинче слон ури айне лекнĕ шăши пек пашкаса выртать, кĕперĕн пĕр юпи — нарциссизм, тепри — фрустраци...» (41 с.). Анчах та кунашкал пĕтĕмлетÿсем хĕрхÿ туйăм (е пушăлăх) суратаççĕ: кам ирĕк парать пире халăх пирки пĕтĕмлетсе калаçма, енчен те уншăн (уйрăм хĕрарăмсемшĕн сĕç мар) «юлашки юн тумламне» шеллетпĕр пулсан? «Анчах Ион чунĕ вилмерĕ, ун чунĕ вилĕмсĕр. Юлашки юн тумламне те вăл — мейĕр, илĕр, кирлĕ мар мана тесе ывăтса памарĕ, ăна вăл хыт кукарла тата страшнă куштанла хай валли упраса хăварчĕ — пĕртте якши малайла мар, натуральнă улшÿçла. Ачи мĕнле паттăрлăх кăтартрĕ, анчах юлашки юн тумламне шеллерĕ, **çавăнпа ĕнтĕ Ион пирĕн вăхăтри герой мар** (паләртни пирән. — В.Н.). Āслă пулни пĕтерет ăна, ăнланать ачи: паттăррăн вилсе иккĕмĕш Иисус Христоса тухса кайсан та хĕрарăмсем çакна тивĕçлĕ хак парас çук» (134 с.). Ион хайне хай сĕнтерме пултарчĕ, паян вăл «телейлĕ» е «почти телейлĕ». Анчах та кунашкал геройăн, шел пулин те, малашлăхĕ курамасть. (Ахальтен мар пулĕ роман жанрĕн тĕсне В. Степанов «киллер» тесе паләртать.) Е эфир хальлĕхе телейлĕ пурăнма вĕренеймен-ха — ку вара урăх ăслăлăх.

Романри автор сăнарне те йĕрлесе тухмалла. Ирĕклĕх лозунгĕпе хавхаланнăскер, вăл «литературный беспредел» (191 с.) тăвать, «Шереметрен кулса сÿрса ларать» (203 с.), «вулакана (вăл ку роман-киллера тĕпсĕр е мурлă шăтăка ывăтса, е кăмакара сунтарса яман пулсан) ним мар подлянка туса парать те хурать» (207 с.). Чăн та, вĕссĕр-хĕрсĕр ирони ыттисене сĕç мар, авторне хайне те пырса лекет. Пур сĕрте те вĕссĕр-хĕрсĕр ирĕклĕх: хайлав формине илес пулсан та, содержанине илес пулсан та. Āçта кайса кĕрен — «человек осужден быть свободным»...⁴⁴

Çак ирĕклĕхпе вара тĕрлĕрен усă курма пулать, мĕнле пулса тухасси кашнин ирĕкĕпе **яваплăхĕнчен** килет.

Ку таранчен эфир Ю. Сан пултарулла поэт иккенне пĕлеттĕ-мĕрччĕ. Мускавра иртекен поэзи конкурсĕсенче вăл пĕрре мар сĕнтерÿçĕ пулчĕ. 2010 ç. Интернетра тĕнче шайĕнче иртекен «Зо-

лотая строфа» поэзи конкурсён призерё пулса тӑчӑ. «Упи каҫман ҫырминчен...» – унӑн пӑрремӑш прозӑлла хайлавӑ. Кӑнекере ҫаваш халӑх пурнӑҫӑн телейӑпе талайӑ, паянхи синкерлӑ шӑпипе иртнӑ вӑхӑтри мӑнаҫлӑхӑ, ыранхи черчен ӑмӑчӑ-шанчӑкӑ ӱкерӑннӑ.

Кӑнеке авторӑ поэт пулни тӑрех сисӑнет. Сӑвӑ йӑркисем романра нумай пулнӑран кӑна мар ҫакӑ. Поэзи пӑтӑм хайлава витерсе тӑрать. Тӑрлӑ сийлӑ, стильлӑ романа шӑпах лирикалӑх пӑрлӑхлӑ тӑвать, хӑйне евӑрлӑ ритм йӑркелет. Авторӑ романа пӑтӑм пурнӑҫ опытни ырнаҫтарасшӑн пулнӑ пулмалла: темӑн те пур кунта, вӑл шутра илемлӑ литература стилӑ ыран-ыранпа публицистика стилӑпе ҫураҫма ӑнтӑлни те, ӑн юхӑмӑ т. ыт. те. Мехелӑпе материалӑ темиҫе роман валли те ҫителӑклӑ. Кунашкал вӑрам текста (710 стр.) Интернет вӑхӑтӑнче пурӑнакан ҫынна йышӑнма йывӑртарах, ҫапах та лирикалӑх тени вулас ӗҫе ҫӑмӑллатать. Чылай ҫӑрте «чӑлхе шӑй-рӑкӑ» текенни куҫа тӑрӑнать.

Публицистика тенӑрен, вӑл тӑл-тӑл романӑн пӑтӑм шалти илемне хупласа хурасшӑн: власть, Чӑваш наци конгресӑ тата ытти общество пулӑмӑсемпе ҫыхӑннӑ сюжетсем, ыран-ыранпа урӑх ҫӑршыв историне кӑрсе кайни тӑп сюжета таткалать. Хамӑр халӑх историйӑ пирки шухӑшланӑ чух та хӑш-пӑр авторсен ӗҫӑсене ӑша хывни сисӑнет. Хӑш чухне субъективлӑх мала тухать. Саманана айӑпласи пур нумай ҫӑрте. Самана анчах айӑплӑ-ши пирӑн вӑй-сӑрлӑхшӑн? тесе те ыйтас килет хушӑран. Анчах та ҫак публицистикаллӑ пайсенче автор чӑваш халӑхӑн паянхипе ыранхишӑн чунтан пӑшӑрханни сисӑнет. Гурий Комиссаров XX ӑмӑр пуҫламӑшӑнче лартнӑ «Чӑваш халӑхӑ малалла кайӑ-ши, каймӑ-ши?» ыйту хальхи вӑхӑтра татах та ҫивӑчленнине куратпӑр. Малалла каясси пирки ҫеҫ мар, хамӑра хамӑр упраса хӑварасси пирки те шухӑшламалла паян.

Романри пархатарлӑ геройсем вилеҫҫӑ: Санюк та, Сантӑр та, Гурий Тав та... Тепӑр тесен, кунашкалли Юрий Санӑн пултару-лӑхӑнче ҫеҫ мар, ыттисен те тӑл пулать. Юлашки пӑр вунӑ-вун пилӑк ҫул прозӑра пархатарлӑ герой е пачах курӑнмасть, е вӑл тӑрлӑ сӑлтӑвсене пула вилет. (Паллах, ку чи ҫӑмӑл ҫул – герой вилнӑ те, ӗҫӑ вӑҫленнӑ. Анчах та сӑмахӑн хӑвачӑ пур, хамӑр малашлӑха хамӑр алапа чӑрмав лартни ан пултӑрчӑ.) Ҫӑршывӑпех ҫакнашкал сулам пулнӑ теҫҫӑ тишкерӑҫсем. Вырӑс литературинче, калӑпӑр, икӑ кризиса – социаллӑ-политикаллӑ роман чылай вӑхӑт пичетленменнине тата хайлавсенче пархатарлӑ герой ҫуккине – 2009 ҫ. тинех ҫӑнтерме вӑй ҫитернӑ⁴⁵. «Упи каҫман ҫырминчен...» чӑваш литературинче ҫак икӑ кризиса ҫӑнтерекен пӑрремӑш роман темелле. «Темле виҫейми ыра таса вӑй ертсе пырать халь Кӑҫӑн Сайпа ял-йышне. Утӑть халӑх... куҫӑть халӑх... ҫырма тӑпӑнчи кӑпер ытамне, ӑтем ыранне!»⁴⁶ Тӑп геройсем вилеҫҫӑ терӑмӑр, ҫапах та

вёсёнке Сантәрпа тутар хёраәмён ывалё Салман Смирнов сәнарё шанчәк суратать. Романра вәл курәнать сёс-ха, анчах унән мехелё-сәнарё пётёмёшле паллә. Вәл — «патвар хул-сурәмлә сўллё те вәй питти кёлеткеллё арсын. Тўрё хура сўслё, таса симёс куслә хёрёх сўлсенчи этем, пёр-пёр паттәр кёрешўсёлле курәнәкан ар» (709 с.), чәваш халәх ертўси. Ёлёк «упи касман сырминчен» казма пултар-нә чәваш халәхне «малалла, сўтгалла, пин-пин әру хывнә йёрпе — Чәваш тёнчине, сёнё кун пуслама!» илсе кайма вәй-хәват ситерме пултарақан чәваш арё... «Упи касман сырминчен...» юрә хайлавән лейтмотивё пулса тәрәть. Чәваш пурнәсёнке вәл сав тери пёлтерёш-лё юрә. «Ёлёк вәйлә пулнә халәхан паян та малалла утма хәйёнке вәй-хәват тупмаллах», — тесе каласшән пек туйәнәть прозаик.

Интеллектуаллә прозәна илсе пәхар. Тишкерекен тапхәрта Георгий Федоровән «Ай, мәнтарән хир мулкачи» ытарлә эскизән тәваттәмёш-улттәмёш повеёсем пичетленнё. Тәваттәмёш пове-сё — «Анис улма кустартәм» ятлә (Тәван Атәл. 2006. 10 №. 3—45 с.). «Анис улма кустарассё тейён арсынпа хёраәм хәйсен хушшинче пёр-пёрин туйәмне сәмахсәр тавсәрассё. Ашри туйәм кёрпекленсе ситнё, сёткенпе тулнә, турата йывәрлатнә, кёс сёре татәлса ўкес симёс пек вәл» (24 с.). «...Вехтёр калать, Виктор Николаевич. “Ом-ласси” пурнәс йывәсси вәл, тет. Адам пурнәс тутине ативнё пу-лать апла, әнлантарать мана... Вехтёрё пәтранас сук-ха вәл, эп вара йәлт арпашәнса кайрәм, исмасса. ...Адам сьләха кёрес мар — тён-чере этемлөхё те пулмөччё! Сёр синче этем йәхне пусарни сьләх пулать-и-ке?» (36 с.) Унюкпа Краппин юратәвё мала тухать ку повеёре. Краппин упәшки Михал вәрсәра вилнё, икё ачапа тәрса юлнә сәмрәк хёраәм. Вәрсәран таврәннә Унюкпа пёрлешессё вё-сем, тепёр икё ача ситёнтерессё. Еххём старик, малтанхи упәшкин ашшё, вёсемпе пёрле пурәнәть. Ку сёмьери хутшәнусем сәмәл мар. Кашнин чунё хәйне майлә асапланать. Туйәмсен тарәнләхне, чун-чере ыратәвёпе сүтә шанчәкне, кәмәлән төрлө хусканәвне усса пама пултарнә Г. Федоров.

Пан улми юрату символё сёс мар, пурнәс символё те. Тәхәр сўлти Михал вәрманта сұхалса кайсан хырәм выссине вәрманти йўс пан улмипе ирттересшён. «Пурнәс вәрманё терё те Вехтёр, савна пёлтерчё пуль ара. Каларәм та — кулать вәл: йўсё улма тетён. Пур-нәс хәсан пылак та савәк пулнә?!» (38 с.) Чәваш юратәвё чәвашла пытарәнчәк, сав вәхәтрах вәрман пек аслә, тёнче пек аслә иккен. Паллах, повеёре совет саманинчи геройсем сәнарланнә-ха. Анчах та чәваш характерён шәнәрне, авалләхран малашләха сыхланса юлаканнине, паләртма пултарнә Г. Федоров.

Эскизән пиллөкмёшпе («...И сил вёрет, сил вёрет»)(Тәван Атәл. 2007. 9 №. 64—94 с.; 10 №. 68—86 с.) улттәмёш («Сисет сисём сёр сурса...»)(Тәван Атәл. 2009. 1 №. 11—49 с.) повеёсенче самана силё-

сиҗёмё, истори кустәрми уйрам җемье, уйрам җын шәпине аркат-
нине эпикаллы сәнласа панә.

Икё ёмёр чиккинче җаваш литературинче «профессорсен ли-
тератури» текен пулам паләрчё, вәл паянхи кун та аталанать. Ин-
теллектуаллы прозана җывәх тәрәть вәл. Тимләрех пәхсассән, тен,
җак авторсен җылай хайлавне шәпах интеллектуаллы проза хутлә-
хәнче тишкермелле. Традициллё стильпе җырнә хайлавсем те сахал
мар кунта, җаванпа та пулама уйрамман паләртсан төрөсрех. «Про-
фессорсен литератури» термин Анәҗран килнә⁴⁷, вәл — университет
кафедрисенче ёҗлекен профессорсен литературәри пултарулахё.
җакнашкал литература картинче ёҗлекенсен шутне филологи әслә-
ләхёсен докторёсем Г.И. Федоров (поэзи те, проза та), А.Ф. Мыш-
кина⁴⁸ (проза), П.Н. Метин⁴⁹ (проза), В.Г. Родионов⁵⁰ (поэзи, проза,
драматурги), Н.И. Егоров⁵¹ (поэзи, публицистика), Ю.М. Артемь-
ев⁵² (проза [шүтлө калавсем], куҗарусем), Г.А. Ермакова⁵³ (поэзи,
проза); философи әсләләхёсен докторё М.П. Желтов⁵⁴ (поэзи, про-
за, публицистика) кёреҗҗё. Вёсем филолог е философ пулни түрех
сисёнет: ку авторсен пултарулахәнче ытлашши сәмах җук, хайлава
ытларах җухне әс-тән (интеллект) йёркелесе пырать, сюжет логи-
кәна җирёп пәханать.

Литература аталанавёнче тепёр тапхәр пуҗланнә май прозәра
та улшәнусем пуласса кётетпёр. Хальләхе Гурий Комиссаров шу-
хәшне асра тытса җакнашкал ыйтас килет: «җаваш литератури ма-
лалла кайё-ши, каймё-ши?». Шанчәк пётмен-ха. «Нимсёр пырса
тухнә уй пек халь җыравҗәсен җёнё пёрләхё. Мёнле утам тумал-
лине те түрех пёлеймён. Ёләкхи литературәран җёнё пулама куҗнә
тапхәр халь. Тен, малашне җыравҗәсем сахалрах пулөҗ, пурнәҗ кә-
тартё. Эпё сәнәнә тәрәх, паян хёрарам поэзийё вәйлә аталаннә. Ман
шухәшпа, хёрарам литературәна пётме памё»⁵⁵.

* * *

җён йёркелү пуҗлансан «ирёке» тухнә литература җак ирёк-
ләхпе мёнле уә курмаллине, мёнле җулпа каймаллине әнлансах
илеймерё пулмалла. «Хура җәнләх» литература хутләхне хупласа хума
хәтланчё, «пуҗ җёклерё вәрә-хурах» (Д. Гордеев).

XXI ёмёр пуҗламәшёнчи литературәна куҗам тапхәр темелле.
Проза «сывләш җавәрса илсе» җёнё җулсем шырама хәтёрленет (аль-
тернативлә, интеллектуаллы проза, Е. Нарпи, Г. Максимов, А. Та-
расов).

Литература малалла аталанасси герой улшәннипе (ку вәл —
пёр җул) җыхәнма пултарать. Прозәра витёмлө, паллә герой сәнар-
ланни, тен, хытса ларнә лару-тәрәва пәлхатма пултарё, малалла
кайма җул уҗалё. Хальләхе пирён прозәра витёмлө геройсем җукрах.
җапах та, 2001—2005 җулсемпе танлаштарсан, тишкернө тапхәрта

улшанусем пур. Вайлă геройсем, оптимизмпа вĕсленекен хайлавсем ытларах курăнма пусларĕç. Хальлĕхе унти сăнарсем ытларах чухне чун-чĕрене витермеçĕ, асра юлмаçĕ. Вĕсем *чăваш* пулнине аяланса илме йывăр. Кунта Юрий Санян «Упи каçман сырминчен...» романĕ уйрăм тăрат. Хайлавра чăваш халăхне «малалла, çутталла, пин-пин ару хывнă йĕрпе – Чăваш тĕнчине, сĕнĕ кун пуçлама!» ертсе кайма пултаракан чăваш арĕ курăнать.

Литературапа асăрхатарусем

¹ Статьяпа питех сыханман пулсан та, хамăра хамăр аса илтерни вырăнлă пулĕ. 1917 ç. Гурий Комиссаров «Чăваш халăхĕ малалла кайĕ-ши, каймĕ-ши?» ятлă ĕç сырат, аяна 1918 ç. Ёпхуре пичетлесе каларать. Унта вăл чăваш халăхĕн пуласлăхне (вăл шутра – чăваш литературин пуласлăхне те) шанни курăнать. Г. Комиссаров тўпи чăваш культуричче те, литература пĕлĕвĕнче те вышкайсăр пысăк. Шел пулин те, паянхи кунчен те эфир аяна тивĕслипе хаклайман.

² «Если же попытаться дать общую характеристику времени, то нулевые по своей эмоциональной окраске представляются мне временем без надежд, но, значит, и без избыточных иллюзий (и это при том, что именно в эти годы в литературе возникло столько интересного!). Временем черновой, будничной словесной и смысловой работы, накопления подкожного слоя» (*Балла О.* Время без надежд и иллюзий // Дружба народов. 2011. № 1. С. 191). Паллах, маларах (1990-мĕшсенче) ĕмĕчĕ-шанчăкĕ нумай пулнине шута илсен кунашкал хаклав тĕрĕс.

«Вялое и скучное десятилетие» (*Марченко А.* Прибавление или вычитание // Дружба народов. 2011. № 1. С. 205).

«...Десятилетие не стало гениальным, блестящим, но оно сколотило отличную базу для будущих прорывов» (*Рудалев А.* Круглый стол «Литература «нулевых»: предварительные итоги // Литературная учеба. 2010. № 1. С. 11). Вăхăт иртнĕсемĕн акцентсем улшăнма пултараçĕ ĕнтĕ – «пысăкки аякан курăнать».

³ *Никифорова В.В.* Хальхи литература идеи-идеалĕ: 2001–2005 сўлсенчи проза // Чăваш халăх историйĕпе культури сивĕч ыйтăвĕсем: статьясен пуххи = Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. Вып. 1. С. 204–228.

⁴ *Федоров Г.И.* Илемлĕ сăнарлăх тымарĕсемпе хунавĕсем: 2008 сўлхи проза // Таван Атăл. 2009. 6 №. 3 с.

⁵ Сакă ытти халăх литературисенче те палăрат. «Традиционная коллизия поисков человеком своего места в жизни, четкого определения им своей позиции сменилась поисками самого себя, своего интимного мира в различных измерениях и возможностях бытия. Отсюда стремление современных авторов соединить структуру внутреннего мира личности со своеобразием структуры образительных средств художественного произведения» (*Зайцева Т.И.* Удмуртская проза 1990-х годов: Актуальные проблемы изучения // Язык, литература, культура: диалог поколений: сб. научных статей. Чебоксары: ЧГПУ, 2004. С. 344).

⁶ «В центр художественного мира чувашских драматургов этого периода выходит герой. В нем сконцентрирован конфликт и дух времени, многогранный мир человеческих судеб и, наконец, духовный опыт нации. Именно поэтому он и выступает как образ конкретного человека и «инструмент» исследования мира» (*Кириллов К.Д.* Особенности становления и развития чувашской драматургии в контексте тюркских литератур Урало-Поволжья (20-е годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. С. 14).

⁷ *Федоров Г.И.* Кăтарнă ĕç. 6 с.

⁸ *Гордеев Д.* Тăрлавсăртан та тăрлавсăр Кутузов // Хыпар. 2011. Кăрлач, 29.

⁹ Ҷапла пайласа пәхни — паянхи кун мён пуррине аңланса илме тәрәшши, паләртни («констатация факта»), сыравса вәл е ку «картана» хуса кәртме шухәшли мар. Пёр сыравсаң терлө хайлавө терлө ушкәна кәме пултарать. Кунта эпир сыравсаҗсене мар, вәсен хайлавәсене мала кәларса системәлама тәрәшнә.

¹⁰ Пётәмәшле илес пулсан, сыракансен шучө сәршывәпех үснө (*Ерофеев В. Чаваш Ен — маншан Геннадий Айхи // Хыпар. 2010. Ҷурла, 21*). Ку тенденци пирәншөн те ют мар. Паян республикәра писательсен союзө виҗсә. Сергей Павлов ертсе пыракан тәп пәрлөхре (Раҗсей писательсен союзән уйрәмәнче — Чаваш Республикин профессионал писательсен союзәнче) 125 сын, Юхма Мишши ертсе пыракан Чаваш писателәсен союзәнче 104, Хветөр Агиверән «Хурәнташ» союзәнче 53 сыравса шутланса тәрәт («Хыпар». 2011. Ҷәртме, 7).

¹¹ Писательсем ку статус пирки юлашки сұлсенче нумай каласине те паләртса хәварас пулать. Тәп шухәш савнашкәл: писатель вәл — профессия, апла пулсан, ку еҗшөн түлемелле. Ёлөкхи пек. Д. Гордеевән пёр статийнче: «Түлеме пәрахсан ыранах учительсем пулмассә, строительсем строитель пулма пәрахассә. Пире тахсанах түлеме пәрахнә. Эпир те тахсанах писатель мар. Пире литература таврашө кәна теме пулать», — тенөччө (*Гордеев Д. Кашни еҗсөнх чән әстисем пулмалла // Хыпар. 2010. Ҷурла, 10*). Ку вәл, паллах, урәх каласу.

¹² Пәлтерешө сәкнашкәл: альтернативлә — «сирәплиничен (хәнәххичен) урәхла; официаллипе пёр килмен» (*Дегтярёв Г. А. Чаваш чөлхин сөнөлөх словарь: Икө томлә. 1 том. А—П. Шупашкар: ЧПГАИ, 2003. 22 с.*).

¹³ *Теветкел Н. «Сыравса еҗсә-хелө — вәхәт панә роль» // Хыпар. 2009. Утә, 15; Унәнах. Уруна чәнкәрах йәт // Таван Атәл. 2009. 8 №. 144—149 с.; 10 №. 121—126 с.; Чепунов Р. «Ҷәка сұлси саврака» // Хыпар. 2009. Авән, 3; Тенюшев И. Мёнле тәллевле калем тытнә-ши критик? // Хыпар. 2009. Юпа, 8; Дмитриев В. Фронт сұләмө витөр тухнә автора «хөнемелле-ши?» // Хыпар. 2009. Юпа, 14; Павлов С. «Хура» чәнләхран «суя» чәнләха — сур утәм // Хыпар. 2009. Юпа, 20.*

¹⁴ *Теветкел. Н. Уруна чәнкәрах йәт // Таван Атәл. 2009. 10 №. 124 с.*

¹⁵ *Федоров Г. Илемлө сәнарләх тымарәсемпе хунавәсем: 2008 сұлхи проза. 10 с.*

¹⁶ «Национальные литературы в условиях глобализации переживают радикальные стремительные перемены, которые характеризуются более или менее сходными тенденциями. Это связано прежде всего с беспрецедентным влиянием культуры масс-медиа, мощным потоком хлынувшей с Запада» (*Хакушева М. Проблемы роста // Дружба народов. 2008. № 4. С. 201*).

¹⁷ *Чепунов Р. «Ҷәка сұлси саврака» // Хыпар. 2009. Авән, 3.*

¹⁸ *Павлов С. «Хура» чәнләхран «суя» чәнләха — сур утәм // Савантах. Юпа, 20.*

¹⁹ *Абрамов В. Писательсен черетлө сьездәнче тухса каласнинчен. Наци библиотеки. 2010 сұлхи чүк уйәхән 10-мәшө.*

²⁰ *Федоров Г. Рондо // Рондо. Ярәм-поэма. Шупашкар: «Чаваш ен» изд-во, 2000. 43 с.*

²¹ *Тарасов А. Кашни сыравса хәй «чиркү» пулмалла // Хыпар. 2011. Ҷәртме, 28.*

²² Малтанхи икө романне эпир тишкернөччө (*Никифорова В.В. Кәтаргнә еҗс.*).

²³ Чән та, хәш-пёр тәпчевсө шухәшөпе ку кәнекесене «роман» теме йивәр-тарах. Чаваш романән хәй евәрлөхне Г. Хлебников хысәән уйрәмман тишкерен пулмарө. (1966 с. унән «Чувашский роман» кәнеки пичетленнөччө.) Г. Федоров хәйән еҗсәнче ку ыйтәва хускатать-ха, сапах та сур өмөр хушшинче ыйтәва тарән-рах тимлеме сәлтәвсем сителөклекх пухәннә. Савәнпа та хальлөхе эпир С. Павлов хәйән хайлавәсене «роман» тесе паләртнисене комментарисөр хәварәпәр.

²⁴ *Павлов С. Авәр: роман. Шупашкар: Чаваш кәнеке изд-ви, 2007. 384 с.*

²⁵ *Павлов С. Сарә хәмәш, сар хәях: роман, калавсем. Шупашкар: Чаваш кәнеке изд-ви, 2010. 3—227 с.*

²⁶ Журнал варианчө «Шуҗлак сұл» ятпа пичетленнөччө (Таван Атәл. 2008. 6 №. 3—46 с.; малалли ыт. номерсенче). «Сарә хәмәш, сар хәях» ят, паллах, «иләртүл-лөрөх», хайлава түрөх уйәрса илме пулать.

²⁷ *Казанов А.* Каҫхи мёлке: повесть, калавсем. Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 2007. 287 с.

²⁸ *Казанов А.* Тăмха // Тăван Атăл. 2008. 6 №. 112–121 с.; *Уйнах.* Тăр умах // Тăван Атăл. 2009. 11 №. 103–115 с.

²⁹ *Агивер Ф.Г.* Пăрлак: повесть, калавсем. Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 2007. 446 с.

³⁰ *Станьял В.* Сарăмлă тата сарăмсăр пурнăç // Хыпар. 2010. Пуш, 24.

³¹ *Максимов Г.* Çĕрĕллĕ хура кушак: повессем, калавсем. Шупашкар, 2009. 320 с.

³² *Нестерова З.* Āста-ши эсĕ халĕ?: калавсемпе повессем. Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 2009. 223 с.

³³ *Эльмен У.* Çирĕп чунлисем телейлĕ: повессемпе калав. Шупашкар: Чăваш кёнеке издательстви, 2010. 624 с.

³⁴ *Никифорова В.В.* Кăтартнă ĕç.

³⁵ *Тарасов А.* Кашни сыравçă хай «чиркү» пулмалла.

³⁶ *Алексеева Е.* Телей çалтăрĕ хыççан: калавсем. Шупашкар: ЧПГАИ, 2006. 176 с.

³⁷ Авторĕ куçан калаçура ку хайлав жанрне хай «калав» тесе палăртнине пĕлтерчĕ. Пичетленĕ чух темле салтава пула çапла палăртни улшăннă.

³⁸ *Степанов В.* Эфемероптера каçĕ, е ФАУст-2: роман-киллер. Шупашкар, 2009. 304 с.

³⁹ *Хузангай А.* А была ли бабочка?.. // Степанов В. Эфемероптера каçĕ, е ФАУст-2. С. 294.

⁴⁰ *Степанов В.* Эфемероптера каçĕ (Профессионал) // Аван-и. 1992. 37–42 №.

⁴¹ *Сатур С.* Çĕнĕлĕхе палăрса тăракан хайлав // Хыпар. 2009. Çу, 26; *Ильина Н.* Кама е мёне вĕлерет роман-киллер? // Тăван ен (Шупашкар районĕ). 2009. Авăн, 18.

⁴² Теори авторĕ – Йохан Хейзинга (1872–1945), Нидерланд асчахĕ, XX ĕмĕрти чи хайне евĕрлĕ шухăшлавçăсенчен пĕри, культура историкĕ. Чи паллă ĕçĕ – «Хомо луденс» («Человек играющий») – шăпах пĕтĕм культура *вайăран* пусланнине ĕнеретер. Тĕплĕнрех çакăнта пăхма пулать: *Хейзинга Й.* Homo ludens. В тени завтрашнего дня. Пер. с нидерл. М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. 464 с.

⁴³ Фауст сюжечĕ нимĕç çĕрĕ çинче суралса тĕнчипе сарăлнă. Ун çинчен çурекен легендăсене пуçтарса пĕрремĕш хут Майн çинчи Франкфурт хулинче 1587 çултах кёнеке нимĕçле пичетленнĕ. Каырах вун-вун автор çак сюжета тĕпе хурса çĕнĕ хайлав сырнă. XX ĕмĕрте гениллĕ нимĕç сыравçи Томас Манн (1875–1955) çак сюжета асра тытса хайĕн тĕлĕнмелле романне сырат. «Доктор Фаустус: Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанный его другом» (1947) ятлă вăл. В. Степанов юлташĕн кун-çулне ўкерсе кăтартни çак романĕн параллелĕ пек туйăнса каять хушăран.

⁴⁴ Романа экзистенциализм вĕрентĕвĕн тĕп шухăшĕсенчен пĕри сывăх пулнăн туйăнать: «Человек осужден быть свободным. Осужден, потому что не сам себя создал; и все-таки свободен, потому что, однажды брошенный в мир, отвечает за все, что делает» (*Сартр Ж.П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева: Перевод. М.: Политиздат, 1989. С. 327).

⁴⁵ «Кризис социально-политического романа и отсутствие положительного героя, которые, как отметили критики, в некоторых романах, вышедших в минувшем году, преодолены» (*Шенелев Алексей А.* Повесть о грядущем настоящем человеке. Образ положительного героя и образ будущего в русских романах «кризисного» 2009 года // Дружба народов. 2010. № 8. С. 187).

⁴⁶ *Сан Ю.* «Упи каçман сырминчен...»: роман. Шупашкар: «Çĕнĕ вăхăт», 2009. 709 с.

⁴⁷ «Большинство художественных произведений постмодернистов можно отнести к так называемой «профессорской литературе» – своеобразному явлению литературной жизни Запада. Так как писательский гонорар нестабилен, многие

литераторы создают свои произведения на досуге, работая, как правило, преподавателями в вузах или занимаясь научной деятельностью (обычно в области филологии, философии, психологии, истории).

Такова судьба Мердок и Мерля, Голдинга и Толкиена, Эко и Акройда, многих других знаменитых писателей. Преподавательская профессия накладывает неизгладимый отпечаток на их творчество, в их произведениях обнаруживается широкая эрудиция, знание схем литературных произведений. Они постоянно прибегают к открытому и скрытому цитированию классиков, демонстрируют лингвистическую эрудицию, наполняют произведения реминисценциями, рассчитанными на столь же образованных читателей. Огромный массив литературоведческих, культурологических знаний отнесил в “профессорской литературе” непосредственное восприятие окружающей жизни. Даже фантазия приобрела литературоведческое звучание, что ярче всего проявилось у создателя фэнтези Толкиена, а затем и у его последователей» (*Луков В.А. История литературы: Зарубежная литература от истоков до наших дней: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 487*). Чăваш профессорĕсен пултарулахĕ, паллах, шăп та шай ĕакнашкал аталанать теместĕр эфир.

⁴⁸ Республикăри журналсенче ничетленет. «Атте пилĕ» (Повеĕсемпе калавсем. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. 159 с.) кĕнеке пур.

⁴⁹ «Капкăн» журналта ыглах пичетленĕ. Хай виличчен Метте Петти псевдонимпа «Чăвашла уйрăлу» (Памфлетсем, шĕтлĕ калавсем, шĕтсем. Шупашкар: «Парнас» изд-во, 2011. 100 с.) кĕнеке каларнă.

⁵⁰ Псевдонимĕ — Сăвар Эртван. Республикăри журналсенче ничетленет. Прозипе публицистики «Сăвă. Сăмах. Сăнар» (Шупашкар: ЧПУ изд-ви, 2007. 476 с.) кĕнекере тĕпчевсемпе пĕрле пичетленĕ. Проза, поэзи, драматурги хайлавĕсем «Аслă халал» (Шупашкар: ЧПУ изд-ви, 2008. 140 с.) кĕнекере те кун сути курнă.

⁵¹ Сăввисемпе кĕвĕленĕ темиĕе юрă халăхра анлă сарăлнă. «Хыпар» хаĕтра Н.И. Егоровăн публицистика статейсем час-часах пичетленĕçĕ.

⁵² Республикăри хаĕат-журналта пичетленет.

⁵³ Вырăсла та, чăвашла та ĕырать. Унăн «Позвольте мне остаться у вашего огня...» повесть сыпăкĕ «Дружба народов» журналта 1999 ĕулта пичетленĕ (№ 8. С. 101–123). Ėав ĕулах повесть кĕнекен те тухнă (*Ермакова Г.А. Позвольте мне остаться у вашего огня... Чебоксары: Изд-во РИО, 1999. 130 с.*). Чăвашла сăввисем «Тăван Атăл» журналта пичетленĕ (Ėитмĕл ĕичĕ ĕавра шухăш... // Тăван Атăл. 2000. 2 №. 20–22 с.).

⁵⁴ Псевдонимĕ — Сарри Мишши, Михаил Сунтал. Республикăри хаĕат-журналта пичетленет. Темиĕе кĕнеке авторĕ: «Алтăр ĕăлтăр шерпечĕ» (1990), «Асамлă алгоритм» (1994), «Аĕа ĕапнă чун» (1997), «Хĕвел ĕутипе килетĕп» (2001), «Мăн ту вăрттăнлăхĕ» (2011). Ачасем валли те, аслисем валли те ĕырать. Фантастикăллă, философилĕ хайлавсем чылай унăн.

⁵⁵ *Чиндыков Б. т. ыт. «Кукăль ĕинипех критик пулаймăн...» // Хыпар. 2008. Ėу, 21.*

V.V. Nikiforova

THE CHUVASH PROSE ENTITY IN THE NEW CENTURY (2006–2010)

The “zero” years of the 21st century in the Chuvash literature are characterized by the continuation of the 1990s traditions. At the same time the new prose looks for new guiding lines and ideals instead of the ones destroyed previously. The state of the literary process of the beginning of the 21st century is marked as a transition period that determines the further development of literature. The survey of the Chuvash prose of 2006-2010 allows to separate in it the following critical components: traditional, alternative, and intellectual ones.

Key words: Chuvash literature, modern prose, literary criticism, critics, traditional prose, alternative prose, intellectual prose, “professor literature”.

Радикальные социальные перемены в жизни общества в 90-е гг. прошлого века явились значительным стимулом для использования продуктивных способностей и внутренних резервов чувашского языка. Однако массовые и хаотичные инновации создали ономаσιологическую избыточность, резко увеличили вариативность письменной речи и нарушили целостность чувашского литературного языка. Многие варианты слов, форм, конструкций не несут ни функциональной, ни информационной нагрузки, то есть не соответствуют коммуникационным потребностям и нарушают стилистическую систему языка. Комплексное изучение проблем неологии, вариативности и дублетности должно стать основой научной нормализации литературной речи и кодификации нормы.

Ключевые слова: современный чувашский язык, лексические инновации, критерии неологизма, вариативность, дублетность, проблемы нормализации языка.

Юлашки сирӀм сул хушшинче, совет хысӀанхи тапхӀрта, пирӀн пуплев чылай улшӀанчӀ. Хальхи чӀваш чӀлхин тӀп уйрӀмӀлӀхӀсен шутне сӀмах йышӀнчи сӀнӀлӀхпепе вариантлӀха, социаллӀ лексика сӀнелсе урӀхланнине кӀртмелле. ПирӀн тӀпчевӀн тӀллевӀ – сӀк пулӀм-сене тӀрлӀ енчен тишкерсе хӀк парасси, вулакансене малтанхи пӀтӀмлетӀсемпепе паллаштарасси.

МӀнле сӀмаха «сӀнӀ» темелле-ха, е, урӀхла каласан, пуплеве кӀнӀ сӀмах хӀсӀанччен сӀнӀ пулатӀ? ПӀрре пӀхсан, ку ыйту ансат пек. Анчах пирӀн чӀлхе тӀпчевӀсем сӀкӀн пирки мӀн сӀрнине вулатӀн та сӀмахсен сӀнӀлӀхне, сӀнӀлӀх чиккине палӀртасси сӀмӀл маррине тепӀр хут туйса илетӀн. ТӀслӀхрен, В.В. Андреев ӀнентернӀ тӀрӀх, «юлашки вӀхӀтра чӀвашла кӀларӀмсенче сӀкӀн пек хутлӀ сӀмахсем («гибридные словосложения») палӀрнӀ: *автосул, аэросуна, инфрахӀрлӀ, радиохум, телекуравсӀ, телехыпар, ультрасасӀ*»¹. Автор асӀннӀ «юлашки вӀхӀтӀн» чикки ӀстарӀх-ши? ТӀслӀхрен, *телекуравсӀ* сӀмах пирки А.Е. Горшков 30 сул каяллах – сӀнетӀ пусла-

Геннадий Анатольевич Дегтярёв – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: gena.lingvo@yandex.ru.

ничченех – «юлашки вӑхӑтра... вӑй илсе пыракан сӑмах» тенӗччӗ². Анчах *телеуравсӑ* 1982 (1985) ҫ. «Чӑвашла-вырӑсла словаре» кӗреймен. *Автосул, аэросуна, инфрахӗрлӗ, радиоухум, ультрасасӑ* сӑмахсем вара унта пур³. 1971 ҫ. «Вырӑсла-чӑвашла словарьте» те вырӑн тупнӑ вӑсем⁴, пӗр *автосул* сӑмах кӑна темшӗн ҫав йыша лекеймен.

Малалла тишкеретӗн те ҫакӑ палӑрать: *автосул, аэросуна, радиоухум, ультрасасӑ* сӑмахсем пирӗн литература чӗлхинче (илемлӗ сӑмахлӑхра, куҫарнӑ хайлавсенче, вӑренӗ кӗнекисенче) 50–60-мӗш ҫҫ. пулнӑ. Ҫакна ҫирӗплетекен тӗслӗхсене пӑхса тухар-ха:

Ытти тӗнчесемпе ҫыхӑну тытмашкӑн радиохумсем ямаллах (Тихӑн Петӗррки. Ҫил-тӑвал. 1967, 49 с.);

Вӑл аэросуна тунӑ чух ача... пите тинкерсе пӑхса тӑнӑ (А.С. Железкова, К.И. Семенова. Шуршӑл ачи. 1964, 75 с.);

Ҫара ҫерҫисем... эпир илтме пултарайман ультрасасӑсене те туйма пултарасӑҫӗ (В.Ф. Шалаев, Н.А. Рыков. Зоологи. 1959, 160 с.);

Вӑҫтерет шап-шур тӑман автосулпалан (В. Алентей. Тӑван хирсем. 1955, 48 с.).

Ҫапла вара В.В. Андреев асӑннӑ «юлашки вӑхӑтӑн» чиккине шыраса эпир иртнӗ ӗмӗрӗн 50-мӗш ҫҫ. ҫитетпӗр.

В.И. Дмитриев чӗлхеҫӗ В. Сипетӗн повеҫне тишкернӗ май ҫапла палӑртать: «Авторӑн хӑйне майлӑ чӑвашла ҫӗнӗ сӑмах тӑвас туртӑм вӑйлӑ аталаннӑ. Сӑмахран: *тулатуха* (туалет), *ҫуткӑҫ* (включатель) т. ыт. те»⁵. Чӑнах та, пӗрремӗш тӗслӗхӗ шутсӑр «хӑйне майлӑ», анчах *ҫуткӑҫ* тени ҫенӗлӗх тӗслӗхӗ мар – вӑл чӗлхере тахҫанах ҫирӗппеннине 1961 ҫ. словарьтен те пӗлетпӗр⁶. Ҫӱлеререх асӑннӑ чӗлхеҫӗ шул ачисене ҫапла вӑрентет: «Ҫӗнӗ сӑмаха чӗлхере **неологизм** теҫӗ. Тӗслӗхрен, *ҫӑлтӑрҫӑ, вӑҫевҫӗ, ҫӗнетӱ, бартер, менеджмент* т. ыт. те»⁷. Тӗрӗссипе вара ку йышри чӑваш сӑмахсем пачах та ҫӗнӗ мар. *Ҫӑлтӑрҫӑ* сӑмах «тӗн литературинче 1873 султанпах курӑнма пуҫлат»⁸. Вӑл Ашмарин словарӗнче те сӑнланса юлнӑ, «звездочет, волхв» пӗлтерӗшлӗ пулнӑ⁹, хальхи чӗлхере те ун тӗп пӗлтерӗшӗ – «звездочет, астролог». «Хыпар» хаҫатран пӗр тӗслӗх илсе парар: *Ҫӑлтӑрҫӑ Вӑкӑра пуш уйӑхӗнче уйрӑмах тимлӗ пулма сӗнет* (Х-р: 6.03.1998). (Илемлӗ литературӑра – иртнӗ ӗмӗрӗн 60-мӗш ҫҫ. вара – *ҫӑлтӑрҫӑ* сӑмах «космонавт» пӗлтерӗшпе те тӗл пулат.) *Вӑҫевҫӗ* тата *ҫӗнетӱ* сӑмахсем те ҫӗнӗ мар – вӑсем В.Г. Егоровӑн 1936 ҫ. словарӗнчех пур¹⁰. 1985 ҫ. *ҫӗнетӱ* лексемӑн «перестройка» пӗлтерӗш хушӑнчӗ – ҫавӑ ҫеҫ.

Шкулта тӑван чӗлхене вӑренмелли кӗнеке авторӗсен шучӗпе, *элчел, элем, ӱнер* сӑмахсем «хальхи пурнӑсри ӑнлавсен кивӗ ячӗсем»¹¹, архаизмсем иккен. Чӑн та, 1982 (1985) ҫ. «Чӑвашла-вырӑсла словарьте» вӑсене *уст. е диал.* палӑпа кӑтартнӑ. Анчах *элчел* «шӑпа», «вилӗм», *элем* «ялав», «символ», «эмблема» тата уйрӑмах *ӱнер* «художество», «искусство» хальхи хаҫат-журналта, кӗнекесенче час-часах тӗл пулаҫҫӗ. Иртнӗ ӗмӗрӗн 90-мӗш ҫҫ. пуҫламӑшӗнче ку сӑмахсен статусӗ улшӑнчӗ – текех вӑсене «кивелнӗ сӑмах» е «диалект сӑмахӗ» тени килӗшӱллӗ мар.

Таван литература на школта вѣренмелли кѣнекере кивелнѣ сѣмахсен йышне *прихут, чиркѹсѣ, пуп, кѣлѣ, чукмар (?)* кѣртнѣ¹². 1988 сул хысѣсан тѣн сѣмахсѣсем чѣлхере сѣнѣрен вѣй илнине, пуплеври тѣтѣшлѣхне ѹстерсе пынине учебник-хрестомати авторсѣсем асѣрхайман пулас. Тѣслѣхрен, *кѣлѣ* сѣмах кулленхи хутшѣнуран нихсан та тухман, *прихут* пеккисем вара пирѣн пуплеве сѣнѣрен таврѣнчѣс.

М.И. Скворцов редакциленѣ «Чѣвашла-вырѣсла словарьте» «кивелнѣ» (*уст., ист.*) тесе паллѣ тунѣ вун-вун сѣмах ХХ ѣмѣрѣн 90-мѣш сѣс. хѣйѣн тѣрѣмне (статусне) улѣштарчѣ – «чѣрѣлнѣ» сѣмахсен йышне кѣчѣ. Сѣв шутра *венчет, гимнази, кѣлава, кѣсѣрнаттѣр, кѣунтелен (кѣнтелем), лавккасѣ, миравай, мишавай, пристав, пунеттей, сѣвап, сѣваплѣх, тѣуре, тѣурешара, элчѣ* т. ыт. те. Сѣв вѣхѣтрах совет идеологийсѣпе, социализм тапхѣрѣпе сѣхѣннѣ ятсем: *колхоз председателѣ, комсомол секретарѣ, коммунизмла сѣс ударникѣ, ленинла зачет, пионер лагерѣ, совет госуларстви, социализмла ѣмѣрту, социализмла харпѣрлѣх, халѣх контролѣ, юлташмла суд* т.ыт. те – кулленхи хутшѣнуран сѣхалчѣс. Сѣпла вара *колхоз, комсомол, обком, октябренок, партком, райсѣтѣвком, совет, совхоз, спекулянт* тенисем халѣхи чѣлхешѣн историзмсем пулса юлчѣс. Чѣваш чѣлхинче *верховнѣй* тата *госуларство* сѣмахсемпе усѣ курассине республика власѣ ятарлѣ постановленипех пѣрахѣсларѣ, *заместитель, организатор, помощник, руковолитель* тенисене те сѣравсѣсемпе журналистсем чѣваш сѣмахсѣсемпе ылмаштарчѣс. Юлашкинчен асѣннисене «архаизм» теме сѣпах та халѣлѣхе сѣлтав сѣтелѣксѣр: ахалѣ каласура вѣсемпе усѣ курассѣ-ха.

Чѣлхене мѣнле сѣмах кѣресси халѣхи пурнѣс майсѣсемпе, самана уйрѣмлѣхсѣсемпе тачѣ сѣхѣннѣ. Тѣслѣхрен, 1982 (1985) с. «Чѣвашла-вырѣсла словарьте» *наркотик* тата унпа пѣр тымарлѣ икѣ сѣмах вырѣн тупнѣ: *наркоман, наркомани*. Юлашки сулсенче ку темѣпа сѣхѣннѣ лексика йышѣ пирѣн пуплевре чылай ѹсрѣ. Тѣслѣхрен, «Крим» хасатѣн пѣр номерѣнчех (2005, 3 №, 1 с.) сѣкѣн пек сѣмахсем тѣл пулассѣ: *наркобизнес, нарколенѣ, наркойѣпану, наркомафи, наркополици, наркотѣрѣслев, наркотѣрѣслевсѣс, наркоуламсѣс*.

Вырѣсларан юлашки тапхѣрта йышѣннѣ сѣмахсем, тѣпрен илсен, – «акѣлицки» ятсем, «мѣриккан» парнисем: *армрестлинг, бармен, бартер, бейсбол, брокер, ваучер, видеоплеер, грант, диджей, дилер* т. ыт. те. Вѣсен чѣлхери пахалѣхѣ пѣр пек мар: пѣрисем сѣнѣ ѣнлава ят парассѣс, чѣлхемѣр аталанѣвне ырѣ сулѣм кѣрессѣс; теприсем вара хѣнѣхнѣ ятсен вырѣнне йышѣнассѣс, пуплеве сѣупѣлессѣс, хутшѣнѣва йывѣрлатассѣс (чылайѣшѣ сѣв сѣмахсене ѣнланмасть). Сѣмах тути-масине уйрѣмах сивѣч туякан сѣынсем – поэтсем – сѣак лару-тѣрѣва хѣйне май хак парассѣс:

Модѣна кѣрессѣс сѣнѣ сѣмахсем:

Бартер, бизнес, хаус...

Шухѣша пугассѣс чѣвашсем:

Пурнѣс ку е хаос (Т-ш: 1998, 13 №).

Мён ку? Мён ку, хаямат.

Сын саваренчен тухать:

Шлягер, шоу, шоп та поп...

Чаранар-ха, ситё, стоп! (ТА: 1998, 7 – 8 №, 25 с.).

А.Е. Горшков чёлхесё хайён вёрену кёнекинче сапла ыйтать: «Акә юлашки сич-сакәр сул хушшинче сес мёнле-мёнле кәна **сёнё сәмахпа** (эпир паләртнә. – Г.Д.) пуянланмарё пулё чаваш чёлхи?» Вара «юлашки сич-сакәр сул хушшинче» – е, урәхла каласан, 90-мёш сс. – тупәннә сәмахсене асанма пуслать. Вёсен йышне, тёсләхрен, саксене те кёртсе ярать: *акционер общества, бизнес, инфляци, коррупци, лицей, референдум, суверенитет...*¹³ Асаннә ятсем 1982 (1985) с. «Чавашла-вырәсла словарьте» сс мар, чаваш чёлхин унчченхи сәмах кёнекинче те пур¹⁴. Ку сс те мар, *акционерла общество, инфляци, коррупци, референдум, суверенитет* тенисене 70 сул каяллахи словарьте те тупма пулат¹⁵. Тепёр тесен, А.Е. Горшков хай те тёсләхсем хысқан сапла хушса хурать: «Паллах, саканта асаннә сәмахсенчен хәшә-пёрисене эпир ку таранччен те пёлнё, анчах вёсемпе ытлашши усә курсах кайман»¹⁶. Пуплевре тәтәшләхне үстернөшөнөх вёсене «сёнё сәмахсем» тени, пирён шутпа, вырәнлә мар.

Иртнө ёмөрөн 30–80-мёш сс. обществәпа политикәна, экономикәна, искусствәна сәнлакан сәмахсенчен чылайәшә пирён икё төрлө пулнә: пёрисем – «малта пыракан» совет сёршывёпе социализм пёрлөхне пахаланә, теприсем вара – «сёрёшсе пыракан» капитализм системине, мул тёнчине питленё. Иккёмөш ушкәнрисем халё ёнтё хамәрән пурнәспа сыхәнчс, кулленхи хутшәнәва кёчс. Иртнө ёмөрөн 80-мёш сулөсенчи словарьсенче «буржуалла», «капитализмлә (капитализмла)» палләсемпе сәнланнә әнлавсен ячөсем сапла вара пирён чөлхере тулли праваллә пулса тәчс. Танлаштаряр:

авангардизм – «буржуалла искусствәри формалистла юхәм»¹⁷; *Марина [Карягина] ... чаваш авангардизмён карт патакки сине хайён ятне картса хучё* (Х-р: 3.09.1996, 4 с.);

коррупци – «капитализмла сёршывсенче пусләхсем укшәән сутәнни»¹⁸; *Чаваш коррупцийё ман ята илтсен чётреве ерет* (СХ: 1997, 52 №, 2 с.);

мафи – «хәш-пёр сёршывсенчи гангстерсен организациё», «гангстер – капитализм сёршывёсенче – вәрә-хурах»¹⁹; *Мафи пусләхсё – Миша тете* (Х-р: 4.08.1993, 3 с.) т. ыт. те.

Кун пек сәмахсене эпир хай вәхәтөнче *сөнё тайәнлә сәмахсем* («функциональные неологизмы») тесе пәхнәччө²⁰. Сөнө тайән (функци) – сөнө пёлтерёш пекех – чөлхере майёпен сирёпленсе пырать. Акә сак тёсләхсене сәнар-ха: **Бизнесмен** – *хамәр чөлхене каласан спекулянт* (Х-р: 31.12.1992); *Хәшсөсем бизнес текен спекуляцие аппалана ссё* (Х-р: 19.05.1994); *Спекуляци текен әнлав сасартәк саккунлә, ыря пёлтерёшилё пулса тәчс...* **Бизнес** *иккен вәл* (СХ: 11.11.1998).

Хаҫат-журналта *ҫәнӗ сӑмах* тата *кивелӗ сӑмах* ыйтӑвне хускатакансен ҫәнӗлӗх е кивӗлӗх критерийӗ пӗрре – хӑйсен шухӑш-туйӑмӗ. Акӑ пӗр кураӑмлӑ тӗслӗх: «*Ҫӗнетӗ ҫулӗсенче эпир ҫәнӗ сӑмахсемпе те паллашма ӗлкӗртӗмӗр: мафи, коррупци, дефицит, приватизаци, кризис...*» (ҪЯ: 12.07.1991). Чӑнах та ҫәнӗ-ши вара вӗсем? «Приватизацисӗр» пуҫне ытти-сем пурте тахҫанах чӑвашла-вырӑсла (1985), вырӑсла-чӑвашла (1971) словарьсене кӗнӗ. *Дефицит, коррупци, кризис* тенисем М.Я. Сироткин редакциясен сӑмах кӗнекинче те пур²¹. Павел Крысин вулакансене ҫакӑн пек ӑнлантарать: *Кунтелен свидетель тени пулатӗ иккен, ҫак сӑмах кивелӗ, ӑна халӗ словарьсене кӗртмесӗ* (Х-р: 7.03.2009, 13 с.). Хисеплӗ ҫыравҫӑ *кунтелен* сӑмах литература чӗлхине таврӑннине, словаре те кӗнине асар-хамасӑрах юлнӑ²².

Ҫәнӗлӗх тапхӑрӗ пирӗн чӗлхере 1985 ҫ. палӑра пуҫларӗ те 1991 ҫ. вӗҫ-нелле вӑй илсе ҫирӗпленчӗ. Ку ахальтен мар: 1985 ҫ. историлле пулӑмпа палӑрчӗ – ҫӗршывра ҫӗнетӗ политики пурнӑҫа кӗме тапратрӗ. Ҫавна май сӑмах ирӗклӗхӗ палӑра пуҫларӗ, пуплеве ҫәнӗ шухӑшлавпа ҫыхӑннӑ ӑнла-сен ячӗсем кӗме тытӑнчӗс, публицистика чӗлхи улшӑну ҫулӗ ҫине тӑчӗ. Ҫав ҫулах чӑваш литература чӗлхин чи тулли словарь иккӗмӗш кӑларӑмпа пичетленсе тухнине те палӑртмасӑр иртме сук. Ҫакӑн хыҫҫӑн, 1985 султан-па, палӑрнӑ сӑмахсемпе пӗлтерӗшсене *ҫәнӗ* теме пулатӗ. «Чӑваш чӗлхин ҫәнӗлӗх словарьне» хатӗрленӗ чухне эпир шӑпах ҫак принципа тӗпе хутӑмӑр.

Совет тапхӑрӗ хыҫҫӑн, 1992–2012 ҫҫ., чӑваш чӗлхинче ҫәнӗ сӑмахсен тӗпи хӑвӑрт ӗссе пычӗ. Шӑпах ҫавсене – ӗмӗрсен чиккинче палӑрнӑ ҫәнӗ сӑмахсемпе пӗлтерӗшсене – шута илмелле пирӗн. Вӑтӑр, хӗрӗх, алӑ сул каяллах тухнӑ словарьсене ҫыранса юлнӑ сӑмахсене «ҫәнӗ» тесе пӑтра-шӑнмалла мар.

Ҫакна палӑртса калас килет: пичетпе радиора усӑ куракан ҫәнӗ сӑмахсемпе майлашусене пурне те хапӑл туса йышӑнма сук. Кӑна ҫирӗплетме икӗ-виҫӗ тӗслӗх илсе пӑхар-ха:

Республика культурӑна информатизацилес... тӗлӗшпе Раҫсей культура министрствин пилот регионӗ пулса тӑчӗ (Х-р: 27.11.2003, 3 с.); *Ҫулталӑк каялла телевиденире пилотлӑ программа тухрӗ* (Х-р: 22.12.2005, 3 с.);

Маргинал диетисем сиен кӗресӗ, мӗншӗн тесен ҫынна 70 тӗрлӗ элемент кирлӗ (Х-р: 4.08.2005, 4 с.);

Шупашикарта перинатал клиники хута кайрӗ (ҪХ: 2001, 39 №, 2 с.); *Президентӑн перинаталь центрӗ* (Х-р: 14.09.2007, 2 с.); *Перинаталлӑ президент (!) центрӗ* (ЧР: 13.09.2007, 13 сех. 15 мин.).

Чӑваша та, вырӑса та ӑнланма йывӑр *пилот регионӗ (пилотлӑ программа), маргинал диети, перинатал клиники (перинаталь центрӗ)* вырӑнне *сӑнавлӑ регион, тиркевлӗ диета* тата *пепкелӗх клиники (пепкелӗх центрӗ)* темелле мар-и-ха. Ӑнлава тӗрӗс те усӑмлӑ палӑртма хамӑр чӗлхере ӑнӑслӑ сӑмах пур ҫинчех ют чӗлхене кивҫене кайни юрӑхсӑр пулӑм.

Тепёр чухне тата хаҗатҗәсем җавашларах калама тәрәшәҗә те путишле сәмахсем шутласа тупаҗә: *мимикҗә* «мимик, мимист» (Х-р: 20.09.1996, 4 с.); *математикҗә* «математик», *нигилизмләх* «нигилизм» (ХЯ: 2003, 3 №, 1–2 с.); *тоталитариләх* «тоталитаризм» (А. Леонтьев, Килех, профессор! 2003, 8 с.).

Шел пулин те, ютран йышәннә җәнә сәмахсемпе тәлсәр, пәлтерәшне уямасәр уә курни тек-текх тәл пулать. Тәсләхрен, «Ар» хаҗат (2002, 13 №, 4 с.) җапла хыпарлать: *Исламистсен пуҗарәвне Чәваш Республикин Патшаләх Канаиҗә мәнле хак парасси пирки калама иртерех-ха*. Контекстран җакә паләрать, журналист *исламист* сәмаха «мәсәльман», «ислам тәнне тытакан» пәлтерәшпе уә курнә. Вырәс җәлхин хальхи сумлә словарә те *исламист* пәлтерәшне кирлә пек паләртман, *ислама майлә җын* («сторонник ислама») тесе әнлантарнә²³. Тәрәссипе вара *исламист* вәл – «исламизма (ислам фундаментализмне) майлә җын» е, уҗәмләрәх каласан, «обществәпа йәла пурнәҗне пәтәмпех ислам тәнне пәхәантарма тәрмашакан тата җак тәллевә пурнәҗлама тискер мелсемпе уә куракан җын». Сәмах май каласан, Афганистанра пәр вәхәт хуҗаланнә талибсем – исламистсен пәр тәсә.

«Чәнләх» хаҗата әненес пулсан, *Часах тепәр тәрлә преступлени* – клонланә (*касса уйәрнә*) *әтем органҗсемпе саккуна хирәҗле сутә тәвасси анлә сарәласса паләртаҗә* (Ч-х: 1999, 14 №, 3 с.). Журналист кунта пәр евәрләрех преступленисене пәтраштарса яни паләрать, мәншән тесен *клонлани* «касса уйәрни» мар, «организман пәр-пәр клеткине арләх-вәрләхсәр аталантарса йәкәреш хәраххи үстерни»²⁴. Ку темәна тәшмәртекенсем әнлантарнә тәрәх, пәтәм организма та, уйрәм органа та клонлама пулать.

«Хыпар» җапла хыпарлать: *Университетран вәрнесе тухакансене культуролог (культурәпа канәва йәркелекен) тата драма режиссерә дипломҗсене парасҗә* (Х-р: 2.06.1992, 4 с.). Асәрхарәр-и: *культуролога* – культура тәпчевҗине – *культмассовикпа*, халәха вәййә-кулла явәҗтарса йәпанәҗ күрекен җынпа, пәтраштарнә. *Культуролог* сәмах пәлтерәшне «җамрәксен хаҗачә» те пәлмест пулас: *Унта [факультетра] культурологсемпе специализациленекенсем пәлу илсәҗә* (җХ: 20.01.1996). Камсемши әнтә вәсем – «культурологсемпе специализациленекенсем»?

Кун пекки – пуләма җынпа пәтраштарни – «җамрәксен хаҗатәнче» час-часах тәл пулать. Акә тепәр тәсләх: *Вунә җул хушиинче җылай сәнара каләпланә җамрәк артистка... «Кәтрәм сана, кәтрәмре» – Венера, «Шупаишкарти савни» ярәмра – рәкет, тележурналистка* (җХ: 1998, 21 №, 7 с.). «Рәкет» сәмахпа («ытгисен пурләхне хәратса-хәсәрлесе туртса илни») кунта *рәкетир* вырәнне уә курнә-гәр әнтә. җав хаҗатранах илнә тата тепәр хыпар: *җурла уйәхән вәҗәнче тәп хуламәрти рок-клубра җәнә сезон уҗәлчә. Паллах, шәрәхпа антәхнә рок-сейинсем (400 яхән җын) хаваслән кәтсе илчәҗә әна* (җХ: 1998, 37 №, 10 с.). «Рок-сейшн» тесе җын пирки каламасҗә, *сейшн* е (тәрәсрех) *сейшен* – эфир хәнәхнә «сесси» (< лат. «лару») сәмахән акәлчан җәлхинчен килнә хуранташә, пәр-пәр ушкән йәркеленә кәвә-

юрә каҫне пѐлтерет. *Рок-сейшн*, ҫапла вара, рок-концерта, рок кѐвви-ҫем-миллѐ ташә каҫне паләртмалли сәмах (джаз кѐввине кәмәллакансен тѐл пуләнне ҫав мелпех *джем-сейшен* теме пуләнчѐ). Рок кѐввине килѐштере-кен, рок-клуба ҫүрекен ҫынна паләртма вара журналист *рок фаначѐ (рок-фанат)*, *рокмен (рокоман)* сәмахсемпе усә курма пултарнә, *рокҫә* тесе хамәрла калани те килѐшүллѐ пек.

Ҫынна паләртакан сәмаха пуләма паләртакан сәмахпа пәтраштарни «Чәваш сәмахләхѐ» вѐренү кѐнекинче те сисѐнет: *Вәл [тѐшмѐш хәтланәшѐ] хәратма-йәпатма шутласа кәларнә япала, ҫавәнпа им-юмләхпа (экстрасенспа, сиплевне) пѐр ретре тәмасть*²⁵. Паллах: *экстрасенс* тенине *им-юмләхпа, сиплевне* пѐр рете лартни тѐрѐс мар, вәл – чир-чѐре вышкайсәр туйәмпа паләртма тата сиплеме пултаракан ҫын, витѐр куран. Асәннә тѐслѐхре ҫав сәмаха *экстрасенсорика* («экстрасенс пултаруләхѐ») вырәнне усә курнә пулас.

«Ҫамрәксен хаҫатѐ» *папарацци* сәмахпа ҫакән пек контекстра усә курнә: *Эдуард Лексейч[ч]ә метеор евѐр ыткәнать кәна, хәваласа ҫитме ҫук. Папарац[ц]и еҫѐ йывәр пулсан та вѐҫне ҫитермелле:[пѐлмелле –] әсталла каять, миҫемѐш троллейбус-автобуса* (ҪХ: 1998, 37 №, 2 с.). Кам мѐнле тата әста кайнине пѐлесшѐн сунакан ҫынна паләртма хамәрән чѐлхерех сәмахѐ ҫителѐклѐ. *Папарацци* вара кун йышши йѐрлевсѐ мар, паллә ҫынсене мелсѐр вәхәтра үкерсе илме хыпанакан, пәтәрмахшән тәрәшакан фоторепортер.

Медитаци тени канәҫлән шухәша путнине пѐлтерет. Вәл – психотерапире, йога системинче усә куракан хәнәхтару. «Хыпар» хаҫат вара «ыйхә вәхәтәнче каласнине, ташланине» *медитаци* тенѐ (Х-р: 3.09.1996, 4 с.), урәх сәмахпа пәтраштарнә. Ҫав хаҫатах ҫапла пѐлтерет: *Дартсу енѐне (ухәна аләпа персе мишене тѐл лектерес енѐне) ҫамрәк спортсменсен Раҫсей чемпионачѐ иртнѐ* (Х-р: 17.11.1999, 4 с.). Вырәсла «по дартсу» тенѐрен чәвашла та, шухәшласа чәрманмасәр, *дартсу* тенѐ. Чәннипе вара спорт әмәртәвѐн ячѐ – *дартс*. Ҫитменнине тата ку енѐне тупәшакансем ухха ниҫта та пемеҫсѐ, әна алла та тытмаҫсѐ. Вѐсем тѐклѐ ҫѐмренсемпе тѐл пемелле әмәртаҫсѐ.

«Ар» хаҫат (2000, 10 №, 2 с.) вулакансене ҫапла әнлантарать: *Пѐрисем әна «тухатнә вырән», теприсем «ылханлә» теҫсѐ. Әсчахсем вара ун пеккине «патогенлә зона» ят панә.* «Патогенлә» тесе чир-чѐр пуҫаракан микроорганизмсем, сиенлѐ микробсем пирки каласҫсѐ. Сывләхшән сиенлѐ пайәркасем кәларакан хатарлә лаптәка вара – *геопатогенлә вырән* теҫсѐ.

Ҫәнѐ сәмахсемпе вырәнсәр усә курни, вѐсен пѐлтерѐшне ҫителѐклѐ уяманни хутшәнәва йывәрлатать, литература чѐлхине сиен кӯрет. Ҫитменнине тата юлашки вәхәтра усә курма пуҫланә сәмахсен орфографийѐ питѐ хавшак.

Йѐрке тәрәх *компакт-диск, компакт-кассета* сәмахсене дефиспа ҫырмалла: «Ҫамрәксен хаҫатәнче» вара «компакт диск» та (ҪХ: 1998,

44 №, 12 с.), «компактдиск» та (СХ: 2000, 37 №, 4 с.) тёл пулать. *Мини-пайлә хутлә сәмахсем* те дефислә пулмалла, «Гантәш» хаҗат вара вёсене уйрәм та, пёрле те сырса пәхать: *мини баскетбол* (Т-ш: 2000, 42 №, 12 с.), *мини-театр* (Т-ш: 1998, 5 №, 3 с.). Сав номертех (5 №) *аудиокассета* сәмаха дефиспа сырнә. Сәнә орфографи словарё *супермен, суперобложка, супер-танкер, суперфосфат* сәмахсене мәнле сырмаллине кәтартнә²⁶. Сав йёркене пәхәнмалли *суперальбом* сәмах «Самрәксен хаҗатәнче» темшён дефислә (СХ: 2002, 47 №, 11 с.), «Самант» журналти *супермайра* – уйрәм (С-т: 2004, 12 №, 8 с.). *Авиаспорт, авиасул, авиашкул* пекех пёрле сырәнмалли *авиашоу* та «Самрәксен хаҗатәнче» дефислә (СХ: 2001, 34 №, 3 с.). Шәпах дефислә пулмалли *шоу-бизнеса, бизнес-центра* «Хыпарта» (Х-р: 23.05.2001, 4 с.; Х-р: 18.09.2001, 1 с.) уйрәм сырассё. Уйәрса сырас тесен *шоу бизнесё, бизнес центрё* темелле – капла калани пирён чёлхешён килешүүлрех те. Хәнәхнә сәмахсене те, уйрәм сырнә пирки, түрех уйәрса-палласа илме сук: *перестройка-сән йёркелү* (Х-р: 8.10.1998, 2 с.), *микро чёрчунсем* (Т-ш: 2000, 34 №, 11 с.) т. ыт. те.

Сәнаса пыратән та тёлнетён – сәнә сәмахсене хаҗат-журналта мәнле кәна пәсмаҗсё пулө: *адреналин* вырәнне «адреналин» (С-х: 1998, 7 №, 1 с.); *армрестлинг* вырәнне «армреслинг» (Х-р: 19.06.1997, 4 с.; СХ: 1999, 4 №, 5 с.); *ваххабит* вырәнне «ваххабист» (Х-р: 4.11.1999, 1 с.); *видео* вырәнне «видио» (Х-р: 19.07.2002, 3 с.); *кондоминиум* вырәнне «кондоминимум» (СХ: 2000, 11 №, 5 с.); *медитаци* вырәнне «медитации» (С-х: 2000, 5 №, 4 с.); *папарацци* вырәнне «папарацци» (С-т: 2006, 1 №, 20 с.); *архетип* вырәнне «архитип» (С-т: 2010, 10 №, 2 с.). «Хыпар» хаҗат 2010 сұлччен *блог* сәмаха пёлместчё-ха, савәнпа ун вырәнне яланах хәнәхнә «блопка» усә куратчё: *Савра сётел вәхәтәнче... патшаләх ертүсин блокәнче вырнаҗтарнә статьяри тён шухәйсене тишкерчёс* (Х-р: 16.09.2009, 1 с.).

«Хыпара» ёненес пулсан, Чәваш Республикин президенчё грант пирки сапла пёлтернө: *Кәсал Сорос фончө енёте тата ... висё гранд вяляса илтёмөр* (Х-р: 21.10.2000, 2 с.). «Самрәксен хаҗачё» шучёпе, сав сәмаха пысәк саспаллирен пусламалла: *Проект АПШән «Гармони проекчө» организацин Грантне сөнсе илнө* (СХ: 2001, 31 №, 3 с.). «Хыпарта» *гильди* те (чёрёлнө сәмах) пысәкран пусланать: *В. Пастухов – Рассейри адвокатсен Гильдийён адвокатчө* (Х-р: 26.07.2001, 3 с.).

«Альма-матер хыпарёсем» хаҗат *Гран-при* сәмаха кавычкәна илнө: *Кәсал «Кёмёл сасә» эстрада фестивалёнче «Гран-при» премие тивёсрём* (АМХ: 2001, 7–8 №, 15 с.). Кунта пёр вариантне суйласа илмелле пек: *Гран-прие тивёсрём е тён премие тивёсрём*.

Тәхәр вуннәмёш сұлсен пусламәшёнче пирён чёлхере *нарспиана* сәмах паләрчө. К.В. Ивановән «Нарспи» поэмипе сыхәннә кәларәмсен, тәпчевсен, пултаруләх ёсёсен пёрлехи ячө вәл. Анчах әна темшён *пушкиниана* пек пёчөкрен мар, пысәк саспаллирен сырассё: *Чәваш театрён Нарспиани* (КЯ: 25.05.1990, 3 с.); *сәнләх искусствин Нарспиани* (Творческое наследие К.В. Иванова. 1990, 66 с.).

Хёвел тухаҗ гороскопён паллисене пысакран пусласа сырмалла, анчах пирён хаҗат-журнал җак йәлана час-часах пәсать:

1990 җ., авалхи китаы (!) календарёне пәхсассән, лаиша җулё ятлә (ЯБ: 1990, 1 №, 61 с.);

Гена гороскопна вәкәр пулнине пәлсен хёр пушиших тәләнчә (Х-р: 25.07.2002, 3 с.).

Җакна та шута илмелле: җәнә пәлтереш туяннә сәмах та падеж тәрәх малтанхи пекех улшәнатә. Тәсләхрен: *Пуллән, Пулла* т. ыт. те. «Хыпар» вара җак йөркенә пәсать: *Пуллән асәрхануллә пулмалла* (Х-р: 20.02.1999, 7 с.).

1990-м.ш җҗ. тата ХХІ ёмёр пусламәшәнчи җәваш җәлхин тепёр уй-рәмләхә – ятсен (сәмахсен, терминсен, пайәр ятсен) вариантләхә. Тәсләхрен: «Самана» статьясен пуххинче (1990) «перестройка» әнлава авторсем җәнетү (3 с.), *перестройка* (57 с.), *җәнейрәкелү* (350 с.) тесе паләртнә, унтах *совесть* те (4 с.), *совәҗ* те (59 с.) пур.

«Җәваш халәх хаҗачә» текен «Хыпара» пәхәр-ха: пёр номертех, пёр страницәрах, тепёр чухне – пёр материалтах кирләләхпә сәлтавланман, вулакана йәпхәртекен вариантсем җине-җинех тәл пулаҗҗә:

Шупаишкарти коопераци институтчә – Шупаишкарти кооператив институтчә (2 с., пёр статьярах); *словарь статийи – саккун статьи* (3 с.); *фин-угор – финн-угр* (2 с., 3 с.); *әтем прависем – җын прависем* (2 с., 4 с.) [Х-р: 11.03.1997];

автоҗул – автотрасса (1 с., пёр заметкәрах); *УАОн тәп директорчә – УАО генеральнәй директорчә* (1 с.); *ТТХОН Тәп Ассамблейчә – ТТХОН Генеральнәй Ассамблейчә* (1 с.); *КПРФ – РФКП* (2 с., 3 с.) [Х-р: 08.10.1998];

аишә-амәишән правинчен хәтарасси – аишә-амәишән прависёр хәварасси – аишә-амәишән правине туртса илни «лишение родительских прав» (Х-р: 12.10.1992, 4 с.);

юридици факультечә – юридически наукәсем (Х-р: 29.12.1992);

он-лайн режим – онлайн-издательсем – он-лайн җыхәнү мелчә (Х-р: 21.02.2006).

Җәваш патшаләх университетгәнче хушәран тухакан «Альма матер хыпарәсем» хаҗат (2000, 8–10 №) кафедра ячәсене мәнле хуҗкаланине танлаштарәр-ха тата: *җәваиш җәлхе пәлсәвчә кафедри* (6 с.) – *җәваиш җәлхи пәлсәвчә кафедри* (14 с.); *тәрәкләх әслайсән кафедри – тюркологи кафедри* (14 с.); *җәваиш җәлхипе литература методики кафедри* (14 с.) – *җәваиш җәлхипе литературине вәрентмелли меслет кафедри* (15 с.).

Пёр страницәрах *РФ Президентчән Җәваиш Республикинчи полномочиллә представителчә* тата *Рассей Президентчән Җәваиш Енри полномочиллә элчи* тенипә (ХС: 22.01.1999, 1 с.), тен, җырлахма та пулатә-тёр, анчах хаҗатән пёр номерәнчех *мәйракаллә иултра вельәх* тата *иултра мәйракаллә вельәх* тесе җыраҗҗә пулсан (Х-р: 5.09.1997, 2 с., 3 с.) ирәксә-рех җапла ыйтас килет: кусем пёр вельәхах-и е әрасна җәрчунсем-и? Э.И. Патмар хатәрленчә «Җәваш халәх календарчә» (1995) вәҗсәнчи ум сәмах авторчә Иван Анисимович Патмара *фольклорчә* та (110 с.), *фольклорист* та (111 с.)

тесе пӑхать, ҫав страницӑрах (111 с.) ун пирки *Патмар Уҫӑп Иванӗ* тата *Патмар Униҫӑм Иванӗ* тет. «Фольклорҫӑ» ҫапах та «фольклористпа» тӑр килет-ха, анчах пӑр ҫыннах «Уҫӑп» та, «Униҫӑм» те пулаймастех ӗнтӗ (роль е псевдоним мар-ҫке ку!).

Вӑл е ку ӑнлава пӑр предложенирех тӑрлӑрен палӑртни (*канаши – совет, тӑп врач – главврач*) чылай чухне пуплеве илем кӑмест, хутшӑнӑва йывӑрлатать ҫес: *Федераци Советӗн членӗ, Чӑваш Патшалӑх Канашиӗн председателӗ В. Шурчанов* (Ҫҫ: 1997, 24 №); *Участокри больницӑн тӑп врачӗ Н. Кириллов главврач патне шӑнкӑравларӗ* (Х-р: 9.04.1992). *Совет, главврач* йышши сӑмахсем хальхи чӑлхешӗн юрӑхсӑр дублетсем (*совет* лексема совет тапхӑрӗнчи обществӑпа политика терминӗсенче кӑна усӑ курма юрavlӑ).

Ҫӗнӗ ӑнлавсемпе ҫыхӑнӑ ятсенче кӑна мар, тахҫанах усӑ куракан сӑмахсенче те йӑркесӑрлӑх тӑл пулат. Тӑслӑхрен, ӑру-тӑванлӑх терминӗсен йышӗнчи «правнук» сӑмаха чӑвашла тем тӑрлӑ те каласа пӑхаҫҫӗ. «Хыпар» хаҫатра, тӑслӑхрен, «правнук» пӑлтерӑшпе *мӑнук ачи* ҫес мар, *кӑҫӑн мӑнук* та, *мӑн мӑнук* та пур. Яланхи пекех чи хӑйне евӑрли – В.П. Никитин-Станьял: «правнук» тенине вӑл *пӑрамӑнук* тесе чӑвашлатнӑ.

«Вольная борьба» спорт тӑсне чӑвашла кӑскен *ирӑклӗ кӑрешӑ* темелле ӗнтӗ. Анчах пирӗн массӑллӑ информаци хатӑрӗсенче ку термина тӑрлӑ тӑслӑ вӑрӑмлатса каласҫӗ: *ирӑклӗ меслетпе кӑрешесси, ирӑклӗ майна кӑрешесси, ирӑклӗ мелпе кӑрешесси*.

Ӳнерпе ҫыхӑнӑ ятсен йышӗнче те йӑркеленсе ҫитеймен терминсем сахал мар. Тӑслӑхрен, «декоративно-прикладное искусство» ӑнлава «Хыпар» 5–6 тӑрлӑ палӑртать: *декоративлӑ прикладной искусство, декораципе прикладной искусство, декораци-прикладной искусство, декораци-прикладной ӑнер, декораципе ал ӗҫ искусствви* т. ыт. те.

Вырӑсла дефиспа ҫырӑнакан паллӑ ячӑсене чӑвашла куҫарасси хӑйне уйрӑм пысӑк ыйту. Вӑсенчен чылайӑшне словарьсенче кӑтартман. Ҫавӑнпа кам мӗнле пӑлет – ҫапла ҫавӑрттарать. Хутлӑ паллӑ ятне йӑркелекен икӗ сӑмах вырӑс чӑлхинче мӗнле ҫыхӑнура пулнине ӑнланмасӑр куҫараҫҫӗ те ҫакӑн пек сӑмах майлашӑвӑсем йӑркеленесҫӗ: *наукӑпа популярлӑ журнал* (ҪЯ: 6.10.1998); *наукӑпа объективлӑ фактсем* (Х-р: 15.07.1992), *наукӑпа-тӑпчев ӗҫсем* (Х-р: 15.02.1996), *наукӑпа-тӑпчев центрӗ* (Х-р: 23.01.1996), *наукӑпа тӑпчев институтӗ* (Х-р: 13.02.1996), *ӑслӑлӑхпа тӑпчев институтӗ* (Ҫ-т: 1996, 2 №, 23 с.), *ӑслӑлӑхпа-практика конференцийӗ* (Т-ш: 12.02.1998, 3 с.).

Хӑш-пӑр вырӑс онимӗн (пайӑр ятӑн) чӑваш пичетӗнчи варианчӑсем вунна яхӑн пулса каяҫҫӗ. Сӑмахран: *Свято-Троицкий монастырь* ӑнлава ҫапла палӑртни тӑл пулат:

- Свято-Троицки мӑнастирӗ (Х-р: 5.10.2000);
- Ҫветгуй-Троицки мӑнастырь (Х-р: 5.09.1996);
- Ҫветгуй Троицки мӑнастирӗ (Х-р: 4.06.1996);
- Ҫветгуй Троица мӑнастирӗ (Х-р: 4.06.1996);

- таса Троица мӓнастирӗ (Х-р: 8.06.1999);
- Таса Троица мӓнастирӗ (Х-р: 16.10.1996);
- Троицк мӓнастирӗ (Х-р: 21.09.2000);
- Троица мӓнастирӗ (Я-в: 1990, 9 №, 16 с.);
- Троицки мӓнастир (Родионов В.Г. Чӓваш литератури: XVIII–XIX ӗмӗрсем, 2006. 104 с.).

Кашни хаҫатӓн халӗ хӓйӗн терминологийӗ, орфографийӗ. Сӓмахран, «Тантӓш» (1999, 10 №, 11 с.) *шыв тӓкан, ухӓҫӓ, куҫ пӓвакан, хаярлӓх* тенӗ пулсан «Хресчен сасси» (1999, 23 №, 4 с.) *шывтӓкан, стрелец, гипнотизер, агрессивлӓх* вариантсене килӗштернӗ. Ытти хаҫат-журнал тахҫанах *Раҫсей, канаиш, саккун* тесе ҫырать, «Халӓх шкулӗ» *Россия, совет, закон* теме кӓмӓллать.

Паллах, пур варианта та сивлеме ҫук. Синонимсем пуплеве пуянрах, сӓнарлӓрах, килӗшӗллӗрех тума пулӓшаҫҫӗ. Анчах хальхи чӗлхери йышлӓ вариантлӓх чылай чухне пуплев тӗллевӗпе, стиль ыйтнипе сӓлтавланман – ҫыракан тӓван чӗлхене япӓх пӗлнипе тата, шел пулин те, тирпейсӗрлӗхпе ҫыхӓннӓ. Ӑслӓлӓх принципӗсене тӗпе хурса усӓсӓр вариантлӓхран, юрӓхсӓр дублетлӓхран хӓтӓлмалли ҫул-йӗре палӓртмалла, хальхи чӗлхе нормисене ҫнӗрен пӓхса тухса ҫирӗплетмелле. Ҫакӓ тӓван чӗлхемӗре пархатарлӓ витӗм кӗрӗ, ӓна ӓнӓҫлӓ аталантарса пыма пулӓшӗ.

Литература

¹ Андреев В.В. Словообразовательные особенности публицистического стиля // Вопросы истории чувашского литературного языка и его стилей: материалы научной конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1999. С. 40; Андреев В.В., Абрамов А.С., Исаев Ю.Н. Язык: внутренняя структура и функционирование. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1999. С. 78.

² Горшков А.Е. Мӗнле каласан тӗрӗс? // Чӗлхе культурин ыйтӓвӗсем. Шупашкар: Чӓваш АССР Министрсен Совечӗ ҫумӗнчи чӗлхе, литература, истори тата экономика институтчӗ, 1981. С. 136.

³ Чӓвашла-вырӓсла словарь / М.И. Скворцов ред. М.: Рус. яз., 1982 (1985). С. 24, 49, 115, 327, 512.

⁴ Русско-чувашский словарь / Под ред. И.А. Андреева и Н.П. Петрова. М.: Сов. энциклопедия, 1971. С. 36, 258, 633, 815.

⁵ Димитриев В.И. Василий Сипетӗн «Лачака» повеҫӗ пирки // Хыпар. 2000. Ҫӗртме, 14.

⁶ Чӓвашла-вырӓсла словарь / М.Я. Сироткин ред. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. С. 371.

⁷ Димитриев В.И., Егорова В.А. Чӓваш чӗлхи. 6–7 классем валли. Шупашкар: Чӓваш кӗнеке изд-ви, 2000. С. 10.

⁸ Студенцов О.Р. 1873–1917 ҫулсенче куҫарнӓ тӗн литературинчи ҫнӗ сӓмахсем // Чӓваш чӗлхе пӗлӗвӗ. Шупашкар: Чӓваш патшалӓх гуманитарнӓ ӓслӓлӓхӗсен институтчӗ, 1999. С. 130.

⁹ Ашмарин Н.И. Чӓваш сӓмахӗсен кӗнеки. 13 т. Шупашкар: Чӓваш патшалӓх изд-ви, 1937. С. 20.

¹⁰ Егоров В.Г. Чӓвашла-вырӓсла словарь. Шупашкар: Чӓваш патшалӓх изд-ви, 1936. С. 103, 453.

¹¹ Димитриев В.И., Егорова В.А. Асӓннӓ ӗҫ. С. 9.

¹² Никитин В.П., Черлаков В.Н. Чӓваш сӓмахлӓхӗ: учебник-хрестомати. 9 класс валли. 3-мӗш кӓларӓм. Шупашкар: Чӓваш кӗнеке изд-ви, 1994. С. 16.

- ¹³ Горшков А.Е. Чăваш чĕлхи: лексика, фразеологи, пуплев культуры: вĕрену пособийĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1997. С. 16.
- ¹⁴ Чăвашла-вырăсла словарь / М.Я. Сироткин ред. ... С. 27, 55, 109, 173, 216, 309, 336.
- ¹⁵ Терминологи словарĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1940.
- ¹⁶ Горшков А.Е. Чăваш чĕлхи... С. 16.
- ¹⁷ Чăвашла-вырăсла словарь / М.И. Скворцов ред. ... С. 20.
- ¹⁸ Савантах. С. 187.
- ¹⁹ Скворцов М.И. Русско-чувашский общественно-политический словарь. Изд. 2-е. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 87, 31.
- ²⁰ Дегтярёв Г.А. Язык современного чувашского социума: Основные тенденции развития // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. гос. институт гуманитар. наук, 1999. С. 114–115.
- ²¹ Чăвашла-вырăсла словарь / М.Я. Сироткин ред. ... С. 90, 173, 175.
- ²² Дегтярёв Г.А. Чăваш чĕлхин сĕнĕлĕх словарĕ. Шупашкар: Чăваш патшалăх гуманитари аслăлăхĕсен институтĕ, 2003. 1 т. С. 146–147.
- ²³ Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 400.
- ²⁴ Дегтярёв Г.А. Чăваш чĕлхин сĕнĕлĕх словарĕ... С. 132.
- ²⁵ Чăваш сăмахлăхĕ: 10 класăн вĕренупе вулав кĕнеки / В.П. Никитинпа Н.Г. Иванова пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1993. С. 37.
- ²⁶ Чăваш чĕлхин орфографи словарĕ / А.А. Алексеев пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2002. С. 234.

Кĕскегусем

<i>К-н</i> – «Капкăн» журнал	<i>XIII</i> – «Халăх шкулĕ» журнал
<i>С-т</i> – «Самант» журнал	<i>ХЯ</i> – «Хамăр ял» хаçат
<i>С-х</i> – «Сывлăх» хаçат	<i>ЧК</i> – Чăваш календарĕ
<i>Ç-т</i> – «Çил çунат» журнал	<i>ЧР</i> – Чăваш радио
<i>ÇХ</i> – «Çамрăксен хаçачĕ»	<i>ЧÇ</i> – «Чăваш сĕршывĕ» хаçат
<i>ÇЯ</i> – «Сĕнтерĕ ялавĕ» хаçат	<i>ЧТ</i> – «Чăваш тĕнчи» хаçат
<i>ТА</i> – «Тăван Атăл» журнал	<i>Ч-х</i> – «Чăнлăх» хаçат
<i>Т-ш</i> – «Тантăш» хаçат	<i>ЧХ</i> – «Чăваш хĕрарăмĕ» хаçат
<i>Х-р</i> – «Хыпар» хаçат	<i>Я-в</i> – «Ялав» журнал
<i>ХС</i> – «Хресчен сасси» хаçат	<i>ЯБ</i> – «Ялав» библиотеки

G.A. Degtyarev

INNOVATION AND DIMORPHISM IN THE VOCABULARY OF THE MODERN CHUVASH LANGUAGE

The radical social changes in the society life of 1990s have been a significant impetus for the use of productive abilities and inner reserves of the Chuvash language. However the massive and chaotic innovations created an onomasiological redundancy, increased sharply the variativeness of the written language and upset the integrity of the Chuvash literary language. Many versions of words, forms, constructions do not have either functional, or informational duty, i.e. do not correspond to communication needs and violate the stylistic system of the language. The complex study of the problems of neology, variativeness and dimorphism must become a basis of scientific normalization of the literary language and codification of norms.

Key words: modern Chuvash language, lexical innovations, criteria of neologism, variativeness, dimorphism, problems of language normalization.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТРАДИЦИОННОГО ФОЛЬКЛОРА ЧУВАШЕЙ НУРЛАТСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (по материалам экспедиции 2008 г.)*

ЧГВ, 2012 г., № 7
© Е.В. Федотова

Дано краткое описание современного состояния наиболее характерных для Нурлатского района Республики Татарстан жанров традиционного чувашского фольклора, основанное на материале, собранном в ходе экспедиции 2008 г. Показаны особенности проведения праздников и обрядов, рассмотрено философское содержание обрядовых песен, отмечены отличительные черты в культуре современных некрещеных чувашей Закамья. Представлены сакральные тексты магических заклинаний и заговоров, приметы, поверья и снотолкования.

Ключевые слова: фольклор, традиционная культура, некрещеные чувашаи, песни *уяв*, песни старого Нового года, песни *юла*, молитвословия, заговоры, поверья, снотолкования.

Зона проживания закамских чувашей ограничивается с севера р. Камой, с запада – р. Волгой, с юга и запада – бассейном среднего и нижнего течения Большого Черемшана. Исторически – в административном отношении – она входила в Спасский и Чистопольский уезды Казанской губернии, а восточная часть – в Бугульминский уезд Самарской губернии¹. Нурлатский район расположен в западном Закамье, в южной части республики (административный центр – г. Нурлат, находящийся в 220 км к югу от г. Казани). Его пересекает р. Большой Черемшан. Территория района вытянута с северо-запада на юго-восток на 70 км. Площадь района – 2293,8 км². Население Нурлатского района на 1 января 2008 г. составляет 60452 чел., в том числе городское – 31602 чел., сельское – 28850 чел.³

Согласно исследовательскому проекту «Фольклор чувашей Нурлатского района Республики Татарстан», поддержанному Российским гуманитарным научным фондом и Правительством Чувашской Республики в рамках регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России»,

Елена Владимировна Федотова – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: elena.fedotova.73@inbox.ru.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 08-04-22760 е/В.

летом 2008 г. проведена фольклорно-этнографическая экспедиция в чувашские поселения Нурлатского района Республики Татарстан. Руководитель проекта и его исполнитель – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук Е.В. Федотова. Плодотворной работе экспедиции содействовали местные краеведы-энтузиасты, учителя (они же сказители и песенники, носители чувашской традиционной культуры): Ю.Н. Ендирякова, М.Т. Ендиряков, Г.М. Ендиряков (с. Аксумла); Л.Н. Ермилова, В.В. Ермилов (с. Якушкино); В.Б. Кульметьева (с. Вишневая Поляна); В.Н. Сандрюхина (с. Абрьскино), Т.Г. Таймуллина (с. Чувашская Менча). Было опрошено более 30 респондентов. В основном это люди старшего возраста – женщины от 60 до 90 лет. Самая старшая из них – Э.М. Алякимова, 1918 г. рождения, ветеран тыла, уроженка с. Якушкино, здравствующая, ведущая активную жизнь и ныне.

В ходе экспедиции были обследованы чувашские поселения д. Абляскино (*Ёнекасси*), с. Абрьскино (*Лачака*), с. Аксумла (*Уксъмла*), с. Вишневая Поляна (*Чиешне*), с. Егоркино (*Якуркел*), д. Ерепкино (*Ерепель*), с. Илюткино (*Куракьел*), д. Малая Камышла (*Пёчёк Хъмйшлӓ*), д. Средняя Камышла (*Пысӓк Хъмйшлӓ*), с. Салдакаево (*Салтакьел*), д. Тарн-Вар (*Тарӓн Вар*), с. Чувашская Менча (*Чӓваш Менчи*), с. Якушкино (*Якаел*) и г. Нурлат (*станцӓ, Нурлат*). Собран и обработан богатый фольклорный материал: образцы традиционной чувашской народной культуры. Некоторые поселения экспедиция посещала по нескольку раз. Это населенные пункты, в которых живет наибольшее количество некрещеных чувашей: Абрьскино, Аксумла, Илюткино, Салдакаево, Чувашская Менча, Якушкино и г. Нурлат.

Автор настоящей статьи поставил перед собой задачу дать краткое описание современного состояния некоторых, наиболее характерных для данного ареала, жанров традиционного фольклора на основе обобщения сведений, собранных им в 2008 г. в Нурлатском районе Республики Татарстан. Они рассматриваются в следующей последовательности: песни, молитвословия, заговоры, приметы и поверья, снотолкования, исторические и топонимические предания.

Экспедиция прошла в пять этапов: в 2008 г. – с 4 по 16 июня, с 4 по 7 июля, с 1 по 14 августа и с 5 сентября по 21 сентября, в 2009 г. – со 2 по 16 января. Сроки её были увязаны с традиционными праздниками некрещеных чувашей, во время которых открывается уникальная возможность записать фольклорные тексты в естественном их исполнении – во время проведения обрядов.

Песни. В ходе экспедиции записаны: сюжетная песня «*Пёр пуяйн тӓхӓр ывӓл...*» (У одного богатого человека девять сыновей...) (Ю.Н. Ендирякова, 1941 г. р., с. Аксумла), масленичные – *ӓварни юрри* (Е.В. Пичушкина, 1939 г. р., с. Егоркино), хороводные, петровские – *уяв юрри* (М.А. Ермуллина, 1922 г. р., с. Вишневая Поляна), гостевые – *хӓна юрри* «*Сӓнаӓссина Турра, Пуӓлӓхсе...*» (Спасибо Богу, Пулехсе...), «*Чистая каякансем...*» (Едущие

/ идущие в Чистополь...) (Ю.Н. Ендирякова, 1941 г. р., с. Аксумла; Л.Н. Ермаилова, 1951 г. р., с. Якушкино), свадебные, рекрутские – *салтак юрри* (Е.В. Пичушкина, 1939 г. р., с. Егоркино) и посиделочные – *улах юрри* (У.К. Саватникова, 1926 г. р., с. Чувашская Менча). Песня – одна из архаичных жанров чувашского фольклора. В песнях закамских чувашей встречается «мифологическая сюжетика»⁴ с использованием образа темного леса, в котором расположено озеро, образов птицы, гор, моста. В них также встречаются названия драгоценных металлов (медь, серебро, золото), имена высших существ (*Турй, Пўлѣх*). К примеру, в гостевой песне, записанной в с. Якушкино от О.Ф. Ермошкиной, 1923 г. р., где есть упоминание о *Турй* и *Пўлѣх*:

<i>Ыр ут утланакан ўкет-им?</i>	Разве упадет всадник с доброго коня?
<i>Тилѣ тйльп тйхйнанкан шйнат-им?</i>	Разве будет мерзнуть (человек) в лисьей шубе?
<i>Турйпалан Пўлѣх* пйрахмасан</i>	Если не оставят Бог и Пюлех*,
<i>Нуша та курйй сынсем вилеҫҫѣ-им?</i>	Разве пропадут люди, увидевшие нужду?

Образ птицы *ймйрт каййк* – орла – встречаем в гостевой песне, записанной в с. Егоркино от Е.В. Пичушкиной (1939 г. р.):

<i>Ймйрт каййк ларат ай тиреке,</i>	Сядет орел на тополь.
<i>Йк сунатне ярат ирѣке.</i>	Свободно расправит крылья.
<i>ҫак тйвансем патне ай килсессѣн</i>	Не дать ли чувствам волю,
<i>Ярам-и кймйла ирѣке?</i>	Придя (в гости) к этим родственникам.

«Осколки» песенных сюжетов мифологического происхождения, превратившиеся в клишированные поэтические обороты, могут встретиться в виде отдельных вкраплений в тексте практически любого из традиционных песенных жанров – гостевого, обрядового, хороводного⁵. Все это мы наблюдаем и в песнях чувашей Нурлатского района Республики Татарстан.

В музыкальном фольклоре исследуемого района встречаются названия близлежащих городов: *Чистай* – Чистополь, *Пѣкѣлме* – Бугульма, *Самар* – Самара, *Хусан хули* – Казань, *Чѣмпѣр* – Симбирск; названия рек: *Сѣнчѣ* – Сульча, *ҫарймсан* – Черемшан, *Кѣсѣн ҫарймсан* – Малый Черемшан, *Хусан шыв* – Казанка, *Шур Атйл* – Кама, *Кйвак Атйл* – Волга.

Песни Уяв. *Уяв юрри* – песни Уяв – поют только во время *Уяв*, в любое другое время их исполнение запрещалось. Чувашский традиционный летний праздник *Уяв* (Соблюдение. Празднование. Праздник) – время отдыха перед уборочной страдой, начинается после Семика и заканчивается в Петров день, 12 июля. В Нурлатском районе Татарстана он проводится во многих чувашских селениях с обязательными проводами праздника – *Уяв йсатни*. Существует поверье, что если не проводить – оставить *Уяв* в деревне – тяжело придется женской части населения: она будет страдать от хворей. Существует представление об *Уяв карчйкѣ* (старухе *Уяв*). Как говорят

* *Пюлех* – божество, раздающее людям счастливые или несчастливые судьбы.

респонденты, «*Уяв карчӑкне ӑсатмалла ӑна, яла хӑвармалла мар*» (Старуху *Уяв* нужно проводить, оставить ее в деревне запрещено) (Ю.Н. Ендирякова, Н.М. Семкина). Традицию проводов строго соблюдают. Существует особая песня «*Уяв ӑсатнӑ чухнехи юрӑ*», которая исполняется только 12 июля во время названного действия⁶:

<i>Ах, мӑнтарӑн куккукӗ,</i>	Ах, несчастная кукушка,
<i>Ах, мӑнтарӑн куккукӗ</i>	Ах, несчастная кукушка
<i>Питрав кунӗ чарӑнать те</i>	Замолкает в Петров день,
<i>Питрав кунӗ чарӑнать.</i>	Замолкает в Петров день.
<i>Ах, мӑнтарӑн уявӗ,</i>	Ах, желанный уяв,
<i>Ах, мӑнтарӑн уявӗ</i>	Ах, желанный уяв
<i>Паянхи кун чарӑнать те</i>	Прекращается в сегодняшний день,
<i>Паянхи кун чарӑнать.</i>	Прекращается в сегодняшний день.
<i>Султалӑкран саврӑнать,</i>	Вернется через год,
<i>Султалӑкран саврӑнать.</i>	Вернется через год.
<i>Пахчи-пахчи сар чечек,</i>	В садах красивые цветы,
<i>Пахчи-пахчи сар чечек,</i>	В садах красивые цветы,
<i>Епле аиса тухмалла,</i>	Как же пройти через них,
<i>Епле аиса тухмалла?</i>	Как же пройти через них?
<i>Сар чечек пек уявне,</i>	Как красивый цветок уяв,
<i>Сар чечек пек уявне</i>	Как красивый цветок уяв
<i>Епле (ӑ)сатса ямалла,</i>	Как же нам проводить,
<i>Епле (ӑ)сатса ямалла?</i>	Как же нам проводить?

Уяв – украшение чувашской деревни. Девушки, молодые женщины (а сейчас и женщины в возрасте) выходят на специальное открытое место на окраине селения, ведут хорыводы, поют песни – *Уяв юрри*. Есть и свои игры, танцы. В этноконтактных зонах – в соседстве с русским населением – встречаются припевы песен и на русском языке. Например: «Алина-малина», «Ай, люшеньки, ай, люшеньки, ай, люли», «Ай, люна». В 1984 г. сотрудниками Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН) была проведена комплексная экспедиция в чувашских селениях Урало-Поволжья. Исследователи работали и в Нурлатском районе Татарстана. Богатый по объему и содержанию чувашский фольклорно-хореографический материал, собранный во время экспедиции, обобщен в монографии В.А. Милютина⁷. В книгу вошли тексты хорыводных песен *Уяв «Ярпи суха сухалать»* (Ярпи пашню распахал) (с. 83–84), *«Шур-шур тӑрӑх сӳререм»* (По лугу, по лугу ходила) (с. 184), *«И юк, и юк»* (И юк, и юк) (с. 241), *«Хитре хёр»* (Красивая девушка) (с. 233), *«Кукшин лупашки»* (Ложбина Кукшин) (с. 244), *«Путене шинки ли милинки»* (Перепел шинки ли милинки) (с. 256–257), записанные в с. Якушкино (*Якаел*) от песенниц О.Т. Ларионовой (1920 г. р.), О.Н. Ильмухиной (1918 г. р.), О.Г. Михедюковой (1923 г. р.), М.П. (*Чёкеç*) Акмулиной (1924 г. р.) и В.М. Гражановой (1923 г. р.). Отрадно заметить, что вместе с другими песнями *Уяв* эти песни исполняются и по сей день. Реестр названий

песен, записанных в 1984 г. в с. Якушкино Нурлатского района Республики Татарстан, опубликован также в книге В.Г. Родионова «Материалы комплексных экспедиций»⁸. Традиции и песни двадцатипятилетней давности бытуют и в настоящее время.

В чувашском мире современное функционирование данного праздника еще воспринимается как всероссийский чувашский праздник. В Нурлат собираются на *Уяв* чуваша со всей России: с соседних районов, областей и республик. 5 июля 2008 г. здесь прошел II Всероссийский праздник чувашской культуры «Уяв». В нем приняли участие и гости из Эстонии, Италии, творческие коллективы Башкирии, Москвы, Петропавловска-Камчатского, Нижнего Новгорода, Пензы, Самарской области – всего более 60 делегаций из разных уголков России. Финансовая поддержка праздника со стороны администраций районов и республики дает возможность жить и развиваться традициям, песням и обрядам, связанным с праздником *Уяв*. На празднике на специально построенную сцену каждая деревня выходит со своим творческим коллективом. Это дает возможность сравнить исполняемые песни, движения в хороводе, искусство в танце. Здесь проявляется индивидуальность, уникальность культуры каждого чувашского селения⁹. У каждого селения есть свой «гимн» *Уява* – самая любимая песня, которую они представляют другим. Например, у якушкинцев это песня «*Сўл ту сичне паланлӑх*» (На высокой горе калинник).

*Сўл ту сичне,
Сўл ту сичне паланлӑх,
Паланлӑх.
Унта (а)рӑмсем,
Унта (а)рӑмсем паланра,
Паланра.
Арӑмсем сукки,
Арӑмсем сукки хӗрӗсем,
Хӗрӗсем.
Хӗрӗсем сукки ачисем,
Ачисем.
Супкӑм-супкӑм хуҫаҫҫӗ,
Милкӑн-милкӑн сыхаҫҫӗ.
Ана аҫта хураҫҫӗ?
Хусан шывне,
Хусан шывне яраҫҫӗ.
Аҫта каян,
Аҫта каян, Хусан шыв?
Пахуталла каятӑп.
Сана Пахут,
Сана Пахут юратмасть.
Мана Пахут,
Мана Пахут юратать.
Шурӑ акӑш,
Шурӑ акӑш чӗтине
Йӑтса кайрӗ хурчӑка.
Юн юхтарчӗ хӗрлӗ сыран хӗррине,*

На высокой горе
На высокой горе калинник,
Калинник.
Там жены,
Там жены за калиной,
За калиной.
У кого нет жены,
У кого нет жены – дочери,
Дочери.
У кого нет дочери – сыновья,
Сыновья.
Гроздьями, гроздьями ломают,
Связывают в связку.
Куда их потом кладут?
В Казанку,
В Казанку опускают.
Куда идешь,
Куда идешь, Казанка?
В сторону Пахута.
Тебе Пахут,
Тебе Пахут не рад.
Меня Пахут,
Меня Пахут любит.
Белой лебеди,
Белой лебеди лебеденка
Унес ястреб.
Пролил кровь на красный берег,

*Мамак вёсрә сәсен хирән варрине,
Тёкё вёсрә сәсен хирән тәришённе.
Айтәр, хёрсем, сәсен хире тёк пухма,
Хайне минтер, хайне туйшек тавьпәр,
Тур сырнипе пух хума.*

Пух разлетелся посреди степи,
Перья разлетелись по всей степи.
Пойдемте, девушки, собирать перья по степи,
Из которых сделаем подушки, перину,
Чтобы положить голову с предписанным
Богом.

Уяв закамских чувашей, в частности Нурлатского района Республики Татарстан, подробно освещается в работе этнолога Е.А. Ягафовой «Уяв закамских чувашей»¹⁰. Она является своеобразным продолжением изысканий русского этнографа и фольклориста Юренева (инициалы неизвестны), который лично наблюдал и описал хороводы спасских и чистопольских чувашей в конце 20-х – начале 30-х гг. XX столетия.

Уяв чувашей Закамья подробно отражен и в путевых очерках П.К. Андреева¹¹. В нем приведен текст песни «*Кәсал илнә сәнә сын*» (Молодая, которую взяли замуж в этом году) (к сожалению, место записи текста автором очерка не указано), которую и по настоящее время исполняют в с. Якушкино во время *Уяв*. Попутно отметим, что за тридцать лет в праздновании *Уяв* практически никаких изменений не произошло, за исключением одной детали, касающейся проводов *Уяв*. Согласно свидетельству П.К. Андреева, во время данного действия на ржаном поле женщины оставляли носовые платочки. В с. Якушкино и по сей день во время проводов *Уяв* оставляют носовые платочки, но вместе с монетами. При этом произносится следующее напутствие: «*Уяв карчакё, чипер кай. Султалакчен пурәнма пире сывләх пар. Султалакран саврәнса кил*» (Старуха *Уяв*, до свидания. До следующего года жить дай нам здоровья. Через год возвращайся) (П.В. Дмитриева, 1929 г. р., с. Якушкино).

Песни старого Нового года. Особенностью исследуемого района является празднование *кивё Сәнә сул* – старый Новый год, в ночь которого проводят *сёрё яни* – гаданье на кольцах и исполняются *сёрё янй чухнехи юрй* – песни, исполняемые во время гаданья на кольцах. В ходе исследования выяснилось, что наиболее почитаемым традиционным праздником он является в с. Абрьскино. В данном селении эти песни имеют и другое название *кивё Сәнә сул юрри* – песни старого Нового года¹².

Приведем несколько текстов песен *сёрё янй чухнехи юрй*:

*Кәвакарчән – кәвак, чёкеç – хура,
Мёниён Турри пёр пек те туман-ши?
Эсир лайәх, тәван, эфир начар,
Мёниён Турри пёр пек те туман-ши?*

Голубь – синий, ласточка – черная, Почему Бог не сделал всех одинаковыми? Вы – богаты, родственники, мы – не богаты, Почему Бог не сделал одинаковыми?

*Сулелле те пәхрәм, эп тёләнтём
Кайәк хур картисем иртнинчен.
Шухайшла-шухайшла эп тёләнтём
Самрак ёмёр иртсе кайнинчен.*

Посмотрел вверх, удивился, Как летят косяки диких гусей. Думая, я удивился, Как прошли молодые годы.

*Хёвел анать тесе хурланас мар –
Хёвел ансан уйӑх сүти пур.
Сын хурлать тесе хурланас мар –
Сын хурласан сӳлте Турӑ пур.*

Не буду горевать оттого, что солнце садится. Солнце сядет, но есть свет луны. Не буду горевать оттого, что люди хаот. Люди меня хаот, но в небе есть Бог.

Песни, исполняемые во время гадания на кольцах, характеризуются глубоким философским содержанием. Они повествуют о родственных узах, достатке, богатстве, счастье, благополучии, божьем предначертании (быть или не быть в жизни вместе девушке и парню). В них в поэтической форме выражается сожаление о том, что молодые годы уходят быстро. Словом, в этих обрядовых песнях жизнь освещается разносторонне. Есть упоминания о всевидящем Боге, который рассудит справедливо, и завистников, которых предлагается не замечать; встречается обращение семерых детей к матери, чтобы она относилась ко всем (любила всех) одинаково. Слова из песни «*Пирён ёмёр иртет / Ырӑлӑхна хурӑх хушиинче*» (Наша жизнь проходит между добром и печалью) как бы подытоживают общее философское содержание песен данного жанра.

Песни юпа. Наиболее отличительной чертой в культуре современных некрещеных чувашей Закамья является проведение ими похоронно-поминального обряда *юпа туни / ирттерни* – праздника могильного памятника *юпа*. Среди чувашей Нурлатского района обряд *юпа туни / ирттерни* по-другому называется «асӑ туй» (великая свадьба) (Э.У. Пикинеева, О.Т. Ванюхина, В.Н. Сандрюхина, О.Ф. Ермошкина), «чӑн туй» (настоящая свадьба) (П.М. Артюшкин, З.Л. Артюшкина). Если у умершего человека в жизни была свадьба, то это как бы вторая свадьба на этом свете. Называют «туй» (свадьба) (А.И. Перепелкина), если умерший в своей жизни не вступал в брак, не было свадьбы. Во втором случае *юпа туни / ирттерни* является первой свадьбой и называется просто «туй» (свадьба). Во время проведения обряда на разных его этапах обязательно исполняются песни юпа – *юпа юрри*. На наш взгляд, необходимо остановиться на отдельных важных этапах проведения действия, во время которых исполняются песни.

Обряд начинается с раннего утра. Самые близкие родственники (*кӑлӑш, семе*) пекут *куймак* – блины. Закалывают овцу, если юпа посвящен женщине, если мужчине – барана, готовят в печи. Голову едят дома (перед тем, как идти на кладбище), кости несут на кладбище, к могиле. Говорят: «*Умӑнта пултӑр*» (Пусть будет перед тобой). Кладбище посещает нечетное число людей (близкие, родственники), три раза обходят могилу со словами (один спрашивает, другие отвечают): «– *Ку сын лайӑхчӑ-и? Кӳршӑ-аршӑна пурӑнатчӑ-и? Тӑванӑсемпе пурӑнатчӑ-и? Сынна вӑрҫмастчӑ-и?– Лайӑхчӑ. Сынна вӑрҫмастчӑ*» (– Этот человек был хорошим? С соседями ладил?

С родственниками жил в дружбе? С людьми не ругался? – Хорошим был. С людьми не ругался).

«Приглашают» покойного на проведение *юпа*: «*Атя, атя (ятне калашсё), санйн паян аслй туй!*» (Пойдем, пойдем (имя называют), у тебя сегодня великая свадьба!). Возвращаются домой, «привода с собой покойника».

После проведения *юпа* все до единого выходят из дома; никто не должен оставаться в доме, все должны выйти провожать. Последний выходящий при выходе из-за стола берет его за угол и чуть отодвигает, как бы давая выйти покойному, «приглашенному» с кладбища домой на его великую свадьбу (*аслй туй*). Все провожающие (родственники, собравшиеся на юпа), встав в большой круг, три раза обходят горящий костер. При этом поют:

*Шурймпуссем килещё иуралса
Шур чаршав карсан та чарас сук.
Пирён тйван каять уйрйлса
Блтйн-кёмёл парсан та илсе
юлас сук.*

Рассветы приходят, белея,
Не остановить, занавесив белые шторы.
Наш родственник уходит, отделившись,
Нельзя оставить, если даже дать золото-
серебро.

*Аста каян, чёкес, сак йёпере
Сунат вёсёсене хьтарса?
Аста каян, тйван, нит хьпаланса,
Ачусене тйлэх хьварса?*

Куда летишь, ласточка, в такую слякоть,
Затвердив кончики крыльев?
Куда идешь, родственник, очень спеша,
Оставляя детей сиротами?

*Асатса яр, тйван, кйларса яр,
Хир укйльчинчен тухиччен.
Хир укйльчинчен тухассйн
Курйнми кайиччен пйхса тйр.*

Проводи, родственник, выведи
До выхода за околицу.
После выхода за околицу
Смотри вслед, пока меня не станет видно.

Существует поверье: если не петь эту песню, не наиграть на гармони, то покойный будет ходить *йытй сассине* – голосом (лаем) собаки, если петь – будет ходить *юрй сассине*, *купйс сассине* – голосом (мелодией) песни, гармони. Провожают юпа с песней. Антропоморфный столб везут на кладбище, ставят на могилу. До этого он лежит на кровати покойного: если женщина (покойная) – в женской одежде, если мужчина – в мужской одежде. В одежде же везут на кладбище. На могилу столб ставят без одежды.

Проводив юпа, перед тем, как зайти в дом, моют руки. Тот, кто подливает воду на руки, спрашивает: «*Аста карйн?*» (Куда ходил(а)?) Моющие руки отвечают: «*Харам ёсе карймйр. Чунне Турра патймйр, пусне сёре хутй-мйр*» (На бесполезную работу ходили. Душу Богу отдали, голову в землю положили). Затем все заходят в дом, распевая гостевую песню *ёскё юрри*. Садятся снова за стол и представляют покойного остальным предкам, умершим ранее, просят принять его (*вилнё сынна ытти вилнё тйванёсемпе хутйш-тарасё*). Жажигают принесенные с собой «чувашские» свечи длиной 5–6 см. Их изготавливают дома из воска. Ставят по краям поминальной чаши (10–15 свечей). Свечи ставят, обращаясь: «*Атте-анне, асатте-асанне, кукасей-кукамай...*» [Отец-мать, дедушки-бабушки (со стороны отца, со стороны матери)...], перечисляют умерших предков со словами: «*Хутйштарса кай-*

яр, пёрле пурянар» (Примите его к себе, вместе живите). Начинают поминальную трапезу за столом, поминальную еду кладут в одну чашу (по краям которой горят свечи). Эту еду в чаше выносят в специальное место, еду оставляют там со словами: «Чипер кайяр» (Возвращайтесь к себе с миром) и расходятся – юпа саланать.

Песни юпа исполняются во время поминальной трапезы от имени: 1) умершего человека (выражается нежелание расставаться с белым светом, с родными, со своими детьми – *сут тёнчерен, тавансенчен, ачисенчен уйрълас килменни*); 2) родственников умершего человека, скорбящих по поводу расставания со своим родственником навечно [в этих песнях выражается боль от разделения / разрушения / отрыва от единого целого / цельности – одного целого – рода *ратне*] – «Шарт сурмаран сурнй улма нек» (Словно ровно наполовину разделенное яблоко) (Э.М. Алякимова, 1918 г. р., с. Якушкино), от отрыва нового звена в цепочке поколения / колена (также ясно сознавая, что следующим коленом будут они сами), невозможности возвращения никаким образом: «Калта пулса касса та ай тухас сук, Сёлен пулса шуса тухас сук» (Ящерицей обернувшись, ай, нельзя выйти, змеей обернувшись, нельзя выползти) (У.К. Саватникова, 1923 г. р., с. Чувашская Менча). Приведем тексты:

*Шурйях чълха, хура пушмак,
Пусас килмест хура сёр сине.
Сутйях та сёр синчен каяс килмест,
Кёрес килмест хура сёр айне.*

Белые чулки, черные башмаки,
Не хочется наступить на черную землю.
Не хочется уходить с белого света (земли),
Не хочется входить под черную землю.

*Шур Атъл хёрри шур йётён,
Кавак Атъл хёрри кавак йётён.
Кавакки те йётён, шурри те йётён,
Тавантан уйръласси тата хён.*

Берег Белой Волги – белый лен,
Берег Синей Волги – синий лен.
И синий – лен, и белый – лен,
С родственником расстаться еще труднее.

*Кёсён Саръмсанн шывё сулхйн –
Ишес пулсан епле ишён-ши?
Садри панулми нек пёрле усрёмёр –
Уйрълнй чух епле тусён-ши?*

У Малого Черемшана вода прохладная –
Если плыть надо будет, как же буду плыть?
Росли вместе, словно яблоки в саду –
Как же выдержать при расставании?

Третий вид песен юпа – это песни о жизни, которая проходит, о том, что она не вечна:

*Урхамахсен ёмри иртсе пырать,
Тимёр урапи шел юлать.
Пирёнех ёмёрсем иртсе пырать,
Суралнй сёршывймёр шел юлать.*

У аргамаков век проходит,
Жаль остающихся железных подвод.
Наши века проходят,
Жаль остающуюся родину (землю и воду,
на которой мы родились).

О невозможности остановить ход времени:

*Шуръмпуссем килес суталса –
Шурй чаршав карса чарас сук.*

Занимается заря, брезжит рассвет –
Нельзя остановить, занавесив белыми шторами.

Хёвелё тухать хёрелсе — Восходит солнце, алея —
Хёрлэ чаршав карса чараяс сук. Нельзя остановить, занавесив алыми шторами.

О невозможности общения с ушедшим навсегда родственником, о том, что нет дороги к умершему родственнику:

Пирёнех те таван та инсе те мар, Наш родственник недалеко,
Ир те, каç та курас та сёрте мар. Но не в том месте, где можно увидеть
и утром, и вечером.

Курасах та кисен те кайса курйттам Пошла бы, посмотрела на него,
когда очень захотела увидеть,
Кёмелле сёре витёрех те сул пулсан. Если была бы у входа сквозная дорога.

Кёмелле сёре витёр те сул пулас сук, У входа сквозной дороге никогда не быть,
Эпир унта кайса та курас сук. Мы туда не сможем пойти посмотреть.
Эпир унта кайса та ай курас сук, Мы туда не сможем пойти, ай, посмотреть,
Вёл та кунта кисе те ай курас сук. И он тоже не сможет прийти, ай, посмотреть.

Молитвословия. Бытует глубоко сакральный жанр – молитвословие. Записаны следующие тексты: «*Карталлэ Ырра кёл туни*» (Моление святилищу «Огороженное Добро»), «*Семье сывлэхёшён, сёршён, шывшён, выльэхшён кёл туни*» (Моление о здоровье семьи, о земле и воде, домашних животных), «*Турра хуранлэ пайт пани (кёл туни)*» (Моление во время приношения богу в дар кашу), «*Турра чук пани*» (Моление во время жертвоприношения богу), «*Турра чун панэ чух асанса калани*» (Моление во время приношения в жертву богу душу животного), «*Ёне пёруласан ыррине синё чух каламалли. Ёне турри чуклени*» (Моление во время жертвоприношения богу коровы). Приведем, к примеру, текст моления «Богу коровы красной масти»:

Хёрлэ ёне турри, хёрлэ ёне пёруланэ йёркене:
Суратманнине суратса пар,
Суратнине үстерсе пар.
Снес курймэн айлахне,
Ёсес шывён тёррине пар.
Путхаиш шывэнтан,
Тайлак кёперэнтен,
Высэ упэнтан,
Высэ кашкарантан,
Сёлен-калтэнтан эс сыхла, эс упра, хёрлэ ёне турри.
Ял синчи йывэр чирэнтен,
Сасартак чирэнтен,
Сасартак вилёмэнтен,
Курайман тайманэнтан,
Хаярлэ кушэнтан эс сыхла, эс упра, хёрлэ ёне турри.
Пишнё пайттинэ,
Пишнё сакрине асантам,
Халь аснап ал валлине.
Малтанхине халь калап-тёр,
Кайранхине малтан каларэм пуль, каçар, сырлах.
Хёрлэ ёне турри, хёрлэ ёненэ сыхла, сырлах, сырлах, сырлах.

Бог коровы красной масти*, по порядку отела красной коровы: неродившегося роди, родившегося вырасти, дай ему (теленку) добрый корм, прозрачную воду. Береги его от твоих вод, в которых он может утонуть, от моста твоего, который может обрушиться, от твоего годовного медведя, от твоего голодного волка, от пресмыкающихся, бог красной коровы. Береги от морового поветрия, случайных болезней, внезапной гибели, от врагов ненавидящих, от сглаза береги, бог красной коровы. Помянула кашей, хлебом, сейчас поминаю тем, что у меня в руке. Если в начале сказала то, что полагается говорить в конце, а в завершение говорю то, что следовало бы сказать в начале молитвы, прости и помилуй. Бог красной коровы, береги красную корову. Помилуй, помилуй, помилуй (перевод П.П. Фокина).

Вариант этого текста был записан нами еще в 1993 г. в с. Абрьскино от О.Т. Ванюхиной (1908 г. р.). С тех пор он только обогатился – прибавились обращение, дополнения, пояснения. В 2008 г. текст записан от В.Н. Сандрюхиной, которая знает его от своей свекрови – О.Т. Ванюхиной. Этнограф П.П. Фокин представленный текст поясняет следующим образом: «Как видно из текста, бог коровы обладает гораздо более широкими функциями, чем его номинация: он властвует не только над домашней живностью, но и над хищниками, водой, болезнями. Не исключено, что в одной молитве объединено несколько обращений: богу животных Пихампару, духам стихии воды Шыври (Вут’аш), богу болезней скота Хыт’ам»¹³. Мы склонны разделять данное мнение. Эти обращения наблюдаем и в тексте молитвы во время жертвоприношения – *Учук тун’ чух кёл туни*, записанной нами в 1993 г. в с. Якушкино от Екатерины Матвеевны Донсковой (*Кат’ук анна*), 1905 г. р.

Пёр сул – ёне, тепёр сул – п’ру колхоз яч’ёне пан’ ч’ук тума. Учук кёлли калан’ (В один год – корову, в другой год – теленка давали от имени колхоза для жертвоприношения. Произносили молитву учук):

*Сичё тёслё тыр’ сапсан
Пёвё х’ам’аш нек пулт’ар,
Пу’ё чакан нек пулт’ар,
Пёрчи п’ар’са нек пулт’ар.
Ураан ўкерсен
Тём сине тём пулт’ар,
Сурат сине сурат пулт’ар,
Сёмел сине сёмел пулт’ар.
Сичё тёслё ху’сал’х тыррине пайласан
Пёр пайё и’анса килекене,
Вы’сса килекене т’арантса яма пулт’ар.
Пёр пайё сугу-ил’у тума пулт’ар.
Илес-т’авас таварён
Сутаканён хакё пулт’ар,
Илнё чу(х)не й’ун пулт’ар.
Тепёр пайё т’авана-пётене
Пу’старса ё’ссе-с’име пулт’ар.
Тепёр пайё п’улмере т’ат’ар,*

Когда посеем семь видов злаков,
Пусть стебель будет с камыш,
Колос как палочник (рогоз),
Зерна словно горох.
Когда жатва настанет,
Пусть снопы будут куча к куче,
Копна к копне,
Скирда к скирде.
Когда разделим семь видов урожая,
Пусть одна часть останется,
Чтоб озябшего,
Голодного гостя накормить.
Другая часть пусть будет для торговли.
Для продавца пусть будет красная цена
И сносная для покупателя.
Одна часть пусть будет для угощения,
Чтоб созвать родню в гости.
Другая часть пусть будет в закромах.

* Если пестрая корова, то надо сказать «бог пестрой коровы», если черная корова, то – «бог черной коровы».

Кивёрен кивве ситсе пыма
Пу́лме тулли пултáр.
Вьлáх-чёрлэхне уя кáларсан
Сиес сими́н тутлáхэ пултáр,
Ёсес шывё тáрй пултáр.
Вьртас вьрáйнё тёме пултáр.
Сурáхэ хьсáйн пукек чуптáр,
Ёне хьсáйн пáру чуптáр.
Тáйлáк кёперёнтен,
Пулáх шывран, турá, эс сыхла.
Выс кашкáрýнтан,
Выс упáнтан, эс сыхла, турá.
Тáвлáнтан, шивё сáмáрýнтан,
Шáрчáкáнтан,
Эс сыхла, турá.

Пусть закрома будут полными,
Чтоб с лихвой хватило до нового урожая.
Когда выпустим скотину на луг,
Пусть корм будет сытным,
Вода для питья прозрачной.
Место для отдыха – сухим,
За овцой пусть бегают ягненок,
За коровой – теленок.
От шаткого моста,
От топкого болота, убереги, Боже.
От голодного волка,
От голодного медведя, убереги, Боже.
От урагана, холодного дождя,
От саранчи
Убереги, Боже.

Учук в Якушкине проводился и проводится сейчас в засушливые годы как общественное моление с обращением к *Турá* (Богу) о ниспослании дождя. Проводится в одном и том же специально отведенном месте у реки *Учук лапё* (низина Учук). В 2009 г. – в год засухи – жители тоже провели учук, но только в другом месте – недалеко от прежнего места. Причиной перемены места послужили мелиорационные работы по смене русла реки (по республиканскому проекту). Перед жертвоприношением открыли новое место – провели обряд моления предкам *ваттисене асáнса* с просьбой разрешить открыть новое место для учук. Только затем приступили к проведению обряда. Главным в проведении обряда был знаток и носитель традиционной культуры Н.М. Алякимов, он же произносил молитвословие.

С согласия исполнителей обряда нами снят на видеокамеру весь процесс сакрального действия локального обряда моления о здоровье семьи, домашних животных; о земле и воде (5 июня 2008 г., с. Салдакаево). Записан также текст моления во время обряда у святилища *Карталá Ърá* (букв. Огороженное Добро) (Н.М. Семкина, 1934 г. р., с. Абыркино; В.Н. Сандрюхина, 1946 г. р., с. Абыркино, Ю.Н. Ендирякова, 1941 г.р., с. Аксумла; Л.Н. Ермилова, 1951 г. р., с. Якушкино). Ърá – названия духов, чтимых чувашами¹⁴. В словаре Н.И. Ашмарина встречается «*Ырсен карти*» – «место для жертвоприношения между реками»¹⁵. Отметим, что название *Карталá Ърá* в научной литературе (кроме описания *Карталá Ърá*, находящегося на исследуемой территории) не зафиксировано.

В недавнем прошлом святилище *Карталá Ърá* почитали чуваша с. Абыркино, с. Аксумла, д. Ерепкино, с. Якушкино, с. Салдакаево, а в настоящее время – только с. Абыркино, с. Якушкино, с. Салдакаево. Святилище посещают летом в дни Вознесения и Семика. Обряд его посещения считается большим праздником, перед которым моются в бане, одеваются в светлые одежды. С собой приносят в дар *юсман*, *пáт юсман*, *пашалу*, *йáва*, *куймак*, *сулсá* и вымытые в чистой воде монеты серебряного цвета. Монеты берутся на каждого члена семьи. Преемственница и носительница дохристианских традиций Эрнеби Угандеевна Пикинеева (1912 г. р.,

родом из с. Аксумла, замужем в с. Абрьскино) подчеркивает, что к святилищу ходят молиться о семье, поэтому и монеты берутся на каждого члена семьи. Эти монеты кладут в специальное углубление в земле. Недалеко от святилища протекала река, сейчас на этом месте старица. Возле нее, до того, как зайти на территорию святилища, проводили обряд *усал тӑкни* (оставление злых духов). Для этого у воды оставляют *кук хуранӑ* (котелок *кук*): в слепленный из теста «котелок» с тремя ручками по краям кладут крупу, добавляют воду, запекают в печи, потом поверху каши кладут чистую монету. Около входа развеивали муку, золу и лишь затем заходили внутрь ограды святилища. Специальная дверь закрывалась лишь тогда, когда выходили все почитающие. Подробные сведения Э.У. Пикинеева узнала от *акай* (старшей сестры мужа) Синевер Питубаевны Пикинеевой. Она же рассказывала ей о пользующихся в округе большим уважением стариках по имени *Мигулай*, *Ванюхха*, *Эльдирек*, которые первыми огородили это священное место. Сейчас его огораживают по мере ветшания и необходимости (согласно старой чувашской вере). В настоящее время женщины, считающиеся лучшими знатоками и исполнителями традиционных чувашских обрядов, проводят у святилища обряды *чӱк*, *асӑнса хывни* (моление, поклонение хлебными жертвами, а также обрядовые действия и молитвы, посвященные духам родовых предков)¹⁶.

Несмотря на то, что с каждым годом носителей аутентичного фольклора становится все меньше, при поисках все же находятся и новые, ранее не зафиксированные, тексты. Например, текст моления за свое благополучие, об исцелении болезни крови:

«1. *Карталӑ Ырӑн аслӑ кӗлӗ амӑшӗ, укӑса хурса чӱклен (укӑси шураӑ пулмалла, ӗуса хумалла).*

2. *Аслинчен кӗӗӗннинне.*

3. *Икӗ аслинчен кӗӗӗннинне, Карталӑ Ырӑн кӗлли.*

Такӑнса иртнӗ пулсан та, шавласа-вӑрӑса иртнӗ пулсан та, манка-сурчӑк сурса иртнӗ пулсан та, Карталӑ Ырӑ, каҫар».

Юсманӗсене, пашалуне пӗтӗм ҫемийине ҫимелле. Карталӑ Ырӑ патне укӑсине кӑна илсе каймалла. Тата унта илсе каймалла икӗ кук хуранӑ. Укӑсине Карталӑ Ырра хумалла: «Аслӑ Карталӑ Ырра шураӑ укӑса хурса паттӑн паран», — темелле.

Икӗ кук хуранне ҫырмана лартмалла, куймакӗне ҫавӑнта хывмалла: «Шывпа юкса килнӗ виле пулсан та, ҫапса пӑрахнӑ виле пулсан та, умӑрта пултӑр, хӗн-асапне ан парӑр, каҫарӑр».

Аӗсене ҫумалла та киле килмелле.

1. Великая (старшая) мать моления духа Добра *Карталӑ Ырӑ*, приношу тебе в жертву деньги (монеты должны быть белыми (серебряного цвета), вымытыми).

2. От старшей к младшей.

3. От двух старшей к младшей, моление духа Добра *Карталӑ Ырӑ*.

Если было пройдено мимо тебя споткнувшись, шумя-ругаясь, если было пройдено, плонув, прости, дух Добра *Карталӑ Ырӑ*».

Юсманы, лепешки надо есть всей семьей. К духу Добра *Карталӑ Ырӑ* надо нести только монеты. Еще туда надо взять два котелка *кук*. Монеты надо положить на территорию

(в ограду) духа Добра *Карталлă Ырă*: «Великому *Карталлă Ырă* даю паттăн*, принося жертву (в дар) белые монеты», – надо сказать.

Два котелка кук надо поставить в старицу реки, там же надо помянуть блинами: «Будь то покойник, приплывший по воде, будь то покойник убитый кем-то, пусть будет перед вами, не насылайте на нас страданий, простите».

Надо помыть руки водой и прийти домой.

Текст записан автором данной статьи в 2008 г. в с. Абрыскино от В.Н. Сандрюхиной, которая знает текст от своей свекрови – О.Т. Ванюхиной, 1908 г. р.

Заговоры. Носителями текстов магических заклинаний и заговоров являются в основном женщины – хранительницы семейного очага, домашнего хозяйства. Распространение заговорных текстов происходит путем передачи «по наследству» в рамках семьи (от матери к дочери, от бабушки к внучке, от свекрови к снохе) или же «знающие» передают живущей рядом соседке, с которой всю жизнь живут в ладу – *килештерсе пурайнакан кършине вёрентсе хаварать*. Но в настоящее время во многих случаях последние отказываются от передачи им заговорных текстов (Егоркино, Аксумла и др.). Сегодня «знающие», обладающие даром исцеления, оберега, заговорные тексты хранят в основном на бумаге – записывают в специальных блокнотах, тетрадях. Показывают их не всем. Судя по рассказам и рукописям, в ходу следующие заговоры: «*Вут чёлхи*» (Заговор от огня), «*Тимёр чёлхи*» (Заговор от раны железом), «*Пусёр чёлхи*» (Заговор от грыжи), «*Сын силли*» (Заговор от зла человека), «*Алла-урана, пите-куса кёсен-мён тухсан калани*» (Заговор от струпьев на коже рук-ног, лица), «*Юнна аптрасан (Карталлă Ырра) паттăн пани (ху валли кăна)*» [Приношение в дар кашу святилищу «Огороженное Добро» от болезни крови (за себя)], «*Чываш (юн кун) Мун кун кунё каламалли*» [Слова для произношения в день крови (в среду), в день чувашской Пасхи], «*Улма анине тётёрни*» (Окуривание картофельного поля), «*Тавар шыв тăкни*» (Выливание соленой воды на землю, где был получен ушиб), «*Сёлен пуçё*» (От нарыва «Змеиная голова»), «*Тётёрни е куçăхни*» (Окуривание от сглаза), «*Шăпăр пăсси*» (Заговор от порчи пузырем – музыкальным инструментом), «*Сын хытă вăрссан, ылхансан каламалли*» (Слова, которые нужно говорить, когда глубоко оскорбили, прокляли), «*Тимре тухсан*» (Заговор от лишая) (В.Н. Сандрюхина, 1946 г.р., с. Абрыскино), «*Хър хывни*» (Снятие испуга), «*Хър хывнй чух мён-мён туни*» (Действия, которые нужно выполнять при снятии испуга) (О.Т. Ванюхина, 1908 г. р., с. Абрыскино) и др. Есть даже заговорный текст для поступления в высшее учебное заведение (с. Абрыскино), что говорит об обновлении фольклорного жанра (появлении нового текста в соответствии с вызовами времени), о способности народного творчества видоизменяться и идти в ногу со временем. Не можем не согласиться с мнением исследовательницы славянской традици-

* Значение этого слова пока до конца выяснить не удалось. Как объясняет респондент, это как бы дар духу Добра в надежде взамен получить исцеление от болезни.

онной культуры Л.Н. Виноградовой, которая считает, что заговоры – это бесценный материал для изучения народного мировоззрения¹⁷. Магические формулы чувашских заговоров в основном состоят из перечисления трех слоев вертикального представления мира: текст повторяется три раза, меняется только одно слово – от медного к серебряному, от серебряного к золотому (например, заговор от порчи пузырем). Перечисление начинается с самого нижнего слоя – медного – потустороннего мира. Затем идет средний слой – серебряный – белый свет, где живут люди; а потом уже самый верхний слой – золотой, где живут боги. А в заговоре от раны железом добавляется четвертый слой – железный, он идет первым в перечислении, затем – медный, серебряный и золотой. Приведем пример заговорного текста от раны железом (*тимёр чёлхи*), записанный от жительницы с. Якушкино М.Е. Сандимировой, 1922 г. р., к которой обращаются за помощью, чтобы излечиться, а также для того, чтобы она произнесла необходимые заклинания и молитвы при проведении традиционных обрядов в семьях. Тексты она знает от своей матери – Сантюк Сандимировой, некрещеной чувашки, соблюдавшей все предписания дохристианской чувашской культуры¹⁸.

*Тимёр пукан,
Тимёр пукан сичче тимёр пуртă,
Тимёр пуртă сичче тимёр йёп,
Тимёр йёп куçёнче тимёр пурçăн,
Тимёр пурçăн çёлесе хурать.*

Железный стул,
На железном стуле железный топор,
На железном топоре железная игла,
В ушке железной иглы железный шелк,
Железный шелк зашивает.

*Пăхăр пукан,
Пăхăр пукан сичче пăхăр пуртă,
Пăхăр пуртă сичче пăхăр йёп,
Пăхăр йёп куçёнче пăхăр пурçăн,
Пăхăр пурçăн çёлесе хурать.*

Медный стул,
На медном стуле медный топор,
На медном топоре медная игла,
В ушке медной иглы медный шелк,
Медный шелк зашивает.

*Кёмёл пукан,
Кёмёл пукан сичче кёмёл пуртă,
Кёмёл пуртă сичче кёмёл йёп,
Кёмёл йёп куçёнче кёмёл пурçăн,*

Серебряный стул,
На серебряном стуле серебряный топор,
На серебряном топоре серебряная игла,
В ушке серебряной иглы серебряный
шелк,

Кёмёл пурçăн çёлесе хурать.

Серебряный шелк зашивает.

*Ылтăн пукан,
Ылтăн пукан сичче ылтăн пуртă,
Ылтăн пуртă сичче ылтăн йёп,
Ылтăн йёп куçёнче ылтăн пурçăн,
Ылтăн пурçăн çёлесе хурать.*

Золотой стул,
На золотом стуле золотой топор,
На золотом топоре золотая игла,
В ушке золотой иглы золотой шелк,
Золотой шелк зашивает.

Кроме названий металлов, в тексте встречается шелк, который «в чувашском фольклоре имеет широкие семантические связи за пределами бытовой тематики»¹⁹. Как считает современный чувашский искусствовед М.Г. Кондратьев, «шелк – принадлежность архаической городской культуры восточного происхождения, когда-то утраченной предками чувашей. В последние столетия он вряд ли был обычным предметом их крестьян-

ского обихода. Столь широкий разброс семантики шелка, часто упоминающегося в чувашской народной песне, заставляет предполагать существование смутно сохранившейся в памяти певцов древней традиции сакрального характера, для которой шелк был обязательным атрибутом»²⁰.

Приметы, поверья и снотолкования. Все приметы, поверья и снотолкования, собранные во время экспедиции по исследовательскому проекту, опубликованы²¹. Эти тексты, как бытующие повсеместно, так и встречающиеся только в данном ареале, в большинстве своем связаны с дохристианской традиционной культурой. В приметах проявляется многовековой опыт практических знаний народа. В поверьях в образной форме отражаются мировоззрение, мифология, традиционная культура. Приведем несколько примеров: «*Улмана тӓм ан илтӓр тесен чӓваш мункун кунӓ шыв пуххи сун-тарасӓ. (Шыв пуххи – сыран хӓррине хумна мӓн пустарӓнать: турат-тӓрет, улӓм, турнас т. ыт. те. Ана маларах пустарса килсе тупӓтесӓ.)*» (Чтобы картофель не повредили заморозки, в день весеннего праздника чувашей, совпадающий с Пасхой, надо сжигать *шыв пуххи*. (*Шыв пуххи* – выброшенные на берег волной ветки деревьев, солома, щепки и т. д. Его приносят заранее, чтобы успеть высушить); «*Касхине шыв савӓтне, витрине хупламалла ывӓсна е хӓть витре урӓ йӓтӓр хумалла. Атту шуйттан хӓрине шыва чиксе пӓтрать тет*» (На ночь посуду с водой, ведро надо прикрыть доской или хотя бы поперек положить скалку. А то черт, опустив в воду хвост, перемешает воду). В приведенных примерах видна проекция макрокосма на микрокосм: вода – Вселенная. В первом тексте вода – Вселенная, собранное водой – Вселенной сжигается для тепла на земле, для жизни, урожая. Во втором примере: вода в ведре – часть Вселенной, мешать воду – нарушить гармонию во Вселенной. Пить такую воду – значит нарушить гармонию в себе, что нежелательно. Поэтому надо оберегать воду – закрыть посуду.

Также нельзя нарушать естественный ход времени, жизни:

«*Сакӓнса вилӓ сын леш тӓнчере шуйттан лаши пулса сӓурет тет. Ана йывӓр ес еслеттересӓ, Турӓ патне пыраймасть.*

Вилес тесе шухӓшланӓ кукамай. Суккӓр пулӓ, нумай нушаланӓ. Мунча хысӓн шуур кӓне-йӓм тӓхӓнӓ. Тасалӓ хысӓн вилес тенӓ. Тӓлӓрсе илӓ те сав хушӓра тӓлӓк курӓ, кукамай хӓй каласа панӓччӓ: «Хӓмӓтсам илсе килсе пӓрахрӓс тет шуйттансам «каптӓрт!» «Ха, мана уш кӓлӓсӓ те», – тесе вӓранса кайрӓм».

Повесившийся человек на том свете служит лошадей у чертей. Его заставляют выполнять тяжелую работу, к Богу он не может подойти.

Бабушка захотела покончить с жизнью. Слепая была, намучилась. После бани оделась во все чистое (белое). Хотела покончить с жизнью после умывания (после бани). Вздремнув, увидела сон, бабушка сама рассказывала: «Черти принесли хомуты и бросили (на пол). «Ах, меня уже запрыгают!» – проснулась я. (Т.Ф. Максимова, 1921 г. р., с. Якушкино.)

В этом снотолковании отражается представление о «жизни» в потустороннем мире умерших неестественной смертью. Данный сюжет пред-

ставлен и в чувашских мифах²². В образах, символах сновидений – генетическая память народа, самый архаический пласт культуры, отличающийся устойчивостью во временном и пространственном отношении.

Исторические и топонимические предания. В исторических и топонимических преданиях «*Хурал ту*» (Караульная Гора), «*Салтак сырми*» (Солдатская речка), «*Карталл Ырӑ*» (Огороженное Добро), «*Сӑвӑр тӑми*» (Сурочий бугор), «*Улӑп тӑмески*» (Холм Улып), «*Учук лапӑ*» (Низина Учуга), «*Хурӑнлӑх*» (Березняк), «*Кантӑр кӑлли*» (Конопляное озеро), «*Тӑрна сырми*» (Журавлиная речка), «*Ирчемес*» (Ирчемес), «*Улӑх*» (поселок Калинино) (Ермилов В.В., 1948 г. р., с. Якушкино), «*Мамай*» (Мажай), «*Мамай ялӑ пулса кайни*» (Как возникла деревня Мажай), «*Мамай касси пулса кайни*» (О возникновении улицы Мажай) (З.П. Ильина, 1930 г. р., с. Якушкино), «*Хура кӑл*» (Черное озеро), «*Курак хӑви*» (Грачиные ивы), «*Юманлӑ вар*» (Дубовая ложбина) (М.Х. Григорьева, 1925 г. р., с. Илюткино) отражены традиционная культура, особенности истории местности. Есть рассказы, связанные с героями Гражданской войны, местом их гибели и похорон. Преданий о городах Биляр, Булгар, которые вошли в «Исторические предания»²³, на исследуемой территории пока не удалось выявить.

В качестве примера приведем бытующие по сей день сказания об Улыпке – отголоски чувашского эпоса, варианты которого вошли в книгу «Чувашское народное творчество. Народный эпос»²⁴:

«Улӑп тӑмески пур асаннисен енче. Ана синче, сӑрт синче, Хуралту еннерех. Юнашарах икӑ тӑмеске пурчӑ. Савна калатчӑс Улӑп тӑмески тесе. Улӑп иртсе кайнӑ чухне сӑпӑтинчи тӑприне силлесе хӑварнӑ. Ик сӑпӑтинчен силлесе хӑварнӑ ик енне».

Холм Улып есть на стороне бабушки. На возделанном поле, на возвышенном месте, на стороне Караульной Горы. Рядом два холма были. Вот его называли холмом Улып. Когда Улып проходил, он вытряхнул землю из своих лаптей. Из пары лаптей на обе стороны вытряхнул (В.В.Ермилов, с. Якушкино).

«Улӑп тӑпри пур ик сӑрте. Пӑр тӑлти якалнӑ ӑнтӑ. Сухала-сухала. Улӑп ярса пусса сӑренӑ тет сакӑнта. Сӑпӑти сӑмӑнче тӑпра пулнӑ, сав хӑпса юлнӑ икӑ сӑпӑтинчен ик тӑле».

В двух местах есть земля Улып. В одном месте уже выровнилась (земля). От вспашки. Говорят, что Улып здесь ходил большими шагами. С подошвы лаптей земля осталась, с обеих лаптей в двух местах (Т.Г. Таймуллина, с. Чувашская Менча).

Предание «*Сӑвӑр тӑми*» (Сурочий бугор) было зафиксировано в 1936 г. в с. Абыркино²⁵, текст вошел в том «Чувашское народное творчество. Народный эпос»²⁶ под названием «*Сӑвӑр тӑмесем*». Этот текст является более полным. Сейчас бытует только краткий текст, записанный нами в с. Якушкино. Села Абыркино и Якушкино расположены по соседству недалеко друг от друга. Сурочий бугор находится между этими двумя селениями.

Предания «Хурал ту» (Караульная гора), «Салтак сырми» (Солдатская речка) сохраняются как отголоски времен Гражданской войны:

«Хурал ту – Нурлат район.нче чи =\л.л. вырён. Ваттисем каласа панё тёрёх, граждан вёр=и вёхёт.нче кунта хурал тёнё. Таврана сёна-са тёнё. Тёшман килессе-килмессе. + авённа Хурал ту тен.. + ав Хурал ту =инче ял та пур – Хурал Ту ятлё. Чёваисем пурёна==.»

Караульная гора – самое возвышенное место в Нурлатском районе. По рассказам старожилов, во время Гражданской войны здесь стоял караул. Наблюдал за округой. Не идет ли враг. Поэтому называли Караульной горой. На этой Караульной горе есть и деревня – называется Караульная Гора. Живут чуваша (В.В. Ермилов, 1948 г. р., с. Якушкино);

«Хурал ту пат.нчен Салтакьел еннелле =ырма пур. + ав =ырманна Салтак =ырма те==.. Хурал тёв.нчен салтаксем =ав =ырма тёрёх пы-тана-пытана Салтакьел еннелле кайнё. + авённа Салтак =ырма те==.»

От Караульной горы в сторону Салдакаева есть речка. Эту речку называют Солдатской. С Караульной горы солдаты, прячась у берегов этой речки, шли в сторону Салдакаева. Поэтому называют речку Солдатской (Н.М. Семкина, 1934 г. р., с. Абрьскино).

Согласно преданиям, *Улӑх* (поселок Калинино) и *Мамай* (Мажай) – деревни, возникшие во времена расселения на свободные земли, а потом исчезнувшие: население вернулось обратно в свои родные села. А название местности осталось.

* * *

Во многих чувашских школах Нурлатского района ведутся работы по сбору и сохранению устного народного творчества, используют фольклорные тексты во время уроков и внеклассных мероприятий. Этому способствует и районная газета «Туслӑх» (Дружба), которая издается на русском, татарском и чувашском языках. Действуют более десяти фольклорных коллективов, в том числе «Сӑлкуҫ» (Родник) (г. Нурлат), которому в 2009 г. исполнилось восемнадцать лет (руководитель С. Ефремова), вот уже двадцать пять лет радуется зрителей «Шӱлкеме» (Шюльгеме) (с. Егоркино) (организатор Ю. Киргизова) и др. Они исполняют как обрядовые народные песни, так и авторские. Фольклорные коллективы, в составе которых люди разного поколения (возраст их – до семидесяти лет и более), сохраняют жизнь музыкальному фольклору: устное народное творчество живет в следующем поколении носителей. Это говорит об организованном бытовании фольклора.

Подводя итоги, отраднo заметить, что фольклор живет, и даже обновляется. Приведенные жанры устного народного творчества исследованного района в основе своем бытуют в стихийной форме. Собранные полевые материалы и современное состояние чувашской традиционной культуры свидетельствуют о перспективности Нурлатского района Республики

Татарстан для дальнейших экспедиционных изысканий. Некоторые чувашские села (Андреевка, Елаур, Тимерлик и др.) и исполнители остались за пределами нашего внимания, поэтому следует продолжить полевую работу в районе. Чуваши данной местности к началу XXI в. сохранили свою этническую культуру. Фольклор некрещеных (и не только) чувашей Нурлатского района Республики Татарстан отражает дохристианское миропонимание и мировоззрение – древний чувашский мир, содержит уникальные архаические пласты дохристианской культуры, которые могут навсегда уйти вместе с аутентичными носителями.

Исполнители песен уяв, жители с. Якушкино:

Алякимова Ольга Ивановна, 1941 г. р.
Артюшкина Зинаида (Зоя) Леонтьевна, 1936 г. р.
Димитриева Прасковья Васильевна, 1929 г. р.
Евдокимова Юлия Николаевна, 1939 г. р.
Ермилова Галина Алексеевна, 1951 г. р.
Ермилова Лидия Николаевна, 1951 г. р.
Ильина Зоя Порфирьевна, 1930 г. р.
Казакова Людмила Федоровна, 1948 г. р.
Молодцова Венера Викторовна, 1966 г. р.
Николаева Ксения (Зинаида) Степановна, 1937 г. р.
Толчина Вера Николаевна, 1937 г. р.
Туйбатрова Валентина Викторовна, 1953 г. р.

Информанты

Алякимова Эрнесь Мадьяновна, 1918 г. р., с. Якушкино
Алякимова Ольга Ивановна, 1941 г. р., с. Якушкино (родом из с. Салдакаево)
Алякимов Николай Мадьянович, с. Якушкино
Артюшкин Петр Михайлович, 1934 г. р., с. Якушкино
Артюшкина Зинаида (Зоя) Леонтьевна, 1936 г. р., с. Якушкино (родом из с. Илюткино)
Ванюхина Ольга Тохгамановна, 1908 г. р., с. Абырскино
Григорьева Мария Харитоновна, 1925 г. р., с. Илюткино
Димитриева Прасковья Васильевна, 1929 г. р., с. Якушкино
Донскова Екатерина Матвеевна, 1905 г. р., с. Якушкино
Ильина Зоя Порфирьевна, 1930 г. р., с. Якушкино
Евлейкина Матрена Алексеевна, 1930 г. р., г. Нурлат (родом из с. Илюткино)
Егорова Дарья Акимовна, 1918 г. р., с. Илюткино
Ендирякова Юлия Николаевна, 1941 г. р., с. Аксумла (родом из с. Илюткино)
Ендиряков Михаил Тудьярович, 1940 г. р., с. Аксумла
Ермилова Зиновья Тимофеевна, 1918 г. р., с. Якушкино (родом из с. Аксумла)
Ермилова Лидия Николаевна, 1951 г. р., с. Якушкино (родом из с. Илюткино)
Ермилов Владимир Васильевич, 1948 г. р., с. Якушкино
Ермошкина Ольга Федоровна, 1923 г. р., с. Якушкино
Ермуллина Мария Александровна, 1922 г. р., с. Вишневая Поляна
Ермуллин Илья Алексеевич, 1928 г. р., с. Вишневая Поляна
Кульметьева Вера Борисовна, 1949 г. р., с. Вишневая Поляна (родом из с. Якушкино)
Кульметьева Маргарита Петровна, 1961 г. р., с. Вишневая Поляна
Максимова Татьяна Федоровна, 1921 г. р., с. Якушкино
Пикинеева Эрнеби Угандеевна, 1912 г. р., с. Абырскино (родом из с. Аксумла)
Пичушкина Елизавета Васильевна, 1939 г. р., с. Егоркино (родом из с. Якушкино)

Перепелкина Александра (Мария) Ивановна, 1942 г. р., с. Якушкино (родом из с. Егоркино)
Саватникова Ульяна Константиновна, 1926 г. р., с. Чувашская Менча
Савельева Сейреби Семеновна (Симуховна), 1926 г. р., с. Якушкино
Сандрухин Валерий Васильевич, 1968 г. р., с. Абрьскино
Сандрюхина Валентина Николаевна, 1946 г. р., с. Абрьскино (родом из с. Илюткино)
Сандрюхин Виктор Никитович, 1941 г. р., с. Абрьскино
Сенькина Елизавета (Чкеё) Павловна, 1928 г. р., с. Абрьскино (родом из д. Малая Камышла)
Семкина Нина Максимовна, 1934 г. р., с. Абрьскино
Таймуллина Татьяна Георгиевна, 1959 г. р., с. Чувашская Менча
Хвалеева Людмила Николаевна, 1959 г. р., д. Абляскино

Литература и источники

¹ Ягафова Е.А. Уяв закамских чувашей // Самарская область. Этнос и культура. 1998. № 1–2. С. 13–23.

² Чибидина-Пинина Т.И. География Нурлатского района: учебное пособие. Димитровград: изд-во «Посад Мелекес», 2001. 72 с.

³ Данные статотдела Нурлатского района Республики Татарстан.

⁴ Кондратьев М.Г. Чувашская музыка: От мифологических времен до становления современного профессионализма. М.: ПЕР СЭ, 2007. С. 35.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

⁷ Милютин В.А. Чувашская народная хореография. Часть 1: Хороводы. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. 268 с.

⁸ Родионов В.Г. Епле пурӑнать-ши аякри тӑван: пур енлӗ экспедици материалӗсем. 1 пай.. Шупашкар: ЧПГАИ, 2008. 400 с.

⁹ Федотова Е.В. Чувашский традиционный праздник «Уяв»: современное функционирование (на примере Нурлатского района Республики Татарстан) // VIII Конгресс этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Оренбург, 1–5 июля 2009 г. / редкол.: В.А.Тишков [и др.]. Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2009. С. 553–554.

¹⁰ Ягафова Е.А. Указ. соч. С. 13–23.

¹¹ Андреев П.К. Юрӑмсем – унатӑмсем. Шупашкар: Чӑваш к.неке изд-ви, 1978. 206 с.

¹² Подробнее об этом обряде и его песнях см. в нашей работе: Федотова Е.В. Обряд *сӑрӑ яни* и обрядовые песни *сӑрӑ янӑ чухнехи юрӑсем* (по материалам экспедиции 2009 г. в д. Абрьскино Нурлатского района Республики Татарстан) // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики: сб. материалов Международной науч. конференции «Чувашский язык и современные проблемы алтаистики», посвященной 90-летию со дня рождения М.Р. Федотова и 60-летию со дня рождения Н.И. Егорова (Чебоксары, 27–28 февраля 2009 г.): в 2-х ч. Ч. 2. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 165–168.

¹³ Фокин П.П. Производственная обрядность современной чувашской семьи (На примере ритуального комплекса *не ырри* // Материалы по этнографии и антропологии чувашей: сб. статей. Чебоксары, 1997. С. 170.

¹⁴ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. 3: Е–Ы–Й–У (О). Чебоксары, 1929. С. 64.

¹⁵ Там же. С. 65.

¹⁶ Подробнее об этом обряде и молитвословии см. в нашей работе: Ермилова Е.В. Обряд поклонения с хлебными жертвами за здоровье семьи некрещеных чувашей Нурлатского района Татарстана // Российская деревня: прошлое настоящее. IX Всероссийская научно-практическая конференция 6–8 декабря 2004 г. Москва. 2004. С. 193–195.

¹⁷ Виноградова Л.Н. Путь в науке от «серебряного века» фольклористики до эпохи

«великих преобразований» // *Елеонская Е.Н.* Сказка, заговор и колдовство в России: сб. трудов. М.: Индрик, 1994. С. 7–20.

¹⁸ Подробнее о М.Е. Сандимировой и записанных от нее лечебных заговорных текстах см. в работе: *Ермилова Е.* Марьепи аппа // *Таван Атӑл.* 2002. № 5. С. 65–66.

¹⁹ *Кондратьев М.Г.* Указ. соч. С. 43.

²⁰ Там же. С. 44.

²¹ Чувашское народное творчество. Приметы и поверья. Сновидения / сост. Е.В. Федотова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 383 с.

²² Чувашское народное творчество. Мифы. Легенды. Предания / сост. Е.С. Сидорова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 209 (№ 595); С. 210–211 (№ 602).

²³ Чувашское народное творчество. Исторические предания / сост. О.Н. Терентьева, О.Н. Ефимова, Т.И. Семенова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 462 с.

²⁴ Чувашское народное творчество. Народный эпос / сост. Г.Ф. Трофимов (Юмарт), И.Г. Трофимова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 382 с.

²⁵ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 122. Л. 9–10.

²⁶ Чувашское народное творчество. Народный эпос. С. 91.

E.V. Fedotova

**STATE-OF-THE-ART OF THE CHUVASHES' TRADITIONAL FOLKLORE
IN NURLAT DISTRICT, REPUBLIC OF TATARSTAN
(on the materials of the expedition held in 2008)**

The state-of-the-art of some genres of the traditional Chuvash folklore, received during the expedition held in 2008, best of all characteristic for Nurlat district of the Republic of Tatarstan is shortly described here. The peculiarities of holding festivals and ceremonies are described, the philosophical content of ceremonial songs are scrutinized, the distinctive features in the culture of modern unchristened Chuvashes living in the Transkama are registered. The sacral texts of magic exorcisms and conspiracies, signs, legends and dream explanations are represented.

Key words: folklore, traditional culture, unchristened Chuvashes, songs of *унав*, songs of the old new year, songs of *ура*, prayers, conspiracies, legends, dream explanations.

СОВРЕМЕННАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

ЧГВ, 2012 г., № 7

© Н.М. Иванова, И.Е. Ильин

В статье дан социологический анализ современной этнокультурной ситуации и межнациональных отношений в Чувашской Республике. Авторы на материалах социологических исследований 2009–2010 гг. рассматривают различные сферы общественной жизни, практические результаты осуществления национальной политики.

Ключевые слова: этносоциология, регионология, Чувашская Республика, межэтнические отношения, этнокультурная ситуация.

Изучение вопросов этнокультурного развития и межнациональных отношений имеет научную и практическую востребованность как на региональном, так и на общероссийском уровне. Актуальность данного направления исследований в постсоветский период определяется прежде всего масштабностью и сложностью процессов политических и социально-экономических преобразований, затронувших в числе других и сферы межэтнических и межконфессиональных отношений, национально-государственного строительства.

Прошедшие с 1991 г. двадцать лет – срок исторически небольшой. Но не случайно социологи во всем мире выделяют один тренд: сжатие времени и фрагментация пространства. За истекшее время существования новой России ныне живущее поколение пережило немало последствий распада СССР: взрыв этничности и национальные движения, суверенизация в республиках и сепаратизм регионов, укрепление вертикали власти и переосмысление демократизации первого этапа трансформации. Помимо смены политического устройства общества, это был период кардинальных социальных изменений:

Наталья Михайловна Иванова – научный сотрудник отдела социологии Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: goodstory@yandex.ru.

Иван Егорович Ильин – кандидат философских наук, заведующий отделом социологии Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: ivani52@yandex.ru.

формирования новых слоев, новых стилей жизни, ценностей, ориентаций в экономической и социально-культурной сферах¹.

Национальная политика, вопросы этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашии находятся в центре постоянного внимания региональных властей². В Концепции государственной национальной политики в Чувашской Республике на 1998–2005 гг. высшей целью национальной политики Чувашской Республики обозначено обеспечение оптимальных условий и возможностей для полноправного участия проживающих на территории Чувашской Республики национальностей в политическом, социально-экономическом и национально-культурном развитии республики³. В настоящее время действует подпрограмма «Реализация концепции государственной национальной политики Российской Федерации в Чувашской Республике», разработанная в рамках республиканской целевой программы «Культура Чувашии: 2010–2020 годы». В ней определены основные цели: укрепление общественной стабильности, дальнейшая гармонизация межнационального и межконфессионального согласия в республике, упрочение общероссийской гражданской и духовно-нравственной общности с учетом задач стратегии социально-экономического и политического развития Российской Федерации и Чувашской Республики⁴.

Положительным фактором реализации этих программ является поддержание позитивного межнационального и межконфессионального согласия, дальнейшее этнокультурное развитие народов республики.

Теоретические и практические вопросы по рассматриваемой проблематике анализируются в рамках этносоциологии, показывающей этническую специфику всех социально значимых областей жизни общества с точки зрения социологических критериев и с применением методики социологического исследования. С помощью этносоциологических исследований общество получает знания о реальном облике современных народов, их настроениях, ценностях, ориентациях. Социологи также выявляют конфликтогенные факторы с целью предупреждения конфликтов и поиска возможных способов их регулирования, преодоления нетерпимости в отношении этнических групп.

В поле внимания российских этносоциологов находится широкий спектр вопросов, связанных с этнокультурными процессами и межнациональными отношениями в российском обществе: этнические особенности социальных изменений (прежде всего в среде русских и титульных этносов республик, а также в диаспорах), в том числе темпы социальных перемещений в этнических группах; внутрирегиональная и межрегиональная миграция в Российской Федерации и межгосударственная миграция на постсоветском пространстве; этническая специфика внутрисемейных отношений; тенденции изменений в использовании русского языка и языков титульных народов республик и диаспор в различных социальных группах; соотношение современной и традиционной культур в социальных группах; традиционализм в политической жизни и социальном поведении, процессах модернизации, постиндустри-

альном развитии; межкультурные взаимодействия, проблемы межкультурных границ, роль религии; этническое самосознание, внутриэтническая солидарность; этнические интересы и установки на межэтническое общение, межэтнические ориентации, толерантность и нетерпимость, проблемы национализма, социальные и социально-психологические основы межэтнических конфликтов.

Многие из этих вопросов разрабатываются социологами Приволжского федерального округа с учетом региональной специфики. Исследования на региональном уровне стали важной частью разработки этносоциологической проблематики⁵. Их актуальность связана с усилением влияния этнического фактора на различные стороны жизни общества в результате всплеска суверенизации национальных республик в 1990-е гг., обострения межэтнических конфликтов. Под видимыми бытовыми и фольклорными проявлениями культуры, отличающими те или иные регионы страны, лежат более глубинные пласты, обуславливающие как специфику хозяйственных типов деятельности или ментальных структур населения тех или иных регионов, так и характер межэтнических отношений на региональном уровне.

В 1990–2000-е гг. центром координации и изучения этносоциологических проблем в Чувашской Республике становится Чувашский государственный институт гуманитарных наук (ЧГИГН). Особое внимание уделяется изучению актуальных для 1990-х гг. вопросов отношения к идее суверенизации, распределению властных полномочий между федеральным центром и регионами. Эмпирической базой для анализа являлись социологические исследования, проведенные в 1992, 1994, 1997 гг., а также материалы этносоциологических исследований, проведенных совместно с московскими учеными Института этнологии и антропологии РАН⁶.

В 1990-х гг. этносоциологические исследования стали проводиться во многих национальных регионах Приволжского федерального округа. Так, в Марий Эл специальное и углубленное изучение вопросов межнациональных отношений началось с социологического опроса 1994 г. и повторно он был проведен в 2001 г.⁷ В Мордовии исследования проводились лабораторией (затем – НИИ) регионологии при Мордовском государственном университете с 1991 г., а в 2003 г. – по проекту «Механизмы гармонизации межэтнических отношений в полиэтническом регионе (на примере Республики Мордовия)»⁸. Большое внимание изучению межнациональной и этнокультурной ситуации уделяется учеными в Татарстане⁹ и Башкортостане¹⁰.

В Чувашии в 2002 г. началась реализация регионального мониторинга «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике». В ходе него изучаются взаимодействия основных этнических групп в регионе и отношение к мигрантам, вопросы национальных языков, уважения к национальным обычаям и обрядам, использование чувашского и русского языков в различных сферах жизни (СМИ, государственных учреждениях, на работе, в образовательных учреждениях, бытовом общении, семье), в деятельности национально-культурных объединений и т. д.

На текущий момент проведено 3 исследования: в 2002, 2009 и 2010 гг. В 2002 г. исследование было проведено в сельских районах Чувашии, в 2009, 2010 гг. – в общереспубликанском масштабе¹¹.

Проведение социологических исследований и мониторингов состояния межнациональных и межконфессиональных отношений в Чувашской Республике является составной частью подпрограммы «Реализация концепции государственной национальной политики Российской Федерации в Чувашской Республике»¹².

Характеризуя особенности методологии этносоциологических исследований, следует отметить, что все вопросы, связанные с межэтническими отношениями, должны рассматриваться на фоне общей ситуации в социуме. Анализ межнациональных отношений в широком социальном контексте позволяет увидеть их зависимость от доминирующих в обществе процессов, избежать односторонности и предвзятости. Как бы ни велика была роль национальной идеи в общественной жизни, она всегда исторически обусловлена и вплетена в ткань социальных процессов. Что характерно для общества в целом, характерно и для отношений между национальными (этническими) группами.

В постсоветский период появляются новые публикации, расширяется исследовательское поле рассматриваемой проблематики. В монографии по итогам проекта «Социокультурный портрет Чувашской Республики» 2006–2007 гг., осуществленного ЧГИГН по типовой программе и методике «Социокультурный портрет региона», разработанной Институтом философии РАН и Центром социологических исследований МГУ в рамках грантового проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом, осуществлен анализ динамики этнодемографических, миграционных процессов в регионе в постсоветский период, этноконфессиональной картины¹³. Анализируя культурный капитал, исследователи отмечают, что многонациональный и многоконфессиональный состав населения, культурная разнородность являются одними из важнейших составляющих культурного наследия региона¹⁴.

В 1993 г. Институтом этнологии и антропологии РАН была создана сеть EAWARN в рамках международного научного проекта «Урегулирование конфликтов в постсоветских государствах». Исследователи из Чувашии принимали участие в подготовке бюллетеней Сети этнологического мониторинга и предупреждения конфликтов по Приволжскому федеральному округу, которая регулярно собирала данные об этнополитической обстановке в 11 из 14 регионов Приволжского федерального округа¹⁵. По оценкам экспертов Чувашия относится к группе регионов со стабильной общественно-политической обстановкой¹⁶.

Большой интерес представляют работы И.И. Бойко, Л.Ю. Браславского, В.С. Григорьева, В.П. Иванова, И.Е. Ильина, В.Г. Харитоновой, посвященные изучению вопросов этнополитического развития Чувашии в постсоветский период, состояния межнациональных и межконфессиональ-

ных отношений¹⁷. В публикациях Д.М. Шабунина осуществлен анализ национально-государственной трансформации республик Поволжья в постсоветский период и трансформации региональной политической элиты¹⁸.

В поле изучения социологов попадают общественно значимые события и инициативы, относящиеся к межэтнической и межконфессиональной сфере. В 2010 г. социологическое исследование по вопросам реализации проекта апробации учебного курса «Основы религиозной культуры и светской этики» в Чувашской Республике было проведено Н.Г. Семедовой-Полупан¹⁹. Чувашия входит в число 19 регионов России, где осуществляется данный эксперимент. Проведенное исследование показало спектр мнений учащихся, их родителей, педагогов, руководителей образовательных учреждений, представителей религиозных организаций и органов государственной и муниципальной власти о ходе реализации проекта и выявило как его положительные, так и отрицательные стороны.

Итак, в условиях модернизации страны изучение вопросов межнациональных отношений, возрождения, развития этнокультуры народов, населяющих Чувашскую Республику, является актуальной научной проблемой. Сознательно не останавливаясь на теоретико-методологических основах исследований, мы вводим в научный оборот материалы социологического мониторинга «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике» 2009–2010 гг.²⁰ Анализ проводится на основе полипарадигмального (междисциплинарного) подхода, где определяющую нагрузку несет социология.

Цель публикации – формирование и пополнение банка социологических данных по различным аспектам этнической специфики общественной и культурной жизни Чувашской Республики, использование материалов мониторинга в осуществлении региональной национальной политики и этнокультурного развития народов.

Анализ результатов проведенных исследований свидетельствует о некотором росте остроты и напряженности в сфере межнациональных отношений в Чувашской Республике. В 2002 г. 54,3% и в 2009 г. 59,5% всех опрошенных (соответственно 53,4% и 57,6% чувашей, 54,6% и 59,1% русских, 62,0% и 52,1% мордвы, 53,3% и 75,8% татар) отметили хорошее состояние межнациональных отношений в Чувашии. В 2009 г. 52,4% опрошенных горожан (59,1% чувашей и 49,0% русских) оценили современное состояние межнациональных отношений в Чувашской Республике как очень хорошие и хорошие.

В 2010 г. в условиях финансово-экономического кризиса респонденты дали следующие ответы: 48,0% всех опрошенных (49,9% чувашей, 37,1% русских, 36,4% татар) выделили хорошее состояние межнациональных отношений в Чувашии. Среди горожан 46,3%, а среди сельских жителей 51,6% опрошенных оценили современное состояние межнациональных отношений в регионе как очень хорошие и хорошие (см. табл. 1).

Социологические исследования состояния массового сознания позволяют зафиксировать и некоторые общие для большинства этнических групп

оценки и представления, возникшие как отражение социальных процессов, и некоторые отличия. В условиях рыночных отношений среди проблем, вызывающих у людей наибольшее беспокойство, проблема межнациональных отношений, конфликтов занимает не ведущее место – впереди проблемы, связанные с ростом цен, преступностью, безработицей, платностью здравоохранения и образования.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«Как бы Вы оценили современное состояние межнациональных отношений
в Чувашской Республике?», 2009–2010 гг. (в % к опрошенным)**

	2009 г.		2010 г.	
	Город	Село	Город	Село
Очень хорошие, дружественные	8,7	13,1	8,9	11,4
Хорошие	43,7	46,4	37,4	40,2
Удовлетворительные, терпимые	42,2	27,0	35,9	28,8
Неважные	1,9	2,9	6,5	2,7
Плохие, враждебные	–	0,9	1,0	1,1
Затрудняюсь ответить	3,4	9,7	10,2	15,8

В 2009 г. среди сельского населения Чувашии 3,6% опрошенных (2,5% чувашей, 2,5% русских, 3,2% татар и 14,6% мордвы), а среди горожан 1,5% опрошенных выделили межнациональные конфликты как наболевшую проблему, вызывающую у них наибольшее беспокойство. По степени значимости, «весомости» она занимает четырнадцатое-пятнадцатое место среди всех актуальных проблем.

В 2010 г. 5,5% сельского и 4,3% городского населения Чувашии выделили межнациональные конфликты как наболевшую проблему, вызывающую беспокойство (см. табл. 2).

Тяжелая социально-экономическая ситуация самым непосредственным образом влияет на жизнь людей, происходят сложные процессы в различных формах общественного сознания (этнической, политической, религиозной и т.д.). Экономическая жизнь неразрывно связана с этнополитической ситуацией, межнациональными отношениями, но главное находится в сфере экономики.

В 2010 г., оценивая изменения в социально-экономической сфере Чувашской Республики за последние пять лет (2006–2010 гг.), 24,1% опрошенных (23,4% селян и 24,4% горожан) ответили, что есть перемены к лучшему.

В 2010 г. оценка социально-экономической ситуации в Чувашии нашими респондентами выглядела следующим образом: 23,4% сельских жителей и 24,4% горожан отметили улучшение общей ситуации в регионе за 2006–2010 гг., по признаку национальностей больших расхождений в ответах не выделяются.

Однако в 2010 г. всего 24,1% опрошенных, против 33,5% в 2009 г., ответили, что в республике есть перемены к лучшему в сфере экономики, оздо-

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос
«Какие из перечисленных проблем вызывают у Вас наибольшее беспокойство?»,
2009–2010 гг. (в % к опрошенным)**

	2009 г.		2010 г.	
	Город	Село	Город	Село
Жилищный вопрос	39,8	27,9	36,4	33,2
Несвоевременная выплата зарплаты, пенсий, пособий	16,5	8,2	16,2	12,5
Межнациональные конфликты	1,5	3,6	5,5	4,3
Деятельность религиозных сект	6,3	2,9	4,2	3,8
Безработица	50,5	57,2	50	58,7
Рост цен	67	73,8	61	63,6
Экологическая обстановка	18,9	14,6	15,2	11,4
Злоупотребление алкоголем	26,2	39,9	35,9	41,3
Резкое расслоение людей на бедных и богатых	26,7	21,7	25,4	25,5
Отсутствие порядка в стране	13,1	19,1	17,8	15,8
Слабая социальная защита	21,8	12,9	19,6	12
Политические противостояния	0,5	0,4	0,8	–
Кризис морали, культуры, нравственности	18,4	12,2	22,3	8,2
Рост преступности	8,3	16,9	12,6	23,4
Платность здравоохранения, образования	38,3	43,5	33,8	40,8
Кризис в экономике, спад производства	25,2	20,6	22	17,9
Другое	–	–	1,3	1,1

ровления общей жизненной ситуации. В этом же ряду показатели вариантов «в чем-то к лучшему, в чем-то к худшему», «изменения произошли к худшему» в 2010 г. демонстрируют ухудшение общей ситуации в регионе (см. табл. 3). Данное обстоятельство, по нашему мнению, должно нацеливать органы государственной власти к принятию эффективных мер по стабилизации социально-экономической жизни, межнациональных отношений в регионе.

Таблица 3

**Распределение ответов на вопрос
«Какие изменения произошли в Чувашской Республике
в последние три–пять лет?», 2009–2010 гг. (в % к опрошенным)**

Варианты	2009 г.	2010 г.
Изменений нет	6,9	7,6
Есть перемены к лучшему	33,5	24,1
В чем-то к лучшему, в чем-то к худшему	41,9	47,4
Изменения произошли к худшему	10,6	15,0
Затрудняюсь ответить	7,1	5,8

В 2010 г., выделяя причины межнациональных конфликтов, 35,9% респондентов (43,7% чувашей, 59,8% русских, 45,7% татар и 38,5% мордвы) на первое место поставили снижение уровня жизни людей, соответственно 22,3%; 23,3%; 19,6%; 23,9%; 40,4% – ослабление правовой, социальной защищенности людей, а 21,8%; 24,5%; 14,7%; 19,6%; 21,2% – неравномерное развитие регионов страны, то есть преобладают экономико-правовые факторы (см. табл. 4).

Таблица 4

**Распределение ответов на вопрос
«Каковы причины межнациональных конфликтов?»,
2009–2010 гг. (в % к опрошенным)***

Варианты	Все	Чуваши	Русские	Татары
Ослабление правовой, социальной защищенности людей	22,2	23,0	21,4	19,4
	22,3	23,0	21,0	9,1
Пренебрежительное отношение центра к интересам наций, к национальной психологии, к историческому прошлому наций	6,7	6,5	6,9	8,1
	11,5	10,4	15,3	9,1
Снижение уровня жизни людей	38,6	37,8	39,6	43,5
	35,9	35,3	37,9	45,5
Миграция населения	7,3	5,4	10,1	4,8
	8,3	7,4	11,3	–
Боязнь утраты национальной самобытности, культуры и языка	5,8	5,4	3,8	11,3
	5,3	4,2	7,3	9,1
Неравномерное развитие регионов страны	17,9	18,3	22,0	9,7
	20,0	20,7	16,1	27,3
Разгул национализма и экстремизма	9,8	8,3	16,4	1,6
	14,7	13,3	21,0	–

* В числителе 2009 г., в знаменателе 2010 г.

В 2010 г. среди причин межнациональных конфликтов респонденты выделили аналогичные показателям 2009 г. варианты ответов, то есть фактор национальности не является основополагающим, определяющим.

Выходит, что в первую очередь нужно изучать проблемы социально-экономического характера, в связи с чем межэтнические отношения как бы отодвигаются на второй план. Однако нельзя забывать и о скрытых (латентных) ситуациях в сфере межнациональных отношений, поэтому социологи исследуют весь спектр этносоциальных процессов.

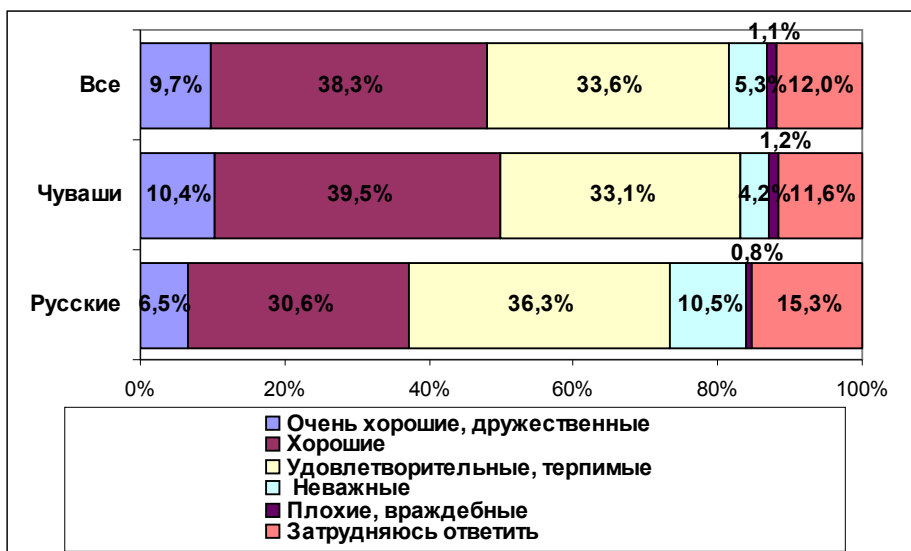
Чувашская Республика традиционно отличалась постоянством добрых отношений между народами, которые ее населяют (чувашами, русскими, татарами, мордвой, мари и т.д.). В целом для Чувашии характерна атмосфера дружбы, благожелательности и взаимопонимания между представителями различных национальностей.

В 2009 г. 59,5% всех опрошенных (57,6% чувашей, 59,1% русских, 75,8% татар и 52,1% мордвы), среди горожан 52,4% (59,1% чувашей, 49% русских) отметили хорошее состояние межнациональных отношений в республике. Вместе с тем часть населения испытывает внутреннюю напряженность,

психологический дискомфорт. Так, в 2009 г. 2,9% опрошенных (2,5% чувашей и 3,1% русских), а в 2010 г. 5,3% всех опрошенных (4,2% чувашей и 10,5% русских) оценили современное состояние межнациональных отношений как неважные, требующие более серьезного внимания со стороны властей разного уровня (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1

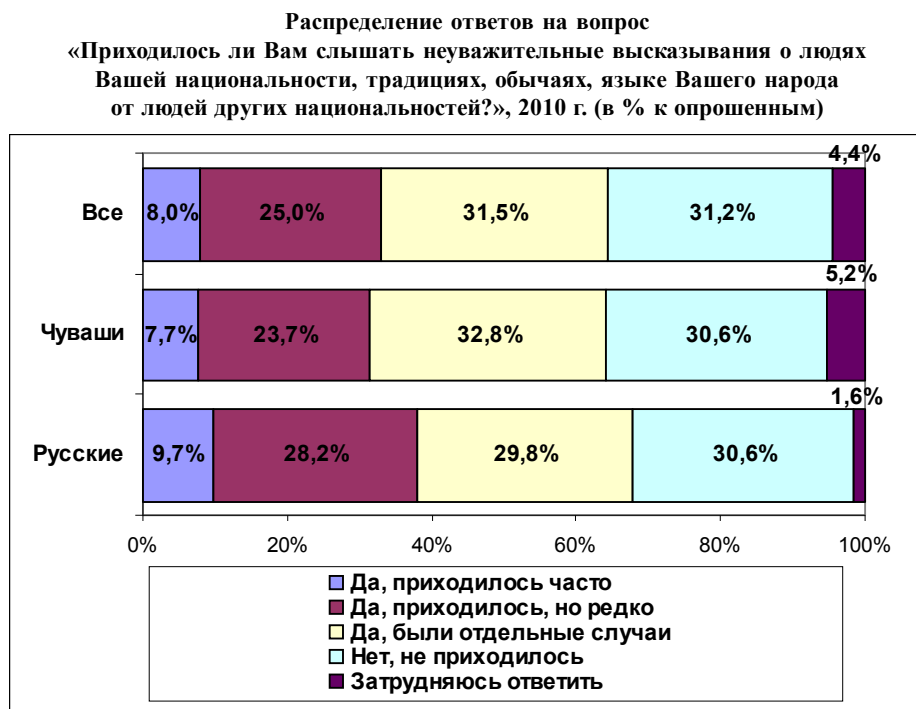
Распределение ответов на вопрос
«Как бы Вы оценили современное состояние межнациональных отношений
в Чувашской Республике?», 2010 г. (в % к опрошенным)

В 2010 г. чувашаи, по сравнению с русскими, в этом вопросе немного оптимистичнее, по мнению 49,9% для республики характерен высокий уровень этнической толерантности, почти треть (33,1%) отнесли межнациональные отношения к разряду удовлетворительных, терпимых и 5,4% посчитали, что они характеризуются различным уровнем напряженности. Для русских эти оценки выглядели соответственно следующим образом: 37,1, 36,3 и 11,3%. Кроме того, 11,6% чувашей и 15,3% русских затруднились ответить на данный вопрос. Некоторая отличительность в этих оценках представителей двух ведущих этнических групп, проживающих в республике, определяется и типом поселения, поскольку город, в отличие от сел и деревень республики, заметно полиэтничнее. Здесь больше оснований для некоторого непонимания, противодействия, связанных с этничностью, а русские в большей мере являются урбанизированными, чем чувашаи. В городах выше доля тех, кто недавно приехал в республику на постоянное или временное место жительства. Среди горожан ненамного, но выше доля тех, кто полагает, что межнациональные отношения можно оценивать как неважные или плохие (7,5%, в сельской местности – 3,8%).

В сознании определенной части сельских жителей утвердились «клише-пугала»: «рост национального самосознания – это национализм», «ущемляются права русскоязычного населения», «чувашиам не дают развивать свой родной язык» и т.д. Эти стереотипы, поддерживаемые некоторыми представителями национальных объединений, движений, препятствуют стабилизации межнациональных отношений в Чувашии. В этом плане отметим материалы обследования о реальных фактах неуважительного отношения к людям, представляющих различные этнические группы, их традициям, языкам, обычаям (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2

На первый взгляд, эти материалы не согласуются с приведенными выводами, поскольку почти двум третям респондентов приходилось слышать подобные неуважительные высказывания (8% – часто, 25% – редко и 31,5% – были отдельные случаи). При этом нет существенной разницы в данном вопросе у чувашей и русских, немного реже сталкивались с такими фактами татары и мордва. Чаще они наблюдались в городской местности (69%), чем в сельской (55%). Во-первых, следует иметь в виду, что все-таки неуважительные мнения звучали в основном редко, в некоторых случаях и нечастые обидные оценки своего народа, его культурных ценностей из уст отдельных лиц не вынудили изменить общее положительное отношение к межнациональной ситуации в республике.

Необходимо учесть и следующее. Не всегда респонденты сами являлись свидетелями подобных инцидентов. Им задавался вопрос: «Если Вам известны случаи унижения или оскорбления людей на основании их религии, национальности, то из каких источников?». Оказалось, что очевидцами подобных случаев были 16,3% опрошенных, сами оказались жертвой 1,6%, а 0,9% заявили о том, что сами были участниками, то есть в сумме личный опыт был характерен максимум для 18,8% респондентов (возможно было отметить несколько вариантов ответа). Для остальных источниками послужили рассказы других людей (43,8%), различные СМИ (35,3%), надписи на заборах и пр. (16,8%), Интернет (15%), книги (1,4%). Наверное, в этом случае можно говорить о достаточно критичном уровне доверия, в первую очередь, к пересказам своих собеседников и свидетельствам газет, телевидения и т. п.

О том, что в личном опыте жителей республики случаи, характеризующие межэтнические отношения с отрицательной стороны, не преобладают, говорят и ответы на следующий вопрос анкеты: «С какими негативными явлениями в межнациональных отношениях Вам приходилось сталкиваться в своей повседневной жизни в Чувашии?». Оказалось, что 44,7% не сталкивались с подобными случаями и еще 14,7% затруднились дать определенный ответ, что также отчасти можно характеризовать, как их отсутствие. Распределение ответов по порядку изложения их в анкете выглядит следующим образом: отрицательное отношение к людям других национальностей, приезжающих в Чувашию, – 6,9%; неуважительное отношение к обычаям, традициям, языку других народов – 7,2%; недружелюбие, неприязненные высказывания о людях других национальностей – 10,8%; сохранение у некоторых людей национальных предрассудков к лицам другой национальности, мешающие установлению дружеских отношений между людьми разных национальностей, – 11,5%; демонстративно мешают смотреть и слушать передачи по телевидению и радио на родном языке – 0,5%; использование религии и религиозных чувств верующих людей для вражды к людям других национальностей – 1,6%; отрицательное отношение к выходу замуж (женитьбе) близкой родственницы (родственника) за представителя другой национальности – 8,3%; групповые хулиганские действия и другие нарушения общественного порядка на национальной почве – 5,3%; создание атмосферы страха, неуверенности, беспокойства для представителей других национальностей с целью принуждения их к выезду из Чувашии – 1,4%.

Разница у чувашей и русских незначительна, что вполне объяснимо, поскольку абсолютные показатели, характеризующие тот или иной вариант ответа, невысоки. Дистанция более 6 процентных пунктов зафиксирована при выборе первого варианта ответа об отрицательном отношении к людям других национальностей, прибывающим в республику: его выбрали 5,7% респондентов-чувашей и 12,1% – русских. Еще в двух случаях разница превышала 5 процентных пунктов. В целом русским, судя по их ответам, чаще приходилось иметь дело с перечисленными негативными явлениями; что,

повторимся, в значительной мере определялось поселенческими особенностями, а не этнической принадлежностью граждан.

На наш взгляд, оценивая полученные результаты, надо отметить следующее. При положительных оценках в сфере межэтнических отношений, необходимо иметь в виду и наличие непонимания, предвзятости, неприятия лиц, представляющих «не мою» этническую группу. Большой частью все это находится в латентном состоянии, не выплескивается в сферу публичности, люди привыкают к этому и живут достаточно комфортно, понимая, что любое обострение в сфере межэтнических отношений чревато тяжелыми последствиями. Проблемы непонимания, предвзятости и т. п. существуют в любом человеческом сообществе различных уровней, в том числе в семейных отношениях. Не все идеально и в моноэтнических группах, поскольку возникают сложности по другим основаниям. Кроме того, межэтнические отношения в ряду других проблем, волнующих население Чувашии, занимают достаточно низкое место. Людей сейчас волнуют иные вопросы, более злободневные и насущные.

Все возникающие вопросы, связанные с межнациональными отношениями, межнациональным общением, требуют изучения национального состава сельских трудовых коллективов. Тем более, когда существенной детерминантой, определяющей межнациональное общение как во время работы, так и во внепроизводственной сфере, выступает национальный состав первичного трудового коллектива. В процессе совместной работы возникают и закрепляются общие интересы, охватывающие широкий круг проблем: и технологических, и социальных. Эти вопросы обсуждаются не только в формализованной обстановке (на собраниях, летучках и т.п.), но и в общении в свободное время. В результате складываются общие интересы, которые в многонациональных коллективах находят продолжение в межэтнических контактах за рамками трудовой деятельности.

Национальный состав первичных трудовых коллективов (ферм, бригад, звеньев) в деревнях Чувашии зависит от нескольких причин. Производственный сектор в чувашской деревне на значительной части республики комплектуется, как правило, местными жителями, чувашами по национальности. Прибывающие специалисты из лиц других национальностей заняты в основном во внепроизводственной сфере (народное образование, здравоохранение, культура) или в управленческом звене.

Национальный состав трудовых коллективов к настоящему времени в определенной степени изменился из-за притока в Чувашию беженцев и вынужденных переселенцев. Реакция жителей республики на миграцию из других регионов неоднозначна. В 2009 г. на вопрос о взаимоотношении переселенцев, беженцев с местным населением 36% сельских респондентов (26,4% чувашей, 39,7% русских, 54,8% татар, 54,2% мордвы) ответили, что у них сложились хорошие отношения с мигрантами. Однако среди городского населения лишь 17,4% опрошенных (19,3% чувашей, 15,5% русских) выбрали данный вариант ответа.

В 2010 г. 16,6% всех опрошенных ответили, что у переселенцев, беженцев сложились устойчивые хорошие отношения с коренным населением, а 33,2% считали, что в целом нормальные отношения, но случаются недоразумения (см. табл. 5).

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Если Вы знаете о жизни приезжих (переселенцев, беженцев и др.) в нашем регионе, поделитесь своими впечатлениями: хорошие ли у них отношения с коренным населением?», 2009–2010 гг. (в % к опрошенным)

	2009 г.		2010 г.	
	Город	Село	Город	Село
У них сложились устойчивые хорошие отношения	17,4	36,0	14,4	21,2
В целом нормальные отношения, но случаются недоразумения	47,8	30,1	35,6	28,3
Отношения неровные, нередко возникают напряжения	3,4	3,5	6,5	3,8
Напряженные отношения, нередко происходят драки, вызывают милицию	1,4	0,6	2,1	–
Местные и приезжие почти не общаются друг с другом	3,4	2,0	3,4	2,2
Затрудняюсь ответить	25,6	27,8	38,0	44,6

Межнациональные отношения в значительной степени сопряжены с этноязыковыми процессами. Поэтому обществоведами достаточно подробно изучены вопросы многоязычия, использования чувашского и русского языков в различных сферах жизни (в средствах массовой информации, в бытовом общении, в государственных учреждениях, на работе, в учебных заведениях, в общении с друзьями, родственниками, в семье).

Результаты социологических исследований показывают, что в Чувашии возросла роль русского языка во всех сферах общественной жизни. Примечательно, что наибольший рост наблюдаем в государственных учреждениях и это выделяют представители всех опрошенных сельских этнонациональных групп.

В 2009 г. на вопрос «В России, помимо русского языка, говорят на разных языках. С каким суждением Вы согласны?» 50,5% сельских жителей Чувашии (57,4% чувашей, 35,8% русских, 49,2% татар и 60,4% мордвы) ответили, что все языки без исключения должны иметь равные права, 13,3% всех опрошенных (13,4% чувашей, 11,9% русских, 24,6% татар и 4,2% мордвы) выделили вариант «Некоторые языки должны быть главными в стране», а 27,2% всех респондентов (20,9% чувашей, 38,4% русских, 24,6% татар и 29,2% мордвы) считали, что только один язык должен быть главным в стране. Среди горожан-респондентов 56,8% чувашей, 27,3% русских выбрали вариант «Все языки без исключения должны иметь равные права», а 20,5%

чувашей и 61,8% русских считали, что только один язык должен быть главным в стране.

В 2010 г. 39,8% всех опрошенных (43,7% чувашей, 28,2% русских, 27,3% татар, 25,0% мордвы) ответили, что все языки без исключения должны иметь равные права. В то же время 41,7% опрошенных (34,6% чувашей, 59,7% русских) считали, что только один язык должен быть главным в стране.

Большой научно-практический интерес представляет распределение ответов на вопрос «Какой язык Вы считаете своим родным языком?». В 2009 г. среди сельских респондентов 91,7% чувашей считали родным чувашский язык, а 7,6% – русский. Среди опрошенных 98,7% русских, 96,8% татар и 81,3% мордвы считали родным языком соответственно русский, татарский и мокшанский (эрзянский) языки. Среди горожан-чувашей 64,4% опрошенных ответили, что чувашский для них является родным языком, а 35,6% – назвали русский язык.

В 2010 г. среди чувашей 82,2% респондентов считали своим родным языком чувашский, остальные – русский. Среди татар все считали своим родным языком татарский, среди мордвы 81,3% опрошенных – мордовский язык.

Характерной особенностью для сельских жителей Чувашии является степень владения чувашским языком представителями других этносов. Так, в 2009 г. 7,5% русских, 8,3% мордвы, 22,6% татар понимали, но не говорили, 38,7% татар говорили, а 19,4% татар владели свободно чувашским языком (говорили, читали, писали).

В 2010 г. среди всех опрошенных чувашей 3,0% не владели чувашским языком, 15,5% – понимали, но не говорили, 9,2% – говорили, но не читали и не писали на чувашском языке, а 72,3% респондентов владели свободно чувашским языком. В то же время 24,2% русских, 27,3% татар, 12,5% мордвы понимали, но не говорили на чувашском языке. Примечательно, что 5,6% респондентов-русских, 18,2% респондентов-татар свободно владели чувашским языком.

Вероятнее всего, можно согласиться с выводами А.Ф. Валеевой, считающей, что в полиэтническом регионе русский язык выступает основным средством межэтнических коммуникаций, в том числе и в профессионально-производственной сфере. Постмодернистские тенденции в трансформации социально-профессиональной структуры создают благоприятные условия для сохранения и последующего развития этноязыкового многообразия и постепенного формирования по-настоящему двуязычного общества, в котором не только татары, чуваша, марийцы и другие этнические группы, но и русские в большинстве своем станут билингвами²¹.

Проблемы национального развития и межнациональных отношений, с которыми наша страна столкнулась в пореформенный период, имеют глубокие корни как в событиях исторического прошлого, так и в деформациях, допускаемых в ходе реформирования общества.

Сегодня важной задачей стало нахождение верных путей развития этносов и правильного сочетания интересов каждого из них с общими интересами многонационального российского народа. Решению этой задачи может способствовать конкретная работа по повышению уровня жизни, восстановлению уважительного отношения к родному языку, национальной культуре, традициям и обычаям, поиск мер утверждения согласия, дружбы между народами. Каждая проблема требует огромного внимания, за каждой из них стоит как судьба отдельного человека, так и судьбы целых этносов. Здесь должны быть объединены усилия и государственных, и негосударственных (национально-культурных объединений, клубов, землячеств и т.д.) учреждений.

В 2009 г., оценивая деятельность национально-культурных объединений и их влияние на межнациональные отношения в Чувашской Республике, 40,1% опрошенных селян (41,4% чувашей, 29,6% русских, 50% татар, 54,2% мордвы) выделили вариант «положительное», и 33,5% всех опрошенных (32,4% чувашей, 33,3% русских, 40,3% татар и 33,3% мордвы) – вариант «скорее положительное, чем отрицательное».

По мнению 44,1% опрошенных селян (44,2% чувашей, 40,9% русских, 48,4% татар и 47,9% мордвы) для того, чтобы деятельность национальных объединений (центров, клубов) не ухудшала межнациональные отношения, надо чаще проводить общие мероприятия. 23,0% респондентов (23,4% чувашей, 27,0% русских, 17,7% татар, 14,6% мордвы) считали, что надо больше освещать деятельность национальных объединений в СМИ (газеты, радио, телевидение).

В 2010 г., отвечая на вопрос «Если в Чувашии будут проявляться элементы межнациональных конфликтов, то какой будет Ваша позиция?», 56,1% опрошенных выделили вариант «Буду всеми силами способствовать тому, чтобы конфликты не обострились, а проблемы решались спокойно». Наряду с этим 33,9% респондентов не будут вмешиваться в эти споры и конфликты, а 3,7% намерены активно участвовать в конфликтах (см. диаграмму 3).

Конечно, было бы заблуждением считать, что национальные отношения в республике лишены конфликтности. Постоянный рост инфляции, нестабильное состояние хозяйства, криминализация и коррупция, резкое усиление разрыва в жизненном уровне разных социальных групп населения, постоянные дискуссии в центральных СМИ по вопросам о возможном реформировании федерации, наряду с ощутимым экономическим отставанием Чувашии от ряда соседних республик и областей, приводят к рождению у молодого поколения, прежде всего титульной нации – чувашей, и в среде элиты безразличия по отношению к будущему народа и республики.

Как и в ряде других регионов России, возможной причиной межэтнической напряженности в условиях Чувашии может явиться также непродуманная политика приватизации государственной собственности с участием «варягов» и особенно разрешение продажи земли в частные руки. Чуваши, занятые в основном в сельском хозяйстве, опасаются, что лучшие земли могут быть поделены «мигрантами» других национальностей. Причем с

**Распределение ответов на вопрос
«Если в Чувашии будут проявляться элементы межнациональных конфликтов, то
какой будет Ваша позиция?», 2010 г. (в % к опрошенным)**

учетом крайнего малоземелья и высокой плотности населения в Чувашии указанная проблема обостренно обсуждается не только чувашами, но и сельскими жителями других национальностей.

В то же время верно и то, что взаимоотношения приезжих и коренных жителей республики за последнее десятилетие находились в состоянии так называемой «притирки». По мнению 29,2% опрошенных в 2006 г., в Чувашии сложились устойчивые, хорошие отношения приезжих с коренными, и 30% отметили, что они в целом нормальные, хотя случаются и недоразумения.

Усиление миграции в Чувашию беженцев и вынужденных переселенцев с Северного Кавказа, из Средней Азии также может создать серьезные проблемы. В связи с криминализацией базаров и рынков городов республики и усилением в этой сфере позиций выходцев с Кавказа (особенно азербайджанцев) на рынках часто возникают конфликты, которые практически во всех случаях приобретают национальный оттенок и вызывают в общественном мнении местного населения – как чувашей, так и других национальностей – резко негативные эмоции.

Конфликтогенной проблемой национальных отношений в республике, способной существенно осложнить этнополитическую ситуацию в будущем, остаются вопросы выживания, сохранения и реального, а не формального расширения социальных функций чувашского языка, прежде всего в сфере общественно-государственной жизни и в городских условиях. Можно сказать, что проблема социальных функций чувашского языка, не имея в ближайшей перспективе сколько-нибудь удовлетворительного для всех сторон

политико-правового решения, остается одной из ведущих доминант социально-политического самочувствия чувашской нации, включая и диаспору, является перманентно обостряемым этносоциальным комплексом национальной интеллигенции.

Таким образом, всемерно используя результаты социологических исследований, с большой долей вероятности можно проследить содержание и механизм реализации национальной политики, особенности этносоциального развития различных регионов. Естественно, это требует со стороны социологов научной объективности, здравого смысла, глубокого теоретико-методологического анализа, выработки жизненно важных для социума практических рекомендаций.

Наибольшую значимость в реализации государственной национальной политики, гармонизации межэтнических отношений в Чувашской Республике имеют следующие направления:

- сохранение интеллектуального, культурного и духовно-нравственного наследия представителей народов, проживающих на территории Чувашии, популяризация знаний об истории и культуре, взаимовлиянии и взаимодействии представителей проживающих в регионе народов;
- создание условий для возрождения, сохранения и развития национальных культур, языков, образования и воспитания;
- формирование этнического самосознания представителей проживающих в Чувашии народов на основе обеспечения условий для усвоения научно выверенной исторической и этнокультурной информации;
- воспитание молодого поколения в духе уважения к культуре, языку, традициям и обычаям проживающих в Чувашии народов.

Эффективным инструментом в изучении этнокультурного развития и межнациональных отношений является мониторинговый формат исследований, который позволяет регулярно проводить социологические замеры, накапливать и анализировать информацию в динамике. Учитывая скрытый (латентный) характер многих ситуаций в сфере межнациональных отношений, представляется целесообразным сосредоточить внимание на раннем прогнозировании конфликтов, проявлений этнического и религиозно-политического экстремизма. Это требует более глубокого изучения уровня этнической толерантности и интолерантности, отношения населения к мигрантам и к другим потенциально конфликтным индикаторам.

Сохраняет свое значение в качестве компонента этнической идентичности и «этнического маркера» родной язык. В этой связи востребованным является изучение этноязыковых процессов в различных средах общения. Существенным и пока малоразработанным вопросом является значимость для жителей региона своей этнической принадлежности и ее соотношение с государственной (гражданской) самоидентификацией.

Как свидетельствуют приведенные материалы, люди полагают, что в основе конфликтов, несущих этническую окраску, лежит деятельность государства, в первую очередь в экономической, социальной сфере, в области

правопорядка, а собственно этнокультурные причины являются второстепенными. В то же время логично предположение, что место и влияние этнокультурных факторов при повышении в целом уровня жизни, ослаблении деятельности различных экстремистских движений, решении важнейших социальных проблем будет возрастать. Иначе говоря, органы государственной власти не должны выпускать из виду проблемы сохранения культурной самобытности народов, какими бы незначительными они не казались на фоне экономического кризиса.

В Чувашской Республике, равно как и в других субъектах Российской Федерации, все вопросы, связанные с межнациональными отношениями, должны базироваться на концепции национальной политики государства. Государственные органы власти, общественные организации, национально-культурные объединения должны быть ответственны в подготовке соответствующих законодательных актов, реализации практических шагов. Поэтому в современных условиях проблема поиска средств поддержания стабильности и гармонии в межэтнических отношениях остается актуальной.

Источники и литература

¹ Дробижеева Л.М. Процессы гражданской интеграции в полиэтническом российском обществе (Тенденции и проблемы) // *Общественные науки и современность*. 2008. № 2. С. 69.

² Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 2969. Оп. 1. Д. 271. Л. 10.

³ URL: http://gov.cap.ru/list4/law/rec.aspx?gov_id=12&pos=17&id=84.

⁴ Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 29.04.2009 № 144 «О республиканской целевой программе “Культура Чувашии: 2010–2020 годы”» // *Собрание законодательства Чувашской Республики*. 2009. № 4. Ст. 1299.

⁵ См., например: *Моткин В.Н.* Устойчивое развитие русского этноса как фактор стабильности российского социума: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саранск, 2000; *Богатова О.А.* Гармонизация межэтнических отношений в региональном социуме: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саранск, 2004; *Управление разнообразием: новые ориентиры для толерантности антидискриминационной политики в сфере межэтнических отношений в регионах ПФО*. Н. Новгород, 2006; *Титова Т.А.* Этнические меньшинства в городах Республики Татарстан: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Чебоксары, 2008.

⁶ См. подробнее: *Ильин И.Е.* Межнациональные отношения в Чувашии: этносоциальные проблемы переходного периода // *Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. статей*. Чебоксары, 1999. С. 127–138.

⁷ См.: *Межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2001 г.): научно-аналитический бюллетень*. Йошкар-Ола, 2002.

⁸ См.: *Богатова О.А.* Этнические границы в Мордовии: парадокс многоуровневой идентичности // *Социс*. 2004. № 6. С. 69–75.

⁹ См.: *Особенности современной межнациональной и этнокультурной ситуации в Республике Татарстан*. Казань, 2008.

¹⁰ См.: *Сафин Ф.Г.* Контуры этносоциальной жизни в Башкортостане // *Социс*. 2001. № 10. С. 94–98.

¹¹ Вопросы этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике. Чебоксары, 2003; Мониторинг «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике»: 2002 г. (N=328), 2009 г. (N=755), 2010 г. (N=566). Исследования проведены отделом социологии Чувашского государственного института гуманитарных наук. Научный руководитель И.Е. Ильин.

¹² Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 29.04.2009 № 144 «О республиканской целевой программе “Культура Чувашии: 2010–2020 годы”».

¹³ Чувашская Республика // Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М., 2009. С. 427–494.

¹⁴ Там же. С. 455.

¹⁵ *Бойко И., Харитонов В.* Жители столицы о межэтнических отношениях // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень этнологического мониторинга и предупреждения конфликтов. 2003. № 58. С. 21–22; *Шабунин Д.* Государственная власть и национально-культурные объединения // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень этнологического мониторинга и предупреждения конфликтов. 2008. № 135. С. 31–32; *Бойко И., Харитонов В.* Национально-культурные организации // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень этнологического мониторинга и предупреждения конфликтов. 2008. № 138. С. 59–61.

¹⁶ Рейтинг конфликтности республик и областей ПФО (июль–сентябрь 2007 г.) // Этноконфессиональная ситуация в Приволжском федеральном округе. Бюллетень этнологического мониторинга и предупреждения конфликтов. 2007. № 130. С. 40.

¹⁷ См.: *Браславский Л.Ю.* Ислам в Чувашии. Чебоксары, 1997; *Иванов В.П.* Этническая карта Чувашии: (Расселение, численность и межэтническое взаимодействие титульной нации и этнических групп на территории республики). Чебоксары, 1997; *Его же.* Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары, 2005; *Ильин И.Е.* Толерантность межэтнических отношений в сельских районах Чувашии // Региология. 2003. № 4; 2004. № 1. С. 197–20; *Бойко И.И., Марков Ю.К., Харитонов В.Г.* Перепись 2002 г. в Чувашской Республике: организация, этническая идентичность, родной язык. Чебоксары, 2006; *Бойко И.И., Марков Ю.К., Харитонов В.Г.* Перепись в Чувашии заслуживает доверия // Этнокультурный облик России: перепись 2002 года. М., 2007. С. 210–225; *Бойко И.И., Григорьев В.С., Шабунин Д.М.* Социокультурные противоречия в полиэтнической среде // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М., 2008; *Бойко И.И., Харитонов В.Г.* Этнический фактор в социокультурном развитии Чувашской Республики // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы V Всероссийской научно-практической конференции по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Смоленск, 6–9 октября 2009 г. Смоленск, 2009. С. 173–177.

¹⁸ См.: *Шабунин Д.М.* Чувашская Республика // Регионы России: хроника и руководители / под ред. К. Мацузато. Т. 8. Сарго, 2003; *Его же.* Национально-государственная трансформация республик Поволжья в постсоветский период // Проблемы социально-политической теории и практики в современной России: сб. науч. статей. Чебоксары, 2006; *Его же.* Трансформация региональной политической элиты в Чувашской Республике в постсоветский период // Демократия в современной России: опыт, проблемы: сб. науч. статей. Чебоксары, 2007.

¹⁹ *Полупан-Семедова Н.Г.* Социокультурные аспекты преподавания основ религиозной культуры и светской этики в Чувашской Республике // Социокультурная динамика регионов в условиях финансово-экономического кризиса: сб. материалов VI Всероссийской науч.-практич. конф. 7–9 октября 2010 г. Ульяновск, 2010. С. 256–261.

²⁰ В 2009 г. исследование было проведено в апреле–мае в 9 административно-территориальных единицах Чувашской Республики (в 4 городах – Чебоксарах, Канаше, Алатыре, Ядрине и в 5 сельских районах – Канашском, Алатырском, Порецком, Батыревском, Ядринском). Использована стратифицированная, многоступенчатая, квотная (пол/возраст) выборка. В ходе исследования было опрошено 755 респондентов. В 2010 г. исследование было проведено в апреле–мае в городах Чебоксары, Новочебоксарск, Канаш, Цивильск, Ядрин, Мариинский Посад, Шумерля, Алатырь и сельских районах (Батыревском, Канашском, Янтиковском, Ядринском, Ибресинском, Цивильском, Аликосском, Маринско-Посадском, Моргаушском, Порецком, Шумерлинском, Шемуршинском).

В 2010 г. всего опрошено 566 жителей Чувашии в возрасте 18 лет и старше, в том числе 184 (32,5%) в сельских населенных пунктах 12 районов и 382 (67,5%) в городах. Использована стратифицированная, многоступенчатая, квотная (пол/возраст) выборка. По этнической принадлежности среди респондентов 72,7% чувашей, 22,3% – русских, 5% – представители дру-

гих этнических групп (мордва и татары). Иначе говоря, с точки зрения этнического представительства в выборку попали респонденты только старожильческих групп (чуваша и русские), которые составляют в республике более 95% всего населения. Поскольку доля мордвы и татар в данном исследовании весьма незначительна, то при рассмотрении условных распределений (с учетом признака этничности) авторы ограничились только чувашами и русскими.

²¹ *Валеева А.Ф.* Социально-профессиональная стратификация как фактор языкового поведения в полиэтничном регионе // Социс. 2003. № 12. С. 133–134.

²² Чувашская Республика. Социокультурный портрет / под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабунина. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 76–77.

N.M. Ivanova, J.E. Pyin

MODERN ETHNOCULTURAL SITUATION AND INTER-NATIONAL RELATIONS IN THE CHUVASH REPUBLIC

The article provides sociological analysis of the modern ethnocultural situation and inter-national relations in the Chuvash Republic. The authors scrutinize various spheres of public life, practical results of implementing the national policy on the materials of broad-scale representative sociological research.

Key words: ethnosociology, regionology, the Chuvash Republic, inter-ethnic relations, ethnocultural situation.

ЧГВ, 2012 г., № 7
© В.Д. Дмитриев

НЕБОЛЬШИЕ ДОПОЛНЕНИЯ К МОИМ ПЕЧАТНЫМ ТРУДАМ

Объективная истина является относительной. В исторических исследованиях с привлечением новых источников выводы и положения автора могут быть аргументированы более основательно. В статье В.Д. Дмитриев вносит небольшие, но важные дополнения к своим трудам, изданным в 1963, 1983, 1986, 2003, 2011 гг. по вопросам истории городов Чебоксар (Веда Суар, деревня Шебашкар, празднование Ярилина дня, дома и промышленные заведения после пожара 1773 г.) и Цивильска (основание города), участия чувашских полковников и атаманов в восстании С.Т. Разина, сложной земельной общины чувашей.

Ключевые слова: Чебоксары, Веда Суар, Шебашкар, Ярилина гора, Цивильск, атаман, Тойдемир Емайдин, чувашаи, сложная община.

І. В книге «Чебоксары: Очерки истории города конца XIII–XVII веков» (Чебоксары, 2003), в I главе вопрос о болгаро-чувашском городе Веда Суар на месте нынешних Чебоксар мною изложен лаконично. После публикации статей А.Б. Булатова о городе Веда Суар на старинных картах¹ я в библиотеках и архивах Москвы и Ленинграда сделал фотокопии более 20 карт со сведениями о территории Чувашии, тщательно изучил труды Ф.К. Бруна² и Ф.Ф. Чекалина³. В книге я писал: «На большой карте венецианцев Франциска и Доминика Пицигани 1367 г. и на третьей карте атласа Каталинского 1375 г. на месте Чебоксар нарисовано изображение города без указания названия» (с. 15–16). При этом сделал ссылку на труды Ф.К. Бруна и Ф.Ф. Чекалина. Здесь приведу слова Ф.К. Бруна: «В окрестностях Сара-чина (Царицына) нам, в этом случае, пришлось бы отыскивать город Sibosagu, хотя он именем своим напоминает город Чебоксары, гораздо выше по Волге лежащий»⁴. Можно предположить, что составитель карты название города на месте нынешних Чебоксар

Василий Дмитриевич Дмитриев – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: human2000@yandex.ru.

ошибочно перенес в устье Волги, что еще в середине XIV в. город назывался Чебоксарами.

Далее в своей книге я писал: «На карте 1459 года, составленной Фра Мауро для португальского короля Альфонса V на основе более ранних карт, на месте Чебоксар показан город Веда Суар, а территория между нижней Сурой и Волгой названа Амазонией» (с. 16) и сделал ссылку на книгу «Материалы для историко-географического атласа России» (СПб., 1871. Вкладный лист), составители которой воспользовались сведениями о карте 1459 г., написанными С.А. Соболевским: «Относительно географии собственно России карта Фра Мауро знакомит с реками Волгой (Edil или Vulga), Доном (Танаис), Окою (Носа), Днепром (Охоч), Яком (Jaikhi, Jaichi)... Из упоминаний городов соответствуют ныне существующим: Киев, Новгород, Москва, Ростов, Рига, Ревель, Выборг, Пицихория или Нагарда (город Орешек, ныне Шлиссельбург).

В именах различных народов, помещенных в России, встречается имя народа Мери (Merae), уцелевшего только по имени в древнейших русских летописях, и другого народа Мордвы (Mordo), живущего в России до настоящего времени. Сибирь (Sibir) значится как в числе провинций, так и в числе народов.

На Волге изображен таррамондо обширный остров Амазония. Остров занимает то самое пространство, которое заключается между рр. Волгою и Свягою от места впадения Свяги в Волгу, что выше Казани, и до той местности у Симбирска, где Свяга так близко подошла к Волге, что едва-едва не впадала в эту последнюю реку»⁵. Город Веда Суар (Вӓта Сӓвар «Средний Сувар») помещен не на месте Кузнечихи, то есть не на остром конце острова (на месте Симбирска), а в северной части острова, недалеко от устья Свяги, впадающей в Волгу (карта ориентирована не на север, как нынешние карты, а на юг).

Далее С.А. Соболевский писал: «Фра Мауро, изображая этот остров, не поместил про него замечания. Поэтому составитель монографии [о картах] Plosicho Zugla занес в свою книгу, на стр. 98, объяснение такого рода: “Именем Амазонии обозначено место, усвоимое Геродотом и Птолемеем, на западной стороне Эдила, в Сарматии, – древним амазонкам Скифии, хотя Страбон в книге II полагает родину их возле Кавказа и Албании”»⁶.

На с. 40 мною указано: «К.С. Милькович в конце XVIII в. со ссылкой на рассказы старожилов писал, что после строительства русскими кремля (города) в Чебоксарах чувашаи были выведены из города и поселены в 12 верстах западнее от него». Названия материнских селений с указанием выселков (околотков, *касси*) от них имеются только в описаниях дач Генерального межевания 1793–1797 гг. Чебоксарского, Козьмодемьянского, Цивильского, Ядринского уездов Казанской губернии и в описаниях дач 1797–1804 гг. Курмышского уезда Симбирской губернии, а также в издании Казанского губернского статистического комитета и губернского земства «Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии»

(1886–1893) и губернской земской управы «Крестьянское землевладение Казанской губернии» (1907) по указанным выше уездам. В Козьмодемьянском уезде имела деревня Шебашкар, разделившаяся на околотки Ойкасы, Варпоси и Онгапоси. У них земля (пашня, луга, лес) была общая, неразделенная⁷. Соседняя деревня Бахтигильдино состояла из околотков Селиванкин, Важукасы, Хозандайкин, Яранкасы, Синьял, Шобашкаркасы⁸. По-видимому, околоток Шобашкаркасы выделился из д. Шебашкар на землю д. Бахтигильдиной. Автор статьи «О названиях города Шупашкар и Чебоксары» Н.И. Егоров не согласен с приведенными сведениями из 10 выпуска «Крестьянского землевладения Казанской губернии» и утверждает следующее: в «Списке населенных мест 1859 года: Казанская губерния» отмечено, что околотки Варпось, Онгапось и Ойкасы являются высылками из д. Ишлей-Шербаша (Салабайкасы) Козьмодемьянского уезда. Такое заявление не соответствует действительности; сведения этого же автора относительно околотка Шобашларкасы⁹ тоже ошибочны. Ни «Список населенных мест 1859 года. Казанская губерния» (СПб., 1866), ни «Список селений Казанской губернии по материалам переписи 1897 г. (составитель К.П. Бертельс, Казань, 1908) не приводят названий материнских селений, выселков (околотков) из них, сведений об общем землевладении материнских деревень и их выселков.

II. В статье «Из истории городов Чувашии второй половины XVI – начала XVII веков» (сборник «Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.)»). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986) я со ссылками на источники доказал, что первое упоминание Чебоксар в русских летописях было не в связи с поездкой Московского великого князя Дмитрия Ивановича в Золотую Орду в 1371 г. за ярлыком, а в связи с походом русских войск во главе с воеводой Иваном Димитриевичем Руном на Казань в 1469 г. Некоторые авторы до сих пор первое упоминание Чебоксар в русских летописях относят к 1371 г. В своей статье я не писал, что Дмитрий Иванович в 1371 г. никак не мог останавливаться в Чебоксарах, так как он ездил за ярлыком не по Волге в Сарай, а из Москвы – в Крым, к Мамаю, не писал, что в 1361 г. Дмитрий Иванович действительно ездил в столицу Золотой Орды в город Сарай по Волге к хану Худырю за ярлыком на великое княжение и получил его. Летопись не сообщает: останавливался он в Чебоксарах или не останавливался. В том же году хана Худыря убили. В 1362 г. Золотая Орда разделилась на две части. В Сараевской Орде со столицей Сарай-Джедид ханом стал Мурат, управлявший территорией Орды восточнее Волги. В Золотой Орде (затем в татарских ханствах) ханами ставили только потомков Чингисхана – Чингисидов. Татарский князь темник (военачальник, командовавший десятитысячным войском) Мамай, человек деспотичного характера, отделил себе территорию Орды западнее Волги, создал так называемую Мамаеву Орду со столицей в Крыму (в Бахчисарае). Он провозгласил ханом Авдула (Авдулаха). За 19 лет своего господства назначил более 10 ханов. Русские князья ярлыки на великое княжение получали то у сарайского хана, то лично у Мамаю.

В начале 1371 г. тверской князь Михаил Александрович получил от Мамаю в Крыму ярлык на великое княжение, оставив Дмитрия Ивановича без ярлыка, и в союзе с польским королем начал нападать на земли Московского великого княжества. Дмитрий Иванович вынужден был ехать к Мамаю за ярлыком в Крым. Летописный свод описывает его поездку и возвращение лаконично: «В лето 6879 [1371]. Выде из Орды князь Михаило Александрович Тферьскы на великое княжение, и князь велики Дмитриеи Ивановичь не съступися ему, но поиде самъ въ Орду. Князь же Михаило иде к Володимерю, хотя сести тамо на великое княженъе, и не прияша его, но отвещаша ему сице: “не имемъ сему веру про што взяти тебе великое княженъе”. А князь велики поиде в Орду июня въ 15, а с ним князь Андреи Ростовьски. Митрополит же Алексеи проводи великого князя Дмитрея до Оки реки и благословивъ его отпусти, и всех сущихъ с нимъ благослови, и поиде князь великим за реку Оку, а митрополитъ възратися к Москве... Тае осени князь велики Дмитриеи Ивановичь прииде из Орды, княженъе великое укрепив под собою, а супостаты своя победивъ, посрами. Выведа же съ собою из Орды княжа Михаилова сына Тферскаго князя Ивана, окупивъ его у Татаръ в долгу, дасть на немъ 10000 рублевъ серебра, еже есть тьма. И приведе его на Москву, посади на митрополичи дворе Алексееве, и иседе неколико, денели же выкупиша его»¹⁰. Этот текст включен в Воскресенскую летопись и другие летописи XVI в.

Митрополит и другие сановники провожали Дмитрия Ивановича от Коломны или Серпухова. Посольство отправлялось на ладьях. Оно, как можно установить по источникам, плыло вверх по Оке до вершины Оки (недалеко от нынешнего Курска). Затем волоком перешло на реку Оскол, далее – на Донец и добралось до ставки Мамаю в Крыму. Возвращалось по тому же пути. Более 40 авторов, писавших о посещении Дмитрием Ивановичем Чебоксар в 1371 г., не поинтересовались, как великий князь добрался до Мамаю, не имели представления о Сараевой Орде и Мамаевой Орде.

Дмитрий Иванович за 10000 рублей выкупил родного сына тверского князя Михаила Александровича князя Ивана, находившегося в заложниках у Мамаю. Но Михаил Александрович продолжал враждовать с Дмитрием Ивановичем. Тверская летопись указывает, что Дмитрий Иванович повез к Мамаю много серебра, за что, мол, получил ярлык на великое княжение¹¹. Серебра он действительно повез немало: вероятно, уплатил авансом дань хану на несколько лет вперед и выкупил, как уже указывалось, сына тверского князя Михаила Александровича и возвратил его отцу за 10000 рублей, как указано в приведенной выше цитате.

В этой же статье на с. 104–105 мною доказано основание и строительство города Цивильск отрядом головы Василия Непейцина в 1589 г. После публикации статьи и празднования 400-летия г. Цивильска я обнаружил два свидетельства, относящиеся к основанию города. В № 4 журнала «История СССР» за 1968 г. на с. 120–130 опубликована статья В.И. Ко-

рецкого «Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова». Позже В.И. Корецкий и Б.Н. Морозов в сборнике статей «Летописи и хроники» (М., 1984) поместили статью «Летописец с новыми известиями XVI–начала XVII вв.» На с. 129 первой статьи и на с. 214 второй публикации авторы приводят отрывок из обнаруженного ими летописца: «В лето 7095 [с 1 сентября 1586 г. по 31 августа 1587 г.]... посылал государь царь Федор зимою воевод своих... Того же лета крымские царевичи... Того же лета Симеон Сабу[ров] и Деменша Черемисинов... горной черемисе в Се[рбиев]ской волости на Цы[виле] [ре]ке город поставили». Вероятно, воеводы С. Сабуров и Д. Черемисинов, прибывшие летом 1587 г. с полками на усмирение выступлений ясачных чувашей, сочли целесообразным поставить на Цивиле город, доложили об этом правительству, но еще не построили. Строить город в 1589 г. прислали голову В.И. Непейцина с воинским отрядом, и он завершил его строительство в следующем году. В чувашских исторических преданиях отмечается, что вначале город намечали строить в другом месте¹².

Точность определенной мною даты основания и строительства Цивильска в 1589 г. подтверждает летописный отрывок, приведенный академиком М.Н. Тихомировым на с. 231 книги «Русское летописание» (М.: Наука, 1979): «А в 98-м году [с 1 сентября 1589 г. по 31 августа 1590 г.] поставлен город Саратов. Того же году поставлен город в Черемисе Цивильской. В 99-м году [с 1 сентября 1590 г. по 31 августа 1591 г.] году поставлен град в Черемисе Ераньской» (то есть Яранск. – *В.Д.*).

III. В статье «О Ярилиной горе и “загадке” старых Чебоксар», опубликованной в № 3 «Известий Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики» за 2003 г. на с. 7–35, указано, что в русских, белорусских и украинских источниках XVIII в. рассказывается о мифологическом и ритуальном персонаже Ярило (Ярила, Ярыло), хотя народный обряд празднования дня и ночи плодородия земли, растительного и животного мира возник у славянских народов еще в древности. Ярило был известен с древних времен, но в письменных источниках не отразился. Склон западного косогора по бывшей улице Свердлова и от здания бывшего Чувашского трахоматозного института (впоследствии – госпиталя военного времени, Республиканского кардиологического диспансера) по ул. М. Сеспеля назывался в народе с давних времен Ярилиной горой. Друг журналиста А.Н. Студенецкого московский писатель Г.И. Кублицкий, несколько раз приезжавший в Чебоксары, в книге о поволжских городах один из параграфов о Чебоксарах назвал «Идём к Ярилиной горе». Автор отправляется туда вместе с А.Н. Студенцом: «Пробрались какими-то закоулками мимо старой церкви, вышли к склону, спускающемуся в сторону Чебоксар» (с. 7). Краевед А.И. Терентьев в своей книге о Чебоксарах замечает: «А вот название “Ярилина гора” с одноименной улицей может быть связано с глубокой стариной, с язычеством» [русским]. Еще в послевоенные годы улицу на склоне ниже ул. М. Сеспеля называли Ярилиной односторонней. Историк-

архивист В.А. Нестеров в фонде Чебоксарского магистрата в ГИА ЧР обнаружил справку 1793 г., в которой сказано: «Имеется в городе Чебоксары вал земляной небольшой, стоящий издревле на горе, называемой Ериле».

Н.И. Егоров в статье «О названиях города Шупашкар и Чебоксары» (с. 185) пишет, что в фразе «гора Ериле» собственное имя (антропоним) произошло не от русского имени *Ярило*, а от татарского имени *Ярила* в чувашской форме *Ериле*. О русском народном празднике плодородия – Ярилином дне и ночи – имеется огромное количество литературы. Чебоксарский писец слово *Ярило* передал в диалектной форме *Ериле*, хотя горожане называли гору Ярилиной. Колебание (чередование) *я* – *е* в русском языке средневековья встречается нередко: *ярица* – *ерица*, *яртаул* – *ертаул*, *яринный* – *еринный*, *ярлык* – *ерлык*, *ясак* – *есак*. Нет никаких оснований отрицать, что во второй половине XVI–XVII вв., возможно и в XVIII в., жители Чебоксар и окрестных русских селений перед Петровым днём вечером и ночью при костре у огромной куклы Ярила весело проводили праздник плодородия.

IV. В томе I «Истории Чувашской АССР» (Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983) в главе VI «Чувашия в XVII веке», написанной мною и Н.Р. Романовым, читаем: «Чувашский народ выдвинул из своей среды способных организаторов – вожаков восстания... Например, полковник Байдул Искеев (из деревни Хоракасы Цивильского уезда) и его атаман Тойдемир Емайдин из деревни Искеево Цивильского уезда) участвовали во главе повстанцев во многих боях...» Принято считать, что д. Искеево – это д. Искеево-Яндуши Цивильского района. Документы, опубликованные в II томе сборника «Крестьянская война под предводительством Степана Разина» показывают, что Тойдемир Емайдин не из д. Искеевой, Яндушкасы тож. В 1671–1672 гг. такого выселка еще не было. В донесении полковника М. Кравкова, направленного для подавления восстания в Цивильском уезде, поданном воеводе Ю. Долгорукому 8 января 1671 г., написано, что служилый тархан Пахтемей Ахтубаев на допросе показал: «А с воровскими (то есть восставшими. – В.Д.) де он людьми воровал и был у них атаманом из-за Цывильской половины, и под городом под Цывильском на приступах, и с воеводою князем Данилом Афонасьевичем Борятинским бился. И он, тархан, роспрашиван и пытан, и в роспросе и с пытки во всем винился и говорил: “На здешней де половине Цывиля реки были атаманы Богатыревской волости Анчик Пойкин, Пимурза Яшмурзин, Тебексейской волости деревни Искей Тойдимерко Емансин (здесь фамилия написана так. – В.Д.), прапорщики Имикейка Ишпулатов, Избатарка Пактушев, ясаул Алтигейко Тотишев. И от воровских казаков приехали недавно...»¹³.

Далее М. Кравков писал: «И я по ево, Байдулку, посылал государевых ратных людей и подполковника Петра Скорикова с начальными людьми и с урядники и з салдаты и човашу, которые великому государю в винах своих доби́ли челом и шертовали, Янмурза с товарищи деревни Кибе[кси]. И милостию божию и молитвою и сча́тием великого государя и его госу-

даревых благородных чад в той деревне многих чувашу, их воровской збор посекали и того их воровского полковника Байдулку Искиева поймали и привезли жива. И он, Байдулка, в роспросе и с пытки говорил: “У воров де был он, Байдулка, полковником, а атаманом де был у него деревни Искей Тойдемирка Емайдин. И он де в воровстве преж сего был, и с воровскими казаками вместе ездили и на многих боях с государевыми ратными людьми, с окольниковым и воеводою со князем Юрьем Никитичем Борятинским, как шол к Синбирску и под Синбирским и с воеводою со князем Данилом Афонасьевичем Борятинским, и под городами на приступех под Синбирским и под Цивильским бились... А дети ево, Байдулкины, живут и ныне в Синбирском уезде на реке на Якле”»¹⁴. Эта цитата сообщает, что событие произошло в д. Кибекси.

В указателе географических названий на с. 628 того же II тома сборника «Крестьянская война под предводительством Степана Разина» представлены: 1) Искеева, чувашская дер. Цивильского у. Тугаевской вол., сотни Ялчуры Янибякова – с. 460; 2) Искеева, чувашская дер. Цивильского у., Сербеевской вол., пятидесятни Яшкитова – с. 461; 3) Искей, чувашская дер. Цивильского у., Тебексейской вол. – с. 515, 518.

Первая деревня Искеево Тугаевской волости, согласно справочнику «Чувашские материнские селения...», относилась в XVIII в. ко Второ-Тугаевской волости Цивильского уезда. Она была расположена около д. Сиделевой, после 1781 г. входила в Сиделевскую (Шихазанскую) волость под другим названием. В ней в 1719 г. числились 43 двора, 120 мужчин, в 1747 г. – 183 мужчины¹⁵. А в описании дач Генерального межевания по Цивильскому уезду (1793–1797 гг.) в даче № 6 указаны деревни Кадышева, Акмурзино-Первые Тувси, Малая Янчурина, Байдушева, Уразлина, Башарова, Первая Семенова, Янорсова, Вторая Семенова, Искеева, Тебекси тож (в ней 36 дворов, 98 мужчин, 107 женщин), Вторые Тувси, пять выселков (к 1793–1797 гг. появилась д. Искеева, Яндушказы тож, входившая в дачу № 28)¹⁶. В д. Искеевой Сюрбеевской волости Цивильского уезда в 1917 г. числились 31 двор, 107 мужчин, в 1747 г. – 91 мужчина¹⁷. Следовательно, в XVII–XVIII вв. д. Искеева Сюрбеевской волости Цивильского уезда называлась также и Искеева, Кибекси тож, и Искеева, Тебекси тож. Тархан Пахтемей Ахтубаев мог сказать о д. Искеевой Тебекси тож, но записали «деревня Искеева Тебексейской волости». Атаман Тойдемир Емайдин был родом из этой деревни. А в XIX в. она называлась деревней Кибекси, разделилась на Нижние и Верхние Кибекси. В 1964 г. Верхние Кибекси вошли в состав д. Байдуши Цивильского района¹⁸.

У. В. В книге Димитриева В.Д., Селивановой С.А. «Чебоксары: Очерки истории города XVIII века» (Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011) приведено много фактов, связанных со случившимся в городе в 1773 г. пожаром. После выхода книги в свет Ю.В. Гусаров сообщил мне, что в Научном архиве ЧГИГН имеется фотокопия плана города, составленного после пожара. Копию с оригинала, хранящегося в Российском государственном ис-

торическом архиве (РГИА), в фонде 1293, опись 168, дело 45, лист 1, еще в послевоенные годы сделал П.Г. Григорьев. Формат копии небольшой, меньше А4. Оригинал плана многоцветный, фотокопия – черно-белая. На плане имеется пронумерованный перечень объектов, то есть изображение каждого объекта имеет номер. Перечень объектов фотокопии мною расшифрован. На плане лишь некоторые номера объектов поддаются определению.

Заголовок плана «План, снятой з города Чебоксары». Текст под названием: «Описание онаго. Прикрыто густо кармином погоревшие и не погоревшие каменные церкви и дома; прикрыто темною тушью погоревшие в бывшей 1773 году апреля 30 дня пожаром места, под светло-желтою тушью оставшее в пожаре деревянное строение.

1. Соборная церковь Введения пресвятыя Богородицы.
2. Церковь Иоанна Претечи.
3. Церковь Архистратиха Михаилаы.
4. Монастырь Живоначальные Троицы.
5. Церковь Вознесения Господня.
6. Церковь Успения Богородицы.
7. Церковь Рождества Христова.
8. Церковь Благовещения Христова.
9. Церковь Покрова Богородицы.
10. Церковь Воздвижения Чистаго Креста.
11. Церковь Воскресения Христова.
12. Часовня.
13. Воеводьская канцелярия.
14. Магистрат.
15. Воеводской двор.
16. Соляные аньбары.
17. Казенные винные подвалы.
18. Казенные мельницы.
19. Дом маиора Александра Леонтьева.
20. Дом отставнаго маиора Александра Кушникова.
21. Дом отставнаго капитана Ивана Соловцова.
22. Дом адмиралтейскаго порутчика Ивана Селиванова.
23. [Дом] отставнаго порутчика Ивана Ремезова.
24. Дом Казанской суконной фабрики содержателя Ивана Дряблова.
25. Дом купца Павла Игумнова.
26. Дом купца Гаврилы Бронникова.
27. Дом купца Степана Ключева.
28. Дом купца Артемья Ядринцова.
29. Дом купца Игнатья Кадынцова.
30. Дом купца Алексея Кадынцова.
31. Дом купца Василея Ключева.
32. Дом купца Григорья Кологривова.
33. Дом купца Петра Корепина.

34. Дом бургомистра Михаила Корепина.

35. Дом купца Алексея Плотникова.

36. Купеческие кладовые палатки.

К о ж е в е н н ы е з а в о д ы :

37. Купца Алексея Кадынцова.

38. Купца Григорья Кологривова.

39. Купца Артемья Ядринцова.

40. Купца Гаврилы Бронникова.

41. Купца Ивана Лакреева.

42. Купца Алексея Рапопина.

43. Купца Матвея Харина.

44. Купца Михаила Задворнова.

45. Купца Петра Кожевникова.

46. Купца Козмы Кортыебекиева.

47. Купца Ивана Кожевникова.

48. Купца Федора Светнякова.

49. Купца Ивана Кожевникова.. (Так в оригинале. У него два завода? –

В.Д.).

50. Купца Игнатя Таврина.

51. Купца Якова Таврина.

52. Купца Ивана Заицева.

53. Купца Никиты Хлебникова.

54. Экономического крестьянина Ивана Егорова.

55. Купца Ивана Лакреева (В оригинале второй раз. У него два завода? –

В.Д.).

56. Купца Петра Тютина.

57. Ясашного крестьянина Тимофея Спиридонова.

С а л ь н ы е з а в о д ы :

58. Купца Василья Ключева

59. Купца Степана Ключева.

60. Купца Гаврилы Бронникова.

61. Купца Федора Белова.

62. Бургомистра Михаила Корепина.

63. М я с н о й р я д.

64. К у з н е ш н о й р я д.

65. В вешнее время затапливает водою».

Перечень позволяет определить состав владельцев домов, кожевенных и салотопенных заведений. В известных мне источниках таких сведений не было. Сам план – единственный источник, указывающий места расположения воеводской канцелярии, воеводского двора, соляных амбаров, казенных винных подвалов и мельниц, домов богатых горожан, кожевенных и салотопенных заведений; места расположения собора, церквей и магистрата известны и из других документов. Я попросил В.Д. Кочеткова, имеющего возможность посетить Санкт-Петербург, заснять в РГИА цветной оригинал рассматриваемого плана, с участием чертежника перерисовать

план в цветном исполнении, поместив тексты печатными (прямыми) буквами, и издать его с комментариями. Этот уникальный план, единственный в своем роде, имеет важное источниковедческое значение.

VI. В статье «**К вопросу о сложных общинах в Чувашии**», опубликованной в книге «Вопросы экономики и истории Чувашской АССР: Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР» (Чебоксары, 1963. Вып. XXIII. С. 196–228) и в сборнике исследований В.Д. Димитриева «Чувашия в эпоху феодализма» (Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 270–293), мною не использована статья В.Ф. Залеского «Общинное землевладение у чуваш и черемис Казанской губернии» (Северный вестник. СПб., 1895. № 9. Отдел II. С. 1–7).

Профессор Казанского университета В.Ф. Залеский в данной статье не рассматривает вопроса о генезисе сложных общин у чувашей и марийцев; он высказывает ряд заслуживающих внимания мыслей об их функционировании в конце XIX в. Автор указывает, что в Казанской губернии «на наличную мужского пола душу приходится земли у чуваш 3,56, а у черемис 2,39 десятины удобной земли. Вся эта земля находится исключительно в общинном владении, особенностями которого является преобладание сложных общинных форм и так называемые «переделы по согласию».

Существование сложных общин у чувашей и марийцев В.Ф. Залеский объясняет консервативностью их национального характера и прочностью общинных устоев у них, с одной стороны, и «сложностью селиться небольшими поселками по краям оврагов». По мнению автора, в этих сложных общинах резко выступают два различных типа. Первый тип – нечто среднее между простой и сложной общиной; он охватывает небольшое число околотков – маленьких групп дворов, «которые лепятся по склонам оврагов вблизи бьющих на дне их ключей, на неудобной для обработки земли, и составляют в сущности одно селение, одну простую общину: эти несколько околотков, образующих непременно одну административную единицу – сельское общество, и при переделах земли делят все одновременно и участки всех околотков располагают чересполосно, а не в виде отдельных дач для каждого околотка». Это свидетельствует, по словам автора, о бережливом отношении чувашей и марийцев к земле: «под усадьбы они не решаются занимать удобную для обработки землю, а ищут для них косогоров и овражных склонов». В действительности же смысл не только в бережливости. Еще в Волжской Болгарии болгаро-чуваши ставили свои города и селения обычно при реках и речках, при ключах, так как рыть глубокие колодцы еще не умели. Естественно, возникшую сложную общину В.Ф. Залеский склонен считать простой общиной.

Сложные общины второго типа, указывает В.Ф. Залеский, «состоят обыкновенно из большого числа поселков, часто заключают в своем составе село или даже два и три села, с деревнями, которые составляют несколько сельских обществ, состоящих очень часто, в свою очередь, каждое из нескольких околотков». В таких общинах «при переделах земля вначале

распределяется пропорционально числу душ мужского пола между ее частями – сельскими обществами или деревнями с околотками, а в последних – между домохозяевами уравнительно по числу душ».

В.Ф. Залеский не ознакомился с описаниями дач Генерального межевания Казанской губернии 1793–1795 гг. и не знал, что тогда земли нескольких естественно возникших с середины XVI в. сложных общин путем выделения выселков (околотков, чув. *касси*) от материнского селения на его лесную территорию в каждом уезде лесной зоны, как правило, были объединены в большие дачи с окружными межами, которым были присвоены номера. Большинство окружных меж Генерального межевания в 1840–1850 гг. были размежеваны по прежним естественно возникшим сложным общинам – сельским обществам. Некоторые дачи с окружными межами сохранились как объединения сложных общин вплоть до землеустройства 1929 г. Они названы В.Ф. Залеским сложными общинами второго типа. В них чересполосица выступала сильнее, чем в сложных общинах первого типа.

В.Ф. Залеский заявляет, что в сложных общинах первого и второго типов земля распределялась между селениями и домохозяевами (дворами) посредством добровольного согласия. В действительности в сложных общинах очень часто возникали земельные тяжбы, которые иногда доходили до вооруженных столкновений (вспомним Урмарское дело середины XIX в.). В селениях вплоть до землеустройства 1929 г. земля между крестьянскими дворами распределялась по жребью.

VII. В предисловии Ю. Дмитриевой и В.Д. Дмитриева «Об авторе и его трудах» к книге Дюлы Месароша «Памятники старой чувашской веры» (Чебоксары: ЧГИГН, 2000) на с. 13 и 14 даны некоторые сведения о деревнях *Сён Эллуç* и *Чантӓр*, указывающих места записи текстов в книге Д. Месароша.

О первой деревне мы писали: «В справочниках XIX–XX веков название *Сён Эллуç* не встречается... Вероятно, Ураскасы в 1907 г. именовали и деревней *Сён Эллуç*». Мы признательны ответственному редактору данного журнала Г.А. Николаеву за любезную помощь – указание источников, позволяющих уточнить соответствия *Сён Эллуç* русскому и второму чувашскому названию деревни Ньюшкасы (*Нюшкасси*): в рукописях «Мён курнине, мён илтнине, мён пёлнине сырам» от 1906 г., «Эпё суралнӓ сёршыв» от 10 апреля 1907 г. И.Е. Ефимов (Тӓхти) указывает, что д. Алдиарово по-чувашски называлась *Кив Эллуç*, а д. Ньюшкасы – *Сён Эллуç*¹⁹. Двойное чувашское наименование д. Ньюшкасы зафиксировано и в «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина: «*Кёлел тӓв* – название поля и леса близ д. *Сён Эллуç* Канашского района»; «*Кёлел тӓвай(ё)* или *Киремет ай(ё)* – название местности (склон горы) Ньюшкасы»; «*Кёлел тӓв киремечё* – название киремети Ньюшкасы»²⁰.

Относительно д. *Чантӓр* нами приведена цитата из отчета Д. Месароша о его пребывании в научной командировке в чувашских селениях Сим-

бирской и Казанской губерний с осени 1906 г. по февраль 1908 г. Он пишет, что из Чебоксарского уезда «направился [в последней трети 1907 г.] на запад, в Козьмодемьянский уезд, и по дороге остановился на две недели в Чандере (на карте Сундырь), где уже замечается влияние черемисского языка, которое всё усиливается, чем дальше подвигаешься на северо-запад. Пограничным пунктом чувашского языка служит *Пушкӓрт* вблизи Суры, язык здесь в грамматическом строе и фонетике представляет столько уклонений от *анатри* и *вирьялского*, что его почти можно считать за отдельный диалект, черемисское и татарское влияние сильно сказывается в нём»²¹.

В статье «Об авторе и его трудах» нами было отмечено: «Некоторые сомнения вызывает имеющееся в русском тексте отчета Д. Месароша указание “остановился на две недели в Чандере (на карте Сундырь), где уже замечается влияние черемисского языка”», но я не перепроверил тогда, в 2000 г., несоответствие «Чандера» «Сундырю».

В нашей статье приведены сведения о д. Чандрово (чув. *Чантӓр*) из описания дач Генерального межевания Козьмодемьянского уезда 1793–1797 гг. (д. Чандрово, выселки из нее: Средний Чандров, Нижний Чандров), из книги «Казанская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 года» (СПб., 1866), где д. Чандрова названа Турикасами, из статистического издания «Крестьянское землевладение Казанской губернии. Вып. 10. Козьмодемьянский уезд» (Казань, 1907), в котором указано, что д. Чандрова состоит из двух околотков: Турикасы и Иштереккасы (с. 14). Ни в одном из источников не утверждается, что д. Чандрова называлась Сундырем.

Селений под названием Сундырь в Козьмодемьянском уезде было несколько. В «Списке населенных мест по сведениям 1859 года» в нем под № 694, 695, 696 значатся расположенные при колодцах д. Сундырская (Старый Сундырь, Ирилей), околоток Ядринкасы, Помекейкин Сундырь (Станъял); под № 632, 659, 757 расположенные при речке Сундырке выселок Большой Сундырь (Сундырь Торжок), околоток Рыкакасы (Сундырьпось), д. Сундырская (Апчары); под № 748 расположенная при речке Ольгашке д. Шешкар-Сундырь (Олгаши).

В указанной выше книге о крестьянском землевладении (1907) в чувашской части Козьмодемьянского уезда названы: в Сундырской волости д. Ядринкасы (Большой Сундырь), д. Малый Сундырь (с. 86–89); в Татаркасинской волости д. Рыкакасы (Сундырьпось) (с. 90–93), д. Шешкар-Сундырь 1-й, состоящая из околотков Адабайкасы, Хиркасы (не село Хыркасы), Челкасы, Верхние Олгаши (с. 98–101).

Удалось найти карту, которую знал Д. Месарош. В начале XX в. в топографии Казанского университета с разрешения Казанского епархиального начальства была отпечатана составленная священником Г.К. Богословским карта «Козьмодемьянский уезд» (фрагмент с нее прилагается к настоящей статье). На ней указание на населенный пункт Сундырь встречается только два раза: 1) на территории нынешнего Горномарийского района Республики Марий Эл – село Малый Сундырь (Троицкое, Аккозино) при реч-

ке Малой Сундырке (№ 570 по «Списку населенных мест по сведениям 1859 года»); 2) д. Шешкар-Сундырь, причем на карте слово «Шешкар» написано мелкими буквами, слово «Сундырь» – крупными, ввиду чего Д. Месарош увидел и заметил лишь слово «Сундырь». В этой деревне действительно чувствовалось марийское влияние. Следовательно, Д. Месарош вместо слов «[Шашкар] Сёнтёр» ошибочно написал по-русски «Чандер», по-чувашски «Чантёр» (в венгерском оригинале книги *Ĵänder*).

В книге Дюла Месароша «Памятники старой чувашской веры» (Чебоксары: ЧГИГН, 2000) на с. 14, 20, 37, 42, 52, 57, 69, 171, 209, 213, 319 и др. этой книги вместо *Чантёр* нам следовало писать *Шашкар Сёнтёр*, а на с. 14 вместо второго и третьего абзацев должен бы быть следующий текст: «*Шашкар Сёнтёр* (Шешкар-Сундырь) – чувашская деревня, в начале XX в. входившая в Татаркасинскую волость и состоявшая из околотков Адабайкасы (*Атапайкасси*), Хиркасы (*Хыркасси*), Челкасы (*Чулкаç?*), Верхние Олгаши (*Туси Олкаш*). В 1906 г. в околотках Адабайкасы числились 25 дворов, в них 69 мужчин, 65 женщин; Хиркасы 21 двор, 49 муж., 54 жен.; Челкасы 5 дворов, 6 муж., 13 жен.; Верхние Олгаши 30 дворов, 71 муж., 70 жен., итого 81 двор, в них 195 мужчин, 202 женщины.

В советское время д. Адабайкасы в 1927 г. входила в Ильинский сельсовет Татаркасинского района Чувашской АССР, с 1929 г. не упоминается, вероятно, вошла в состав д. Чураккасы Чураккасинского сельсовета Татаркасинского района (с 1964 г. Шешкарский сельсовет Моргаушского района); д. Хыркасы с 1964 г. числилась в составе Шешкарского сельсовета Моргаушского района; д. Челкасы с 1923 г. не упоминается, слита с д. Чураккасы; д. Верхние Олгаши с 1964 г. состояла в Большесундырском сельсовете Моргаушского района»²².

VIII. В моей статье «Опустошение Болгарской земли в конце XIV–начале XV веков», опубликованной в «Известиях Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики» (1996. № 2. С. 45–76), в ссылке № 28 после «Г. 15» следует добавить «Вып. 1 (Рогожский летописец)», в ссылках № 29, 30, 32, 37, 38, 39, 42, 43, 45, 51, 55, 56 к «Г. 15» следует добавить «вып. 1», так как «ПСРЛ. Рогожский летописец» (М., 1965) издан как том XV, выпуск 1. В 1863 г. в Санкт-Петербурге был издан том XV «ПСРЛ. Тверская летопись», в статье в ссылках на него указано «том XV». В ссылке 65 «С.» следует заменить на «Стб.», в ссылке 69 «Федотов-Давыдов Г.А.» исправить на «Федоров-Давыдов Г.А.».

Литература и источники

¹ Булатов А.Б. Топонимы и этнонимы Волго-Камья // Ономастика Поволжья и Приуралья: Сб. статей. Ульяновск, 1963. Вып. 1; *Его же*. Среднее Поволжье на трёх картах мира, составленных в XIV–XV вв. венецианцами и испанцами // История и культура Чувашской АССР: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИ, 1972. Вып. 2. С. 396–399.

² Брун Ф.К. Перикл Каспийского моря по картам XIV столетия // Записки имп. Новороссийского университета. Одесса, 1873. Т. 9. С. 1–34.

³ Чекалин Ф.Ф. Саратовское Поволжье в XIV веке по картам того времени и археологическим данным (с двумя картами) // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1889. С. 14–25.

⁴ Брун Ф.К. Указ. соч. С. 17–18. Об этом пишет и Ф.Ф. Чекалин.

⁵ Материалы для историко-географического атласа России. СПб.: Археографич. комиссия, 1871. С. II–III.

⁶ Там же. С. III. Албания располагалась на территории нынешнего Азербайджана.

⁷ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отдел II. Ед. хр. 134, 204, 205; Крестьянское землевладение Казанской губернии. Казань: Губстаткомитет, 1907. Вып. 7, 9, 10, 11.

⁸ Крестьянское землевладение Казанской губернии. Вып. 10. Козьмодемьянский уезд. Казань, 1907. С. 86–89.

⁹ Старые Чебоксары: Археология. История. Топонимика. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. С. 165–167.

¹⁰ ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 186–187; ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 18.

¹¹ ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863. С. 430–431.

¹² Димитриев В.Д. Чувашские исторические предания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. С. 128.

¹³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина: сб. документов. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 2. Ч. 1. С. 514–515.

¹⁴ Там же. С. 517–518.

¹⁵ *Димитриев В.Д.* Чувашские материнские селения Свияжского, Кокшайского, Чебоксарского, Козьмодемьянского, Цивильского, Ядринского, Курмышского и Симбирского уездов первой половины XVIII века: справочник. Чебоксары: ЧГИГН, ГИА ЧР, 2006. С. 38.

¹⁶ НА ЧГИГН. Отдел II. Ед. хр. 204. Дачи № 6, 28.

¹⁷ *Димитриев В.Д.* Указ. соч. С. 35.

¹⁸ *Нестеров В.А.* Населенные пункты Чувашской АССР. 1917–1981 годы: справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1981. С. 139, 199, 323.

¹⁹ НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. Т. 153. С. 45, 48; Т. 167. С. 3.

²⁰ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1934. Т. 7. С. 237.

²¹ *Месарош Д.* Среди чувашей и татар Поволжья // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. 1909. № 9. С. 60–66.

²² *Нестеров В.А.* Указ. соч. С. 114–115, 140, 265, 267, 271–272.

V.D. Dimitriev

SMALL ADITIONS TO MY PUBLISHED WORKS

The objective truth is relative. In the historical researches with the attraction of new sources the conclusions and statements of an author may be reasoned more thoroughly. In this article V.D. Dimitriev includes small, but important additions into his works published in 1963, 1983, 1986, 2003, 2011 on the historical problems of the cities of Cheboxary (Veda Suar, the village of Shebashkar, celebration of Yarilin's day, houses and industrial facilities after the fire of 1773) and Tsvil'sk (foundation of the city), the participation of the Chuvash colonels and atamans in the uprising of S.T. Razin, the complex land community of the Chuvashes.

Key words: Cheboxary, Veda Suar, Shebashkar, Yarilin's mountain, Tsvil'sk, ataman, Toidemir Yemaidin, the Chuvashes, complex community

ЧГВ, 2012 г., № 7
© В.Г. Родионов

ОДЕРЖИМЫЙ ИДЕЕЙ
ПОДВИЖНИЧЕСТВА

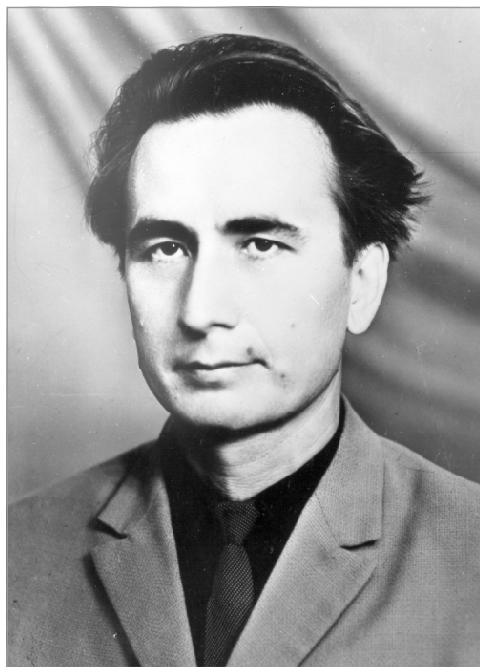
Научно-педагогическая деятельность видного чувашского литературоведа Г.Я. Хлебникова прослеживается по отдельным периодам: годы утверждения творческой личности, углубленного изучения жанра романа и др. Главное значение его литературоведческих трудов – преодоление устоев марксистско-ленинского литературоведения и эстетики, понятия «социалистический реализм».

Ключевые слова: чувашский роман, эстетический идеал, национальное своеобразие, литературная классика, творческий метод.

17 сентября 2012 г. исполнилось 80 лет со дня рождения Геннадия Яковлевича Хлебникова, видного чувашского ученого-литературоведа, кандидата филологических наук, профессора Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Г.Я. Хлебников родился в 1932 г. в д. Шанары Мариинско-Посадского района Чувашской АССР в семье сельского учителя. Окончил Карачевскую среднюю школу (1949), Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина (1954). По своему настоянию был распределен в чувашскую школу (Ораушкую среднюю школу Вурнарского района Чувашской АССР), где четыре года проработал учителем русской и чувашской литературы. В 1958 г. учитель-словесник поступил в очную аспирантуру Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и со своей семьей (женой и двумя дочерьми) переехал в Москву, в тесной комнате общежития умело сочетал функцию отца-воспитателя с научно-исследовательской работой. Успешно завершив и защитив диссертацию (научный руководитель востоковед И.С. Брагинский), в 1963 г. стал кандидатом филологических наук. В 1962–1969 гг. молодой ученый занимал должности науч-

Виталий Григорьевич Родионов – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: vitrod1@yandex.ru.

Г.Я. Хлебников

ного сотрудника и заведующего сектором литературы и фольклора Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН), старшего преподавателя Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. С 1969 г. до ухода на заслуженный отдых литературовед трудился в Чувашском государственном университете: сначала в должности доцента, потом – профессора кафедры чувашской литературы (ныне кафедра чувашского и сравнительного литературоведения) факультета чувашской филологии и культуры (1990).

Динамику научно-педагогического творчества Г.Я. Хлебникова удобно проследить по следующим условно выделенным периодам: годы утверждения литературно-творческой личности (1949–1957), годы углубленного изучения истории становления чувашского романа (1958–1963), период анализа процесса развития чувашской прозы середины 50–60-х гг. XX в. (1964 – 1969), период поиска эстетического идеала и национального своеобразия (1970–1984), период увлечения поэтикой литературы (1985–1990), десятилетие создания галереи национальной литературной классики (1991–2000).

Годы утверждения литературно-творческой личности будущего видного ученого и педагога проходили в сложный период истории СССР – это последние годы сталинского тоталитаризма и начало хрущевской «оттепели». Резкий поворот в сторону демократизации общества способствовал формированию творческой интеллигенции совершенно нового типа: свобододолюбивой, глубоко аналитической и гуманистичной. В студенте Ген-

надии своеобразно сочетались чувашские терпение и усердность, перешедшие к нему прежде всего от матери-колхозницы, и отцовские интеллигентность, любовь к родному слову, нетерпимость ко лжи, а также уважение к старшим. Последнее качество со временем переросло в возвышение супруги – матери своих дочерей. Все это содействовало тому, что будущий ученый сложился как романтическая личность с самоотверженными устремлениями и целями. Свою дипломную работу выпускник историко-филологического факультета престижного вуза написал по творчеству поэта П. Хузангая, наиболее яркого и национально выраженного художника чувашского слова того времени. Дипломное сочинение получило форму творческого портрета, построенного по хронологическому принципу. Фактически данная работа явилась первым научным трудом на русском языке, посвященным творчеству народного поэта (в переработанном виде она была опубликована в 1973 г.)¹. Молодой исследователь пока пользовался традиционной в те годы литературоведческой терминологией, в том числе и стандартными ярлыками типа «есенинщина», «чувашские националисты», «пессимизм» и т.п. Но он проявил в работе свою аналитическую способность и тягу к диахроническому изучению процессов, а также романтическую любовь к поэзии. Государственная комиссия единодушно рекомендовала выпускнику продолжить образование в очной аспирантуре. Но подвижник просвещения нетерпеливо рвался в гущу родного народа и поехал работать в школу чувашской провинции.

Годы углубленного изучения истории становления чувашского романа совпали с процессом становления в литературах народов России крупных прозаических форм. В 1950-е гг. появились романы Хв. Уяра («Тенета» в нескольких редакциях), Н. Ильбека («Черный хлеб»), Н. Мраньки («Век прожить – не поле перейти» из 3 книг) и других талантливых чувашских авторов. Критики и литературоведы нуждались в разработке теории нового для национальной литературы жанра. В науке о литературе назревал вопрос о становлении чувашского романа, обобщения пути его развития от зарождения до зрелого состояния. Выполнение данной задачи было возложено на плечи одержимого идеей подвижничества аспиранта Г.Я. Хлебникова, который написал диссертацию на тему «Становление и развитие чувашского романа» и успешно защитил ее на заседании Ученого совета МГУ им. М.В. Ломоносова, а через три года издал отдельной книгой². Это была научная монография нового уровня мышления и анализа с учетом художественности произведения. Исследователь опирается на работы В. Дnepова и В.В. Кожинова, а также монографию французского литературоведа П. Декса³, при этом вступает с ними в открытый диалог. Например, в целом одобряя обобщение черт романа, сделанное В.В. Кожиновым, чувашский исследователь убежденно констатирует, что в романе «законы художественного произведения начинают диктовать не столько “события” и “происшествия”, сколько индивидуализированные характеры героев»⁴. Сегодня не следует упрекать бывшего аспиранта за его пристрастие к трудам в те

годы уже маститых ученых и классиков марксизма-ленинизма⁵. Откуда ему было знать, что капитальные работы полузабытого в те годы философа-литературоведа М.М. Бахтина, на который авторитетно ссылался и опирался сверстник и коллега Г.Я. Хлебникова В.В. Кожин, через два десятилетия обретут всеобщее признание отечественных и зарубежных ученых. В частности, в очерке «Роман воспитания и его значение в истории реализма» опальный литературовед впервые выделяет разновидности романа по принципу построения образа главного героя: роман странствований, роман испытания героя, роман биографический и роман воспитания. В большинстве этих разновидностей герой является постоянной величиной, он остается неизменным и равным себе самому. Наряду с этим господствующим массовым типом стоит, как утверждает М.М. Бахтин, совершенно иной, весьма редкий тип романа, дающий образ становящегося человека. Такой тип романа исследователь называет как «роман становления человека», который в свою очередь распадается на пять подтипов⁶. В последнем подтипе, названном реалистическим, ему приходится меняться вместе с действительностью.

Г.Я. Хлебников под романом подразумевает именно такой подтип романа становления. Поэтому он внимательно изучает предысторию чувашского романа, первые образцы малых и средних форм эпоса, классическую поэму К. Иванова (Кашкыра) «Нарспи». Кстати, именно в монографии «Чувашский роман» автор впервые выдвигает идею о том, что в поэзии классика «отразились и басенно-аллегорический» (мифо-поэтический) этап развития литературы, и краткий период романтизма, и «период критического реализма в своеобразном переплетении с чертами реализма эпохи Возрождения»⁷. Для литератур, переживавших ускоренное развитие, как отмечают татарские литературоведы, присущ синтез реализма и романтизма, породивший в татарской литературе начала XX в. течение «романтического реализма»⁸. По мнению чувашского литературоведа С.А. Александрова, в образных структурах «Нарспи» моделируются и художественно обыгрываются исторически закономерные этапы развития мирового искусства – миф, древнегреческий эпос, ренессанс, романтизм, просвещение, психологический реализм – и новое возвращение к мифу⁹. О таком синтезе разных течений в творчестве К. Иванова (Кашкыра) впервые писал Г.Я. Хлебников.

Период анализа процесса развития чувашской прозы, драматургии и поэзии середины 50–60-х гг. XX в. представлен в книге Г.Я. Хлебникова «Современная чувашская литература»¹⁰. Добрая половина данной монографии посвящена анализу прозаических жанров, поэтому она фактически явилась логическим продолжением «Чувашского романа». Исследователь замечает, что в современных повестях сюжет все чаще строится на сложных перипетиях судьбы человека, в них изображен богатый внутренний мир человека (в произведениях А. Артемьева и Ю. Скворцова). Автор пишет о появлении повестей романного типа, в которых нравственный мир человека показан укрупненно и психологически убедительно. Ряд про-

заиков входят в творческий диалог с литературной классикой. Например, Саламби А. Артемьева сопоставим с образом Нарспи из одноименной поэмы К. Иванова (Кашкыра). Автор повести стремился создать характер идеальной национальной героини – «необычно серьезной в любви, исключительно трудолюбивой и скромной»¹¹. Так исследовательский материал привел ученого к проблеме национального характера в чувашской литературе. В данной монографии она затронута лишь мимоходом, но имеются отдельные теоретические размышления.

Аналитический инструментарий и терминологический набор автора монографии современны, многие из них впервые используются в чувашском литературоведении: «внутренний монолог», «национальный психический склад», «гуманизм сострадательный, оптимистический», «градация чувств», «философская глубина анализа», «художественная концепция», «культурно-психологический облик народа», «идея народной эстетики» и др.

«Теория бесконфликтности» нанесла большой ущерб прежде всего послевоенной сатире и драматургии. Показывая трудный путь ее преодоления, Г.Я. Хлебников выдвигает перед драматургами новые задачи: «глубже развить философское осмысление явлений, национальное и историческое своеобразие героев-современников, а также повышать языковое мастерство»¹². По мнению автора монографии, чувашская поэзия 50–60-х гг. несколько уступила первенство бурно растущей прозе. Но большие успехи наблюдаются и в лирике. Ученый указывает на некоторые неудачи в творчестве Я. Ухсая, А. Алги, впервые отмечает философскую глубину лирики В. Митгы, открывает мир поэзии А. Воробьева, А. Канаша, Г. Айги, Н. Тевкетеля. Требования критика-литературоведа высокие. Например, о произведениях Г. Ефимова он пишет так: «Идеи многих стихов и поэм Г. Ефимова держатся на ходулях, герои не обладают настоящими чувствами»; «Невыстраданность идеи и отсутствие тонкого эстетического чутья иногда приводит автора к чудовищной бестактности»¹³.

Нетерпимость Г.Я. Хлебникова к сочинениям некоторых писателей мотивируется прежде всего их бездарностью и пробивчивостью, тематической спекуляцией (подобные поэты чаще всех сочиняли поэмы о Ленине и партии). К подобным стихоплетам ученый предъявляет требование высокого уровня художественности и эстетичности. В писательских и научных кругах Г.Я. Хлебникова его оппоненты обзывали «эстетом», подчеркивая его особую строгость к писателям в плане художественности их произведений.

Период поиска эстетического идеала и национального своеобразия. На рубеже 60-х и 70-х гг. XX в. в чувашском литературоведении и критике четко выделились две тенденции: одни придерживались традиционного понимания метода социалистического реализма, признавали лишь принципы классовости и партийности, национальную специфику видели только в языке. Другие, в том числе и доцент университета Г.Я. Хлебников, в рамки соцреализма включали национальную специфику и эстетический

идеал, стали писать и о содержательной форме произведения. Первые причисляли себя к наследникам чувашского литературоведения 30–50-х гг. XX в. и назывались «сироткинцами» (М.Я. Сироткин был уважаемым ученым и с ним считался даже Чувашский обком КПСС). В их составе находились даже чувашские вульгарные социологи 1930-х гг. Вторые объединились вокруг Г.Я. Хлебникова, в годы «оттепели» в культуре и литературе жившего в Москве. В свое время многие из них обучались в Казани и испытывали наименьшее влияние «марксистов с берегов Кайбулки». Сначала оппоненты их окрестили «эстетам», а потом «хлебниковцами».

Наиболее открытое противостояние «сироткинцев» с «хлебниковцами» состоялось в 1973 г. на конференции на тему «Национальное и интернациональное в чувашской литературе и искусстве». Мероприятие было проведено по рекомендации Чувашского обкома КПСС, а организаторами и основными докладчиками целенаправленно назначили «сироткинцев». В результате участники пришли к такому «общему» мнению: «Некоторые литературоведы абсолютизируют национальную специфику и самобытность... Было указано, что некоторые литературоведы допускают эклектизм, не совсем четко представляют понятие категорий марксистско-ленинской эстетики»¹⁴. Молодые писатели обвинялись в незнании принципов классовости и партийности литературы, их упрекали за «увлечение идеализацией прошлого» и «подчеркивание национального своеобразия путем возвеличивания отдельных личностей, князей, турханов и им подобных».

Чувашская литературная среда в те годы была наэлектризована очередным обкомовским зарядом «шоковой терапии». Но молодежь уже была не та, что в «послеоттепельские» годы. Члены и руководитель (Г.Я. Хлебников) литературного объединения «Ветрокрылый» (Ёйлсунат) провели в университете вечер венгерской поэзии, куда пригласили тогда уже опального «внутреннего диссидента» Г.Н. Айги. Это была акция, равная выше-названной заорганизованной конференции.

В этот период Г.Я. Хлебников издал две книги, в которых основательно разработал проблему прекрасного и идеала красоты, раздвинул границы метода социалистического реализма, обогатил чувашское литературоведение понятиями «эстетический идеал» и «национальное своеобразие», «романтический стиль»¹⁵. Опираясь на ценностно-ориентационную теорию эстетики, Г.Я. Хлебников утверждал, что *илем* (прекрасное, эстетическое) является видом общемировой ценности, неразрывной частью содержания. «Эстетический идеал у каждого народа свой», – обобщает ученый, при этом определяет и общечеловеческие критерии оценки прекрасного. Для исследователя «любовь» тоже возникает и подчиняется закону марксистской диалектики: единству и борьбе противоположностей. Человек влюбляется в другого, как полагает эстетик, из-за его противоположных физических и психо-поведенческих качеств. Некоторый субъективизм ученого в данном вопросе можно объяснить его романтической натурой и идеализацией своего опыта (супругу Геннадия Яковлевича действительно можно назвать его

противоположностью). Любовь он представляет в монографии как смысл эстетическо-духовного бытия.

Итак, в период, названный в истории отечества застойным, Г.Я. Хлебников и его коллеги расшатали устои марксистско-ленинского литературоведения и эстетики под видом расширения их границ и обогащения новыми понятиями. Именно в этом главное значение литературоведческих трудов Г.Я. Хлебникова.

Период увлечения поэтикой литературы совпадает с годами горбачевской перестройки. К этому времени уже остепенелись и возмужали соратники Г.Я. Хлебникова, окрепли крылья его учеников, которые отошли от проблем творческих методов и занялись созданием исторической поэтики чувашской словесности. Учителю пришлось подтянуться: он размышлял о структуре поэтики, анализировал поэтику М. Акимова-Аруя, Н. Ефремова, И. Ахаха, Г. Тал-Мрзы, И. Тхти, Ф. Павлова и М. Сеспеля¹⁶. В перспективе ученый намеревался написать историческую поэтику литературы всего советского периода. Но вскоре распался СССР, стали критиковать метод соцреализма, рушились и другие идеалы литературоведа-коммуниста...

Десятилетие создания галереи национальной литературной классики. К середине 1990-х гг. Г.Я. Хлебников завершил новую монографию. После долгих мытарств и очередных отказов книжного издательства Г.Я. Хлебников отнес рукопись монографии в издательство Чувашского университета им. И.Н. Ульянова. С помощью руководства и коллег автора она в том же году была издана отдельной книгой¹⁷. В ней путем тонкого и глубокого анализа раскрываются тайны изумительного художественного совершенства и глубокой правдивости чувашской классической литературы. Автор рассматривает произведения М. Федорова, К. Иванова, Г. Тал-Мрзы, И. Тхти, Ф. Павлова, М. Сеспеля, П. Хузангая, В. Митты и Ю. Скворцова. К вышеназванным девяти классикам приближаются, по мнению исследователя, прозаики С. Хумма и В. Рзай, некоторые драматурги (прежде всего М. Акимов-Аруй). Фактически впервые была написана история чувашской классической литературы в портретах. «Внимательное изучение роста эстетического богатства, углубления правдивости и совершенства чувашской литературы на протяжении трех столетий – XVIII–XX вв. – показывает, – заключает автор в конце монографии, – что этот процесс начался с подъема *культурно-просветительского движения* среди патристически настроенной интеллигенции, а затем постепенного роста стремления народа к *свободе и национальной самостоятельности* (курсив автора. – В.Р.)»¹⁸. В последние годы активного творчества Г.Я. Хлебников приступил к изучению литературы в контексте истории, общественного и литературно-поэтического сознания родного народа. Любимого профессора и учителя сегодня поздравляют с 80-летием не только соратники и ученики, но и вся литературная общественность Чувашии, Татарстана, Марий Эл, Удмуртии, Республики Коми и Башкортастана. *Тургна, Пўлӗхне пулгр, юратнӑ вӗрентекенӗмӗр* (Да будьте вместе с Туры и Пюлех, любимый наш учитель).

Литература и источники

¹ *Хлебников Г.Я.* Творческий путь П.П. Хузангая // *Чувашский язык, литература и фольклор.* Чебоксары: НИИ при Совете Министров Чувашской АССР, 1973. Вып. 3. С. 126–166.

² *Хлебников Г.Я.* Чувашский роман. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1966. 212 с.

³ См. *Днепров В.* Проблемы реализма. Л.: Сов. писатель, 1961. 371с; *Кожин В.* Происхождение романа. Теоретико-исторический очерк. М.: Сов. писатель, 1963. 440 с.; *Декс П.* Семь веков романа / Пер. с французского. М.: Иностр. л-ра, 1962. 362 с.

⁴ *Хлебников Г.Я.* Чувашский роман. С. 11.

⁵ Опираясь на вузовский учебник Л.И. Тимофеева «Теория литературы» (М.: Просвещение, 1948) и отдельные высказывания Ф. Энгельса о реализме, исследователь приходит к весьма спорному ныне выводу: «Все, что происходит в свободных просторах романа, имеет художественный смысл и интерес только в связи с раскрытием тайн характеров» (*Хлебников Г.* Указ. раб. С. 11).

⁶ *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 200–201.

⁷ *Хлебников Г.Я.* Чувашский роман. С. 33.

⁸ История татарской литературы нового времени (XIX–начало XX в.). Казань: Фикер, 2003. С. 457.

⁹ *Александров С.А.* Константин Иванов // *Иванов К.В.* Сочинения. 2-е, дополн. изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 15–16.

¹⁰ *Хлебников Г.Я.* Современная чувашская литература. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. 184 с. Данное исследование в чувашском варианте вошло в следующую коллективную монографию: Чăваш совет литературы [1917–1967]. Шупашкар: Чгваш кĕн. изд-ви, 1972. 345–460 с.

¹¹ Там же. С. 14.

¹² Там же. С. 137.

¹³ Там же. С.173.

¹⁴ *Изоркин А.В.* Национальное и интернациональное в чувашской литературе и искусстве // *Чувашский язык, литература и фольклор: сборник статей.* Чебоксары: НИИ при Совете Министров Чувашской АССР, 1974. Вып. 3. С. 372.

¹⁵ *Хлебников Г.Я.* Пултарулг тĕшши: статьясем. Шупашкар: Чгваш кĕн. изд-ви, 1981. 144 с.; *Хлебников Г.Я.* Меслетпе гсталгх: статьясен пуххи. Шупашкар: Чгваш кĕн. изд-ви, 1984. 256 с.

¹⁶ *Хлебников Г.Я.* Чгваш совет литературин поэтики. Малтанхи тапхгр (1917–1922). Шупашкар: Чгваш ун-чĕ, 1990. 92 с.

¹⁷ *Хлебников Г.Я.* Чувашская литературная классика и ее наследники. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. 302 с.

¹⁸ Там же. С. 279.

V.G. Rodionov

RIDDEN OF THE IDEA OF SELFLESS DEVOTION

The dynamics of the scientific-pedagogical creative work of G.Ya.Khlebnikov, a prominent Chuvash literary critic, is traced in particular periods: the years of consolidation of the creative personality, in-depth study of the novel genre, etc. The main meaning of his literary critical works is loosening of the foundations of Marxist-Leninist literary criticism and aesthetics, the notion of “socialist realism”.

Key words: Chuvash novel, aesthetic ideal, national originality, literary classics, creative method.

ИЗ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ НАУК¹

Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Чувашской АССР и РСФСР Василий Дмитриевич Дмитриев – из когорты выдающихся отечественных ученых-чувашеведов. Его имя широко известно как в родной республике, так и за ее пределами – в регионе, в стране и в зарубежье. В своих многочисленных трудах, охватывающих время от древности до современности, он освещает множество аспектов истории этноса и Чувашии. Его перу принадлежит и ряд фундаментальных исследований по истории волжских народов.

В.Д. Дмитриев являлся и крупным организатором науки. Он в течение двух десятилетий стоял у руля Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ЧНИИ ЯЛИЭ; ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики). В личном архиве исследователя хранится множество документов, проливающих свет на развитие чувашеведческой отрасли гуманитарных знаний. В пятом выпуске настоящего издания увидел свет текст его выступления на VIII пленуме Советского комитета тюркологов 10 марта 1982 г. в Москве – в Институте языкознания АН СССР с просьбой провести в Москве научную сессию по проблемам этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья (см.: Чувашский гуманитарный вестник. Вып. 5. С. 217–221).

В настоящем выпуске публикуется текст выступления В.Д. Дмитриева – директора ЧНИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР – на координационном совещании Отделения истории АН СССР 25 июня 1986 г. в г. Москве. Об обстоятельствах своего участия на данном форуме Василий Дмитриевич дал следующую информацию: «Якобы для координации научно-исследовательской работы (НИР) в области гуманитарных наук

¹ Материал к печати подготовлен Г.А. Николаевым.

в РСФСР Президиум АН СССР в 1956 г. ввёл утверждение пятилетних и годовых планов НИР 12 научно-исследовательских институтов языка, литературы, истории и экономики (НИИ ЯЛИЭ) при Советах Министров АССР в отделениях истории, литературы и языка, экономики АН СССР. Отделения в основном одобряли представленные планы. Иногда по непонятным причинам вычеркивали важные, большие темы. Так, НИИ ЯЛИЭ при Совете Министров Чувашской АССР после издания в 1966–1967 гг. двухтомной истории Чувашской АССР с согласия директивных органов республики запланировал подготовку трёхтомного научного издания «История Чувашии с древних времён до наших дней» со ссылками на источники, иллюстрациями. Отделение истории вычеркнуло из пятилетнего плана нашего института эту важную тему, ссылаясь на то, что автономным республикам не желательно издавать многотомные научные издания истории народа, следует довольствоваться научно-популярным изданием.

Координация ограничивалась лишь одобрением отделениями АН СССР планов НИР. Их не интересовало, объективно или искаженно освещаются важнейшие проблемы истории нерусских народов РСФСР местными институтами.

Я, директор ЧНИИ ЯЛИЭ при Совете Чувашской АССР, в своем выступлении на координационном совещании Отделения истории АН СССР 25 июня 1986 г. по докладу академика-секретаря отделения С.Л. Тихвинского обратил внимание на то, что Институт истории АН СССР вовсе не занимается исследованием проблем истории нерусских народов РСФСР, не интересуется содержанием трудов по истории автономных республик, выпускаемых институтами языка, литературы и истории (ИЯЛИ) филиалов АН СССР и НИИ ЯЛИЭ автономных республик, что ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР необоснованно трактует историю Волжской Болгарии, считая волжских болгар казанскими татарами. Так же обстояло дело с исследованием истории Болгарской земли в составе Золотой Орды, истории Казанского ханства. К сожалению, «воз» с места не сдвинулся, поныне стоит там же».

Текст выступления В.Д. Димитриева публикуется согласно принятым правилам издания исторических документов.

Выступление директора Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР на координационном совещании Отделения истории АН СССР 25 июня 1986 г. (г. Москва)

Товарищи! Я хочу сказать несколько слов о состоянии организации и координации изучения дооктябрьской истории народов, ныне входящих в наше Отечество – Советский Союз. Без сомнения, в советское время централь-

ными, но в основном местными научными учреждениями выполнена огромная работа по исследованию истории племен и народов на территории СССР в досоветские эпохи. Однако в организации и координации исследований в этой области, как справедливо отмечалось в докладе Сергея Леонидовича Тихвинского и вчерашних выступлениях на пленарном заседании совещания, а также в сегодняшних выступлениях, имеются серьезные упущения и недостатки. Прежде всего, сильно сказывается автономность в исследовании истории союзных и автономных республик. К сожалению, Институт истории СССР АН СССР в области дореволюционной проблематики ограничивается исследованием лишь русской истории, если не считать работы покойного члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто по истории Великого княжества Литовского и члена-корреспондента Анатолия Петровича Новосельцева по истории Закавказья феодальной эпохи.

В многотомных «Очерках истории СССР» с древнейших времен по XVIII в. и в первой серии «Истории СССР» (в 6 томах) история племен и народов территории Советского Союза в той или иной мере охвачена. Однако, если в исследовании русской истории глубоко прослеживаются закономерности развития с позиций формационности, то в освещении истории других народов преобладает фактография, а закономерности и специфические особенности, типология социально-экономических отношений выясняются недостаточно или же их вовсе минуют. По-видимому, Институту истории СССР в равной степени необходимо заниматься изучением дооктябрьской истории всех народов СССР, по крайней мере в порядке обобщения, наладить исследование закономерностей развития всех регионов СССР с древних времен до настоящего времени, четко определяя их уровень общественно-экономического и культурного развития, типологию производственных отношений, исторические связи и т.п.

Желательно издать капитальные труды по истории национальных отношений в дореволюционной России, национальной политики царизма и развития дружественных связей между народами России. В Институте истории СССР желательно иметь специалистов по истории всех регионов Советского Союза, в связи с перестройкой структуры института это следовало бы учесть.

Вызывает некоторое удивление и то, что Отделением истории и Институтом истории СССР не обеспечивается координация, идейно-теоретическое, научное направление деятельности академических институтов или их подразделений исторического профиля не только в академиях наук союзных республик, но и в филиалах АН СССР на территории Российской Федерации.

Вчера в докладе Сергея Леонидовича Тихвинского были подвергнуты основательной критике антинаучные положения в «Истории Татарской АССР», подготовленной Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР. В этой истории золотоордынский период истории

Среднего Поволжья умалчивается, неверно утверждается о том, что Болгарское государство перерастает в Казанское ханство. Пишется о героической борьбе татар против русских войск в 1552 г., история Татарии после присоединения к России освещается только под углом зрения русской колонизации. В трудах по истории СССР, изданных в Москве, мы видим прямо противоположное освещение. Должна быть единая трактовка всех проблем и тем истории, не может быть казанской, московской или чебоксарской трактовки исторического прошлого. Мы, чебоксарские историки, удовлетворены тем, что наши взгляды полностью совпадают со взглядами историков, археологов и этнографов центральных институтов АН СССР.

Следует сказать, что некоторые казанские историки, археологи и этнографы, филологи расходятся в трактовке социально-экономической, политической и культурной истории прошлого не только в вопросах, отмеченных в докладе академика С.Л. Тихвинского. Много расхождений имеется между казанскими и уфимскими учеными в вопросах истории культуры и литературы татар и башкир. Совершенно необъективно освещаются казанскими учеными вопросы этногенеза тюркских народов Поволжья и Приуралья. Казанскими историками допускается невероятная идеализация Волжской Болгарии. По трактовке А.Х. Халикова и других, что отразилось и в «Истории Татарской АССР», Волжская Болгария являлась чуть ли не самым развитым, передовым государством во всем мире. Здесь как будто были представлены наиболее развитые металлургия и другие отрасли промышленности. А.Х. Халиков и некоторые другие казанские археологи стали утверждать, что литье чугуна изобретено в Волжской Болгарии еще в XI в. А известный археолог А.П. Смирнов доказывал, что литье чугуна в Среднем Поволжье было освоено в XIV в., раньше, чем в остальных регионах Европы. Халиков же утверждает, что белокаменные храмы и дворцы Северо-Восточной Руси строили волжско-болгарские мастера, хотя в их строительстве приняли участие мастера из православной Дунайской Болгарии, что в Волжской Болгарии процветали различные науки, причем многое из того, что имелось в Казанском ханстве, им переносится на Волжскую Болгарию. Казанские ученые утверждают, что болгарский язык был татарским, хотя русскими и советскими лингвистами, крупнейшими лингвистами всего мира доказано, что болгарский язык был языком с ротацизмом и ламбдаизмом, что характерно и для современного чувашского языка. А в кыпчакских и огузских языках, в т.ч. татарском, – зетацизм и сигматизм (вместо *p* в чувашском – *з*, вместо *л* – *ш*). Болгарские эпитафии даже XIII–XIV вв. (их около 200) написаны на чувашском языке. Находясь в составе Болгарского государства в IX–XIII вв., предки марийцев восприняли около 1500 болгарских слов, удмуртов – более 500 болгарских слов с ротацизмом и ламбдаизмом. И эти слова соответствуют чувашским. До конца IX в. предки венгров, проживая около двух столетий в соседстве с волжскими болгарами, восприняли в свой язык до 300 слов сельскохозяйственной, строительной и бытовой терминологии. Положение в формировании чувашей в результате

ассимиляции болгар с финно-уграми, главным образом с предками марийцев, признано мировой наукой. Значительная часть болгар и финно-угров была ассимилирована в XIII–XVII вв. кыпчаками-татарами, составившими основную компонент волжских татар. Однако казанские ученые не признают кыпчаков в качестве основного компонента волжских татар, считая их единственными прямыми потомками болгар. Отделение истории два года назад попыталось рассмотреть вопрос об этногенезе волжских татар, чувашей и башкир, о чем говорил в докладе и академик С.Л. Тихвинский. Но обсуждение было проведено без изучения историографии проблемы. На обсуждение был поставлен лишь один доклад доктора исторических наук С.А. Плетневой о северо-кавказских болгарях, но не о волжских болгарях. Решение Отделения истории о проведении рабочего совещания по вопросам этногенеза тюркских народов Поволжья и Приуралья не выполнено, не предпринято никаких практических шагов к его выполнению.

Я поддерживаю основные положения доклада Сергея Леонидовича Тихвинского, выступлений С.С. Хромова и ряда других товарищей на пленарном заседании, считаю, что координация деятельности научных учреждений по исследованию истории нуждается в коренном улучшении и уверен, что от слов перейдут к делу.

(Выступление не нашло отражения в резолюции совещания.)

Личный архив В.Д. Дмитриева.

ЧГВ, 2012, № 7

© Г.Б. Матвеев. Рец. на: Д.Г. Коровушкин. **Чуваши в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX – начале XXI века.** Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 188 с.

Рецензируемая монография является историко-статистическим очерком, характеризующим расселение и численность чувашского этнического массива, сформировавшегося на обширных пространствах Западной Сибири в результате масштабного переселения народов Российской империи в конце XIX – первой трети XX в. Д.Г. Коровушкиным исследованы группы переселенцев в границах бывшей Тобольской и Томской губерний, а также северной части Акмолинской области (применительно к административно-территориальному делению Российской империи конца XIX – начала XX в.). В современной Российской Федерации территория этих административных единиц входит в состав Алтайского края (данный регион исследованием не охвачен), Кемеровской, Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей.

Основное внимание исследователей XIX в. и более раннего времени было обращено на сибирское коренное население. Изучались русские старожилы и более поздние потоки мигрантов. При этом нерусские переселенцы, как указывает Д.Г. Коровушкин, попадали в поле зрения ученых и путешествующих чиновников очень редко. Поначалу это было связано с небольшой численностью таких мигрантов, а впоследствии, по мнению автора, было обусловлено немногочисленностью самих исследователей и сменой приоритетов. Уже в конце XIX в. появляются работы, посвященные переселенцам из европейской части тогдашней Российской империи – латышам, немцам, украинцам и эстонцам, тогда как чувашам за Уралом внимания ученых практически не удостоились.

Исследования, проведенные в конце XIX – начале XX в. под эгидой Переселенческого управления, лишь в редких изданиях содержат весьма лапидарные сведения о сибирских чувашах. Страдают краткостью и справочно-энциклопедические статьи, написанные для Сибирской советской энциклопедии. С середины 1930-х гг. и в последующие два с лишним десятилетия интерес исследователей к национальным группам и их культуре не проявился. Сказалось также отсутствие вплоть до 1959 г. статистико-демографической базы для оценки численности и расселения национальных групп применительно к областям и краям, не говоря уже о более

Георгий Борисович М а т в е е в – кандидат исторических наук, заведующий отделом этнологии и антропологии Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: matweev.georgij@yandex.ru.

мелких административных единицах: данные переписи 1926 г. устарели, а результаты переписей 1937 и 1939 гг. были закрыты. Вплоть до конца 1970-х гг. чувашаи Сибири находились вне поля зрения исследователей как сибирских, так и чувашских.

Всплеск интереса к изучению этнолокальных групп в отечественной этнографии и к сибирской переселенческой проблематике пришелся на конец 1970-х – 1980-е гг. Вопросы формирования чувашских этнических массивов Западной Сибири, как, впрочем, и многие другие сюжеты, касающиеся их этнографических характеристик и этнических процессов, изучаются уже почти три десятилетия. Волна эта не спадает до сих пор.

Пробел в исследовании чувашей восполнили прежде всего работы Д.Г. Коровушкина. Рецензируемая книга является его второй монографической работой о сибирских чувашах (первая книга «Чуваши Западной Сибири: Этнодисперсная группа на современном этапе» была издана в 1997 г.).

Источниками для ее написания послужили статистические и архивные данные: материалы всеобщих и локальных переписей населения, опубликованные и не публиковавшиеся статистические сведения. Именно служебные материалы региональных органов государственной статистики позволили автору проследить динамику численности исследуемых массивов в порайонном разрезе. Им использован значительный круг научной литературы.

В первой главе «Данные переписей населения как источник по этнической демографии переселенческих групп Западной Сибири» характеризуются переписи населения (как всеобщие, так и локальные), которые являются основным массовым источником по таким важнейшим показателям этнической демографии национальных групп, как численность и расселение на описываемой территории. Поскольку чувашаи, как правило, входили в «восьмерку» национальностей, чья численность обязательно фиксировалась, как подчеркивает Д.Г. Коровушкин, сведения по ним в архивах и публикациях органов государственной статистики достаточно полны. Что же касается сведений о поселениях, в которых зафиксировано наличие чувашей, то по причине все более частого превалирования в них русских (или определяющих себя таковыми) жителей нередко моноэтничные населенные пункты уже не попадали в соответствующие учеты. К чести автора им скрупулезно было изучено практически каждое полиэтничное селение (их список дается в приложении книги).

Для Сибири применительно к переселенческим диаспорам, начавшим формироваться в конце XIX – начале XX в., наибольшее значение имеют данные всеобщих и общероссийских (общесоюзных) переписей населения. Весьма подробно рисуют поселенческую картину региональные выпуски «Списков населенных мест».

Вторая глава, названная «Кратко о сибирских чувашах», посвящена подробному освещению традиционного хозяйства и материальной культуры чувашей Сибири. Для нас особый интерес представляют акценты, характеризующие местную специфику. Так, несмотря на перенос в Сибирь применявшихся в Поволжье приемов и способов возделывания сельскохозяйственных культур, сразу же наметились и различия, связанные с приспособлением к конкретным природно-климатическим условиям западносибирской лесостепи. В связи с необходимостью расчистки площадей под посевы чувашаи в Сибири вернулись на время к подсечно-огневому методу, бытовавшему у поволжских чувашей в XVIII в. Основной зерновой культурой в чувашских хозяйствах Западной Сибири в первой трети XX в. являлась не рожь, как у чувашей Поволжья, а пшеница. Некоторые состоятельные чувашаи торговали хлебом.

В животноводстве, по данным автора, несмотря на сибирские просторы, вопреки ожиданию переселенцев, редкая семья могла содержать более 3–4 голов крупного рогатого скота: сказывался дефицит кормов, особенно сена. Объяснялось такое положение тем, что переселенческие участки для них нарезались по большей части в лесной местности, где луга уже были поделены ранее между старожилами. Свиноводство здесь имело значительно более благоприятные условия для своего развития. К сказанному автором можно добавить, что в Сибири традиционные способы разведения живности, к примеру вольный выпас скота, сохранялись. В данной книге не нашел отражения анализ хозяйства отдельных семей, хуторов, что позволяет конкретизировать общую картину. Констатируется, что рыболовство и охота, несмотря на обилие рыбы и дичи, не играли значимой роли и существовали лишь на любитель-

ском уровне. Однако же, как свидетельствуют наши полевые материалы, в среде чувашей были и охотники, и рыболовы.

Обследование Д.Г. Коровушкина показало, что в структуре домашних промыслов и хозяйственных занятий чувашей Западной Сибири определяющее значение имела обработка льна и дерева. Развивались бичевое (веревочное) ремесло, лаптеплетение, плетение из корней, прутьев и бересты, бондарный промысел, выделка кож для собственных нужд, изготовление транспортных средств. Перечень описанных автором промыслов можно продолжить – это углежжение, гонка дегтя и др. Чуваши традиционно участвовали в извозном промысле.

Особенности проживания чувашей в Сибири Д.Г. Коровушкиным выявлены на материалах, характеризующих поселения и жилища, в том числе традиции их расположения, форма, конструкция и др. Материалы о расселении хуторами, имевшем место в начале XX в., в частности в нынешнем Аромашевском районе Тюменской области, вероятно, в поле зрения автора не попали, как и то, что в русских селениях чувашские переселенцы заселялись, нередко образуя так называемую чувашскую улицу. Такие факты автор не фиксирует, надо полагать потому, что подобное заселение было мало характерно для первых десятилетий XX в., развивалось больше в послевоенный период.

Жилые дома и хозяйственные постройки чувашей традиционно возводили из красного леса (сосны). Между прочим, нелишне заметить, что данная особенность отразилась и в их песенном фольклоре. Д.Г. Коровушкин отмечает исконные традиции и привнесенные элементы, новшества в планировке и технике строительства жилища. Влияние местных традиций на чувашское зодчество выявлено в отделке стен домов, в конструкции печи (устройство керамических труб – «воздухов», которые подавали тепло в заднюю комнату) и т.д. По мнению автора, дома на фундамент не ставились, дощатые полы появились позднее. Наши материалы это подтверждают лишь частично. В подобных элементах характеристики зодчества усматриваются не строительные традиции чувашей, а, скорее, психологический фактор – восприятие своего пребывания в Сибири как временного. Переселенцы зачастую не были уверены в том, что останутся на новом месте. На то были свои причины, например, сложные и непривычные условия жизни, натянутые отношения с местным населением – так называемыми чалдонами (термин, который автор не использует, был в обиходе чувашских переселенцев), отдаленность от малой родины, глухомань.

Автору удалось достаточно подробно, более того – с вычленением деталей покроя и отделки, описать традиционную чувашскую одежду в основном по редким сохранившимся образцам и музейным экспонатам, поскольку информантов, которые знали, тем более носили, чувашское одеяние, в 1980-е гг., когда проводилось обследование, оставалось уже мало. Отмечаются изменения, характеризующиеся смешением черт, присущих группам чувашей – переселенцам из зон расселения вирьял и анатри. Вместе с тем, следует отметить, что различия в одежде нередко служили в качестве этнодифференцирующих признаков даже в Сибири, где, как и на малой родине, представители групп продолжали называть друг друга *шуря тятта* (низовые), *хура тятта* (верховые).

Праздничную женскую одежду сибирских чувашей дополняли, как пишет автор, шарф (?) (должно быть, речь идет все-таки о *сурпане*), нагрудно-наспинные украшения из серебряных монет – пушхоц (правильно: *пуç хысё*) и *ама*. На голове чувашки-сибирячки носили повязку (ее чувашское название не дано) с вышивкой, нередко обшиту бисером. Данные показали, что мужской костюм чувашей западносибирского региона был достаточно традиционен, по-видимому, здесь он сохранился дольше, чем в Чувашии. Добавим, что в условиях Сибири самотканая одежда бытовала достаточно долго, обработкой волокна из льна занимались в местных колхозах. Традиционный комплекс одежды сибирских чувашей функционировал до конца 1940-х гг., когда началось его постепенное размывание.

В 1990-е гг., по данным автора, на волне роста интереса к своим корням в обиход сибирских чувашей вновь вошли праздничные костюмы, воссозданные по сохранившимся образцам или на основе литературных источников. Это подтверждают и наши полевые исследования. Можно было указать на такие факторы, способствующие мобилизации этничности, как зарождение национально-культурных центров, развитие фольклорного движения, усиление тенденций к удовлетворению этнокультурных потребностей.

Несмотря на иноэтничное окружение, традиционная модель питания чувашей незначительно отличается от таковой у чувашей европейской части России. Такой вывод Д.Г. Коровушкина не вызывает возражения. Устанавливается факт сохранения старинных терминов для обозначения употребляемых национальных блюд, хотя автором допущено некоторое искажение при записи названий: например, кербе (*кёрте*) яшки (суп с крупой), *салма* (у автора ошибочно: самла), *юсман яшки* (такое название супа не употребляется в метрополии), нерри (*ёне ырри* – молозиво), шутене (запеканка из муки, пахты и яиц, судя по составу, должно быть, *сёмарта хӓпартни*), сухан жимри, т.е. *нимри* (луковое пюре), шартан – *шӓрттан*, чокот – *чӓкӓт* (сыр), *шарик* (жареный картофель). Ряд блюд можно отнести к числу заимствованных, хотя это автор специально не оговаривает, к примеру, *кавӓн икерчи* (тыквенные оладьи).

К меню праздничного стола отнесены блюда из ягод, не характерные для метрополии: сушеная малина, моченая брусника, консервированная жиром смородина (они готовились для длительного хранения, и подавались, как нам представляется, во время осенне-зимних праздничных трапез, однако автор этого не указывает). В качестве обязательных атрибутов праздничного стола отмечены крепкое пиво и ячменная водка (чуваш. *рӓкӓ* – должно быть, *эрек*, *эрех*), технология приготовления которой не отмечена. Думается, речь идет все-таки о самогоне. Правомерен, пожалуй, вывод о том, что пьянство среди сибирских чувашей приобрело сколько-нибудь заметные масштабы лишь в 1990-х гг. с разрушением устоявшейся советской системы хозяйствования.

Д.Г. Коровушкин безусловно прав в оценке тенденций, имевших место в середине XX в. В относительно неизменном виде традиционная материальная культура чувашей Западной Сибири просуществовала до конца 1950-х гг. В данный период она начала понемногу утрачивать свои этноспецифические черты. Автор считает, что это было в значительной мере обусловлено начавшейся тогда кампанией по укрупнению совхозов и колхозов. Реализация такой программы привела к утере экономической и культурной самостоятельности сибирских чувашских деревень. В этот период прекратили существование и организованные по этническому признаку колхозы.

Анализируя развитие этнокультуры, автор констатирует, что во второй половине XX в. выделить «чистые» национальные формы становится все труднее. Одной из причин этого, на его взгляд, является географическая и культурная оторванность от Чувашии. Такой показатель менее характерен для Тюменской области. По нашим данным, приезжавшие из метрополии нередко обнаруживали в Сибири этнические черты, уже не актуальные на родной земле. Зачастую информанты не осознавали продолжающие функционировать этнически маркирующие элементы, которые, по данным Д.Г. Коровушкина, в той или иной мере сохраняются примерно в двух трети дворов чувашских деревень, однако их наличие в своем жилище отмечали менее 15% респондентов.

Относительную устойчивость традиций исследователь прослеживает в системе питания, имеющей этномаркирующее значение (ведь она напрямую связана с этническим самосознанием этнофоров), хотя и вынужден заключить, что в последние десятилетия среди чувашей Западной Сибири значительно сузился набор блюд национальной кухни, как и уровень знания таких блюд, в чем сказалось воздействие русской культурной традиции питания.

На основе изложенного автор делает вывод, что результатом процессов хозяйственного освоения чувашами территорий расселения в Западной Сибири за отрезок времени конец XIX – первая треть XX в. стало формирование отличительных черт в этнокультурном облике с замкнутой системой расселения и хозяйствования, направленная на удовлетворение потребностей непосредственно семейных или внутриселенческих витальных потребностей. Конечно, данный вывод не может быть распространен на все потоки чувашских мигрантов.

Во второй половине и в конце XX в. культура сибирских чувашей испытывала все усиливающийся наплыв новаций, значительно нивелировавших этнокультурный облик. В то же время нельзя не отметить, что тенденции этнокультурного развития чувашей в конце XX – начале XXI в. связаны с подъемом этнического самосознания.

Традиции и новации в духовной культуре в данной книге автором не рассмотрены.

В третьей главе «Этнический состав региона расселения» автором обозначены основные численные параметры и состав этнических и этногрупповых компонентов этого обширного

региона. Это сделано для более четкого и внятного позиционирования места и роли чувашского этнического массива в структуре населения Западной Сибири. В многонациональный и разнokonфессиональный котел народов (русские, сибирские татары, алтайцы, ханты, манси, казахи и другие) вливались как немаловажная составляющая немецкие, белорусские, украинские, чувашские, латышские и эстонские переселенцы. Преобладающее большинство в каждой группе составляли сельские жители.

В четвертой главе «Расселение и численность чувашских этнических массивов в Западной Сибири в конце XIX – начале XXI века» прослежены особенности формирования чувашских анклавов, история расселения и численность чувашей Сибири в изучаемый период. Можно предположить, что данная глава в структурном плане более чем желательна в качестве второй главы. Однако она задумана как основная и отражена в названии работы, видимо, поэтому является завершающей.

По мнению автора, все-таки XVII, а не XVI в., можно уверенно принять за точку отсчета участия чувашей в заселении Сибири. Конечно, им принята во внимание вся совокупность материалов летописей, доказывающих участие чувашей в формировании искеротобольской группы сибирских татар. Именно с XVII в. все чаще встречаются упоминания о приездах торговцев-чувашей в Зауралье, хотя говорить о начале складывания чувашского массива в Западной Сибири можно лишь применительно к концу XIX в. Автор рассматривает объективные предпосылки, сложившиеся в 1880-х гг. для миграции чувашей, далее – основные этапы расселения чувашей на просторах Западной Сибири. Однако из-за отсутствия прямых статистических сведений (например, за 1906–1917 гг.) о масштабах переселения чувашей в Сибирь анализ динамики численности чувашского населения проведен только на примере отдельных территорий (например, по Тарскому уезду Омской губернии). Имеющиеся данные переписи 1939 г. показывают численность чувашей только в двух областях: Новосибирской и Омской. Нередко материалы окружных, губернских и краевых земельных управлений не содержат сведений о районах выхода переселенцев из Чувашии и Поволжья, поэтому трудно определить их этногрупповую принадлежность. С этой проблемой сталкиваются и другие исследователи и местные краеведы. Следует констатировать, что данный вопрос решен только частично.

Новая, самая мощная, волна переселений чувашей из Европейской России в Сибирь, как показал анализ, отмечена в 1921–1929 гг. Итогом двух переселенческих потоков чувашских мигрантов в Сибирь явилось формирование чувашского массива в западной части этого региона. До исследований Д.Г. Коровушкина точная численность чувашей в областях Западной Сибири была известна лишь из публикации итогов Всесоюзной переписи населения 1970 г. Недостающие данные им восполнены на основе ранее недоступных, имевших гриф «для служебного пользования», сборников статистических материалов, выпущенных областными (краевыми) органами государственной статистики ограниченными тиражами. Привлечены и служебные материалы территориальных учреждений Госкомстата Российской Федерации.

Предметом изучения стали также перемещение населения в связи с укрупнением колхозов и центральных усадеб, миграция населения из села в город. Механическое движение населения, приведшее к еще более дисперсному расселению чувашей, ускорило этноассимиляционные процессы. Вероятно, в Сибири, как и в европейской части страны, имела место политика ликвидации так называемых неперспективных деревень. Одно из проявлений процесса «распыления» сибирских чувашей на нынешнем этапе – прогрессирующее исчезновение чувашских селений.

Д.Г. Коровушкиным проанализированы особенности расселения чувашей в отдельных регионах. Среди них выделяется Тюменская область (точнее, юг этой области), характеризующаяся относительно компактным проживанием чувашей в иноэтничной среде, хотя гомогенный национальный состав чувашских поселений в последние годы все более заметно размывается под воздействием иноэтничных (чаще внутрирайонных) мигрантов. Однако в научный оборот пока вовлечены только данные переписи 1989 г.

Исследователем разрешен ряд вопросов, в том числе установлена взаимосвязь возрастной структуры мигрантов с характеристикой миграций (внутрирайонные, внутриобластные, межобластные), исходные пункты миграционных потоков. Удалось установить

принадлежность переселенцев ко всем трем культурно-этнографическим ареалам Чувашии. В заключительной части главы подведены итоги анализа основных этапов в истории формирования и трансформации чувашского этнического массива в обследованных областях Западной Сибири.

При всех отмеченных достоинствах данной главы и книги в целом позволю высказать ряд замечаний.

Рецензируемая работа не учитывает все нюансы расселения чувашей, это требует дополнительных исследований. Автор сделал основной акцент на 1920-е гг., хотя не менее значительными были и плановые переселения в Сибирь в 1950–60-е гг., в ходе которых во многих поселениях образовались чувашские части (концы), в ряде случаев составлявшие по численности жителей почти половину населенного пункта. Наряду с характеристикой динамики расселения чувашей в Западной Сибири, интересно было бы узнать: сколько населенных пунктов чувашских однонациональных, сколько с участием других национальностей было вновь создано в разных регионах на том или ином переселенческом этапе, сколько деревень исчезло в последующее время. Следует отметить, что по Тюменской области местными историками и краеведами при участии чебоксарских исследователей этот пробел устраняется. Вопрос о расселении представителей этнографических и этнотерриториальных групп чувашей также удастся изучить более детально. По нашим данным, к примеру, мигранты из одного района или групп соседних деревень Чувашии оседали в одной местности. Политика ликвидации неперспективных деревень, проводившаяся в 1960 – начале 1970-х гг., обусловившая интенсификацию этнических процессов, автором не упомянута.

В работе задача показать отражение историко-этнодемографических процессов на примере конкретной деревни или куста деревень не ставилась. Появились новые публикации, в том числе и научные сборники, однако ссылки на новую литературу, новые экспедиционные исследования (в частности, организуемые Новосибирской консерваторией, ассоциацией «Тяван» Тюменской области) в книге найти не удалось, видимо, по причине более позднего появления они остались вне поля зрения автора.

Книга содержит более 50 таблиц, карты и картосхемы, иллюстрирующие расселение и численность чувашей, составленные по историко-статистическим и демографическим материалам, в том числе впервые вводимым в научный оборот, а также иллюстрации образцов этнической культуры.

Новая монография Д.Г. Коровушкина является ценным вкладом в историко-этнографическое изучение сибирских чувашей. Достоинством работы следует считать тщательный анализ статистических, в том числе неопубликованных, источников и тенденций этнокультурного развития и самосознания, основанные на многолетних личных наблюдениях автора. Материалы глав содержательны, в научный оборот в таком объеме введены впервые. Выводы автора возражений не вызывают.

ЧГВ, 2012 г., № 7

© **И.И. Бойко.** Рец. на: **Трансформация общероссийских политических партий и национально-культурных объединений: сборник научных статей.** Чебоксары: ЧГПУ, 2011. 188 с.

В рецензируемом сборнике статей опубликованы материалы конференции, проведенной в Чувашском государственном педагогическом университете 24 ноября 2010 г. Тема форума, вынесенная в заголовок книги, посвящена актуальной проблеме. Мы являемся свидетелями стремительных перемен, происходящих в политической и культурной жизни страны на протяжении последней четверти века. Важной составляющей этих изменений является переход к многопартийности, борьба партий за электо-

Иван Иванович Б о й к о – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом чувашской энциклопедии Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: boyko2003@yandex.ru.

рат, приспособление их к регулярно меняющемуся правовому полю и т.д. С конца XX в. формируются различные объединения, целью которых является сохранение и развитие культурных ценностей различных этнических групп страны. В их деятельности также имеется немало проблем, публичное обсуждение которых весьма полезно для их выявления и определения адекватных методов коррекции как самой работы, так и ее финансового и правового обеспечения. В целом же можно говорить, что все эти вопросы относятся к проблемам гражданского общества, о важности создания которого говорят не только исследователи, но и высшие руководители страны. Правда, в названии и аннотации книги не уточняется, о трансформациях какого времени идет речь, но из самих текстов следует, что если говорить именно о политических партиях, то хронологические рамки относятся как к концу XIX – началу XX в., так и к современной истории. Но это только если иметь в виду материалы, в которых речь идет о партиях и национально-культурных объединениях (НКО). Хотя сразу же следует уточнить, что проблемы НКО представлены всего одной статьей, в которой бессменный руководитель ЧОКЦа М.Н. Юхма рассказывает об истории создания и деятельности руководимого им центра.

Всего в сборник включено 38 материалов разного объема и содержания. Отмечу, что заявленная тематика выдержана не полностью. Понятно, что при проведении таких конференций не всегда удастся жестко придерживаться рамок заявленной проблемы, но необходимо сохранять хотя бы самое общее направление. По моим подсчетам, половина статей (20 из 38) по содержанию из него выпадают. Например, какое отношение имеют к деятельности партий и НКО статьи Е.Г. Камаевой «Женская природа как отражение дуальности мира в творческом восприятии Владимира Ларева», Г.В. Сайфутдинова «Мир детства у татар: обряды и практика социализации», Ю.В. Сафаргалиева «Касимовское ханство в системе Русской государственности», И.Г. Мазковой «Регионализация профессиональной подготовки учителей в системе принципов педагогического образования» и др. Особо следует отметить целых 5 статей доцента ЧГУ Е.Л. Чагиной, посвященных различным экономическим вопросам. Речь идет и о проблемах инфляции, учета и аудита, и о «математических методах использования производственных мощностей» и др. Непонятно, почему помещены в сборник статьи болгарских ученых, которые также не имеют никакого отношения к заявленной теме конференции. Остается только задавать вопросы о причинах и целях включения перечисленных (и не только перечисленных) работ в настоящее издание. Для придания региональной и международной весомости? Но не буду гадать, отмечу только, что я не анализирую содержание всех этих статей, поскольку не являюсь столь универсальным специалистом, чтобы писать о трудах экономистов, этнологов и историков, занимающихся проблемами Средневековья. Речь пока идет об эклектичном подборе материалов рецензируемого сборника. Неужели причина в наборе количества публикаций для каких-либо отчетов авторов в своих вузах и сведений об участии в конференциях?

Еще одно своеобразие, которое можно наблюдать при чтении содержания сборника – в нем 14 статей, научным руководителем авторов которых является ответственный редактор издания Г.И. Тафаев. Не совсем понятно, что здесь имеется в виду: руководство аспирантами, студентами, выполняющими дипломные и курсовые работы, или что-то другое? По содержанию все эти статьи в той или иной мере посвящены деятельности политических партий. Таким образом, этот цикл как бы компенсирует отсутствие партийной тематики в большинстве других материалов. На первый взгляд, можно говорить и о научной школе, создаваемой Г.И. Тафаевым, что также можно только приветствовать. В качестве пожелания хотелось бы посоветовать как научному руководителю, так и самим авторам обратить внимание на соблюдение некоторых обязательных требований при написании статей, претендующих на статус научных. Вынужден при этом изложить банальную истину о том, что в них должен быть новый материал, новый взгляд, в том числе на, казалось бы, исследованные явления и факты, отрабатываться оригинальные исследовательские приемы и т.п. Собственно, научное исследование это – стремление понять неизвестное и сделать его известным и общедоступным. Я не говорю далее о необходимости соблюдать некоторые обязательные элементы при оформлении текстов, поскольку их отсутствие вызывает недоумение и вопросы.

Но что приходится читать в статьях, помещенных в рецензируемый сборник? Он открывается публикацией А.И. Смирновой «Предпосылки образования политических партий в России». Непонятно, о каком времени идет речь, но при чтении выясняется, что об отрезке времени со второй половины XIX до конца XX в. Прочитав несколько начальных предложений. Первый раздел называется «Теоретико-методологические аспекты проблемы»: «Понятие политической партии. Проблема классификации партий. Периодизация истории политических партий России. Дookтябрьская историография проблемы. Советская и зарубежная историография». И таким же образом написан весь текст с 3 по 11 стр. В лучшем случае речь здесь может идти об учебной программе по названной теме, но только не о научной статье. О какой-либо новизне с точки зрения осмысления и анализа говорить вообще не приходится. К сожалению, это относится практически ко всем публикациям других молодых авторов. Например, трудно ожидать научных откровений от А.В. Ходяшовой, представившей статью «Теория цивилизаций А.Дж. Тойнби». В своем труде молодой автор лишь пересказывает основные положения учения Тойнби и не знакомит читателя с мнением приверженцев и критиков маститого исследователя. Подобные перечисления можно было бы продолжать долго, но в этом, наверное, нет смысла, поскольку проблема уже обозначена.

В сборнике опубликованы две статьи Г.И. Тафаева «Символизм новочувашской (национально-региональной) цивилизации» и «Использование концепции “Российский народ” в XXI веке». Автор уже давно и много пишет о наличии чувашской (болгаро-чувашской и т.п.) цивилизации. Не являясь в принципе сторонником цивилизационных теорий, отмечу, что убедительная система доказательств о наличии локальной «чувашской» цивилизации в работах Г.И. Тафаева практически отсутствует, а если быть последовательным, то констатация и абсолютизация языковых, хозяйственных, религиозных и других различий между отдельными народами приведет к неизбежному выводу о существовании в мировой истории сотен и сотен цивилизаций. Но на этой проблеме останавливаться более подробно не буду. Обращу внимание читателей на некоторые умозаключения другой статьи Геннадия Ильича, которые в свою очередь побуждают в чем-то соглашаться, а в чем-то спорить с автором. Уточню также, что мой интерес вызвали те разделы статьи, где речь идет о современности.

Отмечу, что, оперируя этнической тематикой, автору следовало бы тщательнее относиться к формулировкам текста. Например, на с. 131 помещена таблица с труднопонимаемым заголовком «Русские в составе этносов России». Что имеет в виду автор? Прочтений и толкований может быть несколько, в том числе и следующее: Россия – это совокупность этносов, кроме русских. Наверное, абсурд, но это только подчеркивает важность тщательности формулировок в таких случаях. Почему бы не написать проще: «Русские в составе населения России»? Второй абзац на с. 132 начинается таким образом: «Доля русских и русскоязычных в РФ будет возрастать». Не совсем понятно, к какому времени относится это заключение, но, судя по контексту, к началу текущего столетия. Во-первых, о русских. Демографы приходят к противоположным заключениям и пишут об убытии русского населения в России. Достаточно взглянуть на материалы последней переписи населения. Численность русских с 2002 г. по 2010 г. сократилась почти на 5 млн чел. Собственно, тут нет никаких сложностей: рождаемость среди русских заметно ниже, чем, например, у ряда народов Среднего Поволжья, Северного Кавказа. С этой точки зрения нет никаких серьезных оснований говорить о том, что демографические процессы пойдут вспять. Поддерживать численность русского населения может миграция, но здесь также не все однозначно. Теперь о второй части утверждения, о русскоязычных. А кто это в России? Украинцы и белорусы? А почему не чуваша и мордва? По данным переписи населения 2010 г., русским языком владеют более 99% населения России, то есть и абсолютное большинство тех, кто не считает себя русскими по этнической принадлежности. При этом, опять же по данным переписи и по материалам социологических опросов, многочисленные представители различных этнических групп в качестве родного языка называют русский. Как быть с теми, кто не считает себя русским, но материнским языком не владеет. Например, в 2010 г. среди всех чувашей страны таковых оказалось 28%. Их в какую группу отнести? Полагаю, что нельзя не согласиться с мнением известных этнологов М.Н. Губогло и В.А. Тишкова. Первый из них писал, что владение русским языком является признаком силы, а не слабости овладевшего им нерусского человека,

показателем его внутренней свободы, а не признаком его ущемленности или ущербности¹. Важнейшим представляется вывод В.А. Тишкова о том, что русский язык необходимо перестать считать родным только для русских, он является культурной собственностью и капиталом не только русских, но и большинства мордвы, удмуртов, чувашей, бурят, осетин и многих других². При этом речь не идет об отказе от своей этничности, материнского языка, а о реальном существовании не только простых, но и сложных идентичностей.

Далее на с. 132 автор приводит материалы документа, полученного из Интернета. Речь идет о некоем Учредительном съезде русского народа, который принял «Концепцию Всероссийского съезда русского народа». Из текста статьи Г.И. Тафаева непонятно, где кончается цитирование этого документа и где начинаются рассуждения автора. Но безотносительно к этому следует высказать следующее. Приводя совсем небезобидные пассажи, автор ставит и себя, и читателя в двусмысленное положение. К некоторым приведенным взглядам нельзя не давать комментарии и желательно высказывать свою точку зрения. Судя по всему, в концепции заявлено, что «Россия – страна Русского народа». В данном тексте понятие русский народ наполняется этническим смыслом. С этой точки зрения приведенное суждение противоречит не только Конституции России, но и здравому смыслу. Еще один пассаж: «В соответствии с нормами международного права Россия, в которой Русский народ составляет около 80% населения, является мононациональным государством». Убежден, что и в этом случае необходимы комментарии, в частности речь идет о том, что в природе нет таких норм международного права, это утверждение не имеет никакого отношения к реальному положению дел. Затем следует еще ряд абсурдных мыслей, почему-то оставленных Г.И. Тафаевым без всякого внимания. Далее, о самом съезде русского, да, в сущности, и других отдельных народов или же о съездах не одного, а нескольких народов. В стране нет закона, регулирующего организацию и полномочия и полномочия подобных ассамблей, съездов и пр. С этой точки зрения возникает много вопросов о полномочиях и представительстве той или иной активной группы, делающей заявления и т.п. от имени отдельных народов. Понимаю при этом, что игнорировать их различные документы не представляется продуктивным, поскольку эти тексты появляются в Интернете, становятся достоянием широкой общественности, играют мобилизующие роли с различными оценками. Тем более важно высказать свое мнение при приведении таких высказываний в своих статьях.

Наконец, хочу остановиться на проблеме «российского народа». Когда речь заходит об общегражданской идентичности, то сталкиваются несколько мнений, в том числе и прямо противоположных. Г.И. Тафаев приводит некоторые из них, рассматривая материалы заседания Госсовета Российской Федерации, проведенного 11 февраля 2011 г. в Уфе (с. 137). Отмечу только, что для некоторых исследователей, политических деятелей «российский народ» представляется некоей искусственной конструкцией, родственной с их точки зрения «советскому народу». Г.И. Тафаев придерживается другого мнения. Он полагает, что одна из задач России – создание на базе народов Российской Федерации новой общности – российского народа (с. 136).

Не считаю, что позиция, основанная на принципе нового «создания», отражает фактическое положение дел. На мой взгляд, таким образом она отрывается от исторической преемственности. Единое во многом историческое прошлое, общие культурные ценности, поведенческие нормы и многое другое позволяют, на мой взгляд, говорить о реальном наличии общегражданской российской идентичности. Другое дело, что эту идентичность следует укреплять, наполнять ее новым содержанием и смыслами, но ставить задачу «нового строительства» не представляется верным. Следует сразу же подчеркнуть, что общегражданская идентичность, российскость, вовсе не означает принижения или нивелирования любой этнической принадлежности, этнокультурного многообразия населения России. Почему-то нередко высказывается мнение, что эти идентичности должны исключать друг друга, что российскость и этничность несовместимы. Такое мнение по какой-то причине не учитывает, что сложные идентичности присущи каждому человеку, и объявляемые противоречия представляются, на мой взгляд, надуманными.

Еще одно техническое замечание, вызванное чтением статьи Г.И. Тафаева. Рассказывая о заседании Госсовета Российской Федерации в Уфе, он большое внимание уделяет речи

Д.А. Медведева, Президента Российской Федерации в те дни. Из приводимого текста трудно понять, где приводятся слова главы государства, а где – автора статьи. Четыре страницы текста без всяких ссылок и кавычек весьма затрудняют его восприятие и понимание. Уважительно профессору следует иметь в виду, что некоторая небрежность, наблюдаемая в оформлении статей, избегание при этом обязательных элементов, необходимых для каждого исследователя, приводит к тому, что такое же отношение проявляется и у его молодых последователей, что и наблюдается в статьях учеников Г.И. Тафаева, опубликованных в данном сборнике.

Если же давать оценку данному изданию в целом, то следует отметить, что сам сборник вторичен по отношению к конференции, материалы которой включены в него. Поэтому не следует стремиться к всеядности и всеохватности – такие подходы только принижают сам статус научных конференций. Кроме того, следует помнить, что опубликованные тексты становятся общедоступными, характеризуют теоретический и организационный уровень научного сообщества Чувашии, и мы, его представители, несем всю меру ответственности за качество изданных материалов.

Литература

¹ Губогло М.Н. Бегство в фрустрацию // Этнопанорама. 2005. № 3–4. С. 19.

² Тишков В.А. Язык и алфавит как политика // Этнология и политика. Издание второе, дополненное. М., 2005. С. 224–225.

ЧГВ, 2012 г., № 7

© **И.И. Бойко**. Рец. на: **Данилов В.Д., Малышкин А.П., Дмитриев И.А. Время перемен. Социальная модернизация и демократический транзит в Чувашии, 1990–2010 гг.** Чебоксары: Новое время, 2011. 412 с.

Рецензируемое исследование посвящено важнейшей проблеме, выходящей как за рамки теоретического анализа, так и за пределы обозначенного региона, то есть Чувашской Республики. Перед авторами стояло много вопросов, в том числе методологического характера. Каким инструментарием следует воспользоваться, чтобы, стремясь к объективности, показать прошедшие за четверть века перемены через собственное понимание? Известна мысль великого реформатора Дэн Сяопина, высказанная им в ходе посещения Парижа. В ответ на просьбу дать оценку Великой французской буржуазной революции он ответил, что прошло еще очень мало времени для таких оценок. Даже с учетом иронии, присутствующей в этом высказывании, следует признать, что в нем много здравого смысла. Мы сами являемся свидетелями того, как меняются оценки нашего и недавнего, и совсем далекого прошлого, причем часто на прямо противоположные. В связи с этим приведу еще одно широко распространенное высказывание, достаточно обидное для профессиональных историков: «Россия – страна с непредсказуемым прошлым». Задача авторов затруднялась и тем, что практически все акторы политических процессов, осуществлявшихся в Чувашии в последние 25 лет, еще живы, некоторые из них ведут активную деятельность, в том числе политическую. Напомню, что один из авторов монографии, В.Д. Данилов, был деятельным участником «перестроечных» процессов, занимал высокие государственные должности, в том числе заместителя председателя правительства и министра образования республики. Быть объективным в таких случаях непросто, но авторы оперируют конкретными данными и приводят реальные аргументы, отстаивая свою точку зрения.

Иван Иванович Бойко – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом чувашской энциклопедии Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: boyko2003@yandex.ru.

В качестве основной теоретической концепции они избрали подходы, сформулированные в рамках «демократического транзита», хорошо понимая теоретические и прикладные сложности, которые их ожидали. При этом возникает существенная проблема, о которой авторы не забывают в ходе своего повествования: говорить о демократическом транзите применительно только к Чувашии неправомерно, поскольку речь в нашем случае идет о переходе от советской системы к новому устройству государства и общества. Чувашская Республика является всего лишь одним из элементов сложной системы, которая находится в этом движении. Применяемая авторами объяснительная схема рассчитана на учет институциональных изменений, но понятно, что в рамках отдельного региона страны они проявляются не в полной мере, в том числе с учетом правовых полномочий, места республики в политической и экономической жизни, исторических, этнополитических и других особенностей ее развития. Возможно, я упрощаю, но при этом иногда возникает аналогия, которую можно описать как применение рыболовецких снастей, рассчитанных на добычу крупной рыбы, для ловли небольших пескарей и ершей. Что-то в таких снастях остается и подлежит приговору (анализу), а что-то уходит через крупные ячейки в открытые водоемы. Возможно ли по таким неполным данным составить представления о целом или правильно соотнести полученные материалы с общими схемами? Авторы не забывают об этих опасностях и пытаются избежать их. Насколько им это удалось, вопрос другой, но отмечу, что данная методология исследования преобразований последних 25 лет в республике практически не применялась, поэтому следует приветствовать теоретические поиски авторов.

В монографии затронут широкий круг важных проблем, обо всех в краткой рецензии написать невозможно, поэтому выскажу несколько мыслей по темам, которые в той или иной степени близки моим научным или общественным интересам. Во-первых, о необходимых предварительных условиях, с которыми связана ситуация демократического транзита. Авторы приводят мнение американского политолога Д. Раствоу, который выделяет в качестве такового национальное единство и национальную идентичность. Он полагает, что национальное единство является исходным, «абсолютно необходимым ингредиентом генезиса демократии», к этому тезису присоединяются и авторы (с. 58, 63, 89). По их мнению, в рамках СССР не удалось создать устойчивые и эффективные механизмы обеспечения национального единства, что сказало на формировании демократических институтов в современной России, а ранее проявилось в этнополитическом национализме и эрозии союзного государства, усилении центробежных процессов (с. 63). Надо прояснить: когда речь идет о национальном единстве, то подразумевается не этническая, а политическая, гражданская общность. С этой точки зрения не совсем понятна мысль авторов на той же 63 странице (начало второго абзаца), когда они разъясняют содержание факторов национального единства и пишут о едином территориальном пространстве, а также чувстве национальной и государственной идентичности. Не знаю, в данном случае понятия «национальная» и «государственная» идентичность являются у авторов синонимами или нет? Если синонимы (речь идет об одном чувстве, а не о чувствах), то зачем подобное применение этих слов в одном предложении через союз «и»? Полагаю, что это просто неточная формулировка. Попробую объяснить свою придирчивость, поскольку речь идет действительно о краеугольных основах общественного устройства. Проблема общегражданской/государственной идентичности получает, в том числе и в научной среде, разное толкование. Отмечу только два подхода: сторонники первого считают, что мы можем говорить о российском народе как о единой нации (впервые публично об этом сказал В.В. Путин в Чебоксарах 5 февраля 2004 г.), а приверженцы другого мнения полагают, что нам только предстоит этап формирования российского народа как единой нации. Есть и третье мнение, сторонники которого убеждены, что само понятие общегражданской российской нации – химера, некий прототип «советского народа». Я думаю, что верна первая точка зрения, но не потому, что ее высказал Президент России. Для этого достаточно других оснований. У россиян общая многовековая история, переплетение культур, традиций и многое другое, что является важными скрепами общества. Талантливый писатель В. Конецкий одну из своих книг назвал «Никто пути пройденного у нас не отберет», эту фразу можно применить и к России, и ее народу. Можно вспомнить Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, которые неоднократно употребляли понятие «россияне»¹. Конечно, при этом следует учесть, что на этом пути не все

было гладко и приятно. Далее. Когда ныне речь заходит о «советском народе» как о некой идеологеме, а не существовавшей конструкции, то, по-моему, центр тяжести при такой критике переносится именно в идеологическую составляющую этой «новой исторической общности», а не на реальные основания, которые объединяли реальных людей. Другая сторона вопроса заключается в том, что даже если сейчас можно вести речь о единстве, то его надо постоянно укреплять, в том числе и на региональных уровнях. Особенно если помнить, что его наличие является обязательным элементом движения к демократии. Что делается для укрепления общегражданской идентичности? Например, в Чувашии? Полагаю, что очень мало. Достаточно ознакомиться с концепциями государственной национальной политики в Чувашской Республике и программами их реализации.

На мой взгляд, в научной среде сами принципы федеративного устройства подчас понимаются как объединение народов, при этом русские как бы подразумеваются, но об их роли и месте ничего не говорится. А каким образом можно учесть русских при федеративном устройстве? Созданием отдельных «русских» областей, конституционным признанием русских государствообразующим народом, отменой существующих основ федеративного устройства и пр.? По-моему, это тупик и расширение пространства для русского национализма. В указанном смысле это в какой-то мере реакция на проявления этнического национализма конца XX в. В Чувашии ситуация была намного спокойнее, чем, например, в Татарстане. Но и в нашей республике русское население выражало опасение в связи с толкованиями закона о языках, обсуждением возможности собственного гражданства и т.п. Как справедливо пишут авторы, в Алатырском и Поречком районах даже поднимался вопрос о выходе из состава Чувашии (с. 110–111). Наглядно ситуация получила подтверждение во время первых президентских выборов в конце 1991 г., когда за А.П. Хузанга в Алатыре отдали голоса 4,9% граждан, принявших участие в голосовании, в Алатырском районе – 12,3%, в Поречком – 7,7%, в то время как в целом по республике он получил 46,4% голосов. В то же время отмечу, что в его программе упор был сделан на социально-экономические вопросы, а не этнические проблемы, но, как говорится, репутация бежала впереди него.

На с. 90 перечислен ряд взаимосвязанных тенденций общественного развития, оказывавших влияние на межнациональные отношения. Возникают вопросы, на которые, наверно, трудно получить определенные и четкие ответы, но все-таки. Например, отмечено, что нарастала самостоятельность союзных республик и воля граждан к обретению собственной «самостийности». Было бы интересно узнать мнение авторов, насколько это были объективные процессы, а насколько они являлись результатом деятельности этнических антрепренеров, пытавшихся получить (и многие получили) политические, экономические и социальные дивиденды от желанной «самостийности»? Такой же вопрос можно поставить и применительно к другим выделенным тенденциям общественного развития. На с. 92 приведены цитаты из статьи Н.В. Федорова, который писал, что распад СССР – это плата за имперское прошлое, что империи изжили себя в XX веке и пр. При этом фактически ставится знак равенства между, например, империями Британской, Французской и СССР. Но есть и иные точки зрения. Например, в 2011 г. на русском языке опубликована книга профессора Гарвардского университета Т. Мартина «Империя “положительной деятельности”». Нации и национализм в СССР, 1923–1939» (М., РОССПЭН, 2011). Автор считает, что в СССР в гораздо большей степени поддерживались культура, язык, элита и территории национальных меньшинств, чем национального большинства, то есть русских. В этом была оригинальность советской политики. СССР, по его мнению, не был ни федерацией, ни моноэтническим государством. Он вводит новое определение – империя аффирмативных акций, или «положительной деятельности». Если же иметь в виду последствия распада СССР и дезинтеграционных тенденций в России в 1990-х гг., то возникает много сомнений о направлениях транзита. При этом следует видеть особенности изменений на Украине, в Прибалтике, Белоруссии, Закавказье и Средней Азии. Да и в России, в первую очередь в некоторых республиках, сформировались властные кланы, деятельность которых как-то расходится с направлениями демократического транзита.

Несколько замечаний, связанных с развитием демократических тенденций в Чувашии. Когда идет речь о демократии, то обязательными ее элементами, кроме реального разделе-

ния властей, называют честные выборы, независимость прессы. Выборы, их прозрачность, являются одним из базовых элементов демократического процесса, но до сего дня их организация в России вызывает острые дискуссии между органами власти и оппозицией. Авторы достаточно подробно пишут о проведении различных выборов в Чувашии, но они не стали углубляться в такую, например, проблему, как использование административного ресурса, хотя, наверное, без этого трудно судить о становлении подлинных демократических принципов. Частично эта проблема затронута в тексте, повествующем о выборах Президента России в июне 1996 г. Отмечу, что это были события, когда государственная власть Чувашской Республики в основном исполняла законодательство о выборах и не занималась выкручиванием рук избирательных комиссий и населения. Напомню, что в республике Г.А. Зюганов на этих выборах набрал практически в 2 раза больше голосов, чем Б.Н. Ельцин, при этом во втором туре его позиции только укрепились. В это же время в ряде соседних регионов подобное соотношение изменилось на обратное, то есть действовавший президент во втором туре набирал больше голосов, чем лидер коммунистов, хотя и проигрывал по итогам первого тура. При этом использовалось откровенное давление на население, нагнетание страха угрозами отключить газ, прекратить различные социальные выплаты и пр. Иначе говоря, в Чувашии в 1996 г. прошли честные выборы Президента Российской Федерации, и во многом это была заслуга республиканских органов власти. Но авторы пишут о том, что последовало наказание: российское правительство не направило в республику средств на ликвидацию последствий урагана и на выплату детских пособий (с. 174). Трудно представить себе что-то более циничное и говорить при этом о движении к демократическим ценностям. Поэтому хотелось знать точку зрения авторов на проблему организации демократических выборов в Чувашии в последующее время в контексте реализации принципов демократического транзита. С этой же точки зрения проблемным представляется отношение к средствам массовой информации, пытающихся быть оппозиционными. Как оценить ситуацию, когда некоторые издания не могли быть тиражированы в Чувашии, а печатались за пределами республики? По крайней мере так утверждали лица, имеющие непосредственное отношение к подобным СМИ. Еще одна проблема – отрицательное отношение власти до 2010 г. к формированию Общественной палаты в республике, что некоторыми наблюдателями воспринималось как нежелание иметь в республике открытую площадку для оппозиционных высказываний. Без честных выборов и независимой печати, свободной возможности оппозиции говорить о проблемах общества и государства трудно вести речь о тенденциях движения в рамках демократического транзита, особенно с учетом замечания авторов о том, что транзитивность российского общества резко повышает значимость субъективных факторов, индивидуальной ответственности и коллективного соучастия в обеспечении управляемости происходящих изменений (с. 292). Заслуживает отдельного анализа ситуация, когда «Единая Россия» имеет заметное преимущество во всех законодательных институтах. Конечно, и для партии, и для органов исполнительной власти это весьма удобно, но, повторюсь, хотелось бы знать мнение авторов по поводу монополии в органах законодательной власти с учетом концептуальных позиций исследования. Применительно к России они отмечают, что качество демократичности новых политических институтов вызывает серьезные сомнения и споры (с. 298), а как с этой точки зрения дела обстоят в Чувашии?

Авторы много пишут о проблемах социально-экономического развития, раскрывают реализацию конкретных программ, принятых в Чувашской Республике, рассказывают об участии ее во множестве международных и российских проектах и т.п. Словом, речь идет о реальности важных направлений демократического транзита. С этой точки зрения представлены многие достижения республики, в частности в жилищном и дорожном строительстве, газификации сельских населенных пунктов, здравоохранении, образовании и т.д. Важно при этом понять направление и скорость тенденций развития. Если говорить об экономической политике в целом, то авторы приводят цитату Н.В. Федорова, который резко критиковал в 1996 г. федеральную политику в отношении промышленности, поскольку она была направлена в первую очередь на поддержку сырьевых отраслей (с. 242). Изменилось ли что-то принципиально за прошедшие полтора десятилетия? Как это отразилось на промышленности Чувашии? Можно привести примеры с «Химпромом», ХБК, другими предприятиями и увидеть, что тенденция, наверное, скорректирована, но серьезных изменений не произошло.

Если вести речь о российском законодательстве второй половины 1980-х и 1990 г., когда были приняты законы об индивидуальной трудовой и кооперативной деятельности, о государственном предпринятии, о кооперации и др., то их реализация, безусловно, изменила ситуацию, но чаще не в лучшую сторону. Была создана возможность для растаскивания государственной собственности, а затем произошла и чековая приватизация, прошли залоговые аукционы, в ходе которых практически за государственные деньги ряд личностей стали владельцами государственных же предприятий. Двусмысленность подобных действий признается не только представителями оппозиции, но и самыми высокими государственными чиновниками. На с. 81 авторы, судя по всему, приводят цитату Ю. Афанасьева «об изначальной преступности всего советского режима». Если залоговые аукционы проводились с нарушениями закона, как об этом сейчас нередко пишут, то можно ли применять формулу об изначальной преступности, по крайней мере, к современным владельцам заводов, газет, пароходов? Можно ли к России применить формулу М. Вебера о «капитализме родственников и друзей»? А как проходила приватизация в Чувашии? Все ли было нормально с точки зрения законодательства?

Еще одно наблюдение. На с. 297 авторы отмечают, что коррупция, социальное расслоение, отсутствие гарантий успешного будущего и др. вызывают критическое отношение населения к действиям органов власти и местного самоуправления по реформированию общества. С их точки зрения управленческие деструкции являются отражением общих социальных трансформаций, вызванных транзитивностью состояния, в котором мы находимся (с. 297–298). По мнению многих экспертов, например, уровни коррупции и социального расслоения в России не уменьшаются, а растут. По крайней мере о проблемах коррупции неоднократно говорили руководители страны. С этой точки зрения мы движемся не по пути стран Западной Европы, США и, например, Сингапура, а совсем в другую сторону. Это тоже транзит. Я понимаю, что и ремонт в квартире приносит много неудобств, жить в ней становится менее комфортно, но при этом каждый из нас имеет определенные перспективы и примерно знает, когда все закончится. И еще. Если полагать, что все управленческие деструкции – отражение социальных трансформаций, то какова тогда роль субъективных факторов и индивидуальной ответственности, о чем пишут авторы? (с. 292).

В последнем разделе большое внимание уделено человеческому потенциалу Чувашской Республики, в основном речь идет об образовании и здравоохранении. На мой взгляд, это очень важно – проанализировать изменения, которые происходят в этих сферах социальной жизни, непосредственно определяющих компоненты человеческого потенциала, то есть его здоровье, долголетие, уровень образования. Конечно, этот материал был бы еще убедительнее, если бы анализ подверглись и изменения, характерные для отдельных групп населения и всех граждан. Но это, наверное, дело будущего.

Чтение данного исследования вызывает и согласие, и желание подискутировать, словом оно будит мысль, что, собственно, и требуется от научного труда. Высказаться по всем поднятым проблемам в жанре рецензии просто нереально, и не хочу утверждать, что в ней я затронул наиболее важные сюжеты. Отмечу только, что теория демократического транзита применительно к переживаемым страной и обществом изменениям в последние 25 лет весьма плодотворна, но на этом пути есть немало трудностей, которые усугубляются, если вести речь об отдельных регионах страны. У меня остались вопросы и кое-какие сомнения по таким проблемам, как десоциализация общества, правовой нигилизм, становление гражданского общества и т.д. Но в целом отмечу, что авторами сделана полезная работа, во многом она является новаторской.

Литература

¹ Подробнее о современной «российскости» см.: *Тишков В.А.* Российская нация и росские национальности // *Российская нация: становление и этнокультурное многообразие.* М., 2011. С. 13–26.

В 2011 г. увидела свет книга «Чебоксары: Очерки истории города XVIII века», написанная в неразделённом соавторстве доктором исторических наук, профессором В.Д. Димитриевым и кандидатом исторических наук, доцентом С.А. Селивановой.

Когда впервые берёшь в руки этот объёмный (около 30 а. л. с ил.) и насыщенный фактическим материалом труд, даже имея некоторую подготовленность в изучаемой области, затрудняешься припомнить что-либо подобное, сопоставимое. На примере отдельно взятого уездного города на суд читателя представлена целая энциклопедия городской жизни XVIII столетия. Если же учесть, что перед нами вторая книга начатой В.Д. Димитриевым серии очерков о Чебоксарах¹, масштабность замысла и уровень его реализации ещё более впечатляют.

Города России и в целом, как явление, и в региональном измерении не обойдены вниманием исследователей. Счёт историческим работам о городах давно идёт на сотни, и самый белый историографический очерк занял бы многие страницы. В дореволюционный период важнейшие достижения отечественного городоведения были связаны с историко-юридическим направлением, основанным на тщательной разработке законодательных источников². Почти одновременно возникло социально-экономическое направление, ставшее доминирующим в исторических исследованиях советских лет³. С 1930-х гг. в отдельное направление оформился интерес историков архитектуры и градостроительства к эволюции систем городской застройки⁴. Достижением послевоенного времени явилась «этнография города», переключившая внимание исследователей с деятельности государства на бытовой уклад населения и очень обогатившая историческую литературу фактурно⁵. В рамках последней в 1980–1990-х гг. впервые в науке системно исследовался традиционный быт уездных городов Казанской губернии.

Книга В.Д. Димитриева и С.А. Селивановой, несмотря на то, что авторы уходят от прямого определения жанра своего исследования и ограничивают историографический раздел введения несколькими публикациями о Чебоксарах (с. 8–9)⁶, находится в русле общеисторической, а не краеведческой традиции. Названное очерками истории исследование выполнено в смежном поле нескольких областей знания – собственно истории и исторической этнографии, «гражданской» и «бытовой» истории, истории общества и истории архитектуры. В композиции книги, подборе и распределении материала, в суждениях и оценках авторов чувствуется их основательное знакомство с тенденциями исторической урбанистики, а также желание синтезировать наилучшим образом зарекомендовавшие себя подходы.

Книга основана на осмыслении огромной массы первичного архивного материала, не случайно для характеристики созданного на богатейшей фактической основе текста авторы используют термин «литературное оформление» (с. 10). В плане источников Чебоксарам, надо сказать, повезло: ценнейший для исследования фонд Чебоксарского магистрата сохранился за всё XVIII столетие (с. 9). Обилие авторских материалов, существенная часть которых впервые вводится в научный оборот, одна из самых сильных сторон работы. Впрочем, иного трудно ожидать от исследования, в числе авторов которого В.Д. Димитриев – выдающийся историк и источниковед. Его великолепные публикации⁷, предпринятые ещё в 1960–1980-х гг. были одним из факторов, позволивших состояться историко-этнографическому городоведению в Среднем Поволжье⁸, а в 2003 г. В.Д. Димитриев выступил с очерками истории Чебоксар «конца XIII – XVII веков»⁹, предварявшими рецензируемое издание. В послужном списке С.А. Се-

Александр Николаевич Зорин — доктор исторических наук, профессор кафедры социальных дисциплин Ульяновского государственного педагогического университета; e-mail: al_n_zorin@mail.ru

ливановой – диссертационное исследование уездных городов Свияжской и Алатырской провинции в 1700–1780 гг.¹⁰ Так что обращение соавторов к городской тематике и срезу XVIII в. основательно подготовлено.

История Чебоксар XVIII в. ранее изучалась в отдельных фрагментах. Из историков, кроме В.Д. Дмитриева, к чебоксарским материалам обращалась Л.М. Гаврилова в статьях, близких рецензируемой книге по тематике¹¹.

В очерках истории города В.Д. Дмитриев и С.А. Селиванова поставили целью привести в систему и связать воедино всю известную совокупность фактов о Чебоксарах XVIII в., дать этим фактам истолкование и даже восполнить некоторые утраченные фрагменты общей картины городской жизни. Четыре главы очерков последовательно характеризуют (1) селитьбу (городская территория, застройка, экология), (2) органы управления, (3) социально-экономический облик, (4) бытовую культуру города. Имеется смысловая переключка между главами (например, тема городских построек затрагивается в первой, второй и в четвёртой главах, каждый раз в новом ракурсе). Некоторые важные темы являются сквозными для всей книги («город и уезд», «город и инонациональное окружение» и др.).

Во всех разделах работы много материала о быте и бытовых подробностях. И в применении к городу, и в применении к уезду рассматриваются вопросы, характерные для этнографических трудов (например, на с. 40 рассматриваются сельскохозяйственные орудия, на с. 41 – бортничество, охота крестьян и т.д.). Каноны историко-этнографической литературы не особенно выдерживаются, авторы свободно комбинируют материал в интересах лучшей сбалансированности глав. С точки зрения этнографа, несколько неожиданными, например, являются название и композиция раздела «Материальная и духовная культура города. Быт горожан», куда включены в числе прочего рассматриваемые с искусствоведческих позиций памятники архитектуры (с. 264–282) и «сведения о росписях на церковных стенах, иконостасах, иконах и предметах богослужения, являющихся памятниками искусства и культуры» (с. 283–299). Этнографы обычно избегают рассмотрения подобных сюжетов, не считая их бытовой культурой. По-видимому, авторы учли широкий читательский интерес к указанной тематике.

Помимо положений, фундированных строго аутентичными материалами (таких подавляющее большинство), в книге представлены воспринятые с необходимыми ссылками оценки и суждения специалистов по чебоксарской архитектуре и градостроительству (с. 8), а также реконструкции по «принципу аналогии» (с. 10). Объём реконструкций, в сравнении с общим объёмом книги, невелик, но в некоторых разделах имеются их неизбежные сгущения. «Документы [...] архивных фондов – отмечают В.Д. Дмитриев и С.А. Селиванова, – в основном освещают социально-экономическую и политическую историю г. Чебоксары, но содержат мало сведений по истории культуры и быта горожан». Из-за «недостаточности таких сведений» использовался материал близких по изучаемому периоду работ М.Г. Рабиновича¹², в малой степени – публикации горьковского (нижегородского) краеведа Д.Н. Смирнова и некоторые другие издания. В частности, по принципу аналогии авторы допускают присутствие так называемой «живописности» (по терминологии Г.В. Алфёровой¹³), в плане Чебоксар XVII–XVIII столетий (с. 53), принимают тезис М.Г. Рабиновича о «белом» отоплении в городе (с. 266), городской костюм XVIII в. характеризуют из допущения, что его же продолжали носить пожилые люди в середине XIX в. (с. 308). В последнем из примеров в качестве «ключа» рекурсивно трактовано известное этнографическое описание Чебоксар П. Попова (1853 г.)¹⁴.

Понимая труднейшую задачу, которую пришлось решать авторам столь масштабного по тематическому охвату исследования, ограниченного рамками одного города, нельзя не заметить, что метод аналогии имеет внутренние ограничения. При его использовании упускаются такие доказанные явления, как (1) запаздывание бытовой культуры провинции относительно столиц и губернских центров, (2) возможное сосуществование архаичных и новационных бытовых комплексов в разных социальных средах, (3) возможное отражение в бытовой культуре миграционных потоков, формировавших городское население края, и т.д. Поволжские города заселялись на протяжении значительного исторического периода выходцами из многих областей страны, и эти выходцы выступали носителями различающихся локальных

традиций. Имел место процесс транспорта крестьянских традиций в города посредством миграций местного уровня и разнообразных взаимодействий города со своей округой.

Дополнительные проблемы встречает метод аналогии при наличии различающихся точек зрения на один и тот же вопрос. Рецензируемая книга принимает за данность собирательный культурно-бытовой портрет «русского феодального города», представленный в трудах признанного знатока истории материальной культуры, известного этнографа и археолога М.Г. Рабиновича. Однако этот портрет не во всех отношениях применим к «уездным городам Казанского Поволжья», что было показано исследованиями казанской этнографической группы 1980–1990-х гг.

Я далёк от мысли упрекать авторов рецензируемой монографии в каких-либо ошибках или недоучёте мнений, научный аппарат книги ни малейших нареканий не вызывает, но мне показалось, что в отсутствии прямых данных возможно стоило бы дополнительно подчеркнуть гипотетичность некоторых реконструкций и датировок.

Курные дома (если комментировать примеры, приведённые несколькими абзацами выше) сохранялись в поволжской деревне до 1930-х гг., и трудно поверить, что в малом городе, отстоящем от этой же деревни на несколько километров, ни одной такой постройки не было уже 200 лет назад, когда никто не регламентировал облик городских строений. Копоть, образующуюся при топке курной избы, невозможно смыть водой, её можно только соскоблить (удалить механически). Поэтому, если у С.М. Михайлова (1852 г.) сказано, что в Козьмодемьянске все без исключения граждане «от первого богача до последнего бедняка [...] скоблят стены и потолки»¹⁵ в своих комнатах, – это свидетельство либо курного отопления, либо его сравнительно недавнего исчезновения («пережиток» по этнографической терминологии). «Белые» избы подобного ухода не требуют, стены в них моют (не скоблят), или отбеливают бумагой (обоями), как это имело место в домах попуричнее даже в XVII в. (пример – дом нижегородского воеводы по описанию Олеария¹⁶). Дом с обоями либо совсем не имеет печи, либо имеет «белую» печь, даже если источник умалчивает о его отоплении; дом, стены которого скоблят, – либо курная изба, либо её наследник в первом поколении. В Присурских районах сарафаны доставали из сундуков как одежду своей молодости, в конце 1950-х гг.¹⁷, хотя по некоторым казалось бы надёжным и отражённым в академических изданиях источникам, сарафаны по всей России были сметены «фразвитием капитализма» к середине XIX в. Что касается термина «живописность», за ним скрывалось не ландшафтное проектирование, как думала Г.В. Алфёрова¹⁸, а невероятное убожество массовой городской застройки, скрадываемое, разве что, дистанцией наблюдения. За 80 лет историко-архитектурных исследований ни одного доказательства преднамеренного придания русским городам «живописного» вида сторонниками эстетической теории так и не было представлено. Даже в обыденном, а не специфически научном, понимании слово «живописность» не особенно вяжется с реальным, довольно неприглядным обликом провинциального города, на что авторы рецензируемой монографии обоснованно обращают внимание (например, с. 54).

Отметив допустимость полемики по таким вопросам, не стану в неё углубляться. Свою точку зрения на темпы развития материальной культуры поволжского города я неоднократно высказывал¹⁹.

XVIII столетие, избранное В.Д. Дмитриевым и С.А. Селивановой периодом исследования, в истории русских городов явилось этапом переломным. В ногу с веком Россия вступила на путь разрыва с социальной архаикой и «фасадной» европеизации. Самодержавие в этот период направленно разрушает старую и конструирует новую сословную структуру, видоизменяет систему управления и состав управленческих учреждений, принудительно создаёт по европейским образцам подобия общественных союзов на местах, ставит городам новые задачи административно-властного представительства, и соответственно этим задачам реконструирует городское пространство²⁰. Во второй половине XVIII в. законодательством формируется город как единое целое²¹, юридическое лицо. Тяжёлая для населения эпоха просвещающегося крепостничества остаётся одной из интереснейших для историка в плане понимания механизмов русского развития и природы русской «модернизации». По мысли власти, горожанам предстояло стать вторым после дворянства «эмансипированным» социальным слоем. В день своего рождения, 21 апреля 1785 г., Екатерина II подписала две Жалованные

грамоты – дворянству и городам. Дворянство уже было однажды пожаловано вольностями (18 февраля 1762 г.), горожане получали их впервые и не сразу смогли ощутить. Весь XVIII в. бесправное в своей массе городское население «было задавлено податями и повинностями» (с. 239–244). «Бремя служб было значительным, – констатируют В.Д. Дмитриев и С.А. Селиванова. – [...] Несмотря на многочисленные жалобы, службы оставались неотъемлемой частью податного состояния горожан [...]. Помимо уплаты подушной подати, отбывания различных повинностей и служб горожане выплачивали многочисленные косвенные сборы, к которым относились таможенные, кабацкие, канцелярские сборы и оброчные статьи» (с. 251).

Закономерно в центре внимания авторов книги оказываются властный и социально-экономический механизмы, определяющие основные черты быта уездного города, положение посадского населения, а также взаимодействие города с его сельским окружением. «Чебоксары и политически [...], и экономически [...], в определённой мере и культурно [...] были тесно связаны с уездом – сельской округой» (с. 32). В первой же главе после краткого рассмотрения природно-климатических условий (с. 13–15), интересных подробностей о том, как мерилась городская граница – «межа» (с. 15–17), оценки численности и эволюции сословного состава населения Чебоксар XVII–XVIII вв. (с. 19 и далее), вводится материал по Чебоксарскому уезду (с. 32 и далее). Тема города и его окружения в дальнейшем проходит через всю работу, каждый раз поднимаемая в новом ракурсе (административно-правовом, социально-экономическом, этноконфессиональном, культурно-бытовом).

Очень подробно и целиком на первичном материале рассматривается функция города как управленческого центра (с. 83 и далее). Детально разбираются юрисдикция над городами, система должностей, органы управления посадом, полицейский аппарат, организация сбора податей и исполнения повинностей, контроль за перемещениями населения. Уделено внимание взаимоотношениям властных структур, подробностям их практической деятельности, например, какие именно документы, и в каком количестве оформлялись при приёме в цех (с. 152), как подавались жалобы, как баллотировались магистратские чины (с. 155), сколько зарабатывал ратман, какая была продолжительность рабочего времени чиновников, как часто проводились «сходы» посадской общины (с. 156) и т.д.

Источники, привлечённые В.Д. Дмитриевым и С.А. Селивановой, рисуют картины диких нравов эпохи, повсеместных насилий и грабежей (с. 102–103 и далее), произвола и злоупотреблений администрации – содержание под стражей и нанесение увечий с целью вымогательства, массовые экзекуции с целью понуждения к работе и др. (с. 106 и далее, с. 109 и далее). Фактические данные безупречны. Используются надёжные свидетельства, в том числе материалы следствий.

Дополнительный этнографический колорит книге придаёт постоянно присутствующий авторский интерес к чувашскому окружению Чебоксар. Национальные взаимоотношения показаны объективно – далёкими от идиллии. Так, В.Д. Дмитриев и С.А. Селиванова замечают: «Чувашские государственные крестьяне являлись неисчерпаемым источником обогащения для торговцев и промышленников Чебоксар» (с. 43); «...Чуваши допускались в управление только в самом нижнем уровне власти. Самая высшая должность, на которую мог рассчитывать нерусский – должность волостного сотника» (с. 104). Авторы точно выдерживают интонацию, не утрируют этноконфессионального противостояния, тем более что приводимые факты насилий администрации, мелких служилых людей, представителей торгово-промышленного класса над этническими чувашами говорят сами за себя (с. 106–108, 110, 136–137, 338–339 и др.).

Город как центр власти, церковного владения и принудительной христианизации (с. 105 и далее; с. 138; и др.) – эти аспекты в книге слиты в одну общую тему (и одну главу). В.Д. Дмитриев и С.А. Селиванова пишут: «В своей политической деятельности духовные правления зачастую выступали как светские органы власти. Вместе с христианскими миссионерами ездили воинские команды, определённые от воеводских канцелярий» (с. 147). Тема официальной церкви берётся очень широко. Представлены сведения о положении духовенства, роли монастырей в русской колонизации края (с. 127 и далее), устройстве монастырского хозяйства (с. 130 и далее).

Со всей возможной тщательностью изображён экономический быт чебоксарцев. Много интересного материала приведено о состоянии торговли, ремёсел и промыслов: предметы

торговли, состав торгующих (с. 190 и далее), регламентация торговли и ценовое регулирование (с. 184), механизмы займа, состав заёмщиков (с. 192) и т.д. Рассмотрены основные производства, контролируемые чебоксарским предпринимательским классом: винокурение в городе и уезде (с. 205 и далее), мукомольное (с. 209), кожевенное (с. 212–213), салотопенное (с. 215), лесопильное (с. 216), колоколенное (с. 216–217), кирпичное (с. 217). Учтено, что горожане развивали свою деятельность не только в рамках города, но и в уезде, а также «многоотраслевой» характер некоторых купеческих и чиновничьих хозяйств (с. 205).

Тема торгов, ремёсел и промыслов трудна для описания, поскольку кажется исхоженной вдоль и поперёк. Авторам удаётся оживить изложение бытовыми подробностями. Так, на с. 204 приведена челобитная 1761 г. в Чебоксарскую воеводскую канцелярию, из которой выясняется, как происходило выколачивание долговых денег и вербовка рабочих людей на Юговские медеплавильные заводы Чернышева. На с. 217 приведён замечательный документированный пример конкуренции: надворный советник И.А. Соловцов и его сын отставной капитан И.И. Соловцов угрозами и насилием присвоили себе право на разработку найденных тульским купцом-промышленником И.Е. Федоркиным запасов железной руды близ чувашской деревни Асановой и т.д.

Весьма уместно привлечён такой специфический источник, как чувашские исторические предания. Один частный эпизод, отложившийся в народной памяти, характеризует производственные отношения «золотого века» (как называют иногда XVIII столетие в Чебоксарах). Чуваши, запомнив кого-то из Котельниковых, владельцев винокуренного завода, как «купца Кудельникова», рассказывали, что нещадный эксплуататор скармливал получивших увечья работников собакам (с. 220). Если это и не исторический факт, то, во всяком случае, несомненная когниция – шаблон восприятия рядовыми тружениками своего правового (оно же бесправное) положения.

Обилие в очерках информации о торговле и «промышленности» (т.е. «промыслах») по синхронной терминологии) требовало бы, как я думаю, некоторой оговорки. XVIII в. в Чебоксарах действительно выделяется «торгово-промышленным развитием» (с. 351), но не потому, что город приобрёл качественно новое социальное состояние, а главным образом по контрасту со следующим, XIX в., когда Чебоксары захирели от конкуренции с Нижним и Казанью (с. 6). Тезис о «ростках будущего капиталистического способа производства» на чебоксарских крепостнических предприятиях (с. 223) мне представляется в этой связи данью советской историографической традиции.

Марксистская идея «мануфактуры» (т.е. «рукодельни», manus – рука, и facere – делать), которая всё ещё используется в отечественном общественном сознании для обозначения некоей стадии, предшествующей капиталистической «фабрике» в историческом процессе становления производства, сама по себе не столь уж бесспорна. Философская, а не историческая в основе, она игнорирует тот факт, что крупные предприятия с ручным трудом и очень узкой специализацией работников (рабов) были известны ещё Древнему миру. Их существование не привело к возникновению «буржуазного общества» и не превратило труд в «товар». Вся «социология» рушится при первом столкновении с действительностью – как, спрашивается, могло существовать без высочайшей специализации трудовых операций античное судостроение с его изумительной сложности конструкциями (например, корабли озера Неми), или как без той же специализации можно было построить Парфенон? С другой стороны, волжский бурлак продавал свой труд именно как товар, не являясь «пролетарием» и не имея отношения к машинному производству, например, в Козьмодемьянском уезде бурлачить ходили из богатых, по местным понятиям, семей²².

В марксистской историографии не было единства по вопросу о капитализме в России. Г.В. Плеханов, как известно, даже в современной ему России (конца XIX – начала XX в.) ограничивал капитализм всё теми же «ростками», полагая этот строй делом будущего, а П.Б. Струве, переживший период увлечения марксизмом, называл воротами в капитализм совсем не мануфактуру, а крепостническое барщинное хозяйство²³.

Несравненно более плодотворной мне представляется заложенная в рецензируемую книгу идея исследования экономической активности городского населения не в пределах городской черты, а в пределах всей тяготеющей к нему сельской округи. Идея находит осно-

вательные подкрепления в исторической и историографической традиции, отражает действительную социальную природу города, его функции местного центра, а не промышленного района.

Подводя итоги, отмечу, что книга В.Д. Димитриева и С.А. Селивановой – не просто очередное издание «о городах», а работа, задающая в некотором смысле новые стандарты в области исторического городоведения: стандарт описания отдельных поселений, новый уровень бытовой детализации и наблюдения национально-культурных взаимодействий по традиционным историческим источникам, новое понимание взаимоотношений города с уездом. Текст имеет очень высокое качество и информативность.

Добрых слов заслуживает Чувашское книжное издательство. Книга подготовлена с художественным вкусом, оформлена почти подарочно, снабжена иллюстрациями альбомного качества. Для изданий, содержащих изобразительный материал (план, постройки, произведения искусства, памятники архитектуры), уровень полиграфии особенно важен. Внешняя привлекательность вместе с живым языком, ясностью и структурированностью очерков позволяют утверждать, что труд окажется интересным не только профессиональной, но и более широкой читательской аудитории. С таким прицелом, на мой взгляд, в приложении включён полезный массовому читателю словарь устаревших слов.

Книгу В.Д. Димитриева и С.А. Селивановой смело можно рекомендовать всем, кто интересуется русской городской традицией, историей и культурой народов Поволжья. Несколько отвлекаясь от сухого стиля научной рецензии, остаётся поздравить авторов этого прекрасного издания с новым ярким творческим успехом.

Литература

¹ Димитриев В.Д. Чебоксары: Очерки истории города конца XIII–XVII веков / Отв. ред. В.А. Прохорова. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. 178 с.

² Например: *Плошинский Л.О.* Городское или среднее состояние русского народа в его историческом развитии, от начала Руси до новейших времён. СПб., 1852. XV, 286 с.; *Пригара А.* Опыт истории состояния городских обывателей в Восточной России. СПб., 1868. Ч. 1. 171 с.; *Самоквасов Д.Я.* Древние города России. СПб., 1873. 165, 25 с.; *Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. СПб, 1875. 511 с.; *Его же.* Городское самоуправление в России. Ярославль, 1877. 563 с.

³ В числе лучших: *Смирнов П.П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. 487 с.; *Его же.* Города Московского государства в первой половине XVII века. Киев, 1919. 356 с.; *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 477 с.; *Рындзюнский П.Г.* Городское гражданство дореформенной России. М.: Издательство АН СССР, 1958. 559 с.; *Миронов Б.Н.* Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние. 1990. 272 с.

⁴ *Шкариков В.А.* Планировка городов России XVIII и начала XIX века. М.; Л.: Издательство Всесоюзной Академии архитектуры, 1939. 254 с.; *Тверской Л.М.* Русское градостроительство до конца XVII в. М.; Л.: Гос. изд-во по строительству и архитектуре, 1953. 216 с.; *Алферова Г.В.* Организация строительства городов в русском государстве в XVI–XVII вв. // Вопросы истории. 1977. № 7. С. 50–67; *Её же.* Математические основы русского градостроительства XVI–XVII вв. // Естественнонаучные знания в Древней Руси. М., 1980, С. 109–133; *Её же.* Русские города XVI–XVII веков. М.: Стройиздат, 1989. 216 с.

⁵ *Крупянская В.Ю., Полищук Н.С.* Культура и быт рабочих горнозаводского Урала. Конец XIX – начало XX в. М., 1971. 238 с.; *Рождественская С.Б.* Жилище рабочих Горьковской области. XIX–XX вв.: этнографический очерк. М., 1972. 156 с.; *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского феодального города. М., 1978; *Его же.* Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988. 312 с.; *Жирнова Г.В.* Брак и свадьба русских горожан в прошлом и настоящем: по материалам городов средней полосы РСФСР. М., 1980. 150 с.; *Анохина Л.А., Шмелева М.Н.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем: на примере городов Калуга, Елец, Ефремов. М., 1977. 359 с.; Юх-

нёва Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX в.: статистический анализ. Л., 1984. 223 с.; Будина О.Р., Шмелева М.Н. Традиция в культурно-бытовом развитии современного русского города // Советская этнография. 1982. № 6. С. 27–39; Их же. Город и народные традиции русских: по материалам Центрального района РСФСР. М., 1989. 256 с.; Зорин А.Н. Уездные города Казанского Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. 156 с.; Его же. Застройка и экология малых городов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990. 279 с.; Его же. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в.: историко-этнографический очерк. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. 255 с.; Его же. Города и посады дореволюционного Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. 893 с.; Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин и др. Ульяновск: Изд-во гос. науч. учреждения «Средневожский научный центр», 2000. 693 с.

⁶ Здесь и далее в тексте в скобках указываются номера страниц рецензируемой книги.

⁷ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века (до крестьянской войны 1773–1775 годов). Чебоксары, 1959. 531 с.; Его же. Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986. 456 с.; Его же. Документы по истории города Чебоксары XVII–XVIII веков // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1962. Вып. 21. С. 282–318. Его же. «Царские» указы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1974. С. 284–419; Его же. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI – начала XVII веков // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1963. Вып. 22. С. 106–136; Его же. История Чувашии второй половины XVI – начала XVII вв. // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары. 1965. Вып. 29. С. 135–183.

⁸ См. Очерки городского быта ... С. 13.

⁹ См. примечание 1.

¹⁰ Селиванова С.А. Уездные города Свияжской и Алатырской провинции в 1700–1780 годах: проблемы политической и социально-экономической истории города в многонациональном регионе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Чуваш. гос. ун-т; науч. рук. В.Д. Димитриев. Чебоксары, 2002. 28 с.

¹¹ Гаврилова Л.М. Застройка города Чебоксары в XVIII – первой половине XIX вв. // Вопросы истории и этнографии города: сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 22–45; Её же. Административная роль Чебоксар в XVIII–первой половине XIX вв. // Исследования по истории дореволюционной Чувашии: сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 17–34; Её же. Социальный состав и положение населения Чебоксар в XVII – первой половине XIX веков: сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 3–15; Её же. Промышленность и торговля в г. Чебоксарах в XVIII – первой половине XIX вв. // Проблемы истории промышленности и рабочего класса Чувашии: сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 3–25.

¹² Указаны в примечании 4.

¹³ Г.В. Алфёрова под этим термином понимала целенаправленное «ландшафтное» проектирование древнерусских городов с эстетическими целями, превосходящее европейское градостроительство.

¹⁴ Попов П. Этнографическое описание города Чебоксар и уезда его. 1853 г. Архив Русского географического общества. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 101.

¹⁵ Михайлов С. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. С. 123.

¹⁶ Олеарий А. Описание путешествия в Московию в Персию и обратно / Введ., пер., прим. и указ. А.М. Ловягина. Спб.: Изд. А.С. Суворина, 1906. С. 358.

¹⁷ См. Бусыгин Е.П., Зорин Н.В. Русское население Чувашской АССР. Материальная культура. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. С. 205.

¹⁸ См. работы Г.В. Алфёровой, указанные в примечании 4.

¹⁹ См. Зорин А.Н. Уездные города Казанского Поволжья; Его же. Застройка и экология малых городов; Его же. Города и посады дореволюционного Поволжья.

²⁰ Зорин А.Н. Население и пространство провинциальных городов России: опыт и итоги государственной реформации // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–

XX веков. Материалы международного коллоквиума. СПб.: Европейский дом, 2009. С. 174–192.

²¹ До этого «городом» называлось либо центральное укрепление, либо конгломерат сословно разнородных поселений к этому укреплению примыкающих, а то и целый регион из этого укрепления управляемый.

²² См. Михайлов С. Труды ... 1972. С. 156, 279.

²³ Струве П.Б. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. СПб.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1913. 112 с.

ЧГВ, 2012 г., № 7

© М.Г. Кондратьев. Рец. на: Бояркина Л.Б. **Мордовская музыкальная энциклопедия** / Л.Б. Бояркина; [под. общ. ред. Н.И. Бояркина]. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2011. 432 с.

Известно, что отечественная музыкально-энциклопедическая литература в России небогата оригинальными изданиями высокого уровня. Со времени выхода последнего шестого тома первой и пока единственной музыкальной энциклопедии минуло ровно тридцать лет. Однотомный «Музыкальный энциклопедический словарь» вышел более двадцати лет тому назад. В последние годы появились объемистые переводные издания, но, когда в них не находишь хотя бы упоминания такого важного для русского и некоторых других народов нашей страны инструмента как гусли¹, испытываешь чувство досады – ведь это мы сами столь вяло работаем в области этноорганологии. Хочется добрым словом вспомнить москвича Левона Акопяна, который результативно трудится на современной энциклопедической ниве: создал оригинальный однотомник «Музыка XX века», а также перевел однотомный вариант Гроува², изданный с дополнениями Акопяна (как в свое время поступил и Юлий Энгель при переводе «Музыкального словаря» Г. Римана).

В таком контексте обращает на себя внимание совершенно новый феномен российской культуры – появление солидных региональных энциклопедических изданий, как однотомных, так и многотомных, в той или иной степени преодолевающих планку местного краеведения и по содержанию, и по форме. Так, уже вышли в свет пензенская, челябинская, ульяновская, башкирская, марийская, мордовская, татарская, чувашская и другие энциклопедии³ универсального характера. В Якутске издана специализированная «Энциклопедия культуры и искусства Якутии» (2011). Их авторы обогащают информационное поле отечественной культуры данными о явлениях и фактах, характерных для конкретных культур и регионов страны, добавляя немало новых сведений, порой весьма ценных, притом недоступных энциклопедистам, работающим в столице. А последние, как показывает практика, подобно современным исследователям общегражданской истории, проявляют возрастающий интерес к культуре всего пространства страны. Показателен в этом плане, например, раздел в томе 10В «Истории русской музыки» (2011) «Концертная жизнь провинции» рядом с традиционным, посвященным Санкт-Петербургу и Москве.

Среди новейших изданий появилась и собственно музыкальная «первая ласточка» – «Мордовская музыкальная энциклопедия» (ММЭ), представляющая впервые систематизированный материал о музыкальной культуре одного из крупных народов современной России. Автор книги – кандидат искусствоведения Людмила Бояркина. Окончив в 1972 г. Казанскую консерваторию как пианистка, она увлеклась этномузыковедением, в 1985 г. окончила аспирантуру под руководством проф. Е.В. Гиппиуса и выросла в одного из видных музыковедов и музыкантов-педагогов Республики Мордовия. Наряду с исследовательскими трудами, Людмила Борисовна уже имела опыт создания энциклопедического справочника «Хоровая

Михаил Григорьевич Кондратьев – доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: mikh-kondratev@yandex.ru.

культура Мордовии: фольклор, традиции, современность» (2006). Новый ее труд в соответствии с жанром энциклопедии значительно расширяет охват проблематики национального искусства, освещая вопросы традиционного народного музыкального и хореографического искусства, современных исполнительского, композиторского творчества, музыковедения и музыкального образования Мордовии и ее внешних связей с русской и другими музыкальными культурами. Как положительный момент стремления к полноте раскрытия отдельных тем, можно отметить привлечение к написанию нескольких статей и других авторов.

* * *

Республика Мордовия – одна из «гочек роста» региональной музыкальной науки, имеющая в своем багаже немалые достижения. В 1981–1988 гг. лицо местного музыковедения определили три монументальных тома «Памятников мордовского народного музыкального искусства», составленные Н.И. Бояркиным и изданные под редакцией Е.В. Гиппиуса, а также исследовательские работы – как самого Бояркина, так и ряда его коллег. Разнообразную информацию об этих исследованиях можно почерпнуть в статьях ММЭ «Монографические исследования мордовской народной музыки», «Мордовская музыкальная фольклористика», «Мордовский фольклор в русских периодических изданиях», «Музыкальная публицистика и критика», а также в персоналиях о Т.М. Ананичевой, В.М. Беляеве, Н.И. Бояркине, Л.В. Бражник, Н.Е. Булычевой, Н.И. Ворониной, И.А. Галкиной, Е.В. Гиппиусе, И.И. Земцовском, М.Н. Нигмедзянове, Т.И. Одиноквой, Ф.А. Рубцове, Г.И. Сураеве-Королеве и других исследователях. Специфический интерес для российского читателя могут представить впервые собранные под одной обложкой статьи об ученых Австрии (Р. Ллах), Финляндии (П. Вапаавуори, А. Вяйсянен, Х. Паасонен, И. Саастамойнен, А. Шегрен), Венгрии (Л. Викар), Эстонии (У. Кольк, И. Рюйтель), уделяющих немало внимания мордовской народной музыкальной культуре. Эта тема обобщена и в статье «Мордовская музыка в трудах зарубежных ученых». Одной из сквозных тем ММЭ является тема музыкального финно-угроведения, о чем можно судить по статьям «Взаимосвязи мордовского и финно-угорского фольклора», «Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народностей», «Финно-угорское общество», «Общество «Финно-Угрия»; причем в последних из названных статей возникает ощущение некоторой избыточности этнокультурной информации, не относящейся непосредственно к музыке.

О национальных особенностях многовековой устной певческой и инструментальной традициях мордвы можно узнать из статей «Лады мордовской народной музыки», «Многоголосие народное», «Инструментальная народная музыка (жанровая система)» и «Инструменты музыкальные народные и звуковые орудия (систематика)». Это, кажется, наиболее разработанная в Мордовии часть этномузыковедения, что подтверждается, в частности, статьями «Многомикروفонные звукозаписи мордовской народной музыки» и «Партитурные аналитические нотации произведений мордовской народной музыки», а также описаниями отдельных жанровых разновидностей песен и музыкальных инструментов (например, «Байдяма, люляма», «Балалайка», «Гармони(й)ка», «Гивгор, килей цёков», «Дорама, торама», «Кальхциямат, кальцаемат» и т.д., всего более двадцати статей о народных инструментах). Большое место отведено характеристикам музыкальных культур локальных этнических и территориальных групп (см. «Левженская музыкальная традиция», «Мокша-мордовская песенная культура», «Песенная культура эрзянских переселенцев Среднего Заволжья», «Музыкальный быт мордвы-духоборов», «Песенное искусство мордвы Сибири и Дальнего Востока», «Терюхано-мордовская песенная культура», «Шокша-мордовская песенная культура»).

Именно здесь становится заметной сравнительная молодость мордовского этномузыковедения, быстро осваивающего поле родной культуры сразу во многих направлениях. Даже не обращая внимания на необъясненный понятийно-терминологический «разнобой» (так, для описания *семи* групп использовано *четыре* термина: «музыкальная традиция», «песенная культура», «музыкальный быт», «песенное искусство»), читатель вправе задать вопросы: почему не дается целостная характеристика музыки одного из важнейших компонентов этноса – мордвы-эрзи, а говорится только об эрзянах-переселенцах. Почему нет общей статьи о региональных музыкальных традициях вообще, а есть статья «Региональные традиции мордовского народного многоголосия» (впрочем, понятно – многоголосие в трудах Н.И. Бояркина изучалось наиболее основательно; но при этом отсутствует и увязка со статьёй «Многоголосие народное»,

хотя бы в виде ссылки). Равным образом хотелось бы видеть и обобщающую статью под названием «Мордовская народная музыка», которая охватила бы все аспекты, связав разнообразные данные из множества других статей в целостную картину.

Статьи о современном музыкальном искусстве в ММЭ занимают столь же большое место. Помимо огромного количества персоналий, оно представлено почти в двух десятках статей о жанрах, культивируемых в творчестве композиторов республики (см. «Вокально-хореографическая сюита», «Детская хоровая музыка», «Духовая музыка», «Духовная хоровая музыка», «Камерно-инструментальная музыка», «Кантата, оратория», «Музыка для русских народных инструментов», «Обработки мордовских народных песен», «Театральная музыка», «Песни», «Романсы» и т.д.). Уделено внимание истории и деятельности Союза композиторов Республики Мордовия и его предшественника – Объединения композиторов Мордовской АССР. Отражена деятельность исполнительских коллективов, как профессиональных («Государственный камерный оркестр РМ», «Государственный камерный хор РМ», «Государственный музыкальный театр им. И.М. Яшуева», «Мордовская государственная филармония»), так и учебных, любительских и фольклорных хоров, ансамблей и оркестров. Развитие музыкального образования показано на примере Мордовского республиканского культурно-просветительного и Саранского музыкального училищ. Есть сведения о нескольких российских консерваториях, которые оканчивали посланцы Мордовии. Вместе с тем было бы нелишне дать также представление о начальном (детские музыкальные школы и школы искусств) и высшем звеньях специального музыкального образования в самой республике. Последнее, насколько известно (например, по упоминанию в статье «Народно-хоровая капелла Мордовского государственного университета»), представлено в виде информации о деятельности Института национальной культуры Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. К сожалению, эти стороны музыкального образования в энциклопедии не раскрыты.

Несомненно, читателю будет интересно узнать и об этнических корнях таких известных в русской культуре музыкантов как Лидия Русланова, Надежда Кадышева, композитор Александр Аверкин. Солидный и современный вид одному человеку придадут иллюстрации: он щедро оснащен нотными примерами, фотопортретами персонажей, тематическими репродукциями, рисунками – цветными и черно-белыми. В приложениях представлены дискография мордовской музыки, этномузыкальный терминологический словарь, библиографические списки.

* * *

Естественно, в ММЭ можно обнаружить и простые неточности и пробелы. Например, в статье «Фестиваль музыки композиторов автономных республик Поволжья и Приуралья» пропущены данные о фестивалях 1992 г. в Ижевске и 2005 г. – в Чебоксарах. Читая любопытные статьи «Христианские хоровые традиции в быту мордовского народа» и «Церковно-певческое образование в Мордовском крае», не встречаешь имени С.В. Смоленского – выдающегося музыканта, оставившего заметный след в культуре народов Поволжья. Он, несомненно, заслуживает в ММЭ не только упоминания, но и персоналии, хотя бы потому, что среди его непосредственных учеников были и такие выдающиеся фигуры просвещения мордвы, как Авксентий Юргов и Макар Евсевьев⁴.

В текстах статей недостаточно использована система перекрестных ссылок. Непоследовательно выстроен сам словник энциклопедии. Например, вне непосредственной проблематики данного тома статьи «Финно-угорское общество» и «Прозаические жанры мордовского фольклора» (вместо последней естественно было бы написать иную: «Музыка в прозаических жанрах мордовского фольклора»). Зато в словнике практически не представлены обобщенные музыкально-теоретические категории. Если и появляется тот или иной музыкальный термин, то исключительно в частном значении, в составе единичного понятия. Смотрим единственную статью, начинающуюся со слова *музыка*. Оказывается, она – об определенном рода сочинениях («Музыка для русских народных инструментов»). Точно так же статья, начинающаяся со слова *ансамбль*, посвящена творческой истории инструментальной группы государственного ансамбля «Умарина». Понятие *аранжировка* отсылает к статье «Обработка...» и касается только народных песен, только мордовских и только для хора. Статья о *ладах* обсуждает их проявления только в мордовской музыке. Дефиниции подобных общеупотребительских понятий,

если и имеются, то в виде цитат из иных авторов, что не принято в энциклопедических текстах⁵. Статей о таких фундаментальных понятиях теории музыки как *гармония, мелодия, полифония, гетерофония, монодия, диатоника, пентатоника, метр, ритм, форма, композиция, фактура* и т. п., без которых нельзя обойтись при анализе мордовской (как и любой другой) музыки, в словнике нет вообще. А ведь в свете тех или иных особенностей национальной культуры универсальные категории музыкознания могли бы «заиграть» новыми гранями, специфическими для нее. Но автор ММЭ как бы не решается взять на себя ответственную задачу определять их самостоятельно. Можно предполагать, что это – последствия пока еще не преодоленного комплекса «краеведческого» музыковедения. Но ведь, согласно народной мудрости, коли назвался груздем – полезай в кузов! Называешь свой труд энциклопедией – **будь ласка, со-ответствуй!**

Однако взглянем на этот увесистый том с высоты птичьего полета. Несомненно, что «Мордовская музыкальная энциклопедия» вводит в общедоступный научный и практический оборот большой российской культуры новый обширный и ценный материал. Сохраняя в своем содержании отчетливый музыкально-этнографический и краеведческий оттенок, она обобщает основные достижения современного мордовского музыкознания и является крупным вкладом в развитие музыкально-энциклопедической работы всего Волго-Уральского региона. Разумеется, первый опыт «культуры-неофита» в столь сложном жанре в принципе не может быть идеальным. В любом случае, смелая и в целом успешная попытка автора «Мордовской музыкальной энциклопедии» взять эту высоту заслуживает уважения и одобрения.

Примечания

¹ См.: Музыкальные инструменты мира: иллюстрированная энциклопедия / Пер. с англ. Т.В. Лихач. Минск: Попурри, 2001. 320 с.: ил.

² *Акопян Л.О.* Музыка XX века: энциклопедический словарь. М.: Практика, 2010. 855 с.; Музыкальный словарь Гроува / Пер. с англ. М.: Практика, 2001. 1095 с.

³ См.: Региональные энциклопедии в культурном пространстве России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 17–18 авг. 2007 г.). Чебоксары, 2009. Новейшие данные можно найти на странице «Региональные универсальные энциклопедии России» сайта Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).

⁴ См.: *Смоленский С.В.* Воспоминания: Казань, Москва, Петербург / Госуд. ЦММК им. М.И. Глинки; подг. текста, вступ. ст., коммент. Н.И. Кабановой; науч. ред. М.П. Рахманова. М.: Языки славянской культуры, 2002. (Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. 4.) С. 180.

⁵ Впрочем, уместно вспомнить такую же первую ласточку советского времени – «Энциклопедический музыкальный словарь» Б.С. Штейнпресса и И.М. Ямпольского (М.: СЭ, 1959), где, например, статья «Мордовская музыка» состояла даже не из цитаты, а из простого указания на источник (с. 159). На том же развороте аналогично «фаскрыты» темы «Молдавская музыка», «Мольер и музыка», «Монгольская музыка».

ЧГВ, 2012 г., № 7

© Г.А. Николаев. Рец. на: Исхаков Р.Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.) / Радик Исхаков. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 222 с.

Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Волго-Уралье в период Петербургской империи принадлежит к числу активно изучаемых тем. Каждая новая крупная работа, выполненная по названной пробле-

Геннадий Алексеевич Н и к о л а е в – кандидат исторических наук, заместитель директора по науке и развитию Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: nicga50@rambler.ru.

матике в Новейшее время, как правило, знаменует собой преодоление очередного научного рубежа в ее разработке. Отрадно отметить, что к их числу относится и обстоятельная монография молодого татарского исследователя Р.Р. Исакова. В объективе анализа автора – миссионерство и мусульмане Волго-Камья в последней трети XVIII – начале XX в. Преследуемая цель – освещение миссионерской деятельности Русской православной церкви (РПЦ) в отношении приверженцев ислама: татар, башкир и казахов. Территориальные рамки исследования охватывают социокультурное пространство пяти епархий: Казанской, Вятской, Нижегородской, Симбирской и Самарской.

Монография Р.Р. Исакова выполнена согласно традиционному формату. Она включает введение, четыре главы, заключение, приложение и список сокращений. Во введении дана постановка научной проблемы, намечены цели и задачи исследования, определены его хронологические и территориальные рамки. В разделах последовательно, шаг за шагом, раскрывается изучаемая тема. В заключении подведены итоги. Некоторый отход от общепринятой классической модели составляет только отсутствие историографического анализа имеющейся по теме литературы и критики использованных исторических источников.

Рецензируемая работа являет собой стройную логическую конструкцию, объединяющую гармонически сочетающиеся между собой информационно-аналитические составляющие. Сочинение открывается главой «Государственно-конфессиональные отношения в Волго-Камье в последней трети XVIII – первой половине XIX в.», освещающей место православия и Русской православной церкви в политической системе державы, взаимоотношения Русского государства с мусульманским миром и собственной мусульманской уммой Волго-Камья. Исследуя данные блоки вопросов, он пришел к заключению, что система взаимоотношений между властью и мусульманской общиной, выработанная в ходе эволюции Русского государства, включала в себя полярные модели взаимодействия, направленные как на компромисс – сотрудничество с мусульманской элитой, терпимость к культурной и религиозной самобытности носителей названной традиции, так и на конфронтацию – христианизацию и русификацию приверженцев ислама. При этом, как следует из выполненного исследования, превалировала первая модель, знаменующая собой прагматический курс. Вместе с тем в отдельные отрезки времени, в зависимости от обстоятельств внутреннего и внешнего плана, Русское государство в силу своей специфической «природы» – имперской идеологии, основанной на православии, и «особого» отношении к православной церкви – в той или иной мере прибегало и к реализации второй модели.

Во второй главе «Православная миссия в Волго-Камье в последней трети XVIII – первой половине XIX в.» объектами изучения выступают два взаимосвязанных сюжета – крещенотатарская паства и православная миссия в дореформенное время. Исходной точкой для анализа правомерно служит положение, что без длительного периода приобщения неопитов к новой вере акт крещения иноверцев сам по себе обречен был стать лишь формальным действием. В последней четверти XVIII – первой половине XIX в. процесс «отхода» крещеных татар от православия, как явствует из текста книги, из единичных случаев перерос в массовое явление. Подобное развитие событий автор находит закономерным. Неудача утверждения крещеных татар в православии, по его мнению, объясняется отсутствием должной, соответствующей сложности решаемой задачи, организации православной миссии. Не имея соответствующей профессиональной подготовки и не зная языка прихожан, местное приходское православное духовенство было не в силах сколько-нибудь заметно влиять на сложившуюся в крещенотатарской деревне конфессиональную ситуацию. Де-юре являясь православными, де-факто «новокрещены» оставались мусульманами – продолжали тайно исповедовать ислам. Православное богослужение, проводившееся на церковнославянском языке, не доходило до их сознания. Они совершенно не разбирались в христианском вероучении, не понимали православных обрядов и т.д. Тесно связанные с мусульманским миром, «неофициальные мусульмане» стремились вернуться к природной вере, легализовать свой действительный конфессиональный статус. Процесс «отхода» крещеных татар в ислам нарастал с каждым десятилетием, становясь все более упорным. В складывающейся ситуации, чтобы удержать номинальных христиан в новой вере, как аргументированно доказывает исследователь, православная церковь вынуждена была, с одной стороны, прибегать к испол-

зованию административного ресурса и тем самым все больше отдалять себя от паствы, с другой – предпринимать шаги по совершенствованию миссионерского воздействия на новокрещен, усиливая роль такого компонента, как религиозное просвещение.

В третьей главе монографии «Противомусульманская миссия в 1860–1890-е гг.» получило отражение деятельность православной миссии в отношении мусульман в Волго-Камье в пореформенное время. Чтобы раскрыть данный вопрос, автор изучил становление в крае миссионерско-просветительской системы Н.И. Ильминского, деятельность миссионерских учреждений, созданных здесь вскоре после Великих реформ, проводимую властью и православной церковью в отношении мусульман политику. Аналитический материал очень удачно подан им в контексте «вызов»/«ответ». Первая плоскость являет собой информационные конструкции о росте национального самосознания татар, ставшем массовым движением номинальных христиан-татар за возвращение в ислам и т.д., вторая – о создании для решения «исламского вопроса» соответствующего механизма, реализации нового конфессионального курса и т.д. Согласно обобщению автора, успех противомусульманской миссии в крае был относительным. Православным проповедникам удалось предотвратить отпадение в ислам основной массы «старокрещеных» татар, укрепить их в христианской вере. Вместе с тем их попытки прекратить исламизацию номинальных христиан в контактных зонах, интегрировать в христианское культурное поле мусульман к значимым результатам не привели.

Монографию завершает глава «Кризис православной противомусульманской миссии», повествующая о деятельности православной миссии в крае в конце XIX – начале XX в. Из нее предстает детальная картина о зигзагах проводимой государством и православной церковью в отношении мусульман политики, крушении «детища» Н.И. Ильминского, усилении социальных позиций ислама в крае, попытках реанимации противомусульманской деятельности РПЦ и т.д. В новой социокультурной ситуации, как следует из исследования, произошло окончательное завершение процесса конфессиональной дифференциации крещеных татар, формирование в их среде четких границ между двумя общинами – татарами-мусульманами и татарами-христианами.

Конечно же, как и всякая работа, выполненное исследование не лишено упущений. Их, на наш взгляд, немного. Так, автор пытался подробно проанализировать и творчески осмыслить весь имеющийся комплекс источников по заявленной проблематике. Но названная задача им выполнена не в полном объеме. Бросается в глаза упор исследователя – как в географическом, так и источниковедческом планах – на материалы Казанской губернии. Социокультурные процессы на других территориях Волго-Камья, где компактно проживали мусульмане, освещены недостаточно. Или еще один момент. Объектом его анализа стали не все мусульмане региона: из поля зрения автора практически выпали башкиры и казахи. Для работы характерны широкие обобщения, но при этом не все выдвигаемые автором положения опираются на крепкие аналитические конструкции. В частности, им отмечается усиление кризисных явлений в системе миссионерских институтов после объявления в стране свободы совести в 1905 г. Но для освещения данных процессов используется преимущественно миссионерская публицистика. А этот вид исторического источника не всегда объективно оценивает имевшие место события, изобилует субъективными оценками авторов.

В целом же монография Р.Р. Исхакова удалась. Она построена на солидной фактологической базе, изобилует свежими аналитическими положениями и, на наш взгляд, является новым словом в изучении данной проблематики.

ЧГВ, 2012 г., № 7

© Э.Е. Лебедев. Аннотация на статью: **Ылент Байрам. Halk kültüründen modernizme Zivac Türklerinde Yüra: Türk Dьnyası Tarih Kьltьr Dergisi**. Haziran 2009, ss. 45–50 – Istanbul: Türk Dьnyası Araştırmalar Vakfı [Бюлент Байрам. Юпа в культуре чувашей (от народной культуры к современности) // История и культура тюркского мира. Июнь. 2009. С. 45–50. (Стамбул: Фонд исследований тюркского мира.)]

Исследование выполнено сотрудником кафедры турецкого языка и литературы университета Кыркларели Бюлентом Байрам и издано в периодическом журнале «История и культура тюркского мира» в июне 2009 г. Автор отмечает, что культура чувашей имеет особую ценность для изучения в связи с тем, что на нее большое влияние оказала культура народов, с которыми этнос находился в контакте на протяжении многих веков. При подготовке вступительной части статьи Б. Байрам опирался в основном на работу Д. Арык «Тюрки-христиане (чувашки)» (Анкара, 2005, на турецком языке), привлекая также материал из трудов российских ученых (Н.И. Ашмарин, П.В. Денисов, Г.Е. Кудряшов, В.К. Магницкий, А.К. Салмин, В.П. Вишневский). Большинство современных чувашей исповедуют христианскую веру, лишь небольшая их часть считает себя мусульманами. Автором статьи приводится широко распространенное утверждение, что та часть чувашей, которая во времена Казанского ханства приняла ислам, постепенно забыла свой язык и культуру, ассимилировавшись с татарами. Вместе с тем до настоящего времени имеются небольшие группы чувашей, сохранившие свою традиционную языческую религию. Традиционные религиозные верования чувашей и в наши дни оказывают большое влияние на культуру православных чувашей. Чувашские художники, писатели и поэты очень часто используют в своих произведениях всевозможные языческие элементы, справедливо полагая, что именно они наиболее точно отражают национальные особенности чувашской культуры и являются важным средством сохранения национального самосознания, языка, культуры. Составляющие основу чувашских традиционных верований и созданные много веков назад на базе наблюдений за окружающей природой, они возрождаются вновь, выполняя уже несколько другие функции.

Статья Б. Байрам посвящена собственно культу *юна*, занимающему важное место в погребальных и поминальных обрядах. Стоит отметить, что исследование богато иллюстриро-

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

вано фотографиями с *юпа* из архива автора и фотографиями, любезно предоставленными другим исследователем чувашского языка Огузханом Дурмуш. Эти фотографии были сделаны учеными во время их поездок в Чебоксары и в районы компактного проживания чувашей в Татарстане. При изучении данного культа автор особое внимание уделил тому, какие функции выполняли *юпа* раньше и в чем они состоят сегодня. В работе использованы материалы других авторов, а также результаты полевых исследований, проведенных Б. Байрам во время поездок по деревням Татарстана (в частности в д. *Зёй. Аксу*).

Для того, чтобы лучше понять место и роль *юпа* как в традиционных обрядах чувашей, так и в современной жизни, автор предлагает рассмотреть значение и происхождение самого термина «*юпа*», а также проследить, у каких народов еще существует подобный культ. Слово «*юпа*» имеет значение «столб, надгробный столб». Оно встречается также и в монгольских языках. Например, в бурятском языке «*обоо*» означает «груда, скопище, курган». А у мордовских народов – южных соседей чувашей, говорящих на языках финно-угорской группы, слово «*юпа*» имеет то же значение, что и в чувашском языке – «столб». Наиболее подробно значения и употребления этого слова рассмотрены в «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина. В нем приводятся и всевозможные сочетания с этим словом: *вста юпа, кайри юпа, юпа уйгх., юпа выргн., юпа к.ртме, юпалан, юпаллг зул, юпа мунчи, юпа палли, юпа тунни, юпа тратни, юпа шетгк.*

Как видно из словаря, слово «*юпа*» в основном употребляется у чувашей-язычников в значении именно религиозного термина. Б. Байрам делает предположение, что, возможно, слово, имевшее изначально нейтральное значение «столб», со временем стало передавать значение предмета религиозного культа. Доказательством тому, что термин «*юпа*» распространен в основном у язычников, может служить то, что у православных христиан он не используется в значении религиозного термина. Прежде чем рассмотреть функции *юпа* в современном обществе, автор статьи предлагает подробно изучить историю обрядов приготовления к погребению покойника и его поминовения, совершаемых с *юпа*.

Собственно говоря, основная роль, которая отводится *юпа* в культуре чувашей, связана с посмертными практиками. *Юпа* – деревянные столбы, которые устанавливаются осенью на могилах. Причем существуют различия между *юпа*, установленными для покойников-мужчин, и *юпа*, которые принадлежат покойницам. Верхняя часть столба, устанавливаемого на могиле мужчин – гладкая, на могиле женщин – имеет овальную форму. Что касается материала для изготовления *юпа*, то «мужские» *юпа* делают из дуба или камня, а «женские» – из липы или камня. Автор утверждает, что эти *юпа* являются своеобразными посредниками между людьми и Богом (*Зёлти Тург*). На передней части *юпа* вырезаются черты лица (рот, нос, глаза). Весь процесс от изготовления *юпа* до его доставки и установки сопровождается различными обрядами. Проведение этих обрядов не прекращается с установкой *юпа* на могиле. Они совершаются и в течение последующих посещений места погребения покойника. Б. Байрам сообщает о том, что когда он проводил полевые исследования в деревне *Зёйё Аксу* в Татарстане, ему удалось быть свидетелем нескольких ритуалов, посвященных погребению некрещеных чувашей. Данный район Татарстана, достаточно плотно заселен чувашским населением. Среди этого населения подавляющее большинство составляют чуваша, придерживающиеся своей старой дохристианской веры. Они называют себя истинными чувашами (*чги чгваши*). Так как в деревне *Зёйё Аксу* нет христианского или мусульманского населения, именно здесь элементы языческой веры чувашей сохранились в наиболее чистом виде. По словам автора статьи, традиция установки *юпа* существует в виде нескольких обрядов и ритуалов. Первый из них проводится в лесу. По верованию чувашей, у каждого из них в лесу растет свое дерево, и когда он умрет, это дерево должны спилить и сделать из него его собственное *юпа*. Сам же ритуал установки *юпа* на могилу проводится по традиции на сороковой день после смерти человека. Этот день так и называется – «день *юпа*». Б. Байрам пишет, что во время поминания покойника собираются все его родственники. Чуваша верят и в то, что сам покойник тоже присутствует при обряде в образе *юпа*. Однако существуют и некоторые различия в совершении данного обряда в разных местностях. Например, в некоторых районах в этот день все родственники посещают кладбище обязательно днем. В других же часть родственников отправляется на кладбище ночью. Находясь на могиле, они разбрасывают еду и разбрызгивают

вокруг пиво, приговаривая: «Пойдем с нами, мы тебя поминаем». Таким образом они как бы приглашают покойника пойти с ними на обряд поминовения. Кроме этого, по словам автора, есть некоторые различия между тем, как отмечают сороковой день после смерти на кладбище, и тем, как проходят эти же поминки дома. Во время поминок на кладбище еду и питье, приготовленные специально, разбрасывают и выливают на поверхность могилы, либо оставляют на специальном столике на одной ножке, поставленном для подобных обрядов. Также на столике оставляют кусок материи, чтобы покойник после трапезы мог ей вытереться. Если же недалеко имеется какой-нибудь ручей или речка, то для удобства посещения покойником водоема сооружается небольшой мостик. Обряды, проводимые на кладбищах, сопровождаются песнями, танцами, которые продолжаются до утра следующего дня.

Далее Б. Байрам пишет о том, что ритуалы сопровождают все этапы подготовки и установки *юна*. На нем вырезаются черты лица, которые должны напоминать покойника при жизни. К *юна* относятся также уважительно, как относились бы и к самому человеку, если бы он был жив. В статье приводится отрывок из «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина, где подробно описывается обряд, проводимый в лесу при подготовке процесса рубки дерева, из которого будет вытесан *юна* (том IV. Чебоксары, 1929. С. 343–345). Автор приводит и тексты песен, исполняемых при этом обряде, которые также взяты им из вышеупомянутого словаря.

После этого обряда *юна* приносят в дом покойного. С ним обходятся так же, как и обходились бы с самим человеком. Его одевают в одежды покойного, укладывают в его кровать, то есть совершают практически те же самые действия, которые совершали при отпевании умершего человека. Б. Байрам отмечает: когда начинается собственно обряд поминовения, собравшиеся поют песни, в которых выражается боль утраты по отношению к покойному, танцуют. Одним из особенностей таких поминовений является то, что люди ведут себя так, как будто покойник присутствует лично на этом обряде – он просто невидим. По отношению к нему оказывается всяческое уважение, у него просят, чтобы он покровительствовал жизни их семей, в полевых работах. Так же как и при отпевании, в обряде поминовения особое место занимают причитания об умершем. В них выражается боль от потери близкого человека, высказываются просьбы о защите живущих. При описании ритуала переноса *юна* на кладбище автор снова обращается к словарю Н.И. Ашмарина.

По сообщению Б. Байрам, после установки *юна* на них либо кладут носовой платок (в случае, если умершая – женщина), либо надевают шапку (если покойник – мужчина). *Юна* играют важную роль и при последующих посещениях могилы покойного. Притрагиваясь к *юна*, пришедший сообщает умершему о своем приходе. Держась за *юна*, читают молитвы за упокой его души. Затем оставляют на могиле подарки и еду. В основном это хлеб, яйца, пиво. Автор пишет, что в деревне *Зёнь Аксу* он наблюдал такой интересный факт, что *юна* никогда не чинят и не поправляют, даже если он совсем прогнил или покосился. Это считается недопустимым.

Конечно, то о чем автор статьи говорил выше, может различаться в зависимости от географии, культурных традиций конкретной местности. Были такие времена, когда культ *юна* подвергался серьезным гонениям. Это касается прежде всего периода начала христианизации чувашей после присоединения Чувашского края к Русскому государству в XVI в., а также советской эпохи. В эти отрезки времени чувашаи потеряли много элементов своей культуры, особенно в языке и религиозных верованиях. Но после распада Советского Союза чувашаи-язычники получили больше возможностей для исповедования своих культов.

Б. Байрам отмечает, что современное чувашское искусство использует много национальных мотивов. И культ *юна* занимает в нем далеко не последнее место. Автор дает информацию о том, что в столице Чувашской Республики Чебоксарах открыт парк, где установлены статуи *юна*, которые сейчас несут скорее функцию репрезентации национальной культуры с целью сохранения и передачи национальных духовных ценностей будущим поколениям. Среди статуй, представленных в этом парке, есть скульптуры, посвященные героям народных мифов, историческим личностям, духам традиционной веры и др. Автор перечисляет названия некоторых из них. Отмечается, что сегодня функции *юна*, которые устанавливаются в городах и в районных центрах, совсем другие по сравнению с функциями настоящих, языческих *юна*.

Они играют прежде всего роль абстрактного идола для ознакомления иностранцев и нового поколения с чувашской культурой и традиционными верованиями. Но и языческое *юпа*, по мнению Б. Байрама, еще будет некоторое время сохранять свое значение в религиозной жизни чувашей.

ЧГВ, 2012, № 7

© Э.Е. Лебедев. Аннотация на статью: **Bylent Bayram. Konstantin Ivanov'un "Narspi" Manzumesinde Geleneksel Zuvac İnançlar: Modern Türkçük Aractirmalar Dergisi. Cilt 8, Sayı 2 (Haziran 2011), ss. 63–84 – Ankara: Ankara Üniversitesi. [Бюлент Байрам. Традиционные верования чувашей в поэме Константина Иванова «Нарспи» // Исследования по современной тюркологии. Том 8, № 2 (июнь 2011). С. 63–84. (Анкара: Анкарский университет.)]**

Настоящая статья подготовлена сотрудником кафедры турецкого языка и литературы университета Кыркларели Бюлентом Байрам. Издана в периодическом журнале Анкарского университета «Исследования по современной тюркологии» в июне 2011 г.

В вводной части своей статьи Б. Байрам дает биографические сведения об авторе поэмы «Нарспи» Константине Иванове, родившемся в 1890 г. в чувашском селе Слакбаш в Башкирии. Особо отмечается, что автор бессмертного произведения с 1903 по 1907 г. обучался в Симбирской чувашской школе. Этот факт подчеркивается в статье несколько раз, так как Б. Байрам желает оттенить высокий, по меркам того времени, уровень образования К. Иванова, а также то, что он получил достаточно хорошее религиозное воспитание: чувашская школа в Симбирске являлась одним из тех учреждений, находившихся в авангарде распространения православного христианства среди нерусских народов России. Также не ускользнул от внимания автора статьи тот факт, что К. Иванов был одним из лучших учеников просветителя чувашского народа И.Я. Яковлева, которого он достаточно рано начал привлекать к переводческой работе и к деятельности по составлению учебных пособий и текстов на чувашском языке. В статье указано, что К. Иванов переводил на чувашский язык произведения таких русских авторов, как Н.А. Некрасов, М.Ю. Лермонтов, А.В. Кольцов и др. Поэма «Нарспи» впервые увидела свет в сборнике «Чгваш халапёсем» (Сказки и предания чуваш) в 1908 г. в Симбирске.

Б. Байрам подчеркивает, что это произведение классика чувашской литературы стало объектом исследования многих ученых – как российских, так и иностранных. К их числу относятся известные деятели науки А. Рона-Таш, Е.С. Сидорова, Л. Захемский, Э. Йылмаз, В.Я. Канюков, М.Я. Сироткин и др. Содержание поэмы изучалось и с литературоведческих, и с фольклористических, и с культурологических позиций. Автор статьи дает краткое содержание произведения, особо отмечая трагическую концовку, весьма характерную для традиции повествований у тюркских народов – здесь наблюдается явная связь с общетюркскими литературными традициями. Затем Б. Байрам описывает содержание каждой из 14 глав поэмы, указывая, что при ее прочтении сразу бросается в глаза использование автором формы, стиля и тематики народной устной словесности чувашей. Впрочем исследователями чувашской литературы многие элементы народной литературы в поэме изучены и проанализированы. При этом большинство ученых отмечает, что данные элементы обработаны и внедрены в повествование К. Ивановым с необычайным мастерством. Но связь произведения с фольклором не ограничивается только ими. Автор статьи предлагает обратиться к другой его стороне, которая также представляет собой обширное поле для исследований – к элементам традиционной культуры, которые в большом количестве отражены в поэме К. Иванова. В эту область входят и элементы религиозных верований чувашей. Так как подобные элементы

Эдуард Евгеньевич Лебедев – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: edlebed@gmail.com.

использованы в произведении в большом количестве, его можно считать своеобразным зеркалом, отражающим духовную культуру чувашей. Б. Байрам говорит о том, что очень важно объяснить суть и названия древних традиций для лучшего понимания традиционной чувашской культуры. Причем это будет интересно и полезно не только для представителей других национальностей, но и для самих чувашей, так как в результате процесса постепенного перехода в христианскую религию многие современные представители чувашского этноса забыли свою традиционную культуру.

В статье рассмотрены религиозные верования и связанные с ними понятия – Бог, сверхъестественные существа, духи, а также праздники и ритуалы. Такие элементы культуры, как традиционная одежда, подарки, блюда, напитки и др., не рассмотрены в данной статье по причине ее ограниченности в объеме. Автор предполагает рассмотреть их в своих следующих статьях.

Глава, открывающая исследовательскую часть статьи, называется «Традиционные чувашские религиозные верования: Бог, добрые и злые духи». Автор указывает, что трагическая история любви *Нарспи* и *Сетнера* в поэме показана очень ярко, она умело включена в общую картину традиционной духовной жизни чувашей, непосредственным образом связанной с окружающими их природными условиями. Именно в такой атмосфере К. Иванов предлагает нашему вниманию описание традиций, праздников, ритуалов, народных верований чувашей. В связи с этим важно отметить то, что сам автор поэмы также находился под сильным влиянием этой традиционной культуры.

Главные персонажи религиозных верований чувашей, представленные в поэме, – это *Тург* (Бог), *Пӹлӹх*, *Херпан*, *юмгз*, *Арзури*, *Киремет*, *Пирӹити* (добрые и злые духи). Перед тем, как в более подробной форме представить каждого из этих персонажей, показать его роль в поэме, Б. Байрам еще раз напоминает читателям, что поэма была написана во времена, когда христианская религия уже была принята большей частью чувашей. Оставались лишь небольшие островки последователей традиционных верований, и чувашская община, показанная в поэме, относится, по-видимому, именно к такому островку.

Далее в статье идет анализ чувашских имен главных героев поэмы: *Мухетер*, *Техтаман*, *Сетнер*, *Нарспи*. В своем анализе Б. Байрам опирается на исследования М.П. Желтова, В.К. Магницкого, Н.И. Ашмарина, М.Р. Федотова, И.А. Андреева и др. Имена рассматриваются с точки зрения их этимологий, отношения к религии, соответствий в антропонимиконе других тюркских языков. Так, интересны параллели, проводимые автором между именем *Техтаман* и турецкими именами *Токтамыш*, *Дурмуш*. Также можно отметить предположение исследователя о том, что имена *Нарспи*, *Мухетер*, *Сетнер*, возможно, использованы К. Ивановым впервые в литературе, так как они отмечены только в одном словаре личных имен чувашей того времени – словаре Н.И. Ашмарина, который в свою очередь делает ссылку на поэму «Нарспи». Мысль о том, что эти имена могут быть именами чувашских языческих богов, автор считает скорее всего неправильной, так как необходимо иметь в виду то обстоятельство, что К. Иванов был учеником учительской школы, созданной на базе православного миссионерства. Хотя, с другой стороны, многие отрывки из поэмы, которые Б. Байрам приводит ниже, показывают, что влияние православия на содержание поэмы было не столь большим.

Следующий раздел исследовательской части статьи посвящен анализу понятий *Тург* (Бог) в поэме «Нарспи». Б. Байрам указывает, что в тех случаях, когда в произведении упоминается *Тург*, весьма сложно установить, о каком боге идет речь – о христианском или о языческом. Но если проанализировать систему религиозных верований, представленных в поэме, то можно сделать предположение, что она опирается все же на языческие представления. *Тург*, по верованиям чувашей, обладает множеством качеств. На этом основании некоторые исследователи сделали вывод о наличии множества богов в их традиционной религии, что, однако, вряд ли соответствует действительности. В некоторых молитвах встречаются выражения *Тург ашиӹ* и *Тург амгшӹ*, появившиеся под влиянием христианства. Но Бог в представлении чувашей все же един, он – создатель всего сущего. Эти воззрения имеют свои параллели в доисламских верованиях других тюрков. Автор статьи приводит обращение *Сетнера* к Богу – *Ырг Тург*, отмечая при этом, что в действительности трудно дать ответ на вопрос, является ли это обращение языческим или христианским?

Далее Б. Байрам приводит описания добрых и злых сверхъестественных существ, являющихся проводниками божьих замыслов, названия которых упоминаются в поэме: *Пулӑхӑ*, *Арзури*, *Киремет*, *Хӑрпан*, *Пирӑити*. Эти описания иллюстрируются отрывками из поэмы, в которых присутствуют названия вышеуказанных существ, в переводе Эмине Йылмаз (2006 г.). Научные источники, используемые при этом автором статьи, принадлежат перу таких исследователей, как Н.И. Ашмарин, Д. Месарош, В.Г. Родионов, Д. Арык, М.Р. Федотов, В.Г. Егоров. Отмечается наличие параллелей с подобными сверхъестественными существами и религиозными понятиями в традициях других тюркских народов. Так, например, понятие *Киремет*, означающее также и место поклонения духам, непосредственным образом связано с так называемым культом поклонения, существовавшим у тюрков. Рассмотрены также понятия *Зутӑ Тӑнче*, *Зутӑ Хӑвел*, *Кӑвак Хунпи*, являющиеся элементами традиционных религиозных верований чувашей.

Отдельный параграф статьи выделен для изучения понятия *юмгз/юмзг*, обозначающего человека, который занимался знахарством и ворожкой с целью излечения болезней, предсказания будущего, исполнения различных религиозных ритуалов и т.д. В поэме *юмгз* появляется, когда мать *Сетнера* отправляется к нему, чтобы узнать судьбу своего сына. Б. Байрам дает подробное описание этой встречи и ритуала гадания. Он отмечает, что покорность своей судьбе является характерной чертой традиционных верований чувашей.

Третья глава статьи посвящена обрядам и праздникам, упоминавшимся и описанным в поэме К. Иванова. Автор указывает, что, несмотря на то, что подавляющее большинство чувашей считают себя православными христианами, среди них еще бытуют многие традиции, обряды и праздники из языческого прошлого, хотя социально-экономические изменения последних десятилетий открыли дорогу к постепенному их забвению. Из содержания поэмы мы видим, что обряды и праздники являлись в прошлом обязательным элементом традиционного уклада жизни и быта чувашей. Среди них Б. Байрам рассматривает *пуш уйӑх* (название месяца), *калгм*, *учӑк*, *симӑк*, *синзе*, *туй*. При их описании автор опирается на исследования А.К. Салмина, Д. Арыка, Н.И. Ашмарина, В.Г. Родионова, В.Г. Егорова. Больше всего внимания в статье уделено анализу традиционной чувашской свадьбы, которая занимает одно из самых заметных мест в поэме. Б. Байрам отмечает, что свадьба является, возможно, наиболее сохранившимся в отношении традиций праздником у современных чувашей. В поэме свадьба показана очень подробно с описанием всех традиций. Обращает на себя внимание такой ритуал, как встреча гостей хлебом и солью. Этот ритуал имеется практически у всех тюрков, данный обычай связан с культом поклонения предкам и выражает уважение к старшим. Так же, как и у многих других народов, чувашская свадьба не могла начаться без молитвы предкам. Вызывает интерес упоминание о белом амбаре (*шург кӑлет*), Б. Байрам на турецкий язык переводит его как «белый дом». Дело в том, что традиция постройки белого шатра к свадьбе является одной из самых древних и существует почти у всех тюрков. Например, в Башкирии, откуда родом К. Иванов, это очень распространенный обычай. Описан он также и в рассказах деда Коркута.

В заключительной главе статьи автором представлены выводы исследования. Основными из них являются следующие:

1. Поэма «Нарспи» насыщена элементами народной культуры и традиций, возможно, именно поэтому она впервые была издана в сборнике сказок.

2. Несмотря на то, что время написания поэмы было периодом активной христианизации чувашей, в ней все же представлены только их языческие религиозные верования, даже имена главных героев – нехристианские. Причиной этому, вероятнее всего, является осознанный выбор К. Иванова.

3. Все события, происходящие в поэме, мастерски вписаны в антураж традиционной чувашской культуры. Поэт обработал элементы этой культуры с присущей только настоящим мастерам слова тщательностью и органично ввел их в повествование.

ИТОГОВАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ

8–9 февраля 2012 г. в Чувашском государственном институте гуманитарных наук состоялась итоговая научная конференция, посвященная Дню российской науки. Как и в предыдущем 2011 г., она была организована в новом формате. Нарботанные позиции, позволившие внутренне оживить данное традиционное мероприятие, были сохранены: из числа заявленных отделами докладов были отобраны те, которые отличались новизной и имели проблемный характер; с целью обеспечить их широкое и всестороннее обсуждение тексты выступлений были предварительно опубликованы и разосланы по научным учреждениям и вузам республики и региона; из числа высококвалифицированных специалистов республики и региона к каждому докладу были назначены оппоненты.

В число докладов, отобранных для всестороннего и широкого обсуждения, вошли следующие сочинения: «Находки поздней четвертичной фауны в северной части Приволжской возвышенности в свете возможного заселения древним человеком Чувашского Поволжья» (автор – А.Ю. Березин; оппоненты – Ф.А. Карягин, А.В. Дмитриев, М.Ш. Галимова); «Ценностный мир чувашей: нравственность и мировосприятие» (автор – О.Н. Терентьева; оппоненты – Д.Н. Воробьев, Е.Р. Афанасьева, Г.Б. Матвеев); «Формирование этнического сознания чувашской творческой интеллигенции начала XX века» (автор – В.Г. Родионов; оппоненты – Л.А. Таймасов, С.В. Щербаков, Ю.В. Гусаров). 8 февраля перечисленные работы, а также выступления оппонентов были заслушаны на трех последовательно работавших сессиях. Каждый доклад стал объектом дискуссии, в ходе которых ее участники имели возможность поделиться своим видением обсуждаемых проблем.

9 февраля последовательно заседали сессии «Наука и общество» и «Современный чувашский социум». И в основу их работы был положен проблемный принцип. На первой из них были заслушаны доклады «Вклад академика Андраша Рона-Таша в изучение венгерского этноглогогенеза и этнической истории мадьяр до обретения ими родины» (автор – Н.И. Егоров), «История турецкого чувашеведения» (автор – Г.А. Дегтярев), «Чувашская энциклопедия: опыт реализации инноваций» (авторы – И.И. Бойко, В.Г. Харитоновна, А.П. Долгова), «Социология в системе научного управления обществом» (автор – И.Е. Ильин), во втором – «Хальхи чăваш прозин аталанăвĕ: 2006–2010 çç.» (автор – В.В. Никифорова), «Чувашский этнос в зеркале данных переписи 2010 года» (автор – В.П. Иванов), «Творчество Юрия Григорьева в современной музыкальной культуре Чувашии» (автор – Л.И. Бушуева). По всем вышеперечисленным выступлениям состоялся обмен мнениями.

Ознакомившись с текстами выступлений оппонентов, редакционная коллегия журнала сочла необходимым опубликовать рецензии М.Ш. Галимовой, Д.Н. Воробьева, Г.Б. Матвеева и Л.А. Таймасова. Их авторы по ряду вопросов имеют несколько иные позиции, чем докладчики. Полагаем, что данные отзывы будут интересны и для читателей нашего издания.

ЧГВ, 2012 г., № 7

© М.Ш. Галимова. Рец. на: Березин А.Ю. **Находки поздней четвертичной фауны в северной части Приволжской возвышенности в свете возможного заселения древним человеком Чувашского Поволжья.** Чебоксары, 2012. 36 с.: карты. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук; вып. 7.)

Научный доклад А.Ю. Березина включает в себя практически весь имеющийся на сегодняшний день материал по истории поисков палео-

Мадина Шакировна Г а л и м о в а – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; e-mail: mgalimova@yandex.ru.

лита на территории севера Приволжской возвышенности и полную сводку палеонтологических данных по местонахождениям четвертичной фауны на территории Чувашского Поволжья. Автором проделана важная и кропотливая работа не только по выявлению многочисленных сведений в архивах и публикациях и их картографированию, но и по систематизации собственных полевых и лабораторных палеонтологических и геологических изысканий.

В результате комплексных исследований А.Ю. Березина перед нами предстает полная картина истории поисков палеолитических стоянок и местонахождений четвертичной ископаемой фауны на территории Чувашского Поволжья и прилегающих территорий. Автор не только дает профессиональную научную характеристику находок, но и делает палеогеографические реконструкции на основании изучения условий их залегания. Весьма важными для дальнейших поисков палеолитических памятников являются выводы А.Ю. Березина о наиболее перспективных в этом плане районах Чувашского Поволжья. Особого внимания заслуживают приложения, в которых в популярной, достаточно полной и вместе с тем краткой форме представлены сведения по основным видам фаунистического (мамонтового) комплекса позднего плейстоцена. Научный доклад снабжен красочными картами и таблицами, которые, несомненно, повышают уровень наглядности и доступности для понимания читателем данного сочинения.

В качестве общего пожелания можно рекомендовать автору максимально убрать слово «мы», заменив его на «автор», так как доклад призван показать личные результаты исследований А.Ю. Березина. В тех случаях, когда открытие или наблюдение было сделано не только автором, можно употреблять: «автор совместно с тем-то или при участии такого-то».

Далее приведу ряд незначительных замечаний, возникших в ходе прочтения рецензируемой работы.

Подраздел «Введение». На третьей странице в абзаце 2 изложение и аргументация, на мой взгляд, носят не вполне логичный характер. Так, после тезиса о наличии палеогеографических и геологических причин обилия фаунистических находок в Чувашии изложение перескакивает на условия обитания древнего человека, далее – на пути миграции и пересечение ландшафтных зон, затем – на выходы кремня. При этом ни один из перечисленных факторов, строго говоря, не может считаться причиной обилия фаунистических находок. Прежде всего, нужно отметить геолого-геоморфологические причины. По-моему, это интенсивно и глубоко расчлененный рельеф Приволжской возвышенности, отсюда – глубокие и многочисленные обнажения, эрозионный рельеф. Этого нет в Заволжье и на Верхней Волге.

Там же имеется не совсем удачное выражение «динамические изменения климата». Не ясно, что имел в виду автор, ведь любые изменения – это динамика.

Автор напрасно снижает уровень своего доклада, некритично повторяя глубоко устаревшее и методически неверное рассуждение В.В. Никитина об абсолютном возрасте Юльяльской 4 стоянки (см.: *Никитин В.В.* Каменный век Марийского края // Труды марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1996. Т. IV. С.10–12).

Страница 9, абзац 2. Автор пишет: «В долине устья Камы многими исследователями отмечалось обилие плейстоценовых фаунистических остатков. Условия перигляциальной зоны были пригодными... что притягивало сюда (куда?)... О чем свидетельствуют ежегодные многочисленные находки костей четвертичных животных в долинах Камы и ее притоков». Данный тезис сформулирован очень нечетко и не совсем верно.

Полагаю, во-первых, что устье Камы изучено не более, чем, например, соседняя долина реки Свияги и нижнее течение реки Камы, это не причина. Во-вторых, перигляциальная зона огромна и в ней везде были примерно одинаковые условия. Но почему-то на Урале, в Перми, например, повсеместно известны многочисленные стоянки. Вопрос состоит именно в том, что, видимо, в Заволжье условия были неблагоприятны, в большинстве районов Приволжья, Волго-Вятского и Камско-Вятского междуречий – тоже. Лишь в устье Камы какая-то группа охотников «зацепилась», вероятно по причине пересеченного высокого рельефа горы Лобач и Сюкеевских гор, затем потихоньку освоила обширную пойму на левобережье напротив. В-третьих, находки фауны на Каме (кстати, не такие уж многочисленные) никак не отражают, по-моему, степень притягательности района устья Камы для древних охотников.

На странице 9 в последнем абзаце касательно относительного возраста стоянки Шолма читаем, что погребенная почва формировалась «в течение двух относительно теплых межстадиалов», после чего сразу идет ссылка. Полагаю, в формате данного доклада следует в тексте разъяснить в краткой популярной форме, о чем идет речь. То же касается и «аллерёда», который ниже возникает в отношении стоянок юго-восточной Украины без разъяснений.

Подраздел «Заключение». На странице 28 перечислены средневожские местонахождения – Красновидово, Мысы, Красная Глинка и все прочие. Однако все они, кроме Красной Глинки – русловые галечники! Строго говоря, связь артефактов, многие из которых и не артефакты вовсе, с фауной на этих перемытых местонахождениях не может быть доказана и весьма сомнительна.

В целом указанные мелкие недостатки рецензируемой работы несколько не умаляют ее научной значимости и фундаментального характера. Научный доклад А.Ю. Березина представляет серьезный вклад в систематизацию важных источников для изучения начального этапа древней истории Предволжья.

ЧГВ, 2012 г., № 7

© Л.А. Таймасов. Рец. на: **Родионов В.Г. Формирование этнического сознания чувашской творческой интеллигенции начала XX века.** Чебоксары, 2011. 36 с. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук; вып. 6.)

Вопросы, поднимаемые в докладе В.Г. Родионова, являются актуальными и имеют большую научную значимость. Следует особо отметить многоаспектный характер исследуемой проблемы. Автор выступает прежде всего как историк литературы, но в то же время он достаточно квалифицированно оперирует категориями философии, лингвистики, истории, этнографии, культурологии, что, несомненно, свидетельствует о широте его научного кругозора и владении источниковым материалом. Научному анализу подверглись сочинения и воспоминания ученых «чувашеведческой науки» (Н.И. Золотницкий, В.К. Магницкий, Н.И. Ашмарин, Н.В. Никольский, И.Я. Яковлев). Применение комплекса методических и методологических подходов позволило автору выстроить логическую канву исследования и достичь поставленной цели.

Структура доклада имеет классическую форму – включает «Введение» и три раздела: «Истоки чувашского национально-просветительского движения и его особенности во второй половине XIX века», «Борьба за язык обучения в чувашских школах», «Место чувашеведческих наук в формировании нового этнического сознания».

Во «Введении» обозначена цель доклада – «отметить особенности чувашского национально-просветительского движения до начала XX в. и показать процесс выработки общенациональной позиции творческой интеллигенции в ходе борьбы за язык школьного обучения». В качестве основной гипотезы предлагается мысль о том, что «формирование нового этнического и индивидуально-творческого сознания чувашской интеллигенции начала XX в. происходило под сильным воздействием чувашеведческих наук». В данном контексте фраза «в ходе борьбы за язык школьного обучения» нам представляется лишней, так как материал доклада намного шире такого посыла.

Первый раздел посвящен истокам чувашского национального просветительского движения. В нем отмечены основные условия и факторы его возникновения и развития, среди которых названы некоторые теоретические аспекты формирования нации. По моему мнению, можно было не затрагивать попутно такую важную дискуссионную проблему, требующую особого внимания. Тем более что автор ошибочно пишет, что «нации в человеческом сообществе формировались, как правило, под воздействием идей европейского Просвещения». Види-

Леонид Александрович Таймасов – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе Чебоксарского кооперативного института Российского университета кооперации; e-mail: pro_nauch@coop.chuvashia.ru.

мо, не нации сформировались под влиянием идей, а учения о нациях. Вряд ли можно согласиться и с другим высказыванием: «Нация в немецком понимании – это сообщество тех, кого связывает общий язык, история и культурная идентичность». Нация, на мой взгляд, заключается в себе и политическое единство, и экономические связи.

Принимая в целом утверждение, что в XIX в. национальные движения в Российской империи главным образом проходили под знаком общности языка и культуры, нельзя однозначно согласиться с идеей о привнесенности национального движения извне. Мы склонны считать, что его основу все же составляло внутреннее этносоциокультурное состояние народа, его готовность к переменам. Поляк О.Л. Косинский – далеко не главный фактор формирования взглядов И.Я. Яковлева, тем более всего чувашского этноса. Среди факторов становления национального движения отмечены и буржуазные реформы, и демократизация школьного образования, и православное миссионерство, и опыт соседей (татар) и др. Все это бесспорно и не вызывает возражений. Среди региональных причин внедрения родного языка в начальные школы особое внимание уделено также «угрозе исламской агитации», с чем можно согласиться только отчасти. Среди условий и причин развития национального движения названы в основном внешние факторы и практически без должного внимания оставлены этнокультурные и социально-экономические.

Теперь об исламском факторе. Признавая роль этнокультурного воздействия на чувашей татар-мусульман, вместе с тем нельзя её преувеличивать. Да, она занимала значительное место в чувашско-татарских отношениях контактных районов, но основная часть чувашского населения не испытывала сколько-нибудь заметного мусульманского влияния. Следовало особо оговорить, что национальное движение татар выросло в ином социокультурном поле, где значительное место занимали идеи пантюркизма и панисламизма. Поэтому вся миссионерско-просветительская работа была направлена на то, чтобы чувашей и другие малые народы региона вывести из этого поля и создать для их развития особую русско-православную почву.

В докладе лишними представляются сведения о переселении чувашей в Турцию как одним из факторов формирования национального сознания. При изучении фондов Российского государственного исторического архива мне, например, встретился только один документ, касающийся бегства чувашской семьи в Турцию, вызванного мусульманской агитацией. Можно допустить, что имело место переселение туда отатарившихся чувашей, но это несколько другой вопрос, и вряд ли можно сейчас установить истинную этническую принадлежность тех переселенцев. Мы считаем, что вопрос о чувашских переселенцах в Турции в 1990-е гг. раздули из политических соображений, на самом деле он не имеет документального подтверждения и не актуален для этнокультурных процессов рубежа XIX–XX вв.

Во втором разделе доклада говорится о борьбе за язык обучения в чувашских школах. Несомненна важность данного вопроса, и он основательно изложен автором в анализе материала, касающегося дискуссии о языке обучения в чувашских школах. Раздел небольшой, но достаточно объемно отражает историческую обстановку той поры, когда происходили ожесточенные «баталии» между сторонниками и противниками литературного развития родного языка. Однако встречаются отдельные неточности. Так, на наш взгляд, некорректна фраза: «Переход от монархического авторитарного режима к правовому государству осуществляется, как правило, в условиях борьбы двух сил: с одной стороны, ярых сторонников самодержавия (консерваторов), а с другой – приверженцев социально-демократических преобразований (либералов, социалистов и т.д.)». Мы считаем, что автор неудачно применяет здесь понятие «правовое государство», так как в России рубежа XIX–XX вв. отсутствовали или не действовали его основные принципы.

Третий раздел несет главную функциональную нагрузку доклада. В нем анализируются взгляды ученых и просветителей рубежа XIX–XX вв. на вопросы взаимообусловленности развития чувашского этноса и чувашеведческих наук. Автор полагает, что чувашеведческие науки развивались параллельно с письменной культурой, в том числе и с художественной литературой чувашского народа. Основательно рассмотрены точки зрения ученых и просветителей на вопросы трансформации и развития национального сознания, отражены расхождения в их подходах к решению этнокультурных задач. Например, сравнивая двух просветителей – В.К. Магницкого и Н.И. Золотницкого, В.Г. Родионов полагает,

что оба они ратовали за народное просвещение, но принадлежали к двум разновидностям просветительства. Первый смотрел на образование с официальной точки зрения (обрусение «инородцев» через религиозное просвещение), а другой ратовал за развитие у чувашей народной литературы, светского образования. Далее утверждается, что ученики Н.И. Золотницкого (М.Д. Дмитриев, В.В. Васильев, Г.Ф. Филиппов и др.) занимались главным образом сочинением произведений религиозно-просветительского содержания. В.К. Магницкий же убеждал своих воспитанников трудиться в сфере науки и искусств. Действительно, взгляды этих мыслителей в чем-то сходились, в чем-то расходились, что следует, видимо, объяснять прежде всего сферами их деятельности. Н.И. Золотницкий, являясь чиновником, инспектором чувашских школ, естественно, выражал позицию официальных властей и многое делал в рамках своих служебных обязанностей. В.К. Магницкий же, несмотря на то, что был практикующий юрист, в вопросах этнической культуры выступал как ученый-исследователь, свободный от официальной опеки в выражении своих взглядов. Очень близок к последнему своими воззрениями ученый-лингвист Н.И. Ашмарин, много сделавший для развития чувашеведения. В.Г. Родионов достаточно убедительно излагает взгляды этих ученых на перспективы развития чувашского языка, литературы, искусств, науки и т.д., отдавая им должное за то, что они, будучи русскими по происхождению, много сделали для развития чувашской культуры. Этот момент особо интересен сам по себе и, по нашему мнению, требует более глубокого анализа. Во-первых, возникает вопрос по поводу термина «чувашская творческая интеллигенция», заявленного в докладе. Кого следует к ней относить: чувашей по происхождению или всех, кто свое творчество посвятил чувашеведению? Второй вопрос проистекает из первого: направлено ли было творчество русских ученых и просветителей на формирование чувашского национального сознания или они ратовали за укрепление общероссийской гражданственности через расширение функций родного языка? К сожалению, четких ответов на эти вопросы доклад не содержит.

Использование терминов «прогрессист», «умеренный прогрессист», предлагаемых автором, воспринимается неоднозначно, так как в научной литературе ими называют сторонников прогрессивизма или членов Прогрессивной партии (1912 г.). Чувашеведы, как известно, ни к тем, ни к другим не относились.

В разделе доклада, посвященном творчеству Н.В. Никольского и И.Н. Юркина, чувашей по происхождению, утверждается мысль, что в их работах присутствует четкая позиция о праве нерусских народов на свободное развитие языков, литератур, просвещения. Они считали, что путь к содружеству с другими народами России «заключается не в русификации их, а во внутреннем усовершенствовании на основе родного языка, литературы»¹. Правда, автор лишь вскользь затрагивает вопрос о роли религии в развитии самосознания чувашского народа. Как известно, по этому вопросу мнения Н.В. Никольского и И.Н. Юркина различались. Хотелось бы увидеть авторскую позицию по данному и другим спорным моментам.

Новизной отличается раздел доклада, в котором говорится о трех идейных направлениях в литературе о чувашах, а затем добавлено четвертое. Первое автор условно обозначает как «русско-шовинистическое», отрицавшее чувашское и национальное, второе – как «национально-народническое», выраженное в творчестве В.К. Магницкого и И.Н. Юркина, к третьему относит священников чувашского происхождения, которые «пытались синтезировать чувашецентризм с русской православной религией». В качестве еще одного направления выдвинуто революционно-политическое. Приоритет отдан третьему направлению, много сказано о Н.В. Никольском. Читателю же было бы интересно ознакомиться с конкретными целями и задачами сторонников всех направлений и увидеть персоналии. В.Г. Родионов полагает, что своим творчеством Никольский «синтезировал идеи левых прогрессистов и взгляды умеренных консерваторов». К сожалению, нет четкости в изложении заявленных направлений в чувашской литературе. Основные обобщения по рассмотренным вопросам заключены в следующих формулах: «Стремление ученых к синтезу познания и изображения-выражения этнического мира, их универсализм способствовали развитию науки в едином потоке с художественной литературой»; «чувашеведческие науки способствовали поднятию уровня этнического и личностного сознания... чувашской интеллигенции; чувашеведческие науки решали стратегические и злободневные проблемы чувашского этноса...».

В заключении доклада выделены еще три пункта, первый из которых представляется лишним, так как лишь констатирует отличие взглядов ученых и просветителей новой эпохи от предшественников. Второй пункт об этноцентристском синтезе отдельных сфер общественного сознания и роли чувашских писателей в процессе слияния различных идейно-политических, философско-мировоззренческих и других течений в единое общенациональное русло наиболее соответствует заявленной теме. Третий пункт о динамике социокультурного функционирования чувашского этноса и роли ученых и писателей в выявлении «этнообразующих констант и осознании новой аксиологической иерархии в культуре» нуждается в стилистической корректировке.

В целом следует отметить огромную работу, проделанную автором по анализу литературы и источников. Вопросы, затронутые в докладе, являются актуальными, масштабными и имеют огромную научную значимость, каждый из них претендует на самостоятельное исследование. Доклад В.Г. Родионова, несомненно, заставит по-новому взглянуть на, казалось бы, давно известные этнокультурные процессы в многонациональном регионе на переломном этапе развития российского общества. Формат научного доклада не предполагает решение всех задач, он призван обозначить главные направления исследования, что и было успешно сделано В.Г. Родионовым.

Литература

¹ Родионов В.Г. Формирование этнического сознания чувашской творческой интеллигенции начала XX века. Чебоксары, 2011. С. 14. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук; вып. 6).

ЧГВ, 2012 г., № 7

© Г.Б. Матвеев. Рец. на: Терентьева О.Н. **Ценностный мир чувашей: нравственность и мировосприятие**. Чебоксары, 2011. 34 с. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук; вып. 5).

Обсуждаемая тема в нынешних условиях исключительно актуальна. Справедливо мнение О.Н. Терентьевой о том, что система ценностей чувашского народа через призму его нравственности и мировосприятия изучена мало. Опонируемое исследование является первым серьезным шагом в разработке традиционных ценностей на материале чувашского фольклора. В кратком историографическом экскурсе О.Н. Терентьева касается имевшихся ранее попыток рассмотрения ценностной ориентации личности на материалах фольклора и социологических исследований. Следует признать, что мы, этнографы, в свои программы исследований, проводившихся как этносоциологическими методами, так и традиционными, подобный раздел не включали. В советское время такой подход, к сожалению, не столь был востребован. Действительно, в вышедшем в 1986 г. библиографическом указателе «Археология и этнография Чувашской АССР» раздел, посвященный нравственности, нравственному быту, не выделен. Работы, которые так или иначе касаются данной проблемы, включены в разделы «Общественный и семейный быт», «Народные знания».

В последние годы проблема выявления и изучения традиционных ценностей и осмысления их места в жизни социума актуализируется. В наше время часто проводится аналогия с началом XX в. Имелся ли опыт изучения нравственного опыта чувашей в досоветское время и в 1920-е гг.? Да, такие попытки были. Как известно, в дореволюционной историографии встречалось немало злобных измышлений о нравственных и духовных качествах чувашского народа. И еще. В «Вопроснике по народному творчеству», разработанном Н.В. Никольским

Георгий Борисович М а т в е е в – кандидат исторических наук, заведующий отделом этнологии и антропологии Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: matveev.georqij@yandex.ru

и опубликованном в 1919 г., есть раздел «Сословность. Школы. Нравственность и общественное мнение». К примеру, для изучения данных сюжетов он ставил такие вопросы: Какие вообще дела считаются нравственными и добродетельными и какие пороками? Что и в каких случаях считается простительным и что безусловно пороком? Как различает народ средства наживы и какие считает безнравственными? Как выражается порицание и пренебрежение к людям дурной нравственности?¹ Вопросы, касающиеся личностных и духовных качеств человека, в том числе как носителя этнических черт, освещались и Г.Н. Волковым, основателем нового в 1960–1970-е гг. направления в этнографической науке – этнопедагогике. В своих работах основной упор он делал на вопросы воспитания подрастающего поколения, изучения национального характера, выражал озабоченность угрозой национальному самосохранению. Ему принадлежат слова: «Когда национальное умирает в детях, то это означает начало смерти нации»².

Эту же мысль подчеркивает и автор научного доклада: «Древние чувашские традиции сегодня постепенно забываются. Вместе с тем поколением XXI в. некоторые ценности традиционного общества уже не усваиваются. Теряя свои исконные ценности, социум старается заменить их новыми, а они нередко имеют своей основой другой нравственный опыт, другую традицию» (с. 3). Однако она не указывает, из-за чего теряются сегодня традиционные нравственные нормы и ценности, заменяясь на иные. Надо думать, причина прежде всего в изменившихся социально-экономических условиях жизни. Таким образом, актуальность исследования О.Н. Терентьевой вызвана как малоизученностью темы, так и негативными тенденциями, имеющими место в развитии современного чувашского социума.

Исследователь, размышляя об основе формирования ценностных ориентаций личности, в качестве эмпирической базы использует в основном фольклорные памятники, записанные в конце XIX – начале XX в., а также привлекает собственный полевой материал. Список использованной литературы значительный. Из этнографической литературы цитируются работы этнолога А.К. Салмина.

В докладе немало говорится о роли семьи, о продолжении рода, о безродных и несчастных, о мифологических представлениях, связанных с этими образами, о праведности и греховности. Эти аспекты изучались также этнографом П.П. Фокиным. В последнее время проблема формирования нравственности и мировосприятия в связи с социализацией личности нашла отражение в гендерных исследованиях этнографа О.В. Егоровой³. Сложилась также новые направления в российской этнологии, как этология или поведенческая антропология, психологическая антропология или кросс-культурная психология, в которых уделяется внимание личным и духовным качествам, изучению моделей поведения в разных культурах и стратегиям освоения поведенческих навыков в процессе социализации личности.

Теоретическая часть исследования О.Н. Терентьевой посвящена анализу понятия «нравственный опыт личности». В качестве предмета исследования отобраны личные и духовные качества как основа ценностной ориентации личности. Нравственные нормы чувашей, или народная этика, вырабатывались этнической общностью в течение многих веков. Они в результате социализации личности, семейного воспитания стали обязательными для исполнения для каждого человека. В чувашской народной этике находит отражение своеобразие исторического развития этноса. Она является проявлением норм патриархального общества с приоритетом мужского начала, требует подчинения авторитету стариков, глав семей, отца, в то же время почитания матери, послушания и уважения старших, заботы о младших. Ее нормы передаются из поколения в поколение, формулируются в виде пословиц, поговорок, намеков, поучительных историй и т.п., их выполнение контролируется общественным мнением селения, округа. Семья, род (семейно-родственная группа) – *яру*, *тавраш* – ответственны за соблюдение нравственных норм их членами. Этика чувашей требует проявления осознанных качеств личности, оцениваемых как положительные (трудолюбие, неприязнательность, верность слову, семейному долгу, целомудрие, честность, скромность, эмоциональная сдержанность и др.). Этническое своеобразие сочетается в ней с общечеловеческими ценностями.

Отдельные требования традиционной этики противоречивы, поскольку образовались, как отмечает докладчик, путем наслоения разных культурных слоев, обусловлены социально-историческим опытом. Такие примеры приводятся в докладе О.Н. Терентьевой. Анали-

зируемый набор поведенческих проявлений, личностных и духовных качеств, проявляющихся в ценностных ориентациях, нравственном опыте чувашей, думается, достаточно репрезентативен. Ценность этого исследования заключается и в том, что автор дает собственную оценку поведенческим аспектам, проводит серьезный анализ ситуаций, качеств личности, в целом проявляя себя как достаточно опытный исследователь. Показательна оценка таких качеств, как доброе имя (*ырă ят, сăван*) и ряда др.

В жизни любого общества, в том числе у чувашей, в течение года были определенные периоды, когда обычные нравственные нормы на время отступали на второй план. Это имело место в сакральное время, связанное с обрядовыми действиями, то есть допускались действия, несовместимые с нравственными нормами. В их числе коллективные драки между парнями соседних деревень в период *уява, вайă*; нагота обрядовая – символические действия, совершавшиеся «для здоровья», либо в экстремальных ситуациях (обрядовое опаживание деревни девушками нагишом с целью отвести эпизоотии, эпидемии).

Хотел бы обратить внимание на оценку персон. У некоторых из них, служителей культов, к примеру, такое время не ограничивалось и обрядовым календарем. Поэтому поведение таких лиц, как колдуны, ворожеи, юмзи, можно объяснять не только беззастенчивостью, бесстыжностью их, преемственностью (например, передача опыта от матери дочери), но и особым их статусом, связью с обрядами, культами.

Наибольшее место в анализе качеств ценностной ориентации занимают признаки «праведность» и «греховность». Данные понятия объясняются влиянием ислама и христианства, что вполне правомерно. Автор опирается на этнографический материал, который можно расширить. Отмечается, что человек может искупить грехи добрыми делами, страданием, мольбами, покаянием. Вероятно, имеется в виду также очистительные обряды. Некоторые штрихи к данному положению. В Симбирской губернии русская, чувашская, татарская молодежь Буинского уезда в период весенне-летних хороводов шла за реку Свиягу, к лесу, на возвышенное место. В частности, чувашская молодежь собиралась из всего округа – Тăхър ял, сел Кайсарово, Кошки-Новотимбаево и др. Образовав огромный круг *карта*, начинали водить хоровод, за которым наблюдали чувашские подростки – мальчики и девочки, приходили смотреть чувашские хороводы русские и татары. Через некоторое время в межсельском хороводе как бы начиналось состязание между деревнями, а затем пение сатирических песен и частушек в адрес отдельных парней и девушек, допустивших отклонение от принятых норм морали и поведения. Инициаторами выступали парни, которые еще заранее обдумывали, кого из девушек или парней осмеивать. Между прочим, публичное осмеивание (или ритуальный смех), связанное с обрядовым календарем, бытовало и у других народов.

Рекомендовал бы дифференцированно показать влияние элементов зороастризма и ислама. Так, уделяя внимание персоне *Турă* как организующей силе, почитанию божеств, предков, значению традиционных обрядов, природе, автор наверняка имел в виду зороастризм.

Почитание божеств и духов охарактеризовано на этнографическом материале, потому что ряд качеств, связанных с данным институтом, в этнографической литературе изучен удовлетворительно. Интересна фиксация того, что каждый нравственный или безнравственный поступок отражен в устном народном творчестве через причинно-следственные связи. Для доказательства суждения «в природе все взаимосвязано» почему-то приводится пример из круга семейных и общественных отношений.

Итоги анализа подводятся в форме ответов на поставленные вопросы. Импонирует, что между отдельными блоками прослеживается связь благодаря лаконичным переходам, то есть в композиционном отношении исследование оставляет хорошее впечатление. Логичны рассуждения: последующее вытекает из предыдущего. Примечательно, к примеру, изложение хода мыслей при анализе таких качеств или признаков, как покой и беспокойство, блаженство и страдание. Тема доклада и ее раскрытие автором настолько увлекательны, что трудно удержаться и не поделиться своими наблюдениями как этнографа. Так, большой силой действия на мировосприятие людей обладают праздники и ритуалы, совершаемые под открытым небом, у огня, у воды. Они очищают, воодушевляют, объединяют людей, помогают сохранить этническую идентичность, доставляют людям покой и блаженство. Каждый участник *Акатуя*, например, чувствует свою причастность к этносу, родной культуре, языку. Сибирские чуваш

полагают, что *Акатуй* – поскольку это день сопричастности к соплеменникам (*чӳвашлӑх*) – является днем высокого уровня блаженства, когда они имеют возможность говорить на родном языке, петь национальные песни, вкушать национальные блюда, общаться с друзьями, чувствовать защиту суверенитета своего народа, внимание со стороны обществности, людей других национальностей, власти; чувствовать уважение к себе за приверженность к обычаям и традициям своей этнической культуры. Люди через приверженность к этнокультурным традициям создают образ родины, элементы жизнеобеспечения. И тут же они высказывают и другое чувство – чувство беспокойства и страдания по поводу вытеснения национального иными традициями, трансформации стереотипов поведения, ценностных ориентаций.

В завершение – вопросы и пожелания. Изучены ли ценностные ориентации личности у соседних народов? Образуют ли они особый для Поволжско-Приуральской историко-культурной области тип ценностных ориентаций, нравственного опыта? Желаю автору дальнейших успехов в исследовании ценностного мира чувашей.

Литература и источники

¹ *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Том 1: Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 475.

² *Волков Г.Н.* Этнопедагогика. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. С. 180.

³ См., например: *Егорова О.В.* Гендерная социализация детей в традиционной чувашской семье // Социальная педагогика: проблемы социализации детства: материалы международной научно-практической конференции 29–31 марта 2007 г. Саратов: Издательский центр «Наука», 2007. С.100–108; и др.

ЧГВ, 2012 г., № 7

© **Д.Н. Воробьев.** Рец. на: **Терентьева О.Н. Ценностный мир чувашей: нравственность и мировосприятие.** Чебоксары, 2011. 34 с. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук; вып. 5).

Рецензируемая брошюра О.Н. Терентьевой являет собой попытку реконструкции нравственного опыта чувашского народа в его ценностно-личностном измерении на фольклорном материале. Исследование имеет широкую эмпирическую базу. В основном это материалы Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук, «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина, сборники чувашского фольклора разных жанров, а также материалы из личного архива автора.

Заявленная тема, несомненно, актуальна. Традиционная культура чувашей в настоящее время агрессивно поглощается урбанистской, массовой, вестернизированной культурой. На место родовых ценностей приходят ценности западного общества эмансипированных индивидов. Я согласен с автором в том, что попытка выявить систему традиционных ценностей этноса, осмыслить их место в жизни социума как никогда своевременна.

Во введении автор формулирует цель и задачу исследования. «Преследуемая нами цель, – пишет О.Н. Терентьева, – анализ ценностных ориентаций, отраженных в устно-народном творчестве чувашей. В соответствии с ней ставится исследовательская задача – определить основу формирования ценностных ориентаций личности» (с. 3–4). В дальнейшем выясняется, что основой ценностных ориентаций личности являются личностные и духовные качества. Большая часть доклада посвящена анализу конкретных качеств, таких как умеренность и чрезмерность, стыд и бесстыдство, праведность и греховность, блаженство и страдание и т.д.

Дмитрий Николаевич Воробьев – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева; e-mail: vorobjov.d@gmail.com.

Несомненно, автором проделана большая работа. Действительно, рассмотренные в статье личностные и духовные качества являются характерными для чувашского менталитета. Автор использует острожные и точные формулировки, опирается на эмпирический материал, старается не быть голословным и, где это необходимо, приводит примеры для того, чтобы защитить по сути одну мысль: ценностные ориентации личности определяются совокупным нравственным опытом (личности и общества), усвоенным обществом и циркулирующим в нем.

Тема исследования довольно широкая и носит явно междисциплинарный характер. Автор берётся за исследование по прикладной аксиологии, использует в качестве основного эмпирического материала фольклор, а также материалы этнографических, социолингвистических, литературоведческих исследований. Но эта междисциплинарность скорее похожа на механическую сумму знаний, идей, методов. На мой взгляд, работа сейчас имеет мозаичный характер. И связи между элементами мозаики подчас слабо прослеживаются.

Указанная специфика работы породила у меня некоторые вопросы и пожелания. Все они носят субъективный характер и, вполне возможно, вызваны тем, что я не являюсь специалистом по данной теме. Исследование называется «Ценностный мир чувашей: нравственность и мировосприятие». Раскрыт ли собственно ценностный мир чувашей? Можно ли, говоря о ценностях личности, раскрыть ценностный мир народа? Если да, то при каком условии? Почему нравственность и мировосприятие берутся вместе, как пара характеристик, хотя мировосприятие не является частью ценностного мира? На мой взгляд, центральный узел противоречий образуется несоответствием названия целям и задачам исследования. Нравственность и мировосприятие не однопорядковые понятия. Имеет ли мировосприятие ценностную окраску? В названии не отражена цель работы. В формулировке цели присутствует указание на фольклор, в названии этого указания нет. Содержание работы не соответствует названию. В названии говорится о чувашах вообще, а в тексте – о нравственном опыте и конкретных ценностных ориентациях личности в частности. Надо полагать, это не одно и то же.

По моему мнению, есть два способа распутать этот узел противоречий. Самый простой путь – сузить название работы, привести его в соответствие с фактическим содержанием, в соответствие с целью. Например, добавить указание на фольклорные источники: «Ценностный мир чувашей: отражение нравственности и мировосприятия в устном народном творчестве». Цель – выявить ценностные ориентации в устном народном творчестве чувашей. Сейчас задача исследования мало связана с его целью, хотя должна вытекать из неё. Фраза «Определить основу формирования ценностных ориентаций личности» не согласуется ни с названием, ни с целью. Здесь также нет указания на фольклор. И, на мой взгляд, это отдельная цель для совершенно другой, не написанной пока работы. Второй, более сложный путь – оставить название и задачу такими же, но переписать содержание. И в этом случае ограничиться преимущественно фольклорными источниками не получится. Непременно потребуются расширить методологическую и фактологическую базу. Здесь уже не удастся ограничиться ценностями только личности. Потому как основа формирования ценностных ориентаций личности находится за ее пределами.

Во время изучения текста у меня сложилось впечатление, что автор уделяет больше внимания личности, нежели обществу. Она часто рассматривает нравственный опыт и ценностные ориентации личности отдельно от нравственного опыта общества. Для меня же очевидно, что личностные ценности несут общественный характер, они являются таковыми по своей природе, способу функционирования и генезису. Личность возникает и формируется в обществе. Именно общество можно считать источником ценностных ориентаций конкретной личности, особенно в так называемых традиционных культурах.

Реконструировать ценностные ориентации личности на материале устного народного творчества, минуя ценностные ориентации общества, на мой взгляд, неправомерно. Фольклор по определению – это не авторская литература, имеющая специфический устный способ существования. Фольклор позволяет выявить такие составляющие менталитета, как надывидуальные схемы мышления и деятельности, а также социальные ценности, ожидания, нормы. И только потом можно сделать логичный вывод, что менталитет и является основой ценностных ориентаций в обществе традиционного типа.

Если рискнуть пойти по второму пути, то автору непременно придется коснуться такого аспекта проблемы, как взаимосвязь структуры общества и ценностных ориентаций личности. Как и во всех «традиционных обществах», чувашки жили (вплоть до времени пришедшей коллективизации и индустриализации) родами-кланами, то есть основной социальной единицей, если угодно субъектом общественных отношений, был *род* (а не *индивид* как сейчас), который часто имел компактное расселение, свою территорию, «самоуправление». Старейшины рода в виде большой, многопоколенной семьи, где троюродные являются близкими родственниками, имели огромную власть и уважение. Почитание отца и матери, почитание старейшин рода, почитание продолжения рода, почитание рядом живущих членов рода (соседей), почитание ушедших предков рода, почитание родной земли – того, что одним словом можно назвать *тӳванлӑх* ‘родня’, – важнейшие особенности чувашского менталитета. Поэтому можно сказать, что и ценности чувашей имеют родовую природу, и мне кажется, для того, чтобы действительно «определить основу формирования ценностных ориентаций личности», необходимо это учитывать.

Далее, если автор решится пойти по второму пути, то придется четко сказать, что нравственные и духовные качества личности имеют религиозную природу. Простого разбора стыда и бесстыдства или праведности и греховности (который уже предпринял автор) вне отношений с древней чувашской религией будет недостаточно. Без этого картина будет неполной.

С рассмотрением древней чувашской религии связано несколько проблем. Сакральные тексты чувашского монотеизма толком не изданы и существуют сейчас отдельными отголосками на уровне фольклора. Но и сводить религию к чистому фольклору, на мой взгляд, невозможно. Статус древней чувашской веры толком не выяснен. Религия является предметом исследования религиоведов, литературоведов, историков. Но обратиться к исследованию роли религии и религиозного сознания в формировании ценностных ориентаций личности все равно придется.

Для того чтобы пойти по второму пути, необходимо будет перестроить методологический фундамент исследования. Чтобы выявить «основу формирования ценностных ориентаций личности» чувашки, придется неизбежно выйти за границы предмета традиционно понимаемой фольклористики. Вместо неё, на мой взгляд, придется использовать методологические подходы культурной антропологии.

Культурная антропология – наука о культуре во всех формах ее проявления и на всех исторических этапах ее развития. При этом культура понимается в предельно широком смысле, как совокупность материальных объектов, идей, ценностей, представлений и моделей поведения. Именно культурная антропология дает широкое определение религии. Религия в данном случае – набор символов, которые вызывают у верующих чувства почтения и благоговения. Данные символы участвуют в ритуалах и обрядах, проводимых общиной верующих (Э. Гидденс). Религия – это стремление к единству человеческого опыта, к преодолению различий и разъединенности в актах искупления и примирения (М. Дуглас).

Антропологи показывают, что первичным религиозным чувством является не страх перед высшей силой и ее волей (он, конечно же, есть, но вторичен и возникает лишь в развитых религиях), а стремление к *чистоте* как к порядку, стремление к гармонии и единству человеческого опыта, общества, мира. Например, британский антрополог Мери Дуглас рассматривает стремление к *чистоте* как первичное стремление организовать окружающий мир¹. Религия упорядочивает мир и деятельность человека, разделяя *священное-чистое* и *скверное-нечистое*. В так называемых архаических религиях и священное, и скверное обозначаются одним понятием *‘табу’* (запрет на совершение обычных действий в некоторых ситуациях).

Использование подобного подхода к чувашскому фольклору, религии, культуре в целом может быть достаточно плодотворным. Например, автор совершенно верно указывает, что наивысшей ценностью в представлении чувашей является счастье, понимаемое как удовлетворенность жизнью в целом, гармоничная жизнь в единстве с родными и природой (с. 5). При этом счастье не имеет какой-то религиозной окраски. Но это *счастье*, собственно, и

есть *чистота* культурной антропологии. Нарушение принятых норм и стыд, следующий за этим, как отмечает автор, у чувашей сопоставляются с *грязью* (с. 10), а совесть является *чистой*. То есть, и здесь можно найти следы религиозных представлений, если использовать другую методологию, если выйти за пределы традиционного предмета фольклористики.

В заключение хочу еще раз отметить, что тема очень широкая, интересная, сложная. Ольга Николаевна показала себя как смелый и кропотливый исследователь. Из работы по такой теме может получиться докторская диссертация, может быть и не одна. Все мои замечания, вопросы, пожелания имеют лишь одну цель – помочь автору в дальнейшей работе в этой области.

Литература

¹ *Дуглас М.* Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу / пер. с англ. Р. Громовой. М.: Канон-Пресс, 2000. 288 с. Если мы зададимся вопросом, что такое чистота в широком смысле слова, не привычно гигиеническом, а более абстрактном, то мы получим, что чистота – это характеристика порядка, то есть такого хода вещей, который считается наилучшим, считается должным. Например, ботинки в мокрой земле являются грязными лишь в определенных условиях, например, если находятся в комнате, где прибрано, постелены ковры, где есть четкая дифференциация пространства. Те же самые ботинки в комнате, где идет отделка несданного еще дома (где идет покраска, шпатлевка, грунтовка, где груды стройматериалов и инструментов, испачканной одежды и т.д.), вряд ли будут считаться грязными.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ФЕДОРОВ ГЕОРГИЙ ИОСИФОВИЧ

(К 70-летию со дня рождения)

В феврале 2012 г. исполнилось 70 лет ведущему исследователю истории литературы народов Урала и Поволжья, автору ряда работ по методике преподавания национальной филологии и вопросам культурфилософии чувашского народа, известному чувашскому литературоведу Георгию Иосифовичу Федорову.

Федоров Георгий Иосифович родился 10 февраля 1942 г. в д. Питушкино Шумерлинского района Чувашской АССР. Его отец – Федоров Иосиф Петрович – был образованным человеком: работал счетоводом и главным бухгалтером колхоза, а мать – Кузьмина Татьяна Андреевна – простой крестьянкой. В семье Федоровых было пятеро детей, Георгий – старший среди них. Из детей Иосифа Петровича он был единственным, кто потянулся к Слову, к образованию.

По воспоминаниям самого Г.И. Федорова, его еще мальчишкой отец часто брал с собой в лес – заготавливать дрова, на луг – возить сено и т.д. И постоянно вел с сыном беседы – об ученых Т.Д. Лысенко и В.Р. Вильямсе, о структуре районных и областных органов власти, писателях, о «больших людях», вышедших из деревень Шумерля, Лесные Туваны, о том, как могла возникнуть их малая родина Питушкино... Это была хорошая школа. Мальчик жил в несвойственной для других его ровесников атмосфере, рос устремленным к неведомым мирам. В становлении личности Георгия немаловажную роль сыграл и внутренний интерьер деревенской избы: ее стены были оклеены газетами, цветными и черно-белыми рисунками с сельскохозяйственных плакатов и т.д. Живя в таких условиях, несмышлениш Георгий очень рано окунулся в мир печатного слова, дышал его магией.

После окончания Туванской семилетней и Ходарской средней школ (1959) Георгий был направлен старшим пионервожатым в Тарханскую семилетнюю школу. В 1962 г. юноша стал учащимся Канашского педагогического училища. Проучившись здесь два года, в 1962 г. Георгий поступил на учебу на русско-чувашское отделение историко-филологического факультета Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. В институте пылливый студент слушал лекции известных профессоров и доцентов М.Я. Сироткина, И.П. Павлова, В.Я. Канюкова, И.И. Одюкова и др. Под влиянием исключительно добродушного, мягкого и умного наставника И.П. Павлова заинтересовался проблемами чувашской фразеологии, стал собирать иллюстративный материал в виде извлечений из художественной, научной, политической литературы. По откровению ученого, эта работа помогала ему глубоко проникнуть в тайны национальной безэквивалентной образности

чувакшской речи. В пору учебы Георгий был старостой студенческого лингвистического научного кружка.

Окончив вуз, в 1971–1974 гг. Г.И. Федоров работал в Научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики (ныне: Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН), в 1974–1989 гг. – учителем русского языка и литературы в школах Чувашской АССР. В 1989 г. его как автора ряда статей по чувашской литературе вновь пригласили на работу в отдел литературоведения и фольклористики ЧГИГН. Вскоре, в 1990 г., Георгий Иосифович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблемы поэтики чувашской психологической прозы 1950–1980 гг.». К этому времени за плечами он имел серию статей о поэзии Ю. Айдаша, В. Эндипа, о прозе Хв. Уяра, М. Ильбека, А. Артемьева, Ю. Скворцова, Хв. Агивера и др. В 1991 г. была издана первая монография «Художественный мир Федора Уяра». Он стал также редактором нескольких научных сборников, изданных отделом литературоведения и фольклористики института, с 1996 г. начал читать лекции по теории литературы и по истории чувашской литературы в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова.

Научные интересы Г.И. Федорова лежат в области поэтики, теории, истории и философии прозы и поэзии. Его интересуют особенности творческих миров отдельных прозаиков и большого совокупного мира национальной литературы. В своих трудах он разрабатывает новую методику изучения поэтических миров. На основе анализа прозаической картины мира А. Артемьева, Ю. Скворцова, М. Ильбека и других писателей начинает создавать принципы постепенного отхода от вульгарно-социологических методов критики. Подспорьем в этом ему служит детальный анализ проблем теории и истории трагического и комического сознания, специфики индивидуального художественного мышления отдельных прозаиков, философии их творческих поисков. Ученый прибегает к функционально-историческому анализу эстетических процессов. По его мнению, пристальное внимание надо уделять возможностям типологизации эстетических явлений, образно-поэтических тенденций. Идеи эти осуществлены Г.И. Федоровым в его книгах «Поиск изящной словесности» (1996) и «Художественный мир чувашской прозы 1950–1990-х гг.» (1996). Монографии эти свидетельствуют о большой теоретической глубине исследований, дают панорамную картину движения литературы. В них выявляется и индивидуальная неповторимость многих и многих мастеров слова. Более того, монография «Поиск изящной словесности» является, по сути, исследованием основ теоретической истории национальной словесности (сокращенно – ТИНС), в частности, чувашской прозы 50–90-х гг.

В 1997 г. в Казанском государственном университете Г.И. Федоров успешно защищает докторскую диссертацию на тему «Своеобразие художественного мира чувашской прозы 1950–1990-х гг.». Работа эта была расценена как новый шаг в теории и истории литературы народов Урала и Поволжья. Направление, разработанное Г.И. Федоровым в диссертационном исследовании, весьма актуально, оно предполагает изучение национальных форм словесности в широком культурно-историческом контексте через глубинное проникновение в толщу фольклорного мышления, филолого-эстетического сознания нации, в недра ее языковой картины мира, в особенности этноистории и обрядоведения народа. Большое внимание в исследовательской работе Г.И. Федоров уделяет проблемам философии национальных культур региона и народов России, комплексному анализу художественных миров выдающихся мастеров слова в контексте общественно-культурных явлений Урало-Поволжья и Российской Федерации.

Особенно положительно диссертационный совет отнесся к правомерности национальных литератур обращаться к этнографическим сценам, отражающим историко-обрядоведческое сознание нации, к идее о том, что великие литературы предписывают якобы малым литературам некий обязательный путь развития. На самом деле каждая словесность имеет свои, отсутствующие у других литератур, резервы.

Г.И. Федоров известен как автор монографического исследования «Чувашская повесть в 1967–1990-е гг.» (2000), учебно-методического пособия «Творчество Ивана Мучи и прихода комического в чувашской литературе» (2001), ряда сборников статей. Им написано несколько учебных пособий («Теория художественной речи художественной литературы»),

1994; «Чувашская литература. 1945–1985 гг.», 2004), учебников и хрестоматий для средней школы («Чувашская литература. Книга для чтения в 11 классе средней школы», 2003; «Чувашская литература. Учебник для 11 класса средней школы», 2003) и т.д. Он автор более 220 статей и зарисовок. Положения, разработанные Федоровым, используются в учебном процессе многих региональных вузов при подготовке специалистов по национальной филологии и культуре, в деятельности исследовательских институтов. Они приносят большой научно-образовательный и духовный эффект.

Одним из фундаментальных трудов Г.И. Федорова, охватывающим своеобразие эстетических процессов, происходящих в чувашской словесности во второй половине XX в., является учебное пособие «Чувашская литература. 1945–1985 гг.». В нем полно и многосторонне изучена история чувашской словесной культуры, выработана новая методология критического анализа, литературоведческого исследования различных форм отображения духовной культуры народа, рассмотрена национальная словесная культура в контексте литератур народов Российской Федерации и ближнего зарубежья. В книге впервые в чувашском литературоведении разработаны принципы анализа самобытности искусства слова не на заимствованных критериях, взятых из критических работ и литературоведческих трудов о так называемых сильных литературах (русской, английской, французской...), из «абстрактной» теории словесности, а за счет актуализации внутренних, имманентных импульсов поэтического мышления конкретного чувашского народа.

Г.И. Федоров является членом двух диссертационных советов: по защите докторских диссертаций по вопросам филологии и по защите докторских диссертаций по проблемам истории. Под его руководством 12 аспирантов и соискателей защитили кандидатские диссертации, один исследователь – докторскую. С 1993 г. Г.И. Федоров – член союза писателей России и Чувашии, несколько лет руководил секцией критики при Союзе писателей Чувашской Республики. Он также бессменный член редколлегии журнала «Тӑван Атӑл». С 1998 по 2001 г. являлся заведующим кафедрой стилистики и библиотекovedения, а с 2001 по 2011 г. руководил кафедрой культурологии Чувашского государственного университета.

Награжден Почетной грамотой Министерства образования Российской Федерации (2005), ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики» (2010).

Основные научные труды

- Уяр калавӑсен фразеологийӗ пирки // Ялав. 1980. № 3. С. 28–29.
- Хветӑр Уяр стилӑн хӑш-пӑр уйрӑмлӑхӑсем ҫинчен // Ҫамрӑклӑхпа ӑсталӑх: ст. пуххи. Шупашкар: Чӑваш кӑнеке изд-ви, 1982. С. 102–118.
- Повторение неповторимого: [размышления о художественном творчестве Хведера Уяра] // Дружба: лит.-худож. альм. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. С. 208–234.
- Испытание поиском // Дружба: лит.-худож. альм. Чебоксары, 1987. № 1. С. 184–222.
- Чӑваш поэтикин хӑш-пӑр уйрӑмлӑхӑсем // Тӑван Атӑл. 1988. № 1. С. 57–62.
- Хветӑр Агиверӑн психологизмӗ пирки: эстетика тата поэтика ыйтӑвӑсем // Хальхи чӑваш литератури: илемлӗ ӑсталӑх ыйтӑвӑсем. Шупашкар, 1990. С. 34–64.
- Художественный мир Федора Уяра: Проблема типологии, поэтики и художественной семантики: монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. 176 с.
- Заметки о художественно-речевой структуре поэмы К. Иванова-Прта // Вопросы поэтики К. Иванова: материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения поэта: 21–22 мая 1990. Чебоксары, 1991. С. 107–120.
- Юрий Скворцовӑн илемлӗ тӑнчи (хӑш-пӑр ыйтусем) // Юрий Скворцов: ст. пуххи. Шупашкар, 1992. С. 3–30.
- Психологизм в современной чувашской прозе (некоторые вопросы) // Чувашская литература: вопросы истории и теории: сб. статей. Чебоксары, 1992. С. 3–36.
- Чӑваш литературин ҫанарлӑ пуплев теорийӗ: методика кӑтартӑвӑсем. Шупашкар: Чӑв. патш. ун-чӑ, 1994. 88 с.

Авӑнман шӗшкӗ тата пурнӑс тӑвӑлӗ: [Чӑваш халӑх писателӗ Александр Артемьев пирки] // Тӑван Атӑл. 1994. № 9. С. 57–60.

Сӑнарлӑ сӑмах шыравӗ: монографи. Шупашкар: Чӑв. кӑн. изд-ви, 1996. 224 с.

Художественный мир чувашской прозы: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 304 с.
Художественно-философский смысл отточий в поэзии М. Сеспеля // Вопросы истории чувашского литературного языка и стилей, материалы науч. конф. Чебоксары, 1999. С. 85–91.

Хӑй тӑнчине пӑхӑнать: (К.В. Ивановӑн философилле ӑнӗ) // Константин Васильевич Иванов: тӗпчев ӗҫсем. Шупашкар, 2000. С. 5–25.

О национальном своеобразии чувашской литературы (некоторые аспекты) // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. ст. Чебоксары, 2000. С. 173–188.

О поисках новых методологических ориентиров изучения национальной художественной литературы // Диалог культур: проблемы художественного сознания: сб. ст. Чебоксары, 2000. С. 3–28.

Чӑваш повеҫӗ 1967–1990 ҫулсенче: (историпе теори ыйтӑвӗсем) // Сӑнар. Шупашкар, 2000. С. 10–64.

Чӑваш филологийӑн сивӗч ыйтӑвӗсем // Чӑваш филологийӗпе культури тата журналистики: ӗнер, паян, ыран: чӑв. филол. культура ин-чӗ 5 ҫул тултарнини халал. ӑсл. конф. материалӗсем. Шупашкар, 2000. С. 79–81.

Культура как прототипно-референтная основа поэзии Михаила Сеспеля // Революция в художественном сознании начала XX века и поэзия Михаила Сеспеля: материалы международной науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения поэта: 18 октября 1999 г.: В 2-х кн. Чебоксары, 2001. Кн. 1. С. 21–52.

«...Ҫырма пуҫлатӑп юрӑ сап-сарӑ ҫулҫӑ ӱкнӗ вӑхӑтра»: [Я.Г. Ухсай 90 ҫулӗ ячӗпе] // Хыпар. 2001. Раштав, 27.

На путях обретения культурно-исторического самобытия // Чуваши в русской литературе и публицистике. Чебоксары, 2001. С. 14–48.

«Уках хурӑнӗ» повесть ҫинчен // Тӑван Атӑл. 2002. № 1. С. 38–39.

Чӑваш литературин хрестоматийӗ: 11 класс валли. Шупашкар: Чӑв. кӑн. изд-ви, 2002. 448 с.

Эстетические традиции художественного выражения женского идеала в чувашской литературе: (некоторые заметки) // Национальные традиции в культуре народов Поволжья: материалы регион. науч.-практ. конф.: 19 июня 2003. Чебоксары, 2003. С. 82–94.

К проблеме гуманизации системы образования в современных условиях // Семья в России. 2003. № 3. С. 27–35.

Чӑваш литератури (1945–1985 ҫулсем): вӗренӱ пособийӗ. Шупашкар: Чӑв. патш. ун-чӗ, 2004. 516 с.

«Нарспи хӑйӑн хакне сухатмӗ» // Тӑван Атӑл. 2005. № 12. С. 61–63.

Некоторые заметки к вопросу о новой методологии современного литературоведения // Вестник Чувашского университета: Гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 205–212.

О чувашской прозе последних 15–20 лет // Ашмаринские чтения: материалы межрегион. науч. конф. Чебоксары, 2005. С. 147–168.

Вӑхӑтпа ҫураҫулӑ поэзи: [Андрей Петтоки пултаруӑлахӗ пирки шухӑша ӱкни] // Андрей Петтоки: Поэт кун-ҫулӗпе пултаруӑлахне ҫӗнӗлле ӑнланни. Шупашкар, 2005. С. 152–171.

Шанӑспах сывлатӑрчӗ литературӑмӑр: [Проза пирки пынӑ дискуссии пӗтӗмлетни] // Тӑван Атӑл. 2006. № 1. С. 58–59.

К проблеме создания «Истории чувашской литературы второй половины XX века»: некоторые размышления // Чувашский гуманитарных вестник. 2010. № 5. С. 122–137.

Леонид Агаков: сӑнарлӑ пултаруӑлах ҫулӗ-йӗрӗ: монографи. Шупашкар: «Ҫӗнӗ вӑхӑт», 2010. 60 с.

А.Ф. Мышкина.

ИВАНОВ ВИТАЛИЙ ПЕТРОВИЧ

(К 60-летию со дня рождения)

Виталий Петрович Иванов родился 3 июня 1952 г. в небольшом чувашском поселке Вишневка Бижбулякского района Башкирской АССР. После окончания средней школы работал в родном совхозе, затем воспитателем и учителем в Кош-Елгинской средней и Седяк-Башской восьмилетней школах Бижбулякского района. В 1971 г. поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова и окончил учебу, получив диплом с отличием.

Я учился с В.П. Ивановым в одной группе и помню, как при нашем зачислении говорили, что среди поступивших есть учитель из Башкирии. Среди студентов группы (И-1-71) была развита здоровая конкуренция, мы стремились учиться хорошо, пытались на своем уровне заниматься научной работой. Может быть поэтому три человека из группы впоследствии защитили докторские диссертации. Кроме В.П. Иванова и автора этих строк, доктором исторических наук стал А.Г. Иванов, заведующий кафедрой отечественной истории Марийского государственного университета. Виталий Петрович, а тогда еще Виталий, в студенческой среде был известен и как человек, который может многое сделать собственными руками: магнитофон отремонтировать, проводку провести, столярными работами заняться и другое. За эти таланты его иногда шутливо величали «народным умельцем». Но главным в эти годы для него была учеба, и отношение к ней у него было самое серьезное. В дипломном сочинении он исследовал деятельность видного археолога В.Ф. Смолина, открывателя абашевской культуры.

На талантливого молодого исследователя обратил внимание известный историк В.Д. Дмитриев, работавший в те годы директором НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, и пригласил его в институт. В 1976–1977 гг. В.П. Иванов работал в этом центре гуманитарных исследований Чувашии младшим научным сотрудником отдела археологии и этнографии. В 1977–1980 гг. учился в очной аспирантуре Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (г. Москва) под руководством доктора исторических наук, профессора В.В. Пименова, в 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Современная чувашская городская семья». После окончания аспирантуры вернулся в ЧНИИ, где в 1981–1992 гг. успешно трудился ученым секретарем, заведующим отделом, заместителем директора по научной работе.

С конца 1980-х – начала 1990-х гг. проблемы этнического развития приобрели особую актуальность, в том числе и по причинам обострившихся конфликтов, доходивших в ряде республик СССР до кровавых конфликтов. Публикации В.П. Иванова оказались созвучными новым государственным запросам, его исследования помогали отвечать на новые вызовы, и в 1993 г. ему предложили занять пост министра культуры и по делам национальностей Чувашской Республики. До конца 1996 г. он находился на государственной службе, осваивая в числе других и новые для себя проблемы профессионального искусства.

С января 1997 г. по настоящее время В.П. Иванов трудится в отделе этнологии и антропологии Чувашского государственного института гуманитарных наук в должности главного научного сотрудника, является (по совместительству) профессором кафедры археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. В 2005 г. успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Расселение и численность чувашей в России: историческая динамика и региональные особенности».

Круг научных интересов ученого широк: он плодотворно разрабатывает актуальные проблемы истории и культуры чувашского народа, этнокультурные и этнодемографические процессы и межнациональные отношения в Чувашской Республике, а также вопросы национально-культурной жизни диаспорных групп чувашей в регионах Российской Федерации. В его трудах, выполненных на стыке наук, плодотворно используются методы истории, социологии, географии, демографии, политологии.

В.П. Иванов – автор около 150 научных трудов, в т.ч. 20 монографий и брошюр, научный редактор более 30 монографий и сборников статей, автор статей о чувашском народе, опубликованных в академических энциклопедиях «Народы мира», «Народы России» и «Народы и религии мира». Внес значительный вклад в развитие нового и приоритетного для российской науки направления – этнодемографической истории народов. В опубликованной в 2005 г. монографии В.П. Иванова «Этническая география чувашского народа» впервые выполнено комплексное исследование исторической динамики численности и расселения чувашского этноса в России. В 2006 г. издание было признано победителем республиканского конкурса «Лучшая научная книга», удостоено диплома лауреата конкурса Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ).

В.П. Иванов является также одним из первых зачинателей научного исследования внутрисоссийских диаспор, что отмечено и в публикациях ученых, представляющих ряд научных центров страны. Многоаспектные, глубокие по содержанию, с концептуальными выводами труды В.П. Иванова широко используются в региональных исследованиях по проблемам этнических процессов и народонаселения, актуальны на современном этапе.

В 2002 г. вышла в свет уникальная книга-альбом «Чувашский костюм: от древности до современности» (2002), подготовленная под научным руководством В.П. Иванова. В данном научно-художественном издании впервые нашли отражение ценные коллекции народного искусства из многих музеев России, а также США и Финляндии. В 2003 г. книга стала лауреатом конкурса АСКИ, в 2004 г. была отмечена дипломом на международной книжной ярмарке в г. Франкфурт-на-Майне, а в 2006 г. ее авторы – В.П. Иванов, В.В. Николаев, Г.Н. Иванов-Орков – были удостоены Государственной премии Чувашской Республики в области литературы и искусства.

В.П. Иванов – научный руководитель авторского коллектива и основной автор академической двухтомной монографии «Чуваши: история и культура» (2009), которая подвела черту под большим и насыщенным этапом этнографического изучения народа. В 2011 г. она заняла первое место во Всероссийском конкурсе «Наше культурное наследие» среди книг о народах России.

Существенно важный характер имело участие В.П. Иванова в качестве одного из соавторов в работе над коллективной монографией «Регионы России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте» (М., 2009), подготовленной исследователями из Института философии РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, вузов и научных учреждений Чебоксар и ряда других городов страны в рамках поддержанной РГНФ программы «Социокультурная эволюция России и его регионов». В работе на основе нового направления отечественной науки – антропосоциентального подхода – выявлены важные закономерности развития регионов. В.П. Иванов, как один из ведущих соавторов, внес значительный вклад в создание коллективной монографии «Чувашская Республика. Социокультурный портрет» (Чебоксары, 2011).

Исследователь постоянно обращается к ряду дискуссионных проблем гражданской истории, в частности его перу принадлежит несколько публикаций о становлении чувашской государственности. В 2010 г. в соавторстве с В.Н. Клементьевым опубликовал монографию «Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы», в которой впервые на основе опубликованных и вновь выявленных архивных источников подробно рассмотрены основные вехи национально-государственного строительства республики. В книге «Этническая история чувашского народа» рассмотрены проблемы происхождения чувашей, дискуссионные вопросы булгаро-суваро-чувашской этногенетической, языковой и культурной преемственности. В вышедшей в свет в 2011 г. работе В.П. Иванова «История этнографии чувашского народа» прослеживается история этнографического изучения чувашей, начиная с самых первых публикаций, упоминавших их, и завершая исследованиями начала XXI века.

Особенной чертой научной деятельности В.П. Иванова является прикладной характер многих его работ (книги «Этническая карта Чувашии», «Чуваши: этническая история и традиционная культура», «Чувашская диаспора» и др.), в связи с чем они широко используются как в управленческой сфере, так и в школьно-вузовской практике. Он выступил также одним из ведущих авторов учебного пособия «Культура Чувашского края» (1994).

В своей научной деятельности В.П. Иванов большое внимание уделяет важному делу популяризации и пропаганды знаний по истории и культуре родного народа. В этом отношении очень значимой для всего этноса оказалась книга «Чуваши: этническая история и традиционная культура», изданная в Москве в 2000 г. 30-тысячным тиражом под научным руководством В.П. Иванова с участием профессоров В.В. Николаева и В.Д. Димитриева. Авторы книги в 2001 г. заслуженно были удостоены Государственной премии Чувашской Республики в области науки и техники.

В.П. Иванов является основным автором-разработчиком проекта Концепции государственной национальной политики и Программы ее реализации в Чувашской Республике на 1998–2005 гг., принятых постановлением Правительства ЧР. Начиная с 2005 г. в соответствии с соглашением, заключенным Минкультуры республики с институтом, он все последние годы ведет руководство экспедиционной и научно-аналитической работой по составлению этнокультурных паспортов русского (2007), мордовского (2008), татарского (2009), чувашского (2012) населения республики.

Исследователь – один из основателей и руководитель общественного некоммерческого Фонда историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова (образован в 2000 г., зарегистрирован в г. Москве), деятельность которого направлена на оказание содействия в реализации различных научно-исследовательских, издательских и национально-культурных проектов.

В.П.Иванов является членом объединенного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Чувашском государственном университете им. И.Н.Ульянова, ученого совета Чувашского государственного института гуманитарных наук, а также состоит в редколлегиях многоотомной «Чувашской энциклопедии» и журнала «Чувашский гуманитарный вестник».

В.П. Иванов ведет активную общественно значимую работу в качестве члена Совета по делам национальностей ЧР, президиума Чувашского национального конгресса.

За большие заслуги в развитии науки и культуры В.П. Иванов награжден Почетной грамотой Чувашской Республики (2002), ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики» (2008), он лауреат Государственных премий Чувашской Республики в области науки и техники (2001) и в области литературы и искусства (2006). За активное участие в популяризации историко-культурного наследия народов России удостоен медали «100 лет М.А. Шолохову» (2005).

В.П. Иванов – постоянно в поиске, он всегда полон новых замыслов, для него характерно стремление реализовать свои идеи в книгах и статьях, различных проектах.

Основные научные труды В.П. Иванова

1. К вопросу о чувашско-татарских этнокультурных параллелях (Необходимые интерпретации некоторых фактов, приведенных в книге «Татары Среднего Поволжья и Приуралья») // Болгары и чувашы. Чебоксары, 1984. С. 103–120.

2. К проблеме системно-статистического анализа этноса // Исследования по древней и современной культуре чувашей. Чебоксары, 1987. С. 86–101. (В соавт. с В.В. Пименовым.)

3. Чуваши: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988 / Под общей редакцией В.В. Пименова. 240 с. В соавт. с В.В. Пименовым, Т.С. Гузенковой, А.Д. Коростелевым, Г.Б. Матвеевым, Г.А. Комаровой, В.Р. Родионовым. [Раздел «Профессиональная духовная культура»].

4. Семья у чувашей. Чебоксары: ЧНИИ, 1988. 100 с. В соавт. с П.П. Фокиным.

5. Формирование чувашской диаспоры: тезисы. Чебоксары: ЧГИГН, 1988. 12 с.

6. Чуваши // Народы мира: Историко-этнографический справочник. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 513–514. (В соавт. с Т.С. Гузенковой.)

7. Народное искусство чувашей: современное состояние и проблемы // Советская этнография. 1989. № 3. С. 81–89. (В соавт. с А.А. Трофимовым.)

8. Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье (до середины 1980-х годов). Чебоксары: ЧНИИ; Ин-т этнологии и антропологии АН СССР; МГУ им. М.В. Ломоносова,

1991 / Под общей редакцией В.В. Пименова и В.П. Иванова. 236 с. В соавт. с В.В. Пименовым, В.А. Балашовым, Е.П. Бусыгиным, Д.М. Исхаковым, Н.В. Зориним. [Раздел «Профессиональные формы духовной культуры»].

9. Этническая история чувашей. Чебоксары: Чув. респ. ин-т образования, 1992. 68 с.

10. Расселение и численность чувашей: Этногеографический очерк. Чебоксары: Чув. респ. ин-т образования, 1992. 72 с.

11. Чувашская нация: социально-культурный облик. Чебоксары: Чув. респ. упр. статистики; ЧНИИ, 1992. 28 с. В соавт.

12. Этнокультурные процессы у приуральских чувашей // Этнос и его подразделения. М., 1992. Часть 2. С. 70–79.

13. Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары: ЧНИИ, 1993 / Под общей редакцией В.П. Иванова. 278 с. В соавт. с П.П. Фокиным, Г.Б. Матвеевым, М.Г. Кондратьевым, А.А. Трофимовым. [Разделы «Предисловие», «Этногенез и этногеография», «Культура питания»].

14. Чуваша // Народы России: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 404–408. (В соавт. с Т.С. Гузенковой.)

15. Краеведческие письма о прародине чувашей (на болг. яз.) // Краезнание (Краеведение). София, 1994. № 1. С. 40–47.

16. Чувашская Республика и диаспора: Проблемы оптимизации взаимодействия. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 64 с.

17. Традиции – основа современной национальной культуры (на нем. яз.) // Vostok (Восток). Кельн, 1996. № 2. С. 53–55.

18. Этническая карта Чувашии: (Расселение, численность и межэтническое взаимодействие титульной нации и этнических групп на территории республики). Чебоксары: ЧГИГН, 1997. 176 с.

19. Чувашский этнос: Проблемы истории и этнографии. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 156 с.

20. Современная этнополитическая ситуация в Чувашской Республике и проблемы ее оптимизации. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. 78 с.

21. Чувашская диаспора (Этногеографический справочник). Чебоксары: ЧГИГН, 1999. 316 с.

22. Чуваша // Народы и религии мира: Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. С. 631–633. (В соавт. с Т.С. Гузенковой.)

23. Чуваша: этническая история и традиционная культура. М.: «ДИК», 2000. 96 с. В соавт. с В.В. Николаевым, В.Д. Димитриевым.

24. Современная чувашская диаспора: организационное строение и связь с республикой // Чувашское население России. Том 1: Республика и диаспора. М., 2000. С. 19–36.

25. Этнополитическая ситуация в Чувашии: реалии, тенденции и перспективы // Этнопанорама. 2001. № 2. С. 30–37.

26. Чувашский костюм: от древности до современности. Москва–Чебоксары–Оренбург: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2002. 400 с. В соавт. с В.В. Николаевым, Г.Н. Ивановым-Орковым.

27. Формирование чувашской диаспоры // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы. М., 2003. Вып. 29. С. 105–123.

28. Некоторые этнодемографические и историко-культурные характеристики чувашского этноса // Чуваша: актуальные аспекты антропологии. Чебоксары, 2004. С. 12–34.

29. Этническая география чувашского народа: Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2005. 384 с.

30. Динамика расселения чувашей в регионах России в XX веке // Регионология. 2005. № 3. С. 191–197.

31. Вопросы этнической географии чувашей в трудах В.Д. Димитриева // Служение истории. Чебоксары, 2008. Вып. 2. С. 106–115.

32. Чуваша: история и культура: Историко-этнографическое исследование в двух томах. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2009 / Под общей редакцией В.П. Иванова. Т. 1. 416 с.;

Т. 2. 336 с. В соавт. с П.П. Фокиным, Г.Б. Матвеевым, М.Г. Кондратьевым, А.А. Трофимовым, Г.Н. Ивановым и др. [Разделы «Введение», «История этнографии чувашского народа и проблематика его происхождения», «Этническая история», «Этносоциальная история», «Общие сведения», «Численность и расселение», «Одежда, костюм и украшения», «Этнические процессы»].

33. Василий Николаев: слагаемые портрета. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2009. 176 с.

34. Регионы России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М.: Academia, 2009. [Раздел «Республика Чувашия»]. С. 427–494. В соавт. с Бойко И.И., Шабуниным Д.М., Харитоновой В.Г. и др.

35. Этническая история чувашского народа: научный очерк. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. 88 с.

36. Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2010. 192 с. (В соавт. с В.Н. Клементьевым.)

37. Чувашская Республика: социокультурный портрет. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. 192 с. В соавт. с И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой, Д.М. Шабуниним, И.Е. Ильиным, З.А. Трифоновой. [Разделы «Чувашская Республика как социокультурная общность», «Население Чувашии», «Культурный капитал и культурный потенциал населения»].

38. История этнографии чувашского народа: очерки. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2011. 112 с.

39. Проблемы этнографии чувашского народа: избранные труды. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова; ЧГИГН, 2012. 668 с.

Литература о жизни и деятельности В.П. Иванова

Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 177.

Исследователи этнографии и археологии Чувашии: библиографический справочник. Чебоксары, 2004. С. 102–103.

Историки России XX века: библиографический справочник. М.; Саратов, 2005. С. 152.

Энциклопедия Башкортостана. Т. 3. Уфа, 2007. С. 118.

Чувашский национальный конгресс. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2008. С. 97.

Чувашская энциклопедия. Т. 2. Чебоксары, 2008. С. 87–88.

Краткая чувашская региональная энциклопедия. Т. 1. Ульяновск, 2009. С. 169

Who is Who в России: энциклопедия личностей серии «Hbners «Who is Who». М., 2011. Вып. 5. С. 899.

И.И. Бойко.

МАТВЕЕВ ГЕОРГИЙ БОРИСОВИЧ

(К 60-летию со дня рождения)

Г.Б. Матвеев родился 17 июня 1952 г. в д. Дальние Сормы Канашского района Чувашской АССР. В 1964 г. семья Матвеевых переехала в д. Тымары Ибресинского района Чувашской АССР. В 1967 г. юноша окончил восьмилетнюю школу, в 1971 г. – Канашское педагогическое училище. Получив педагогическое образование, работал учителем начальных классов Верхнекляшевской начальной школы Ибресинского района, пропагандистом в системе политечебы. В 1972–1974 гг. служил в Советской Армии. Находясь на воинской службе, начал готовиться, насколько это было возможно, к поступлению в вуз. После увольнения в запас трудился начальником Ибресинского районного пионерского лагеря, заведующим Верхнекляшевской начальной школой, одновременно учился на заочном отделении историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Через два года стал студентом-очником и

вскоре, в 1979 г., – дипломированным специалистом. Добрым словом вспоминает Георгий Борисович своих учителей – профессоров В.Д. Дмитриева, В.Ф. Каховского, П.В. Денисова.

После окончания университета Г.Б. Матвеев был направлен на работу в Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне: Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН), где был принят на должность младшего научного сотрудника отдела этнографии и социальных исследований. Начинающему научному работнику была предложена актуальная тема – «Отражение этнических процессов в материальной культуре чувашского народа». Повезло с научной школой. В 1981 г. его будущим научным руководителем, доктором исторических наук В.В. Пименовым, работавшим старшим научным сотрудником в секторе народов Поволжья и Европейского Севера Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, было инициировано совместное с чувашским институтом статистико-этнографическое исследование «Современные этнические и культурные процессы в Чувашской АССР». Оно было проведено в 1981–1982 гг. и направлено на изучение с помощью математических методов этноса и основных его компонентов как системы. Г.Б. Матвеев участвовал во всех этапах экспедиционного обследования, был начальником одного из его отрядов. Результаты данного обследования Георгий Борисович впоследствии изложил в ряде публикаций, в том числе в монографии «Чуваши: современные этнокультурные процессы» (М.: Наука, 1988). Другим направлением исследований отдела этнографии в 1980-е гг. явилось картографирование материальной и духовной культуры чувашского народа с целью создания историко-этнографического атласа. Сотрудники отдела в течение ряда лет выезжали в этнографические экспедиции в районы Чувашии. По материалам данных обследований увидел свет ряд сборников, в которых серию статей опубликовал и Г.Б. Матвеев.

В 1984 и 1987 гг. состоялись комплексные экспедиции института по изучению чувашской диаспоры. Г.Б. Матвеев собирал материалы к историко-этнографическому атласу по поселениям, жилищу, народному костюму, пище и обрядовой культуре. Результаты данных экспедиций им были обобщены в ряде статей, увидевших свет в научных сборниках. В 1997 г. в качестве руководителя отряда Г.Б. Матвеев выезжал в экспедицию к чувашам Самарской области. В активе исследователя и участие в комплексных экспедициях в чувашские селения Ульяновской и Саратовской областей (материалы были использованы при подготовке коллективного монографического исследования «Симбирско-саратовские чуваша», 2004), в правобережные районы Татарстана и Ульяновской области. В 2000-е гг. география этнологических изысканий ученого пополнилась Сибирью. В 2003 и 2006 гг. ЧГИГН организовал этнографические экспедиции в южные районы Тюменской области. Вместе с коллегами в них принял участие и Г.Б. Матвеев. На основе собранного материала юбиляр опубликовал статьи о западносибирских чувашах.

В 1980–2000-е гг. выполненные чувашскими этнологами исследования охватили этническую историю, материальную и духовную культуру, семью и брак, обычное право, праздники и обряды, религиозно-обрядовую систему, этнические и этносоциальные процессы, межнациональные отношения и прочие темы. Г.Б. Матвеев – в числе плодотворно работающих ученых. В его работах в исторической ретроспективе прослежено отражение межэтнических связей в поселениях, жилище и хозяйственных постройках, домашней утвари чувашей. Совместно с П.П. Фокиным он выпустил в свет монографию в двух частях «Традиционная культура чувашей» (1995). В 1999 г. в институте увидела свет книга «Проблемы национального развития чувашского народа», в которой Г.Б. Матвеев выступил с содержательной статьей «Об этничности и этнических ценностях материальной, духовной и соционормативной культуры».

В 1992 г. в Московском государственном университете Г.Б. Матвеев защитил кандидатскую диссертацию «Современная материальная культура чувашей (1980-е гг.)». Вскоре после защиты ему было сделано предложение возглавить отдел этнографии. С 1992 г. он бессменный заведующий данным научным подразделением ЧГИГН.

В 1990-х – начале 2000-х гг. учеными института в кооперации с научным потенциалом и других учреждений были подготовлены ряд совместных трудов. В коллективных монографиях, посвященных симбирско-саратовским и самаролужским чувашам, Г.Б. Матвеев в

соавторстве с коллегами основательно осветил историю заселения этих территорий, формирование данных групп этнической общности, этнические и этнокультурные процессы в их среде, проследил традиции в этнокультуре и т.д. В коллективной двухтомной монографии «Чуваши: история и культура. Историко-этнографическое исследование», увидевшей свет в 2009 г., Г.Б. Матвеев принял участие в написании пяти глав, подробно осветил темы о поселениях, постройках и архитектурных традициях, народной кулинарии, традиционной религии, строительной обрядности. Успешно работал исследователь и «автономно»: в 2005 г. издал монографию «Чувашское народное зодчество». В ней рассмотрены история развития жилища чувашей, особенности развития народного зодчества на рубеже XX и XXI столетий, этнические традиции в архитектурно-декоративном оформлении, интерьере, в модернизации жилища, рассмотрена специфика развития народного зодчества в этнографических зонах Чувашии и на этнолокальных территориях расселения чувашей.

Приоритетное направление научных изысканий этнологов института – история этнологической науки. Собрание сочинений выдающегося ученого Н.В. Никольского в четырех томах, составленное Г.Б. Матвеевым совместно с Г.А. Николаевым, является систематизированным сводом трудов по истории, культуре и статистике чувашей и других народов Поволжья и Приуралья. Академическое издание дает подробное представление о значительном вкладе Н.В. Никольского в гуманитарную науку Поволжья, с научной объективностью показывает его как ученого с широким диапазоном интересов. После выхода в свет данного свода на повестку дня встал вопрос подготовки и публикации книги о Н.В. Никольском. Он был разрешен в рамках серии «Замечательные люди Чувашии». В числе авторов фундаментальной книги «Н.В. Никольский – ученый, просветитель, общественный деятель» (2011) и Г.Б. Матвеев.

Перу Г.Б. Матвеева принадлежат также статьи о В.К. Магницком, В.А. Сбоеве и В.Ф. Каховском. Совместно с П.П. Фокиным и Е.П. Михайловым в 2004 г. он издал биобиблиографический словарь «Исследователи археологии и этнографии Чувашии». К 75-летию института им был подготовлен справочник «Ученые и сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук» (2005). По заказу Министерства культуры Чувашской Республики Г.Б. Матвеевым совместно с В.П. Ивановым в 2006–2012 гг. были составлены этнокультурные паспорта русского, мордовского, татарского и чувашского населения Чувашии. Исследователь участвовал в подготовке учебных пособий и методических рекомендаций для образовательных учреждений республики, в течение ряда лет являлся руководителем отраслевой редакции по этнографии многотомной Чувашской энциклопедии. Для Краткой чувашской энциклопедии им было написано более 100, для многотомной – более 200 статей. Как заведующий отделом Г.Б. Матвеев был организатором либо одним из организаторов ряда научных форумов. Он участник II (Уфа, 1997) и VII (Самара, 2007) конгрессов этнографов и антропологов России, межрегиональных и региональных конференций, научных сессий, симпозиумов.

Г.Б. Матвеев является одним из ведущих этнографов Чувашии. Он – автор более 90 научных работ, в том числе 8 монографий (часть написана в соавторстве), редактор 8 научных сборников. В 2007–2011 гг. по совместительству работал в Чувашском государственном институте культуры и искусств, где преподавал дисциплины «Этнография», «Народные праздники», «Этническая история России».

Г.Б. Матвеев – заслуженный работник культуры Чувашской Республики (2003). Состоял членом Президиума Ассоциации этнографов и антропологов России. Награжден почетными грамотами Государственного совета Чувашской Республики и Чувашского государственного института гуманитарных наук. К своему 60-летию юбилей подошел в расцвете творческих сил. Крепкого Вам здоровья. Ждем новых Ваших основательных трудов по этнологии чувашей.

Основные научные труды

Изучение этнографии чувашского народа в первой половине XIX века // Вопросы историографии историко-этнографического изучения Чувашии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 3–33.

Отражение этнических процессов в материальной культуре чувашского народа (Одежда, пища) // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1982. С. 103–138.

Историография изучения материальной культуры чувашского народа (Дореволюционный период) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 80–120.

Место традиционной национальной одежды в современном быту чувашей // Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 59–72.

Историография изучения материальной культуры чувашского народа (Советский период) // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 101–122.

О некоторых особенностях традиционного жилища чувашского населения Татарской АССР, Ульяновской и Куйбышевской областей // Культура и быт низовых чувашей: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 32–47.

О некоторых вопросах переустройства сельского жилища чувашей // Вопросы совершенствования социалистического образа жизни: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 74–87.

Современная бытовая утварь сельских чувашей // Исследования по древней и современной культуре чувашей: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 116–122.

Сельские поселения чувашей во второй половине XIX – начале XX вв. (Материалы к историко-этнографическому атласу) // Этнография чувашского крестьянства: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 35–50.

Материальная культура чувашей // Чуваши: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. С. 92–120.

Этнические традиции в материальной культуре чувашей-горожан // Вопросы истории и этнографии города: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 62–69.

Жилище и хозяйственные постройки среднерусских чувашей (Вторая половина XIX – начало XX вв.). Материалы к историко-этнографическому атласу // Традиционное хозяйство и культура чувашей: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 53–63.

Ибресинский историко-этнографический музей под открытым небом // Историческое краеведение в школах Чувашии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 102–110.

Национальная одежда и пища: черты общего и особенного // Чуваши Приуралья: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 58–71.

Материальная культура чувашей в трудах В.К. Магницкого // В.К. Магницкий – исследователь культуры и быта чувашей: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 64–74.

Отражение межэтнических связей в чувашском жилище // Этническая культура чувашей (Вопросы генезиса и эволюции): сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 16–26.

Жилище и хозяйственные постройки у низовых чувашей (Материалы к историко-этнографическому атласу) // Историко-этнографические исследования в Чувашской ССР: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 50–66.

О некоторых особенностях планировки и застройки сельских поселений в Чувашской АССР // Историко-этнографические исследования в Чувашской ССР: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 85–96. (В соавторстве.)

Об особенностях архитектурно-декоративного оформления сельского дома у низовых чувашей // Вопросы школьного краеведения в Чувашской АССР: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 66–72.

Материальная культура // Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралья в советскую эпоху (до середины 1980-х годов): сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 66–115. (В соавторстве.)

Современная материальная культура чувашей (1980-е гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. 20 с.

Ибресинский край: историко-краеведческий очерк. Чебоксары, 1993. 267 с.

Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1993. 268 с. (В соавторстве.)

Материальная культура // Культура Чувашского края. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. Часть 1. С. 40–108.

Традиционная культура чувашей. Часть 2: материальная культура. Чебоксары, 1995. 158 с.

Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья // Материалы по этнографии и антропологии Чувашии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1997. С. 118–130.

Об этничности и этнических ценностях материальной, духовной и соционормативной культуры // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1999. С. 161–173.

Научно-педагогическая деятельность В.Ф. Каховского и значение его исследований по проблемам этногенеза чувашей // Вопросы археологии и этнографии Чувашии: материалы чтений, посвященных памяти В.Ф. Каховского. Чебоксары, 2000. С. 5–21.

Н.В. Никольский и этнографическая наука // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского: материалы конф., посвященной 120-летию со дня рождения ученого. Чебоксары, 2002. С. 9–20.

Чуваши Симбирско-Саратовского Предволжья // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. Вып. 29. С. 149–177. (В соавторстве.)

Экспедиция на Черемшан (Праздники и обряды чувашей) // Этнология религии чувашей: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. Вып. 1. С. 113–139.

Материальная культура // Чуваши Самарской Луки: монографическое исследование. Чебоксары, 2003. С. 18–36. (В соавторстве.)

Исследователи этнографии и археологии Чувашии: библиографический словарь / ЧГИГН. Чебоксары, 2004. 320 с. (В соавторстве.)

Симбирско-саратовские чувашы: монографическое исследование. Чебоксары, 2004. 274 с. (В соавторстве.)

Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т.1: Труды по этнографии и фольклору чувашского народа / Составление, предисловие, комментарии и примечания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 527 с.

Эволюция чувашского народного зодчества в 1920-е гг. // Художественная культура Чувашии. 20-е годы XX века: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2005. С. 142–161.

Н.В. Никольский в историографической литературе // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука: материалы конф., посвященной 125-летию ученого. Чебоксары, 2005. С. 26–36.

Ученые и сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук (1930–2005): справочник / ЧГИГН. Чебоксары, 2005. 195 с.

Чувашское народное зодчество: от древности до современности: монографич. исследование. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 254 с.

К изучению истории, культуры и хозяйства чувашей Тюменской области (по программе паспортизованного обследования поселений) // Бичуринские чтения: доклады и материалы I регионал. практич. конф. Тюмень, 2007. С. 39–48.

Традиции питания чувашей // Чувашская кухня. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С. 5–14.

Структура и быт чувашской семьи в сибирской деревне в начале XXI в. // Семья в современном обществе. От традиций к инновациям: сборник статей межвуз. науч.-практич. конф. Чебоксары, 2008. С. 350–355.

Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т. 3: Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири / Составление, предисловие, комментарии и примечания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 9–24.

Чувашское население Нижнетавдинского района: (этнографические наблюдения) // Нижнетавдинский район: История и перспективы развития: сборник материалов региональной науч.-практич. конф. Тюмень: КоЛеСо, 2008. С. 87–93.

Чуваши: история и культура: историко-этнографическое исследование в двух томах Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. 416 с.; Т. 1. 336 с. (В соавторстве.)

Дюла Месарош – исследователь верований, праздников и обрядов чувашей (к 125-летию со дня рождения) // Взаимодействие традиционных и инновационных процессов в социокультурной сфере: материалы межрегионал. науч.-практич. конф. Чебоксары, 2009. С. 116–121.

Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т. 4: Этнографические альбомы / Составление, предисловие, комментарии и примечания. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 320 с.

Культурные традиции чувашей юга Тюменской области (Аромашевский район) // Культурные традиции в условиях трансформации общества: материалы конф., посвященной 130-летию Н.В. Никольского. Чебоксары, 2011. С. 5–38.

Традиционное пивоварение и ритуалы потребления пива // Там же. Чебоксары, 2011. С. 233–245. (В соавторстве.)

Н.В. Никольский – ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 304 с. (В соавторстве.)

Г.А. Николаев.

ИЛЬИН ИВАН ЕГОРОВИЧ

(К 60-летию со дня рождения)

И.Е. Ильин родился 8 сентября 1952 г. в д. Атнашево Канашского района Чувашской АССР. Его отец, Ильин Егор Ильич (1912–1979), и мать, Архипова Пелагея Архиповна (1913–2002), имевшие соответственно лишь двух- и четырехклассное образование, сумели привить своим детям тягу к знаниям, воспитать в них трудолюбие. В 1968 г. Иван окончил Атнашевскую восьмилетнюю, а в 1970 г. – Шихазанскую среднюю школу. После службы в Советской Армии (1970–1972 гг.), проработав около года слесарем Канашского кирпичного завода, в 1973 г. поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (ЧГУ). Под научным руководством доктора исторических наук В.Ф. Каховского написал и успешно защитил дипломную работу о деятельности отечественного археолога А.П. Смирнова по исследованию древней и средневековой истории Чувашского края. После окончания ЧГУ в 1978 г. был направлен на работу в Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне: Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН). Сферой научной деятельности молодого специалиста стала социология – сравнительно новое направление в отечественном обществоведении. С декабря 1978 г. по июнь 1980 г. являлся ученым секретарем института.

Научные интересы Ивана Егоровича связаны с изучением жизни современной деревни. Первые шаги в названном направлении им были сделаны под руководством доктора философских наук, профессора, заведующего сектором советской деревни Института социологических исследований АН СССР В.И. Староверова, который в 1980 г. инициировал социологическое исследование в Чувашии. Оно проводилось здесь Институтом социологических исследований в 1980–1981 гг. совместно с НИИ ЯЛИЭ по теме «Социальная структура и образ жизни сельского населения Чувашской АССР» и было направлено на изучение отдельных подсистем социальной структуры и основных показателей образа жизни сельского населения. И.Е. Ильин был назначен его ответственным исполнителем.

В 1981–1983 гг. для прохождения научной стажировки И.Е. Ильин был командирован в Институт социологических исследований АН СССР. Здесь начинающий исследователь с головой окунулся в мир науки. Посещал лекции ведущих советских специалистов Г.В. Осипова, В.И. Староверова, Г.А. Слесарева, Ф.Р. Филиппова, В.А. Ядова и др, принимал участие в обработке собранного материала на ЭВМ, готовился к сдаче экзаменов по философии, социологии, знакомился с произведениями классиков мировой социологии – П.А. Сорокина, М. Вебера, О. Конта и др. За успешное выполнение учебной программы стажер-исследователь из Чувашии в 1982 г. был награжден Почетной грамотой института. В 1985 г. И.Е. Ильин

защитил кандидатскую диссертацию по специальности 09.00.09 «Прикладная социология». Результаты научных изысканий в данной сфере в последующем И.Е. Ильин изложил в научных статьях, а также в коллективной монографии «Социальный портрет сельской Чувашии» (Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985), выпущенной в соавторстве с В.И. Староверовым и А.П. Петровым.

Накопленный эмпирический материал, успехи в увлекательном мире социологической науки подтолкнули И.Е. Ильина к общению со студенческой молодежью. В 1986 г. он переходит на работу в Чувашский государственный педагогический институт им. И.Я. Яковлева, где ведет лекционные и практические занятия по философии. С 1990 г. основным местом работы И.Е. Ильина вновь становится НИИ ЯЛИЭ: здесь он возглавляет отдел социологии.

1990-е гг. были временем бурных событий в стране. Исследовательское внимание И.Е. Ильина в этот период было обращено на вызванные самой жизнью актуальные проблемы: духовная жизнь социума, предпринимательство, социально-нравственный облик молодежи и т.д. Отзываясь на вызов времени, социолог взялся и за анализ межнациональных отношений в Чувашии. В 2002 г. И.Е. Ильин участвовал в общенститутском проекте «Чуваши Приволжского федерального округа». Этносоциологический анализ, выполненный по его программе, представляет собой органическую часть второй книги серии «Чуваши в современном мире». В течение тридцати лет под руководством И.Е. Ильина или с его участием в республике проводится мониторинг социально-экономических изменений в сельской местности, социального развития современной деревни региона, трансформации агропромышленного комплекса и социальной структуры крестьянства, что составляет центральное звено в аграрно-сельской социологии. Итогом проведенных И.Е. Ильиным исследований по аграрной проблематике явились монографии «Аграрная реформа в России на рубеже XX–XXI вв.» (Чебоксары: ЧГИГН, 2005) и «Аграрная реформа в полиэтническом регионе России (социологический анализ)» (Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005). Они имеют своей основой материалы статистики, социологических исследований и получили положительный отзыв историков и социологов. Так, в рецензии доктора социологических наук, профессора, заведующей кафедрой Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии Г.С. Широкаловой на монографию «Аграрная реформа в России на рубеже XX–XXI вв.» отмечается, что для тех, кто хочет разобраться в политических, экономических, социальных процессах, которые сопровождают революционные преобразования в важнейшей сфере народного хозяйства, обеспечивающей продовольственную, а значит национальную, безопасность России, знакомство с книгой И.Е. Ильина будет полезным, ибо она пронизана сочувствием к крестьянам, верой, что социальные факты, став достоянием научной и широкой общественности, окажут влияние на корректировку аграрной политики, помогут выжить чувашской деревне, выполняющей функции не только обеспечения продовольственной безопасности, но и сохранения национальной культуры, образа жизни, менталитета народа (см.: Чувашский гуманитарный вестник. 2006. № 1. С. 214–217).

Признанием заслуг И.Е. Ильина в изучении аграрной проблематики явилось то, что его статья ««Великий перелом» в чувашском селе. Результаты и следствия аграрной реформы» признана лучшей публикацией 2007 г. в номинации «Региональная социология» и награждена дипломом редколлегии и редакции журнала «Социологические исследования». В 1999 г. увидела свет работа И.Е. Ильина «Социология молодежи: социальный и духовный облик» – первая из серии научных трудов по социологической проблематике различных социальных групп и слоев, подготовленная в рамках проекта «Изменения в уровне и образе жизни населения Чувашской Республики». В книге, написанной на материалах статистики и социологических исследований автора в период 1990–1999 гг., рассматриваются роль и место молодежи в социально-демографической структуре населения Чувашской Республики, анализируются социальный облик, основные сферы жизнедеятельности сельской молодежи, дается социальный портрет молодого предпринимателя. Большое внимание уделено школьной и студенческой молодежи.

Процесс демократизации и первые реформаторские шаги в государственной национальной политике открыли клапаны накопившейся неудовлетворенности в сфере национальной жизни, латентная напряженность стала явной, а в некоторых регионах России обернулась

серьезными последствиями и кровавыми конфликтами. В условиях конкуренции этноэкономических транснациональных систем особое звучание приобретают меры по сохранению, изучению и развитию языков народов России, в том числе и чувашского. В этой связи важно в полной мере осознать роль основы этнической культуры – языка – в формировании личности нового, геоэкономического человека и адаптации менталитета россиян применительно к быстро меняющимся условиям и вызовам глобализирующегося мира. Солидный эмпирический материал, собранный в ходе многолетних социологических исследований И.Е. Ильным, оформленный в научных отчетах, книгах, статьях, лег в основу теоретико-методологического обоснования региональной национальной политики. Богатейшие данные мониторинга этнокультурного и межнационального развития Чувашии широко используются в деятельности Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики.

Важной чертой научной деятельности И.Е. Ильина, безусловно, является его стремление знакомить коллег аграрников с достижениями своих междисциплинарных исследований через рецензируемые российские журналы. К своему 60-летию он опубликовал 16 статей в журналах «Вестник Чувашского университета», «Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета», «Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева», «Регионология», «Труд и социальные отношения», «Социологические исследования», «Социология». И.Е. Ильин развивает творческое сотрудничество с исследователями Института социологии РАН, Института социально-политических исследований РАН, Института аграрных проблем РАН, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и других научных центров. Он участник всероссийских социологических конгрессов (Москва, 2003, 2006, 2008 и 2012 гг.) и конгрессов этнографов и антропологов России, межрегиональных и региональных конференций, научных сессий, симпозиумов.

И.Е. Ильин является одним из ведущих социологов Чувашии. Он автор более 100 научных работ, в том числе 6 монографий, из них 3 коллективных. Вклад И.Е. Ильина в разработку теоретико-практических проблем аграрного реформирования и социокультурного развития Чувашской Республики отмечен премиями ЧГИГН имени Н.В. Никольского (2010, 2012).

По совместительству в течение ряда лет работал в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова, в Чувашском государственном педагогическом университете им. И.Я. Яковлева, в Чебоксарском кооперативном институте, где преподавал дисциплины «Социология», «Социология управления», «Отечественная история».

И.Е. Ильин – заслуженный работник образования Чувашской Республики (2000), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2005). Награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации (2011), почетными грамотами Министерства образования Чувашской Республики (1999, 2000), Министерства культуры и по делам национальностей Чувашской Республики, Института социологических исследований АН СССР.

Одновременно с научной разработкой актуальных философско-социологических проблем И.Е. Ильин много внимания уделяет и вопросам практического их внедрения. Он является автором раздела «Этнополитическая ситуация в Чувашской Республике» – составной части «Программы возрождения чувашского народа» (1995). Его научные изыскания были использованы в формировании государственной молодежной политики в Чувашской Республике (1998, 2002), при разработке концепции региональной национальной политики и программы ее реализации (1999, 2002, 2009, 2010 гг.). В 2005 г. И.Е. Ильин являлся научным руководителем социологического исследования «Оптимизация здорового образа жизни сельского населения Чувашской Республики», проведенного по заданию Министерства образования и молодежной политики, Министерства физической культуры, спорта и туризма Чувашской Республики. С 2002 г. по заданию Министерства культуры и национальной политике сотрудники отдела социологии проводят исследования по этнокультурной и этноконфессиональной проблематике в республике. Материалы социологических исследований апробированы в ходе дискуссий, работы различных «круглых столов», конференций и симпозиумов.

И.Е. Ильин ведет большую общественную работу. Он является заместителем председателя Чувашского отделения Российской социологической ассоциации, присяжным заседателем Верховного суда Чувашской Республики, экспертом при проведении социологических исследований в Чувашской Республике, председателем общественно-консультативного совета по координации деятельности правоохранительных и общественных организаций Чувашской Республики в сфере миграционной политики.

Крепкого здоровья, новых книг, семейного благополучия, наш дорогой юбиляр!

Основные научные труды

Подъем культурно-технического уровня сельских тружеников Чувашской АССР на этапе развитого социализма // Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1980. С. 56–92.

Современная социально-профессиональная структура сельскохозяйственных трудовых коллективов // Управление трудовым коллективом: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1982. С. 115–127. (В соавторстве.)

Некоторые вопросы социального развития современной деревни Чувашской АССР // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в условиях развитого социализма: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1982. С. 54–61.

Формирование и совершенствование социально-профессиональной структуры тружеников сельского хозяйства // Экономия ресурсов и эффективность производства в Чувашской АССР: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 167–195. (В соавторстве.)

Совершенствование социально-профессиональной структуры аграрных работников физического труда как подцель социального планирования // Общее и особенное в развитии социального планирования на селе. М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1983. С. 24–28.

Совершенствование социально-профессиональной структуры работников преимущественно физического труда, занятых в сельскохозяйственном производстве // Вопросы совершенствования подготовки кадров в народном хозяйстве Чувашской АССР: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 62–92. (В соавторстве.)

Социальные факторы повышения производительности труда в сельском хозяйстве Чувашской АССР // Коллективный подряд и эффективность производства в народном хозяйстве Чувашской АССР: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 152–170.

Социальный портрет сельской Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. 176 с. (В соавторстве.)

Территориальные перемещения трудоспособного населения Чувашской АССР и их социальные последствия // Вопросы размещения и развития производительных сил Чувашской АССР: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 46–59.

Образ жизни сельского населения Чувашской АССР (Опыт социологического исследования) // Вопросы совершенствования социалистического образа жизни: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 21–32.

Развитие социальной структуры сельского населения Чувашской АССР (1959–1982 гг.) // Вопросы истории сельского хозяйства Чувашской АССР: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 40–61.

Роль сельскохозяйственных трудовых коллективов в совершенствовании социальной структуры и облика тружеников села // Социально-экономические проблемы использования трудовых ресурсов: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 40–49.

Проблемы рационального использования труда сельских механизаторов // Социально-экономические факторы повышения эффективности труда в народном хозяйстве Чувашской АССР: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 18–27.

Социологические аспекты изменений содержания и условий труда сельских тружеников // Социально-экономические проблемы труда в Чувашской АССР: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 49–55.

Сближение аграрного отряда рабочего класса и колхозного крестьянства по основным

чертам социального облика: (на материалах Чувашской АССР) // Проблемы истории промышленности и рабочего класса Чувашии: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 107–112.

Социальная сфера и ее перестройка // Ленинское идейно-теоретическое наследие и перестройка. Чебоксары, 1989. С. 22–41.

К вопросу о социальном развитии деревни в свете региональной социологии // Социально-экономические проблемы совершенствования человеческого фактора: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 32–37.

Социология села // Основы социологии и социального управления. Чебоксары, 1990. С. 15–28.

Основные черты социального облика сельской молодежи // Социально-экономические проблемы перехода к рыночным отношениям: сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1996. С. 48–63.

Духовная жизнь современного чувашского села как социологическая проблема // Аграрный сектор экономики Чувашии в XX веке: преобразования, проблемы и перспективы развития. Чебоксары, 1997: сб. статей / ЧГИГН. С. 203–221.

К вопросу о социологическом изучении уровня и образа жизни сельского населения // Проблемы реформирования экономики Чувашской Республики: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1998. С. 169–188.

О некоторых изменениях в образе жизни сельского населения Чувашии в 1980–1991 гг. // Проблемы реформирования экономики Чувашской Республики: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1998. С. 189–207.

Социальный портрет современного предпринимателя Чувашской Республики // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции и тенденции развития: материалы научной конференции. Чебоксары, 23–24 июня 1997 г. Чебоксары, 1998. С. 318–334.

Социология молодежи: социальный и духовный облик. Чебоксары, 1999. 92 с.

Межнациональные отношения в Чувашии: этносоциальные проблемы переходного периода // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1999. С. 127–138.

Социологическое изучение межнациональных отношений в полиэтническом регионе // Болгаро-чувашская цивилизация: прошлое, настоящее, будущее: сб. статей региональной научно-практической конференции. Чебоксары, 2000. С. 204–213.

Социологическое изучение межнациональных отношений в Чувашии // Вопросы археологии и этнографии Чувашии: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2000. С. 144–172.

Российская деревня в условиях аграрного реформирования (социологический аспект) // Социологическая мысль Чувашской Республики. Чебоксары, 2000. С. 349–352.

Региональные особенности аграрного реформирования России (социологический анализ) // Труд и социальные отношения. М., 2001. С. 18–29.

Философско-религиозные ориентации молодежи // Общество, государство, религия: Материалы научно-теоретической конференции, посвященной 2000-летию христианства: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2002. С. 15–28.

Межэтническое общение сельских жителей Чувашии: социологический аспект // Проблемы изучения научного наследия Н.В. Никольского: материалы конференции, посвященной 120-летию со дня рождения ученого. Чебоксары, 2002. С. 276–289.

Межэтнические отношения // Бюллетень сети этнологического мониторинга и предупреждения конфликтов. № 47. 16–31 декабря 2002 г. С. 15–19.

Межнациональные отношения в Чувашии: этносоциальные проблемы переходного периода // Вопросы этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. С. 14–42.

Современное состояние этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике: по материалам социологического исследования 2002 г. // Вопросы этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. С. 43–64.

Проблемы этноконфессионального развития чувашской диаспоры Приволжского федерального округа // Вопросы этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. С. 65–78.

Толерантность межэтнических отношений в сельских районах Чувашии // Регионология. 4/2003–1/2004. С. 197–201.

Крестьянство Чувашии в конце XX – начале XXI в.: цивилизационный аспект // Крестьянство и власть Среднего Поволжья: материалы VII межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Саранск, 2004. С. 164–168.

Крестьянство Чувашии в условиях рынка: социологический аспект // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. Йошкар-Ола, 2004. С. 311–314.

Менталитет и национальный характер крестьянства как детерминанты современной аграрной реформы в России: историко-социологический анализ // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: материалы VIII межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. М.: ИНИОН РАН РФ, 2005. С. 146–154.

Аграрная реформа в России на рубеже XX–XXI вв. Чебоксары, 2005. 344 с.

Региональная социальная политика – фактор стабилизации сельского социума // Труд и социальные отношения. 2005. № 3. С. 49–58.

Оптимизация здорового образа жизни сельского населения Чувашской Республики: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2005. 39 с.

Аграрная реформа в полиэтничном регионе России: Социологический анализ // Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 228 с.

Сельская Чувашия в конце XX – начале XXI века: историко-социологический анализ // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30–40-х годов XX века: сб. статей Всероссийской научной конференции историков. М.: ИНИОН РАН РФ, 2006. С. 78–86.

Социальный портрет сельской Чувашии рубежа XX–XXI веков // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 46–54.

Образ жизни крестьянства Чувашии как предмет социологического анализа // Чувашский гуманитарный вестник. 2006. № 1. С. 105–114.

Трансформация аграрных отношений в постсоветской Чувашии // Село – объект национального проекта. Прошлое, настоящее и будущее российского села: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Чебоксары, 2006. С. 44–52.

Современная аграрная реформа – объект и предмет междисциплинарного исследования // Гуманитарные науки в истории и современном развитии общества: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2006. С. 317–334.

Сельский социум в условиях либеральных реформ // Социология. 2007. № 1. С. 189–198.

«Великий перелом» в чувашском селе. Результаты и следствия аграрной реформы // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 69–78.

Образ жизни крестьянства полиэтничного региона: историко-социологический анализ // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 года. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 186–194.

Современная аграрная реформа в Чувашии: итоги, проблемы, перспективы // Островские чтения: Теоретическое обоснование стратегии долгосрочного развития агропромышленного комплекса как социо-эколого-экономической системы. Саратов, 2007. С. 46–52.

Сельский социум изменяющейся России в условиях аграрного реформирования // Актуальные проблемы истории Поволжья и Приуралья: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2008. С. 479–497.

Роль семейного хозяйства в реализации приоритетного национального проекта «Развитие АПК» // Семья в современном обществе: от традиций к инновациям: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2008. С. 118–124.

Российское село: социально-экономическая дифференциация в контексте социокультурной модернизации // Социокультурные портреты регионов России: Опыт комплексной реализации: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2008. С. 258–267.

Город и деревня изменяющейся России в XXI веке: социальная цена реформ // Проблемы изучения взаимосвязей города и деревни Среднего Поволжья: материалы II Всероссийской (X межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 2009. С. 610–617.

Молодежь Чувашии в начале XXI века: (Опыт социологического исследования) // Социология региона: итоги, проблемы, перспективы. Чебоксары, 2009. С. 16–27. (В соавторстве.)

Аграрная реформа и ее социальные результаты в постсоветской России: теория и практика социологического исследования // Социология региона: итоги, проблемы, перспективы. Чебоксары, 2009. С. 76–123.

Социологическое изучение здорового образа жизни населения // Социология региона: итоги, проблемы, перспективы: сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2009. С. 124–143.

Приоритетные национальные проекты: модернизация социальной сферы села // Социология региона: итоги, проблемы, перспективы. Чебоксары, 2009. С. 144–160.

Социология города: от описательного анализа к комплексному исследованию (к постановке проблемы) // Социология региона: итоги, проблемы, перспективы. Чебоксары, 2009. С. 187–193. (В соавторстве.)

Сельская Чувашия в XXI веке: социокультурный портрет // Социокультурные основания стратегии развития регионов России. Смоленск: Универсум, 2009. С. 211–217.

Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте. М.: Academia, 2009. 888 с. (В соавторстве.)

Российское село в условиях аграрного реформирования: исторический опыт, тенденции и проблемы // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. №1. С. 157–160.

Сельское хозяйство и крестьянство Чувашии в условиях реформ (1990–2000-е гг.) // Региональные особенности аграрных отношений в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году земледельца в Чувашской Республике. Чебоксары, 2010. Часть 1. С. 215–227.

Социокультурные и межэтнические процессы в Чувашской Республике: историко-социологический анализ // Региональные особенности аграрных отношений в России: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Году земледельца в Чувашской Республике. Чебоксары, 2010. Часть 2. С. 448–454.

Аграрные преобразования и социальная политика в средневолжской деревне на рубеже XX–XXI вв.: исторический опыт и уроки реализации // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность: материалы III Всероссийской (XI межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17–19 октября 2010 г.) / Отв. ред. Г.А. Никитина. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 186–192.

Аграрные преобразования в Чувашской Республике на рубеже XX–XXI вв.: этапы, проблемы, перспективы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. 2010. № 3. Т 2. С. 111–116.

Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской Республики на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 32–36.

Г.Б. Матвеев.

МОРДВИНОВА АНТОНИНА ИЛЬНИЧНА

(К 60-летию со дня рождения)

11 ноября 2012 г. исполнилось 60 лет со дня рождения Антонины Ильничны Мордвиновой – кандидата искусствоведения, доцента, старшего научного сотрудника отдела искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук, члена Ассоциации искусствоведов России.

А.И. Мордвинова родилась в Чебоксарах. В 1960–1970 гг. училась в средней школе № 24 г., в 1972–1976 – в Чебоксарском художественном училище. Ее интерес к истории и теории изобразительного искусства определился в годы студенчества. В 1980 г. она была при-

нята на работу в Чувашский государственный художественный музей, где за двадцать лет прошла путь от экскурсовода до старшего научного сотрудника, заведующего выставочным залом (1996–1997) и заместителя директора по научной работе (2001–2002), долгое время совмещала научную и выставочную деятельность с обязанностью хранителя произведений древнерусского искусства (иконописи). В музее А.И. Мордвиновой создано десятки экспозиций выставок, прочитан ряд лекций о художниках Чувашии, проведено множество экскурсий и консультаций. В периодической печати ею опубликовано десятки статей о художественной жизни и наиболее ярких событиях в изобразительном искусстве Чувашии (газеты «Советская Чувашия», «Художник России», «Чебоксарские новости» и др.). Составление буклетов и каталогов выставок чувашских художников – еще одна страница творческой биографии юбиляра. В 1980-х гг. Антонина Ильинична была среди инициаторов и создателей первых крупных молодежных выставок, обозначивших новый путь развития чувашского изобразительного искусства. В 1997 г. стала одним из авторов проекта и автором экспозиции международной выставки «Мир этих глаз. Геннадий Айги и его художественное окружение», который получил грант Института «Открытое общество» фонда Сороса.

В 1996 г. А.И. Мордвинова окончила заочное отделение факультета теории и истории искусств Санкт-Петербургского академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. В 1997 г. начала работать старшим научным сотрудником отдела искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук. Защитила диссертацию в НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств (Москва, 2004) по специальности 17.00.04 «Изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура» по теме «Деревянная церковная скульптура в Чувашии. XVI – начало XX вв.».

А.И. Мордвинова – один из ведущих искусствоведов Чувашской Республики. В их среде она первая, кто исследует православное искусство Чувашии. Основным объектом ее научных изысканий является иконопись, церковная скульптура и архитектура. Результатом ее поисков в данном направлении стало открытие и введение в научный оборот значительного количества памятников. Это позволило существенно восполнить пробел в российском искусствоведении, в котором церковное искусство Среднего Поволжья изучено недостаточно. Актуальность изысканий исследователя подтверждается востребованностью ее трудов в научной аудитории, в частности среди широкого круга специалистов. А.И. Мордвиновой принадлежат аналитические и обзорные статьи о выставках и творчестве современных чувашских живописцев, графиков и скульпторов. Ею созданы монографии «Владимир Нагорнов» (2003), «Введенский собор города Чебоксары» (2009), книга-альбом «Евгений Бургулов. Жизнь и творчество» (2009), альбом-каталог «Мир этих глаз. Геннадий Айги и его художественное окружение» (в соавторстве, 1997), альбом «Р. Терюкалова. Симфония цвета» (2009), статьи для альбомов о выдающихся живописцах Чувашии («Юрий Ювенальев» (2003), «Анатолий Рыбкин. Волны моей жизни» (2004), «Владимир Агеев. Живопись. Графика» (2006). Она одна из организаторов научной конференции, посвященной 70-летию А.И. Миттова (2003), редактор-составитель книги «Художник Анатолий Миттов. Дорога в гору» (2011). Перу А.И. Мордвиновой принадлежат около 40 статей в сборниках научных трудов, изданных в Чебоксарах, Москве и Санкт-Петербурге. Юбилеями написаны около 100 статей для «Краткой чувашской энциклопедии» и 4-томной «Чувашской энциклопедии». В текущем году А.И. Мордвиновой выпущена в свет монография «Церковное искусство Чувашии. Иконы. Скульптура. Иконостасы (XVI – начало XX в.)».

За монографии «Владимир Нагорнов» (2003) и «Введенский собор города Чебоксары» (2008) А.И. Мордвинова удостоилась премий им. Н.В. Никольского. В 2009 г. она стала обладательницей государственной стипендии Президента Чувашской Республики для выдающихся деятелей науки, литературы и искусств. За большой вклад в развитие искусствоведения Чувашии в 2011г. награждена Почетной грамотой Министерства культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики. Научную работу Антонина Ильинична успешно сочетает с просветительско-педагогической деятельностью: регулярно проводит лекции и консультации, участвует в радио- и телепередачах, оказывает помощь церковнослужителям в восстановлении истории храмов и т.д. А.И. Мордвинова – доцент кафедры истории и теории искусств и рисунка художественно-графичес-

кого факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (по совместительству). На высоком научно-методическом уровне преподает историю отечественного и зарубежного искусства, руководит музейной практикой (музеи Санкт-Петербурга и Москвы) на отделении академической живописи. Юбилар находится в расцвете творческих сил. Здоровья, благополучия и новых творческих свершений.

Основные научные труды

Стенопись Введенского собора г. Чебоксары // Программа «Храм». СПб., 1993. С. 114–116.

Судьба памятников, описанных А.И. Некрасовым // Скульптура в музее. М., 1996. С. 84–87.

К вопросу об атрибуции Введенского собора в Чебоксарах // Чувашское искусство. Чебоксары, 1997. Вып. 3. С. 217–227.

Альбом-каталог «Мир этих глаз. Г. Айги и его художественное окружение». Чебоксары, 1997. 175 с. (В соавторстве.)

Скульптура Параскевы Пятницы XVIII века из Троицкого собора Цивильска // Чувашское искусство. Чебоксары, 2001. Вып. 4. С. 73–86.

Геннадий Айги и его художественное окружение. Чувашские художники на выставке «Мир этих глаз – 2» // Чувашское искусство. Чебоксары, 2001. Вып. 4. С. 87–104.

Заметки с выставок изобразительного искусства // Чувашское искусство. Чебоксары, 2001. Вып. 4. С. 139–159.

Изобразительное искусство Чувашии в 1999–2000 гг.: Тенденции и имена // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 2001. № 3. С. 116–126.

Статуарная пластика XVIII–XIX вв. в собрании ЧГХМ // Художественный музей и культура. Чебоксары, 2001. С. 75–89.

Иконостас Введенского собора // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 5/2002 – 1/2003. Чебоксары, 2003. С. 75–82.

Православные памятники в контексте религиозных представлений чувашского народа: на примере церковной скульптуры // Чувашское искусство. Вып. 5. Чебоксары, 2003. С. 130–140.

Художники зарубежья на выставке «Мир этих глаз – 2. Г. Айги и его художественное окружение» // Чувашское искусство. Чебоксары, 2003. Вып. 5. С. 130–140.

Аслы-Ялы как прообраз вселенной // Юрий Ювенальев: Альбом. Чебоксары, 2003. С. 70–98.

Владимир Нагорнов. Чебоксары, 2003. 128 с.: илл.

Св. Николай Можайский: (Памятник церковной скульптуры XVI века в Чебоксарах) // Этнология религии чувашей. Чебоксары, 2003. Вып. 1. С. 140–155.

«Возвращения...» // «Волны моей жизни» о творчестве А. Рыбкина. Чебоксары, 2004. С. 20–22.

Деятельность Комиссии по изъятию церковных ценностей в 1920-е годы в Чувашии // Художественная культура Чувашии. 20-е годы XX века. Чебоксары, 2005. С. 162–170.

«... Изучать судьбы русского искусства на чувашской почве в интересах самой Чувашии»: предисловие к публикации текста А.И. Некрасова «Художественно-археологические памятники Чебоксар» // Художественная культура Чувашии. 20-е годы XX века. Чебоксары, 2005. С. 211–214.

Символ веры Владимира Агеева: вступление и статья о творчестве художника // Владимир Агеев. Живопись. Графика: альбом. Чебоксары, 2006.

Деревянная церковная скульптура Чувашии (XVIII–XIX века) // Чувашский гуманитарный вестник. 2007. № 1. С. 101–115.

Деревянная церковная скульптура в Чувашии // Проблемы изучения, сохранения и использования наследия христианской деревянной скульптуры. Пермь, 2007. С. 192–205.

Анатолий Рыбкин // Русская галерея: XXI век. № 6. М., 2007. С. 11–15.

Церковная скульптура Чувашии: по архивным материалам // Древнерусская скульптура

птура: Запад – Россия – Восток. Диалог культур: научный сборник. Вып. 5. М.: «Дом Бурганова», 2008. С. 169–173.

Введенский собор города Чебоксары. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 128 с.: илл.
Раиса Терюкалова: Симфония цвета: художественный альбом. Чебоксары, 2009. 23 с.
Художественные выставки 1985–2005 гг. // Чувашское искусство. Чебоксары, 2009. Вып. 6. С. 134–171.

Выпускники Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина и художественная культура Чувашии в 1950–1960-е годы // Чувашское искусство. Чебоксары, 2009. Вып. 6. С. 192–201.

Евгений Бургулов: Жизнь и творчество: книга-альбом. Чебоксары, 2009. 128 с.: илл.
Тенденции и имена в чувашской графике конца XX – начала XXI вв. // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Чебоксары, 2011. Вып. 1. С. 80–98.

Тенденции и имена в чувашской скульптуре конца XX – начала XXI вв. // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Чебоксары, 2011. Вып. 1. С. 99–114.

Введенский собор города Чебоксары как памятник архитектуры и православного искусства // Митрополит земли Чувашской. Чебоксары, 2011. С. 69–74.

Православное искусство в Чувашском крае: общее и особенное. Чебоксары, 2011. 28 с. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Вып. 4.)

Художник Анатолий Миттов: Дорога в гору: книга-альбом / Сост., науч. ред. А.И. Мордвинова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 208 с.

Пространство пейзажа в произведениях А. Миттова // Художник Анатолий Миттов: Дорога в гору: книга-альбом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. С. 161–169.

В русле реалистических традиций русской школы (В.С. Гурин) // Мастера изобразительного искусства Чувашии. Чебоксары, 2011. С. 77–86.

Жизнь, полная труда и вдохновения (Р.М. Ермолаева) // Мастера изобразительного искусства Чувашии. Чебоксары, 2011. С. 107–116.

Будущее не спешило ко мне... (А.И. Миттов) // Мастера изобразительного искусства Чувашии. Чебоксары, 2011. С. 197–206.

Нагорнов целеустремлен, выдержан, интеллектуален, трудолюбив... (В.П. Нагорнов) // Мастера изобразительного искусства Чувашии. Чебоксары, 2011. С. 207–216.

Об иконостасе церкви Феодора Стратилата // Альманах Свято-Троицкого православного мужского монастыря. Чебоксары, 2012. Вып. 3. С. 5–7.

Святыни мужского монастыря. Резной образ Св. Николая Можайского: памятник церковной скульптуры XVI века в Чебоксарах // Альманах Свято-Троицкого православного мужского монастыря. Чебоксары, 2012. Вып. 3. С. 7–11.

Л.Н. Васильева.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ

КОНДРАТЬЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
1930–2012

17 января 2012 г. ушел из жизни Алексей

Александрович Кондратьев – доктор технических наук, профессор, академик Инженерной академии Республики Башкортостан, изобретатель, крупный ученый в области химической технологии, общественный деятель и краевед. Будущий ученый родился 18 мая 1930 г. в с. Дюртюли Шаранского района Башкирской АССР в многодетной крестьянской семье. После окончания с серебряной медалью Дюртюлинской средней школы в 1948 г. поступил в Уфимский нефтяной институт (далее УНИ) (ныне Уфимский государственный нефтяной технический университет), который окончил в 1953 г. с отличием.

В 1953–1960 гг. он являлся ассистентом кафедры «Процессы и аппараты химических производств» УНИ, а в 1960–1964 гг. работал старшим преподавателем данной кафедры.

В 1963 г. А.А. Кондратьев защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук, с 1965 г. – доцент УНИ. В 1964–1987 гг. Алексей Александрович работал заведующим кафедрой «Процессы и аппараты химических производств» УНИ. В 1974 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук, с 1977 г. профессор УНИ.

Научные интересы профессора А.А. Кондратьева связаны с теорией и практикой фракционирования нефти и газа, получения экологически чистых высокооктановых бензинов. Он автор 240 научных работ и 75 изобретений. Его исследования в данной области получили положительный отклик ученых в нашей стране и за рубежом.

Алексей Александрович принимал непосредственное участие в подготовке научных кадров, он был научным руководителем аспирантов и докторантов: им подготовлено 12 кандидатов наук и 4 доктора наук. Более 40 лет А.А. Кондратьев обучал студентов УНИ и являлся научным руководителем их научно-исследовательских работ. Лекции, читаемые им, пользовались большим успехом. Его авторитет как преподавателя среди студентов и коллег был исключительно высок.

На протяжении всей своей жизни А.А. Кондратьев вел общественную работу. С 1986 г. он один из организаторов и руководитель Уфимского клуба чувашской культуры, с 1989 по 1998 г. – один из инициаторов создания Общества чувашской культуры в Республике Башкортостан и его председатель (с 1998 г. – почетный председатель Общества чувашской культуры Республики Башкортостан). Начиная с 1999 г. – член Президиума Исполкома Канаша (съезда) чувашей Башкортостана. Он также был членом ряда комиссий по этнокультурному

развитию чувашского этноса и его потенциала в Республике Башкортостан. Благодаря ему оживилась жизнь чувашской диаспоры республики: стали выходить на чувашском языке газета «Урал сасси», телепередача «Тивлет» и радиопередача «Аван-и», открылись чувашская воскресная школа, чувашское отделение в одном из вузов республики, созданы литературное объединение «Шуратӓл», чувашская молодежная организация, общество краеведов и т.д. Перечень его заслуг впечатляет. Многогранная деятельность А.А. Кондратьева еще не изучена. Она получила воплощение и в краеведении, ставшей для Алексея Александровича формой общественно-полезного досуга. А.А. Кондратьев краеведением, в частности, историей чувашского, марийского, мордовского, удмуртского просвещения, активно начал заниматься еще в 1970-е гг.

Им опубликованы десятки оригинальных научных работ: «Родники Слакбаша» (1996), «Сердцу близкие имена» (1996), «Свет из Симбирска» (1998), «Святое окружение Прасковьи Кориной» (2001), «А.А. Юртов – первый просветитель мордовского народа» (2004), «Деятели науки и культуры народов Поволжья и Приуралья» (2005), «Иван Яковлев – выдающийся чувашский просветитель-педагог» (2008), «Одна лишь музыка ...» (2008) и мн. др. Каждая его статья или книга – результат многолетней и вдохновенной поисковой деятельности.

Высокий профессионализм, организаторские способности, лидерские качества всегда привлекали к нему людей. Ему были присущи тактичность, деликатность, отзывчивость, исключительная добросовестность, порядочность, тщательность, умение ставить и достигать поставленные цели, изумительная усидчивость, самовыражение через неиссякаемое трудолюбие. В нашей памяти он навсегда останется яркой и незаурядной личностью, талантливым и эрудированным специалистом не только в области химических технологий, но и краеведения.

За годы своей трудовой деятельности А.А. Кондратьев был удостоен ряда правительственных наград. Он награжден нагрудными значками «Отличник нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности СССР», «За отличные успехи в работе», «Изобретатель СССР», Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Башкирской АССР, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», удостоен почетных званий «Почетный гражданин города Уфы» (1973), «Заслуженный деятель науки Республики Башкортостан» (1993), «Заслуженный работник культуры Чувашской Республики» (1995). Избран действительным членом Инженерной академии Республики Башкортостан (1994).

Со смертью академика, общественного деятеля, краеведа чувашская общественность осталась без большого ученого, преданного интересам родного народа.

Светлая память об Алексее Александровиче Кондратьеве навсегда останется в наших сердцах.

И.В. Сухарева.

ГАБОР БЕРЕЦКИ
1928–2012

4 апреля 2012 года на 85-м году жизни скончался известный венгерский ученый, финно-угровед, исследователь чувашского языка и чувашских песен, доктор филологических наук Габор Берецки.

Г. Берецки был истинным знатоком и ценителем чувашского языка и культуры. В 50–60 гг. он вместе с известным языковедом Л. Викаром в качестве консультанта и переводчика побывал в культурологических экспедициях по сбору музыкального материала во всех тюркоязычных и финно-угорских республиках Поволжья. В результате этих экспедиций были изданы 4 антологии народных песен чувашей, марийцев, удмуртов и татар.

Родился Г. Берецки 24 марта 1928 г. в д. Бекеш в Юго-Восточной Венгрии в семье потомственных крестьян. В 1948 г. закончил гимназию. Уже в эти годы он интересовался языками и культурой поволжских финно-угорских народов. В 1952 г. получил высшее филологическое образование в Бухарестском университете. В 1953–1957 гг. обучался в аспирантуре Ленинградского государственного университета, где, собственно, и начал изучать финно-угорские языки Поволжья, выезжая с этой целью в различные районы поволжских республик с финно-угорским населением. Затем до 1986 г. работал у себя на родине, в Будапештском университете. В 1958 г. защитил кандидатскую, а в 1987 г. – докторскую диссертации. С 1986 по 1995 г. был заведующим кафедрой финно-угорских языков в университете г. Удинэ (Италия). Важное событие в его жизни произошло в 2005 г., когда ему было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл».

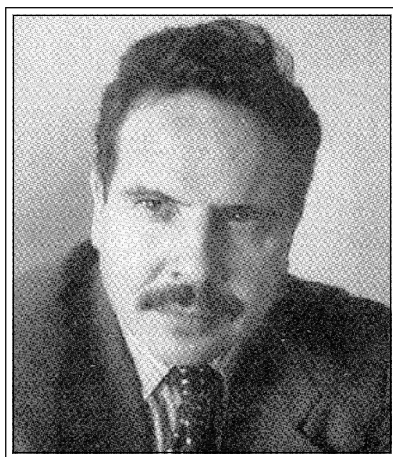
Будучи специалистом по финно-угорскому языкознанию, Г. Берецки всегда интересовался и соседними тюркскими языками. В частности, одной из областей его исследований в этой сфере были финно-угорско-тюркские языковые взаимосвязи, которые он рассматривает в своей работе «Ареальные связи Волго-Камского региона». В ней он выделяет Волго-Камский ареал, или языковой союз, с семью входящими в него языками: мордовским, марийским, удмуртским, коми, татарским, чувашским, башкирским. Он считал, что данный языковой союз возник в результате длительного и сложного взаимодействия, и в этом взаимодействии влияние болгаро-тюркского языка на финно-угорские языки было во много раз больше, чем влияние финно-угорских языков на болгаро-тюркский язык. Если брать хронологическую последовательность, то болгаро-тюрки сначала контактировали с пермскими, затем с мордовскими и, наконец, с марийскими народами. В таких статьях Г. Берецки, как «Этимологические заметки» (1964) и «Чувашские падежные окончания в марийском языке»

ке» (1979), рассматриваются случаи заимствования марийским языком чувашских слов и морфем.

Серьезным увлечением Г. Берецки было собирание устного народного творчества народов Поволжья. Работая в тандеме с другим известным венгерским ученым-музыковедом Л. Викаром, в течение 20 лет он посетил 350 чувашских, марийских, татарских, мордовских, башкирских и удмуртских деревень, собирая материал по языку, фольклору и народной музыке. На его основе им были подготовлены и изданы четыре увесистых тома народных песен. Чувашские песни вошли во второй том, который в 1979 г. вышел в свет на английском языке. Исследование включает 580 страниц текста, а также приложения, в них представлены фотографии информантов из чувашских деревень Малое Карачкино, Малые Тюмерли, Тораево, Оринино, Большое Аккозино, Шоршелы, Байдеряково, Тоскаево, Питеркино и др. В предисловии авторы дают описание населенных пунктов, в которых ими был собран материал с указанием количества мелодий, записанных в каждом из них. Всего в 48 населенных пунктах была записана 651 мелодия. В основной части даны ноты мелодий и тексты песен, их количество в работе достигает 350. Данный труд, по оценке специалистов, является одним из самых полных исследований чувашских мелодий и песен по настоящее время.

Чувашские коллеги и друзья Г. Берецки навсегда сохраняют в памяти светлый образ этого великого ученого и замечательного человека.

Э.Е. Лебедев.

АБРАМОВ ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ
1958–2012

4

июня 2012 г. на 54-м году жизни скончался

известный литературовед, критик, педагог-методист, доцент кафедры чувашского и сравнительного литературоведения факультета чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (ЧГУ), кандидат филологических наук, заслуженный работник образования Чувашской Республики, член Союза писателей России и правления Союза профессиональных писателей Чувашской Республики, вице-президент Чувашского национального конгресса Валентин Александрович Абрамов.

В.А. Абрамов родился 1 ноября 1958 г. в д. Кошноруй Канашского района Чувашской АССР. Окончил Чурачикскую среднюю школу Цивильского района (1976), Чувашский государственный университет (1982), аспирантуру при кафедре чувашской литературы этого вуза (1992). Трудовую деятельность начал с должностей лаборанта и учителя чувашского языка и литературы в Кошноруйской восьмилетней и Вутабосинской средней школах родной республики (1982–1983). С 1983 г. до последних дней трудился в ЧГУ: сначала ассистентом, затем старшим преподавателем и доцентом. Более 8 лет проработал заместителем декана факультета чувашской филологии и культуры (1993–2001), в последние 11 лет – доцентом кафедры чувашского и сравнительного литературоведения.

Детство и юношеские годы Валентина Абрамова прошли в очень красивой и живописной местности – в деревне под названием *Кгшнаруй* (Кошноруй) Канашского района. Согласно собранным Валентином Александровичем сведениям, его малую родину основали два некрещеных чуваша по имени *Кошнаруй* и *Тусай*. По его мнению, в вышеназванном ойкониме соединены слова «кгшнар» (измененная форма слова «кашкгр») и «уй» (поле), то есть поле, где обитали волки. Он считал, что населенный пункт когда-то был основан первожителями на опушке густолесистого места. В то время здесь было очень много волков. Они кружили вокруг строений первых поселенцев и громко выли, пугая жителей. В.А. Абрамов не раз говорил, что возмется за написание историко-краеведческого очерка о своей деревне. Но его мечты не сбылись. Ранняя смерть помешала осуществить задуманное...

Писать о коллеге-соратнике в прошедшем времени очень тяжело. Трудно втройне. Мы вместе с ним в 1977–1981 гг. учились на историко-филологическом факультете ЧГУ, в 2000–2006 гг. работали на кафедре чувашского и сравнительного литературоведения факультета чувашской филологии и культуры. И в последующем наши пути-дорожки не расходились – поддерживали дружественно-деловые отношения в научно-педагогическом поприще, исследовали чувашскую словесность: он – письменную литературу, я – устно-по-

этическое творчество. И, наконец, мы оба были любимыми учениками одного и того же Учителя – профессора И.И. Одюкова.

В.А. Абрамов – специалист широкого диапазона: ученый-литературовед и критик, педагог-методист и общественник. Его книги «Сгмахпа сгнар сипеч». Литература темипе зырниг статьясем», «Становление и развитие чувашской повести», научные статьи «Категория «“время”» в стилевой системе К. Иванова-Прта», «Зезпӗл лиркинчи тӗс выргнӗ», «Взгляды И.Я. Яковлева на литературу», «Взгляд на чувашскую прозу последних лет», «Проблемы автобиографизма и текст» и др., учебно-методические пособия «Чгваш литературин историйӗ: хгнхгу ӳӳсен темисем», «Сочинени мӗнле зырмалла: Вӳренӳ пособийӗ» (совместно с О.Н. Печниковым) и биобиблиографический справочник «Ӗзтешсем: биобиблиографи кгтартмгшӗ» (совместно с О.Н. Викторовым) поистине являются образцами научно-методических трудов. Они и сегодня не потеряли своей актуальности и пользуются успехом как у специалистов-чувашеведов, так и у студентов-филологов.

Работая в университете, В.А. Абрамов параллельно обучался и в аспирантуре при кафедре чувашской литературы: исследовал мир чувашской прозы. Итогом его изысканий стала защита в 2002 г. кандидатской диссертации «Становление и развитие чувашской повести». В ней автор рассматривает один из основных жанров чувашской литературы – повесть, этапы ее становления и развития, анализирует некоторые произведения известных мастеров художественного слова Игн. Иванова, И.Н. Юркина, М.Ф. Акимова, М.Д. Трубиной, И.Е. Тхти и др.

Основные направления литературоведческой деятельности В.А. Абрамова: наследие чувашской литературной классики, творчество молодых писателей, национально-философские особенности этноса и чувашской художественной литературы и т.д.

В.А. Абрамовым впервые в чувашском литературоведении рассмотрены генезис национальной повести в контексте других эпических жанров и вопросы ее жанровой природы. В трудах, посвященных указанной прозаической форме чувашской литературы, он рассматривает условия формирования чувашской повести, дает целостное историко-теоретическое ее изучение и системно анализирует основные разновидности национальной повести – фантастической, приключенческой, детективной и сатирической. Вопросы жанра изучает в тесной связи с основными стилевыми течениями – как общероссийской, так и национальной словесности. В.А. Абрамов – один из основателей «писаревской» школы парадоксальной критики и литературоведения в чувашской литературе. Для студентов им организован выпуск рукописных литературных альманахов «Ытлари», «Парнас кӗнеки» (Книга Парнаса). Через них он вовлекал талантливую молодежь в литературное творчество.

В.А. Абрамов – сторонник идеи повышения национального самосознания народа посредством письменной литературы, образования и культуры. Стоял у истоков создания Чувашского национального конгресса, с 2002 г. являлся его вице-президентом.

Валентин Александрович был душой любой компании: любил рассказывать анекдоты, сатирические были-небылицы. С детства увлекался нумизматикой, коллекционировал марки и бутылочные этикетки. Еще будучи школьником был награжден медалью «Юный участник ВДНХ СССР» (1974).

Светлая память о Валентине Александровиче Абрамове навсегда останется в наших сердцах.

В.А. Ендеров.

АНАТОЛИЙ ЕРМОЛАЕВИЧ ГОРШКОВ
1931–2012

17

июля после продолжительной болезни на 82-м году ушел из жизни известный исследователь чувашского языка, кандидат филологических наук, доцент, заслуженный работник культуры Чувашской АССР (1980) Анатолий Ермолаевич Горшков.

А.Е. Горшков родился 5 января 1931 г. в д. Вускасы Татаркасинского (ныне Моргаушского) района Чувашской АССР. После окончания в 1950 г. Ишлейской средней школы поступил на отделение чувашского языка и литературы историко-филологического факультета Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева (ЧГПИ). Будучи от природы дисциплинированным человеком, Анатолий Ермолаевич за годы своей учебы в ЧГПИ, где его преподавателями были известные исследователи чувашского языка В.Г. Егоров, С.П. Горский, М.Я. Сироткин, Н.А. Резюков, проявил себя как отличник учебы, комсомольский организатор, руководитель научного студенческого общества. На третьем курсе прилежный студент стал сталинским стипендиатом.

После окончания в 1953 г. педагогического института А.Е. Горшков был принят на работу сначала редактором, а затем и главным редактором в Чувашское книжное издательство, где он проработал до 1965 г. Под его редакцией в эти годы выходят в свет школьные учебники, пособия и словари по чувашскому языку. Но молодого филолога всегда привлекала научная деятельность. Проработав год в издательстве, он поступает в аспирантуру при ЧГПИ. Совмещая трудовую деятельность с учебой в аспирантуре, А.Е. Горшков готовит свою кандидатскую диссертацию, выпускает статьи по насущным вопросам чувашского языкознания, в частности по речевой культуре и стилистике чувашского языка, выступает с докладами на различных научно-практических конференциях.

Результатом плодотворной работы нескольких лет стала подготовка диссертации на соискание степени кандидата филологических наук по теме «Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики», которую Анатолий Ермолаевич успешно защитил в 1964 г. в Институте языкознания АН СССР (г. Москва).

Кипит в эти годы и его трудовая деятельность. В 1965–1968 гг. А.Е. Горшков был начальником Управления по печати Совета Министров Чувашской АССР. А затем весьма продолжительное время, с 1968 по 1989 г., Анатолий Ермолаевич работал в Чувашском государственном научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук – ЧГИГН). Здесь он занимал должности ученого секретаря, заместителя директора по научной работе. По вос-

поминациям коллег, которым посчастливилось работать вместе с Анатолием Ермолаевичем, он всегда отличался интеллигентностью, был скромным и неконфликтным человеком. С ним работалось легко, он практически всегда находил решение сложных вопросов.

Последние 22 года своей жизни А.Е. Горшков посвятил любимому вузу, своей альма-матер, Чувашскому государственному педагогическому университету. Здесь он плодотворно трудился в должности доцента кафедры чувашского языка и литературы. Студенты, обучавшиеся у него, никогда не забудут своего учителя. Все свои знания, все тепло своей души он по-отечески дарил будущим филологам, преподавателям чувашского языка.

А.Е. Горшков является автором 5 монографий и около 100 научных статей. Главными трудами его жизни стали книги «Развитие лексики чувашского языка в советскую эпоху» (1960), «Роль русского языка в развитии и обогащении чувашской лексики» (1973) и «Культура чувашской речи» (1981). Анатолий Ермолаевич участвовал также в составлении «Чувашско-русского словаря» (М., 1982, 1985), был одним из авторов «Толкового словаря чувашского языка», первый том которого вышел в 2011 г.

Неоценимый вклад А.Е. Горшков внес в изучение культуры чувашской речи. Немало статей, вышедших из-под его пера, посвящено именно этим вопросам. Среди них можно назвать следующие: «Тавтологи е пёр а́нлавах усăсăр икĕ хут палăртни» (1971), «Чĕлхе тирпейсĕрлĕхĕ» (1971), «Пирĕн патăрта е пирĕн патăмăрта?» (1972), «Мĕнле каласан тĕрĕс?» (1974) и др. В статьях «Чĕлхе тата пичет витемлĕхĕ» (1971), «Грамматика мелĕсем тата пуплев стилĕ» (1972), «Илемлĕ литература чĕлхине тĕпчес ĕзĕн хăш-пĕр задачисем» (1978), «Паянхи зивĕч ыйтусем: калазу чĕлхи зинчен» (1988) Анатолий Ермолаевич ставит задачи по более общим вопросам развития стилистики чувашского языка.

Но стилистика языка и культура речи – не единственные области, в которых проявил свой научный творческий талант А.Е. Горшков. Прозорливый ум ученого размышлял над проблемами синтаксиса, морфологии, фонетики и лексикологии чувашского языка. Занимался он и вопросами методики преподавания различных разделов языка.

Анатолий Ермолаевич награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946). Многие годы занимался общественной и государственной деятельностью, избирался народным депутатом Чебоксарского городского совета, являлся членом Чебоксарского городского комитета КПСС.

Со смертью А.Е. Горшкова чувашское языкознание понесло большую утрату. Нам всем будет не хватать этого талантливого и трудолюбивого ученого, Человека с большой буквы. Но память о нем навсегда останется в наших сердцах. Пусть земля Вам будет пухом, дорогой Анатолий Ермолаевич!

Э.Е. Лебедев.

ЭКСПЕДИЦИИ, СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Полевым сезон 2012 г. принес много новых открытий и находок для археологов Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН). Было проведено несколько крупных экспедиций, открыты новые археологические памятники, раскопками исследовались различные периоды истории Чувашского края от каменного века до XVIII–XIX вв.

С 16 по 30 июля археологическая экспедиция работала на Утюжском комплексе памятников, находящемся в Присурье, в районе с. Стемасы Алатырского района Чувашской Республики. В этом году в ней приняли участие ученые из Чувашского государственного института гуманитарных наук, Алатырского краеведческого музея, Самарской государственной гуманитарной академии, Института археологии Российской академии наук. Экспедиция провела работы на многослойном поселении Утюж I, где было продолжено исследование прошлогоднего раскопа. Здесь были изучены остатки раннеолитической постройки елшанской культуры с развалом целого керамического сосуда. Это уникальные свидетельства жизни южных племен, выходцев с Нижней Волги и побережья Каспийского моря, добравшихся так далеко на север. На данной территории с этими племенами связано появление навыков изготовления первой глиняной посуды. Уместно напомнить, что именно раскопки на Утюже позволили впервые в археологической науке зафиксировать следы жилищ носителей елшанской культуры (VI тыс. до н.э.). В этом же раскопе были изучены остатки нескольких построек степных южных кочевников хвалынской культуры энеолита (V–IV тыс. до н.э.). Поселение является самой южной точкой распространения данной культурной традиции. Пол жилища был буквально усеян крупными кремневыми ноживидными пластинами (наконечники и ножи) до 30 см длиной. Большой кремневый нуклеус (кремень южного происхождения), найденный в прошлом году, свидетельствует о том, что заготовки для данных орудий были принесены хвалынскими поселенцами с собой. На Утюже I также были выявлены остатки средневековых сооружений золотоордынской эпохи (XIV в.). Экспедиция зафиксировала несколько припечных ям и большое количество кусков глиняной обмазки от глинобитных печей. Из ценных находок этого периода следует упомянуть серебряный дирхем (XIV в.), несколько железных игл, ножей, целый навесной замок и дужка от замка болгарского производства, а также кованые гвозди, большое количество керамики, в комплексе которой выделяются фрагменты местной лепной древнемордовской посуды, древнерусской керамики, золотоордынских гончарных сосудов.

В пойме р. Сура в 7–8 км выше от Утюжского комплекса был открыт новый памятник энеолитической эпохи – «Подборное озеро» (IV–III тыс. до н.э.). Это второй в своем роде укрепленный памятник столь раннего времени (наряду с «Чебоксарским городком» в Заволжье). По сути, поселение «Подборное озеро» является настоящим городищем. Укрепленное двумя рядами валов и рвом между ними оно размещалось на высокой третьей надпойменной террасе

р. Сура, занимая длинный мыс размером примерно 300×100 м. На склоне мыса экспедицией зафиксированы 43 западины – остатки жилищ-полуземлянок. Керамика с примесью толченой раковины и пуха птицы в глиняном тесте, обнаруженная на памятнике, вероятно, относится к местному энеолитическому населению (волосовская культура), испытывавшему сильное влияние южных степных культур, в частности – хвалынской.

4–8 мая и 7–20 июня отряд экспедиции ЧГИГН (Н.С. Березина, Е.П. Михайлов, Н.С. Мясников) при участии старшего научного сотрудника Национального центра археологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан Д.Г. Бугрова проводил исследования на вновь открытом Сендимиркинском могильнике в Вурнарском районе. Грунтовый могильник занимает длинный и узкий мыс надпойменной террасы р. Средний Цивиль. В общей сложности было изучено 5 погребений, относящихся к древнемордовской культуре (II–III вв. н.э.). Погребения Сендимиркинского могильника отличаются значительной длиной (до 3 м) при небольшой ширине (50–70 см). Одно из них имело ступеньку-уступ в области ног погребенного. При очень плохой сохранности костей в погребениях удалось зафиксировать довольно разнообразный вещевой материал. Это целые лепные слабопрофилированные горшки, украшения из стекла и бронзы (бусы, подвески, браслеты, налобные венчики, бляшки и др.), предметы вооружения и орудия труда из железа (шило, ножи, наконечник стрелы, пряжка и др.). Памятник представляет значительный интерес для науки, так как позволяет дополнить имеющиеся сведения о путях этногенеза поволжско-финских народов, в частности о процессах сложения нижнесурской локальной группы древнемордовской культуры.

В Алатырском районе около с. Иваново-Ленино разведочный отряд ЧГИГН обнаружил несколько археологических памятников – городище, несколько селищ, святилище (?), предварительно отнесенных нами к именьковской культуре IV–VII вв. н.э.

В мае – июне археологи ЧГИГН проводили работы на уникальном археологическом памятнике – святилище «Шинерпосинское». Это один из древних и крупнейших культовых комплексов на территории Чувашской Республики. Памятник известен по этнографическим данным начала XX в. Сохранились сведения о совершении культовых действий на нем до начала XX в. Согласно Н.В. Никольскому, святилище являлось культовым местом большой округи, объединявшим несколько селений. Археологами были обнаружены каменные плиты, одна из которых содержит следы надписи, возможно рунической, насыпи обожженных костей жертвенных животных (до 2 м в высоту и 10 м в диаметре), многочисленные кострища, на которых проходило их ритуальное сжигание. Выявлены следы символического захоронения с остатками деревянных перекрытий и плитами песчаника на дне ямы, заполненной слоем земли и кальцинированных костей, содержащей монеты конца XVII в. В курганообразных насыпях, состоящих из жженных костей жертвенных животных, были обнаружены различные бронзовые, серебряные, железные изделия, среди которых выделяются болгарские дирхемы и ременные накладки домонгольского периода. Предметы, обнаруженные на Шинерпосинском святилище, могут быть отнесены ко времени, охватывающему период от начала X до XIX в.

В мае было продолжено изучение верхнепалеолитической стоянки «Шолма» в окрестностях г. Цивильск, начатое в 2007 г. В работе экспедиции принимали участие сотрудники отдела археологии ЧГИГН, а также ученые Института истории им. Ш. Марджани АН РТ. Данная стоянка является самым древним археологическим памятником, обнаруженным на территории республики. Его возраст 12–14 тыс. лет. Культурные остатки (каменные, костяные орудия) приурочены к погребенным почвам. В изучении памятника были использованы методы естественных наук (геологии, геоморфологии, палинологии, радиоуглеродного датирования).

Н.С. Мясников.

* * *

В 2012 г. коллективом исследователей ЧГИГН была продолжена работа по реализации проекта «Социокультурный портрет Чувашской Республики». Исследования опираются на Программу и типовой инструментарий «Социокультурный портрет регионов России», разработанный Центром изучения социокультурных изменений при Институте философии Российской академии наук (авторы доктор философских наук, член-корреспондент РАН Н.И. Лапин, доктор социологических наук Л.А. Беляева). Первое исследование в Чувашии было проведено в 2006 г., в ходе которого получен комплексный портрет республики, дающий возможность для сопоставления происходящих в ней процессов с процессами в других регионах и в целом в России. В научном плане изучение и анализ социокультурной характеристики регионов становится важной частью прогнозирования их развития. В рамках грантового проекта Российского гуманитарного научного фонда «Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика» в 2012 г. начато повторное исследование социокультурной ситуации в республике. Переход к мониторинговому исследованию сделан с целью выявления основных тенденций и направлений социокультурной динамики. В основе исследования подготовка комплексной научной базы данных о Чувашской Республике на основе совокупности источников (статистические материалы, законодательные и нормативные акты, мониторинг СМИ, архивные данные, результаты социологического опроса населения республики). При этом пристальное внимание уделяется как объективным характеристикам, так и субъективным оценкам.

На первом этапе реализации проекта с целью изучения мнения населения о социокультурном положении в республике в июле–сентябре 2012 г. проведено социологическое исследование. Для опроса использована стратифицированная, многоступенчатая, квотная (пол/возраст) выборка. Само исследование проходило в административно-территориальных единицах, отражающих этническую и географическую карту региона: в городах Чебоксары, Новочебоксарск, Канаш, Алатырь, Ядрин, Козловка, Шумерля; сельских районах – Алатырский, Батыревский, Вурнарский, Ибресинский, Канашский, Козловский, Моргаушский, Чебоксарский, Шумерлинский, Ядринский. Опрошено 1000 человек из 40 населенных пунктов.

Анкета исследования включает вопросы, направленные на изучение следующих проблем: регион как социокультурное сообщество, население и поселения, социальное самочувствие населения, культурный потенциал и капитал населения, трудовая мотивация и экономическая активность, уровень жизни, проблемы ее качества, социальная стратификация и мобильность, реалии инновационной деятельности, правопорядок и правонарушения, государственное и муниципальное управление. Предварительные данные исследования будут получены в конце текущего года.

Исследовательский коллектив включает ведущих и молодых ученых ЧГИГН и специалистов из вузов республики, руководитель исследования – И.И. Бойко. В проведении опроса принимают участие более 40 интервьюеров, в составе которых студенты, библиотекари, педагоги.

В.Г. Харитонова.

* * *

С 17 по 24 июля 2012 г. сотрудники Института языкознания РАН, Российского государственного гуманитарного университета, Чувашского государственного института гуманитарных наук и Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (ЧГУ) провели совместную экспедицию в Шумерлинском районе Чувашской Республики. Экспедицию возглавил доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук, член Российского комитета тюркологов О.А. Мудрак. В ее составе работали аспирант Института языкознания РАН А.В. Савельев, аспирант Института восточных культур Российского государственного гуманитар-

ного университета Е.В. Коровина, старший научный сотрудник отдела языкознания ЧГИГН кандидат филологических наук А.В. Кузнецов и младший научный сотрудник отдела этнологии и антропологии ЧГИГН Е.В. Сергеева, аспирант Чувашского государственного университета Т.В. Семенова.

Филологи из Москвы и Чебоксар провели лингвистические исследования в девяти населенных пунктах республики: в д. Нижняя Кумашка, д. Верхняя Кумашка, с. Ходары, д. Лесные Туваны, д. Петропавловск, д. Верхний Магарин, д. Нижний Магарин, д. Покровское, д. Автобус. Ими опрошено более двадцати респондентов, зафиксированы фонетические, морфологические, лексические особенности шумерлинского говора, записаны на цифровые носители образцы живой речи. В ходе проведенных исследований участники экспедиции зафиксировали ряд лексем, встречающихся только локально – на границе Шумерлинского и Красночетайского районов Чувашии, отметили сходство местного говора с красночетайским, зарегистрировали отсутствие так называемого оканья (у верховых чувашей отличительной чертой считается оканье, у низовых – уканье) и т.д.

Этнологи в ходе экспедиции исследовали шесть сел и деревень (д. Нижняя Кумашка, д. Верхняя Кумашка, с. Ходары, д. Пилешкасы, д. Лесные Туваны, д. Тугасы). Ими опрошено 13 чел. в возрасте от 60 до 92 лет. Тема обследования – культура питания чувашей. В ходе общения с информаторами была собрана обширная информация по исследуемым сюжетам.

* * *

С 25 июля по 14 августа 2012 г. старший научный сотрудник отдела языкознания ЧГИГН А.В. Кузнецов провел лингвистическую экспедицию в Янтиковском и Канашском районах Чувашской Республики. Им были обследованы 14 селений: в Янтиковском районе – с. Турмыши, с. Яншихово-Норваши, с. Кармалы, д. Латышево, д. Ньюшкасы, д. Новое Буяново, д. Старое Буяново, д. Алдиярово, д. Латышево, д. Индырчи; в Канашском – д. Хучель, д. Новые Турмыши, д. Алёшево, д. Средние Татмыши. Было выявлено, что говор жителей деревень Хучель и Новые Турмыши Канашского района практически не отличается от говора с. Турмыши Янтиковского района. Несмотря на близкое расположение деревень Алёшево, Новые Турмыши и Хучель, в первой заметны существенные фонетические различия.

В исследованных населенных пунктах Янтиковского и Канашского районов в речи жителей молодого возраста рельефно выражено влияние русского языка: так называемые «макаронизмы» в их лексиконе занимают до 40–50% (согласно наблюдениям в непринужденной обстановке). Хотя с середины XX в. говорится о нивелировании диалектов, о переходе носителей разных говоров на литературный чувашский язык, диалектные особенности по настоящее время сохраняются. Очень важно эту ценность – лексемы, дошедшие через века до нашего времени, и новообразования, возникшие в XXI в., – зафиксировать и отражать в научных работах, в словарях и т.д.

А.В. Кузнецов, Е.В. Сергеева.

Правила для авторов

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично – до 25% объема. Текст представляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Представляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовок набирается строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они представляются вместе с электронным вариантом. Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль – 14 пунктов, междустрочный интервал – полуторный, формат страницы – А-4, выравнивание по ширине (для заголовка – по центру), отступ абзаца – 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор – MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных – Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах – в тексте рукописи и отдельной единицей – с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторами предоставляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в научный архив ЧГИГН. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования (например, «СО» вместо «сельское общество») аббревиатурами не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 стр.) обязательны постановка проблемы и определение исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 стр.) – полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают Примечания и Краткое резюме. Используемая литература и источники указываются в Примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль – 14 пунктов. Фамилия и инициалы авторов исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических источников» (М., 1990) и иметь Предисловие, Примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи – до 25 страниц (50 тыс. знаков), сообщения – до 15 страниц (20 тыс. знаков), рецензии – до 7 страниц (12 тыс. знаков), аннотации – до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем Краткого резюме к статье (сообщению) – 8–10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие Правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

История

- А. Рона-Таш.* От Урала до Карпатского бассейна. Новые результаты исследований по ранней истории венгров..... 3
- Р.Р. Исхаков.* Крещение и христианское просвещение приверженцев традиционных верований Волго-Уральского региона в 1830–1913 годах: опыт историко-статистического анализа..... 12
- В.Н. Клементьев.* Проблемы конструирования системы местных бюджетов в практике национально-административного строительства Чувашской автономной области (1921–1925)..... 34
- Е.В. Касимов.* Кредитная политика Советского государства как инструмент регулирования сельскохозяйственного производства в Чувашии в годы НЭПа..... 52

Филология

- В.В. Никифорова.* Џёнё ёмёрти чăваш прозин сăн-сăпачё (2006–2010)..... 69
- Г.А. Дегтярёв.* Хальхи чăваш чёлхин сăмах йышёнчи сёнёлёхпе вариантлăх..... 90

Этнология

- Е.В. Федотова.* Современное состояние традиционного фольклора чувашей Нурлатского района Республики Татарстан (по материалам экспедиции 2008 г.)..... 102

Социология

- Н.М. Иванова, И.Е. Ильин.* Современная этнокультурная ситуация и межнациональные отношения в Чувашской Республике..... 123

Историография

- В.Д. Димитриев.* Небольшие дополнения к моим печатным трудам..... 143

Чувашеведение в лицах

- В.Г. Родионов.* Одержимый идеей подвижничества..... 158

Исторический архив

- Из истории Чувашского государственного института гуманитарных наук (Материал к печати подготовлен Г.А. Николаевым)..... 166

Рецензии

- Г.Б. Матвеев.* Рец. на: Д.Г. Коровушкин. Чуваши в Западной Сибири: Расселение и численность в конце XIX–начале XXI века. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 188 с. 171

<i>И.И. Бойко.</i> Рец. на: Трансформация общероссийских политических партий и национально-культурных объединений: сборник научных статей. Чебоксары: ЧГПУ, 2011. 188 с.	176
<i>И.И. Бойко.</i> Рец. на: Данилов В.Д., Малышкин А.П., Дмитриев И.А. Время перемен. Социальная модернизация и демократический транзит в Чувашии, 1990–2010 гг. Чебоксары: Новое время, 2011. 412 с.	180
<i>А.Н. Зорин.</i> Рец. на: Дмитриев В.Д., Селиванова С.А. Чебоксары: Очерки истории города XVIII века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 446 с., ил.	185
<i>М.Г. Кондратьев.</i> Рец. на: Бояркина Л.Б. Мордовская музыкальная энциклопедия / Л.Б. Бояркина; [под. общ. ред. Н.И. Бояркина]. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2011. 432 с.	192
<i>Г.А. Николаев.</i> Рец. на: Исааков Р.Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.) / Радик Исааков. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 222 с.	195

Новая зарубежная литература

<i>Э.Е. Лебедев.</i> Аннотация на статью: Ылент Ваугам. Halk кыльгьнден модернизме Зувае Тьрклеринде Уйра: Тьрк Дьныас □ Тарих Кыльг Dergisi. Haziran 2009, ss. 45–50 – Istanbul: Тьрк Дьныас □ Арает □ гmalar □ Vakf □ [Бюлент Байрам. Юпа в культуре чувашей (от народной культуры к современности) // История и культура тюркского мира. Июнь. 2009. С. 45–50. (Стамбул: Фонд исследований тюркского мира.)]...	198
<i>Э.Е. Лебедев.</i> Аннотация на статью: Ылент Ваугам. Konstantin Ivanov'un "Narspi" Manzumesinde Geleneksel Зувае Inançlar □: Modern Тьркльк Арает □ гmalar □ Dergisi. Cilt 8, Say □ 2 (Haziran 2011), ss. 63–84 – Ankara: Ankara Ыniversitesi. [Бюлент Байрам. Традиционные верования чувашей в поэме Константина Иванова «Нарспи» // Исследования по современной тюркологии. Том 8, № 2 (июнь 2011). С. 63–84. (Анкара: Анкарский университет.)].....	201

Итоговая научная сессия.....

<i>М.Ш. Галимова.</i> Рец. на: Березин А.Ю. Находки поздней четвертичной фауны в северной части Приволжской возвышенности в свете возможного заселения древним человеком Чувашского Поволжья. Чебоксары, 2012. 36 с.: карты. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук; вып. 7.)	205
<i>Л.А. Таймасов.</i> Рец. на: Родионов В.Г. Формирование этнического сознания чувашской творческой интеллигенции начала XX века. Чебоксары, 2011. 36 с. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук; вып. 6.)	206
<i>Г.Б. Матвеев.</i> Рец. на: Терентьева О.Н. Ценностный мир чувашей: нравственность и мировосприятие. Чебоксары, 2011. 34 с. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук; вып. 5.)	209
<i>Д.Н. Воробьев.</i> Рец. на: Терентьева О.Н. Ценностный мир чувашей: нравственность и мировосприятие. Чебоксары, 2011. 34 с. (Научные доклады / Чувашский государственный институт гуманитарных наук; вып. 5.)	212
Наши юбиляры	216
Памяти коллег	239
Научная жизнь	247
Правила для авторов	251

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник
№ 7. 2012

Научный журнал

Ответственный редактор *Г.А. Николаев*
Редактор *А.П. Долгова*
Художественный редактор *А.А. Трофимов*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Верстка *Н.И. Никифоровой*

Публикуемые материалы
не обязательно отражают точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Подписано к печати 29.12.2011. Формат 70×100¹/₁₆. Печать оперативная.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Цена свободная.
Усл. печ. л. 20,64. Уч.-изд. л. 15,87. Тираж 200. Заказ № 38.

Учредитель: БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-39825 от 12 мая 2010 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издатель – БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.
тел 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29/1.
Тел.: 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05,
e-mail: human2000@yandex.ru

Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН
Отпечатано в РИО ЧГИГН 29.12.2012
г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1.